

Международный научный центр христианских исследований
Комиссия по истории, археологии и этнологии национальной АН Грузии
Научный центр по изучению и пропаганде истории, этнологии и религии

Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии

Тбилиси
2009

UDC (უკუ) 94(479.22)(093)
M-433

Сборник содержит статьи известных грузинских историков и филологов, в которых исследуются некоторые вопросы армяно-грузинских исторических взаимоотношений, в течение ряда десятилетий тенденциозно освещаемые в армянской историографии. Кроме публикуемых впервые, представлены также и ранее изданные, не утратившие актуальности, статьи.

Научный редактор: **акад. Давид Мухелишвили**

Компьютерное обеспечение: **Анна Руадзе**
Мариам Бутикашвили

Корректор: **Робинзон Цхелашвили**

Дизайн: **Медея Мазанишвили**

Вместо предисловия

«Раб Иисуса Христа... Иаков католикос всех армян, шлет благословение всем... Да будет известно, что с давних пор стремились мы приобрести в Грузии какое-либо селение и доходы с него присвоить святому Эчмиадзину. Но этого не удалось нам сделать при жизни святых отцов моих, святейших католикосов Мойсея (1629-1633 гг.) и Филиппа (1633-1655 гг.)»...

Так писал в 1667 году, не скрывая свою мечту, католикос Армении Яков (1655-1680 гг.), который в 1658 году выпросил у царя Восточной Грузии Ростом (1634-1658 гг.) деревню Нахидурри в Квемо (Нижней) Картли.

Весьма симптоматично это давнишнее стремление – приобрести хотя бы одно селение и как-нибудь утвердить армянскую церковь на грузинской земле. Представляю себе, как возликовал бы достопочтенный прелат узнав о том, что некий профессор С. Карапетян в 1995 году в той же Грузии насчитал (правда, не известно, на основании каких именно данных) 650 армянских церквей, обозначенных в его карте-справочнике, изданной в Ереване.

Однако, такая тенденция характерна не только для армянской церкви: армянская историография в целом, помимо отдельных церквей и монастырей, считает принадлежавшими Армении целые области Грузии.

Подобная традиция берет начало от Мовсеса Хоренаци (V в.) – отца армянской историографии, который вообще не считает грузин (иверов) аборигенами Кавказа. Далее, по его же мнению, «северная территория насупротив Кавказских гор», которую занимает какое-то «великое,могучее племя» гугаров, расположена в Армении. Правда, само это племя не совсем армянское, хотя и подчиняется армянскому царю. Так как «великое, могучее племя», как выясняется, на самом деле живет в южных пределах Восточногрузинского царства (Квемо Картли, Верхний Джавахети), то само собой разумеется, что эта территория принадлежит Армении.

Такова концепция Мовсеса Хоренаци. Ее до сих пор пол-

ностью разделяет современная армянская историография. И как результат этого, во всех учебниках, энциклопедиях, на исторических картах, изданных как в Армении, так и в тех странах, где имеется влиятельное армянское лобби, южная половина республики Грузия (не говоря уже о юго-западной исторической части, которая ныне входит в пределы Турецкой республики), древнейшие исторические ее провинции – Квемо Картли и Джавахети – читающей публике преподносятся, как территории, исторически принадлежавшие т. н. «Великой Армении».

Эта устойчивая установка современной армянской историографии подпитывается армяно-грузинскими историческими политическими взаимоотношениями: три раза пытались армянские власти завладеть южными пределами Грузинского государства – во II-м в. до н.э., в IX-X веках и в 1918 году. То, что происходит в настоящее время в армянской историографии, можно назвать четвертой (идеологической) экспансией, которая началась еще в XIX веке (см. соответствующие статьи И. Чавчавадзе) и особенно усилилась во второй половине XX-го века. А для XXI-го века наглядное тому свидетельство – увесистая (590 страниц) книга того же С. Карапетяна – «Джавахк» (Ер. 2006) – на армянском языке, призванная убедить несведущего обывателя в том, что этот древнегрузинский край является частью Армении (хотя даже сам Мойсей Хоренский считал армянской лишь одну часть этой области!), а армяне являются автохтонами на этой земле. Следует признать, что такой «штурм», предпринятый со стороны части армянской интеллигенции, на фоне оголтелой российской агрессии, выглядит более чем подозрительно.

В этой связи в современной армянской историографии весьма интересно освещается проблема этнической идентичности населения исторической Грузии.

Известно, что в средние века конфессиональная принадлежность и этническая идентичность иногда смешивались, перекрывая друг друга. Так, «картвели» (грузин) на Кавказе означал не только этнически грузина, но иногда – «православного» негрузинского происхождения также, как «сомехи» (армянин) мог оз-

начать помимо этнического армянина, также и любого человека армянского вероисповедания и т. д. Абсолютизируя, так сказать, эту «формулу», современные армянские историки (в этом деле особенное, достойное лучшего применения, рвение проявляют профессора В. Арутюнова-Фиданян и П. Мурадян), произвольно, можно сказать, везде, где в древнеармянских и византийских источниках встречается этноним «грузин» («ивер» – в византийских и «враци» – в армянских), в особенности, если это относится к известным лицам, интерпретируют его лишь в конфессиональном смысле, как «православный армянин». Таким образом, все знаменитые политические деятели или же деятели культуры, такие как Давид Куропалат (X в.) – инициатор объединения феодальной Грузии (которого, кстати, известный мусульманский правитель и историк XVI века Шараф-хан Бидлиси, прямо называет грузином); знаменитый грузинский полководец Иоанн-Торник Чордванели (Чорчанели), – основатель Афонского Иверского монастыря в Греции (980 г.); Григол Бакурианидзе – Великий domestik Византии, ктитор Петрицонского (Бачковского) монастыря в Болгарии (1083 г.) и т.д. и т.п., все они оказались армянами по той простой причине, что современные им армянские источники называют их «Врац Куропалат» т. е. «грузинский Куропалат» или «враци азгав», т.е. «родом грузин», а этноним «грузин» во всех этих случаях (даже когда подчеркивается этническая принадлежность – «родом грузин!»), оказывается, надо понимать в конфессиональном смысле!

Абсурдность такой «концепции» очевидна. Не говоря о целом ряде грузинских аутентичных источников, которые, как правило, игнорируются, сам Великий domestik Григол Бакурианидзе в типике Петрицонского монастыря, написанном на грузинском и греческом языках, говоря о себе, заявляет: «мы грузины – народ доблестный, воспитанный по-воински и будучи мирянами, всегда привыкали к тяжелой жизни». Разве можно усомниться в том, что по контексту этноним «грузины» (в греческом тексте – «иверы») в данном случае употреблен именно в этническом, а не конфессиональном значении? Только лишь одна эта

фраза, не говоря о других аргументах, для непредубежденного человека однозначно решает вопрос о этнической принадлежности Великого доместика!

Читая статьи современных армянских историков, создается впечатление, что грузин, как таковых, вообще не существовало, а реально были только: обыкновенные армяне и необыкновенные армяне-халкидониты, которых почему-то называли «грузинами» т. е. «иверами» (по-гречески) и «вращик» (по-армянски)!

Действительно, до такой «плодотворной» мысли, несомненно на основании современной армянской историографии, додумался печально известный политолог-классик (как он сам себя величает) А. Мигранян. Этот субъект, который в одном из интервью по телевидению, назвал «людоедством» вполне естественную реакцию грузинской общественности против аннексии российскими властями исконно грузинских земель – Абхазии и Шида (Внутренней) Картли, черным по белому пишет в «Известиях» (16.10.2006): «Для всех специалистов, более или менее сведущих в вопросах Закавказья, очевидным является факт, что такого народа, как грузины, как впрочем и такого государства, как Грузия, не существовало в истории до вхождения этой территории в состав сначала Российской империи, а затем и Советского Союза»!! Вот вам объективный итог «концепции», проводимой в работах современных армянских историков!

Послушаем и дальше нашего «более или менее сведущего» политолога-классика. В той же статье он, мудрствуя лукаво, рассуждает: «Благодарность, как добродетель, очень редко встречается как в человеческих отношениях, так и в отношениях между народами. За примером далеко ходить не надо. Мне, как армянину (! – Д.М.), это хорошо известно.

В свое время армяне поделились с соседями – грузинами царским родом. Младшая ветвь армянского княжеского, а затем и царского рода Багратидов стала правящей династией в Грузии. Армянские князья и полководцы расширили границы средневекового грузинского государства. Армяне построили столицу Грузии, и до сих пор практически все более или менее значимые па-

мятники архитектуры – это результат меценатства армянских купцов и промышленников, которые жили и трудились в Тифлисе (! – Д.М.).

Месроп Маштоц – создатель армянского алфавита – создал алфавит и для братского (! – Д.М.) грузинского народа. Но никогда ни один грузинский деятель культуры или политический деятель ни разу не отметил, хотя бы в интересах исторической справедливости, вклад соседнего народа в культуру, науку, архитектуру грузинского государства. Так что неблагодарность является характерной чертой как отдельных людей, так и народов».

Вот так!! Правда, автор этой бредовой тирады, сам того не замечая, противоречит самому себе, признав, что оказывается, грузины и грузинское государство все-таки существовали на свете! Однако, не совсем понятно, почему это щедрые армяне трудились не себе на пользу, а для «братского грузинского народа», создавая чужую культуру, науку, столицу и государство; и это при том, что собственную государственность они утратили в XI в. почти на целое тысячелетие!

Впрочем, в деле строительства грузинского государства у армян появились конкуренты: так, например, еще один профессор – М. Блиев доказывает, что именно «осетины создали крупнейшее в Закавказье грузинское царство»! А нынешние апсуа-абхазы, в свою очередь, твердят о том, что т.н. «Абхазское царство» (под таким названием в источниках, в ряде случаев, упоминается грузинское средневековое государство) создали именно они – т. е. апсуа-абхазы! А русские?.. Русские – некие Б. Борисов, А. Епифанцев, А. Ващенко иже с ними – наоборот: верные своей миссии, как всегда, не умея строить – разрушают и преподносят это, как божью милость. Так, Б. Борисов, исходя, видимо, из сермяжной русской психологии – видеть зло не в себе, а только в других – с характерной «сердобольностью» откровенно заявляет, что «наилучшей гуманитарной помощью грузинской нации от России будет разрушение их «многовековой государственности»!!

Итак, все вокруг трудились (и трудятся!) во благо грузинского народа и грузинского государства, а чем в это время зани-

мались сами грузины, одному Богу известно!!

Пока наши «благодетели» сами между собой разберутся – кому же в этом богоугодном деле принадлежит приоритет и кого нам благодарить, если уж говорить серьезно, то скажу следующее: со второй половины XI-го века с лица земли исчезла Закавказская армянская государственность, а армяне разбежались во все стороны. И если бы не было грузин, в частности – великого Давида Строителя (1089-1125 гг.), создавшего единое Кавказское государство – уникальное явление в истории средневековья, – где вместе мирно жили христианские, мусульманские, языческие народы и племена; который, изгнав турок-сельджуков из Армении, спас армянский народ от полного истребления и лично покровительствовал ему, то кроме историков никто бы не помнил о существовании армянского государства и народа в Закавказье, как никто кроме историков не вспоминает сегодня Киликийское армянское царство и киликийских армян!

К сожалению, следует констатировать, что помимо все возрастающей за последние годы агрессии и игнорирования или искажения данных первоисточников (не только древнегрузинских, но и византийских и даже древнеармянских!), современная армянская историография характеризуется еще одной существенной чертой: полным, как правило, игнорированием публикаций грузинских историков (в которых аргументированно освещаются все спорные вопросы) и упорным голословным повторением старых излюбленных постулатов.

Именно поэтому в предлагаемый тематический сборник, который издается по инициативе Международного научного центра христианских исследований при Православной церкви Грузии, кроме впервые публикуемых статей, вошли также исследования известных грузинских историков, изданные ранее, даже в 40-ых годах прошлого века, и в силу изложенных выше причин, не потерявшие актуальности вплоть до настоящего времени.

Давид Мусхелишвили

**Об одном примере искажения исторической правды
(по поводу книги Н. Токарского «Архитектура древней
Армении»)**

Историческая наука в нашей стране сделала значительные успехи. Окруженная вниманием и заботой социалистического государства и общества, где нет общественного антагонизма, так долго сковывавшего объективное историческое познание, вооруженная подлинно научной, марксистско-ленинской методологией, советская историческая наука обратилась в передовую часть мировой исторической науки, обогащая усвоенные ею все положительные приобретения и традиции прошлого новыми выдающимися достижениями.

Своего нынешнего состояния советская историческая наука достигла в непримиримой принципиальной борьбе с чуждыми, враждебными направлениями и установками. Сталинские указания, лежащие в основе известных постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16.V.1934 и 26.1.1936, а также Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов новых учебников по «истории СССР» и «новой истории», вскрывшие и заклеившие эти тенденции и практику как «антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку», как «попытки ликвидации истории, как науки», явились вместе с тем источником, ярко освещающим дальнейший путь развития нашей науке.

Однако ликвидаторы истории как науки еще не перевелись у нас полностью. На такую мысль наводит вышедшая недавно книга Н. М. Токарского «Архитектура древней Армении» (Академии наук Арм. ССР, Институт истории. Отв. редактор И.А. Орбели, Ереван, 1946). Автор поставил себе целью «сделать общий обзор древнеармянского зодчества, проследить, как на протяжении веков в различных условиях работала, и развивалась творческая

мысль армянских зодчих и чем обменялись они со своими зарубежными собратьями по профессии в сложном процессе создания многообразных архитектурных форм» (стр. VIII-IX). Задача – почетная и актуальная. Однако богатое архитектурное наследие армянского народа в книге Токарского не получило достойного отражения. Порочная методология автора, тенденциозность, неряшливый стиль изложения, побуждения, не имеющие ничего общего с задачами научного исследования, – вот что поражает в этой книге, случайно, конечно, носящей марку высокого научного учреждения.

Для общей характеристики книги укажем, что в академическом издании, долженствовавшем, согласно объявленному плану, дать представление о почти полутора тысячелетнем процессе развития архитектурных форм, читатель находит всего лишь два разреза. О дворцах в Двине и Вагаршапате даны только сбивчивые описания, два снимка фрагментарных архитектурных украшений и реконструкция «дворика палат католикоса», выполненная Токарским. Автор не счел нужным приложить планы этих построек, ныне находящихся в развалинах. О том, чего порой стоят подобные реконструкции разрушенных зданий, сообщает читателю сам Токарский в конце данного раздела: «В юго-восточном углу южной части патриарших палат сохранилась абсида небольшой церкви, которая в реконструкции архитектора Т. Тораманяна представлена как трехнефная базилика. На самом деле здесь, вероятно, была небольшая однефная часовня»... (стр. 48). Да и о своей собственной реконструкции Токарский рассказывает такие подробности: «На схематической реконструкции окна и двери в продольной стене размешаны произвольно, так как никаких данных о них в развалинах найти нельзя»... (стр. 44, прим.). «Можно дать и другую реконструкцию здания, предположив, что здесь был не дворик, а зал», и т. д. (стр. 45, прим.). Условность и гипотетичность, неизбежные в подобного рода научной работе, доведены в данных случаях до того предела, когда реконструкция теряет всякий смысл и значение.

Множество других противоречий и логических неувязок остается вовсе незамеченным для автора. Так, он утверждает, что «армянские зодчие не останавливаются на результатах, достигнутых при переработке базилики в трехнефную сводчатую церковь – залу. Они блестяще разрешают и задачу создания церковного здания, увенчанного куполом» (стр. 58). На чем же основано это ответственное заявление? Только на догадках и домыслах, взаимно исключаящих друг друга, и ни на одном факте. Отсутствие фактов неспособно смутить автора, – есть, чем их заменить. «Едва ли купольная форма постройки, – продолжает он, – была выработана только в связи с церковным строительством; надо полагать, что техника возведения куполов была хорошо известна архитекторам (каким? – С. Д.) значительно раньше. То обстоятельство, что в Армении пока не обнаружено купольных зданий, построенных ранее VI в., не может служить доказательством противного, ибо трудно предположить, чтобы в стране, тесно связанной с Сасанидской Персией (и не только в порядке временного подчинения ей), не знали о замечательных дворцовых сооружениях, возведенных по повелению Сасанидских властителей, которые (т.е. сооружения, а не властители! – С. Д.) и до сих пор способны восхищать самых требовательных ценителей искусства» (там же). Просто и ясно: в Армении не сохранилось купольных построек, возведенных ранее VI века, но зато они сохранились в соседней Персии; Армения же испытала не только политическое, но и культурное влияние Персии; поэтому трудно предположить, чтобы Армения не заимствовала купольной формы постройки из Персии. Но ведь в таком случае пальма первенства в деле выработки купольных построек, переходит к персидским зодчим! Однако Токарский не считает с подобными препятствиями, он невозмутимо продолжает: «Еще не выяснено», где (в Персии или Армении) была раньше применена та своеобразная форма сводчатого перехода к куполу в виде полуконуса, известная в архитектуре под названием конического паруса или тромпа, которая только в середине VII в. была решительно вытеснена пришлым с

запада сферическим парусом» (там же). Таким образом, хотя купол в целом заимствован армянами у персов, основной элемент купола, сводчатый переход в форме конического паруса, остается еще загадкой, он может быть и персидского происхождения, и армянского, а в другой своей форме, в форме сферического паруса, он определенно заимствован армянами уже у западных народов. Путаница однако, на этом не кончается. В непосредственно следующей фразе уже утверждается, что купол и в целом может быть чисто армянского происхождения: *«Трудно также предположить, чтобы зодчие, встречавшие на домах в каждой деревушке шатровую деревянную кровлю, поддерживаемую столбами, не пришли к мысли, о куполе»* (здесь, как и во всех нижеследующих цитатах, подчеркнуто нами – С. Д.). И все это преподносится на одной странице!

Конечно, таким методом, при помощи всемогущих формул: «едва ли», «надо полагать», «трудно предположить», «трудно также предположить» и т. д. (здесь они все выписаны из одного абзаца, но вся книга пестрит ими) можно «доказать» все, что угодно.

И действительно, внимательному читателю не трудно заметить, как бездоказательны утверждения Токарского. Много значительных памятников армянской архитектуры описано совершенно поверхностно. Подлинный стилистический анализ памятников отсутствует. Датировка их, имеющая столь важное значение, большей частью вовсе не обоснована или обоснована очень странно. Так, о базилике в Ереруйке, в самом начале ее описания, сказано, что относится она к числу «дошедших до нас наиболее древних церквей» (стр. 49), затем мимоходом обронено, что «позднее здесь возвели новый портик... Портики базилики, построенной в V веке, предназначались» и т. д. (стр. 52). О Текорском храме, говорится: «К тому же времени (т. е. ко времени построения Ереруйкской базилики – С. Д.) *обычно приурочивают* и постройку собора в Текоре (Дигоре)» (стр. 53), а из датировки храма в Аравусе, отнесенного к «первым векам христианства (V-VI в.)»

(стр. 55), мы узнаем, что древнейшие церковные постройки в Армении есть постройки V и VI веков, хотя христианство стало государственной религией Армении в IV веке (стр. 48). Между тем, с точки зрения вопросов, поднятых в книге, имеет значение датировка в пределах десятилетий (см., например, рассуждения Токарского о датировке Мцхетского «Джвари»)¹. О церквях в Аштараке и Касаге сказано, что они «были построены не позднее VI в. (стр. 55). Почему, – остается неизвестным. Зато на стр. 121 тот же Аштарак причислен к «ряду церквей VI-VII вв.». Многоабсидный храм в Егварте провозглашен постройкой VII века (стр. 106), и нет ни одного слова в подтверждение этой датировки. Хронология же многоабсидных храмов очень важна, потому что до сих пор господствовал взгляд, что подобные постройки появляются не ранее X века.

Путаница и противоречия в тексте иногда достигают необъяснимых размеров. Так, на стр. 210-211 читаем: «В Хахуле чередуются клинья двух цветов. Этот прием, видимо, произвел такой эффект, что в некоторых уже существовавших постройках арки из разноцветных клиньев над окнами были воспроизведены краской по обычной горизонтальной облицовке (Ошк, Пархал). Наличие подобной имитации в Ошке на богато убранном окне западного фасада, композиционно одинаковым (так! – С. Д.) с южным окном церкви в Хахуле, показывает, что последняя была построена несколько позднее, но мастерами той же школы». Каким образом наличие в Ошкском храме подражания Хахульскому может служить указанием на более позднее время постройки Хахульского храма, навсегда останется тайной Токарского.

Еще более оригинальным представляется следующее доказательство автора. В связи с опубликованным в специальной литературе утверждением, что в Мцхетском «Джвари» была впер-

¹ ... «Об окончании постройки в Мцхете до 604/5 г. не может быть и речи; свидетельства хроник и характер убранства позволяют отодвинуть дату ее окончания к тридцатым годам VII в.»... пишет Токарский на стр. 92.

вые разработана соответствующая архитектурная тема, Токарский возражает: ...«хорошо известно что кроме построек, стоящих на поверхности, в Армении и Грузии под землей скрыто не мало развалин монументальных сооружений, среди которых *могут оказаться* и церкви интересующего нас типа, построенные раньше и Авана и Мцхеты» (стр. 91). Автор не замечает что эта «подземная» аргументация, к которой он прибегает часто и в других местах своего сочинения, больше, чем что-либо другое, указывает на то, что уже исчерпаны все остальные материалы, с которыми только и может считаться наука.

Главным основанием предположения автора, что Эчмиадзинский храм вначале представлял собой базилику, служит то, что «в церковном песнопении «гандз»-е некоего Атома в честь Эчмиадзина он называется Сионом,- а как установил И. А. Джавахов, в *грузинском языке это наименование всегда обозначает базилику*»,.. (стр. 61). Помимо всего прочего, следует отметить, что автор здесь игнорирует данное в новейшей литературе совершенно иное толкование термина «сион» и для самого грузинского языка. Укажем мимоходом также и на то, что если бы Токарский отнесся серьезнее к этому вопросу и глубже вник в сообщения источников, он мог бы обнаружить термин «сион» не только в поэтической литературе, показания которой в данном случае имеют лишь косвенное и побочное значение. Так, купольная постройка XIII века в Сагмосаванке в самой надписи этого храма два раза названа «святым сионом»². Что же это значит?

Поверхностно, бездоказательно рассмотрены весьма важные вопросы о происхождении и развитии купольных базилик и «купольных зал», хотя автор позволяет себе, в связи с этими вопросами, далеко идущие утверждения (стр. 62-68).

О зодчем замечательного грузинского храма «Джвари» и Мцхета Токарский говорит, что он «окаймил купол своего творения типичным армянским карнизом» (стр. 92)/ Между тем, в дру-

² vimakan taregir. ... kazmea% K. Kostanean%, S.-P., стр.58.

гом месте, излагая свои «некоторые соображения о происхождении этой формы» (имеется в виду вышеназванный тип карниза), сам же Токарский называет в качестве ступеней ее эволюции пример из Малой Азии, а также «карниз из церкви в сел. Гарбани на Военно-Грузинской дороге» (стр. 121), т. е. пример из Грузии/ Так почему же этот карниз «типично армянский»?

По поводу того же «типично армянского» карниза в «Джвари» автор пишет: «Факт этот не может вызывать недоумения, так как в Грузии имеется церковь, известная под названием «Атенского Сиона», очень сходная с мцхетской, которую построил архитектор армянин... (стр. 92). Факты культурного заимствования могут вызывать недоумение только у Токарского. Наука их изучает имеющимися в ее распоряжении объективными методами. Но в данном случае Токарский не находит нужным сообщить читателю все известные факты. Так, в специальной литературе неоспоримо установлено, что Атенский храм построен позже Мцхетского и является неудачным подражанием последнему!

Так обстоит дело в книге Токарского с реализацией одной части ее объявленной программы: «сделать общий обзор древнеармянского зодчества, проследить, как на протяжении веков в различных условиях работала и развивалась творческая мысль армянских зодчих»... Уже из разобранных нами выше высказываний Токарского читатель мог усмотреть также и то, как выполняется в книге вторая часть той же программы: «проследить... чем обменялись они (армянские зодчие – С. Д.) со своими зарубежными собратьями по профессии»... Но на этом вопросе стоит остановиться дольше.

На деле обмен тут трактуется декларативно (так, например, в «Заключении»), отношение к внешней культурной среде – однобоко и с нарочитостью. Причем без путаницы и противоречия не обходится и здесь.

Вот несколько характерных, с данной точки зрения, высказываний Токарского: *«Было бы ошибкой отождествлять древнейшую архитектуру Армении с архитектурой урартов, создав-*

ших задолго до христианской эры первое государство в Закавказье. *Но вполне возможно, что армянский народ, в состав которого наряду с основным ядром – армянами вошли и урарты, использовал в какой-то мере в своем строительстве опыт мастеров древнего государства, территорию которого он занял. Нужно, однако, отметить резкое отличие построек, возведенных значительно позднее армянскими зодчими, от сооружений урартов, строительная техника которых более близка к технике народов Месопотамии, в частности ассирийцев»* (стр. XIII)... «Из сказанного явствует, насколько далеки друг от друга архитектурные памятники урартов и армян по общему решению, технике и отделке и с какой осторожностью нужно подходить к вопросу о преемственности, чтобы не впасть в ошибку» (стр. XVI). Следовательно, использовать опыт древних урартских мастеров армянские зодчие не могли ни в области общих решений, ни в технике, ни в отделке. Спрашивается, где же они могли этот опыт использовать?

«Эллинизм, сыгравший значительную, прогрессивную роль во всех областях жизни страны, не исключая и искусства, потерял благоприятную почву для распространения своего влияния и должен был уступить место Риму. В дальнейшем, уже в первые века христианства, в архитектуре можно встретить лишь отзвуки эллинистических и римских форм – волюту на капители, зубец и модульон на карнизе, сильно переработанный акант. *Армянские зодчие нашли собственные пути, с которых ни разу не свернули, хотя на протяжении веков и встречали немало опасных перекрестков»* (стр. 12-13).

Далее. Мы уже приводили выше рассуждения Токарского на тему о том, что «армянские зодчие не останавливаются на результатах, достигнутых при переработке базилики в трехнефную сводчатую церковь – залу. Они блестяще разрешают и задачу создания церковного здания, увенчанного куполом» (стр. 58). В дальнейшем утверждается: «Интересно, что значительно позднее, в XII-XIII вв., когда купол в церковном зодчестве имел уже семиве-

ковую давность, архитекторы, создавая последнюю новинку – притвор, обращаются все к тому же сельскому дому, воспроизводя в камне шатровое покрытие с световым отверстием, основанное на колоннах. Развитие купольных церковных сооружений в Армении пошло по двум самостоятельным направлениям...» (стр. 58-59). И хотя в Армении «древнейших купольных церквей исходного вида пока не обнаружено» (стр. 59), однако, несомненно, уверяет Токарский, что «армянские зодчие в полной мере учли это обстоятельство (особенности местной базилики – С. Д.) и создали в первой половине VII в. ряд прекрасных купольных базилик» (стр. 62) и что именно в этих «купольных базиликах VII в. создается форма крестовокупольного храма, столь характерная в последующие века для церковного зодчества Закавказья» (стр. 64)... «Армянские памятники, созданные значительно раньше подобных им византийских, убедительно говорят о том, что этот тип был разработан здесь на основе базилики» (стр. 65; см. также стр. стр. 68, 73, 111, 112-113, 118-119 и др.). Наконец, Токарский заявляет, что к первой половине VII века «уже представляется возможным говорить о вполне сложившейся армянской классике, на которой, несмотря на многие превратности, зиждется творчество всех последующих поколений армянских зодчих» (стр. 132).

Таким образом, все основные архитектурные формы оказываются возникшими на месте, отсюда они распространились в другие страны. Нет необходимости отказывать охотникам в праве подобной постановки вопроса. Требования читателя скромны: он просит только фактов и доказательств. А как с фактами и доказательствами у Токарского в связи с этим кругом вопросов?

Наиболее ярко научная методология и общественные установки Токарского сказались в его рассуждениях об отношении армянской архитектуры к архитектуре грузинского народа, векового соседа армян. Здесь, конечно, культурного обмена нет и в помине, здесь автор даже не довольствуется утверждением об исключительно одностороннем влиянии, что можно было видеть и выше, – он идет дальше.

Не забегая вперед с оценками, рассмотрим терпеливо соответствующие места книги Токарского.

«Гвоздь» книги - **попытка изобразить всю Южную Грузию с ее населением культурой, как инонациональный мир.** Здесь речь идет о южно-грузинских провинциях расположенных в бассейне реки Чороха и по верхнему течению реки Куры. До падения рабовладельческой государственности в Грузии эти области непосредственно входили в пределы Восточно-грузинского и Западно-грузинского царств. В период вызревания феодальных отношений в Грузии они составляли одно из значительнейших грузинских феодальных образований, обычно именуемое Тао-Кларджетией (IX-X вв.), по двум своим ведущим областям – Тао и Кларджети. Помимо этих провинций в Тао-Кларджетское царство входили и играли в его жизни видную роль и другие области, как-то: Адчара (Аджария), Шавшети, Самцхэ, Джавахети, Артаани (Ардаган; в то время это – название области, а не города, получившего такое наименование от области, будучи ее центром, позднее), Кола, Спери и др. Токарский не оставляет сомнения в том, что дело касается именно этой территории. В одном случае он прямо говорит о своем предмете, как об «архитектуре Тао-Кларджии (т.е. Тао-Кларджетии – С. Д.) второй половины X века, когда были возведены прекрасные сооружения в Ошке, Ишхане, Тбете» (стр. 146. Следует отметить, что Тбетский памятник, сохранившийся до наших дней, находится на территории Шавшети, одного из самых северных районов Тао-Кларджетии – С. Д.). В другом случае у Токарского эти земли называются «областями в бассейне реки Чороха» (стр. 200), чаще же всего они в книге именуется Тайк-ом (армянская форма названия Тао), что должно заменить обычную Тао-Кларджетию. Что же утверждается об этом крае?

Территория. Утверждается, что эти «западные армянские области в бассейне реки Чороха, бывшие некогда уделом известных княжеских родов (каких? – С. Д.), в которых (в областях, а не в родах – С. Д.) во время арабского нашествия отсиживались

Багратиды, во второй половине X века входили в состав самостоятельного государственного образования, во главе которого стоял умный, энергичный тайкский куропалат Давид» (стр. 200), что это – «исконные армянские земли» (...«такой прием известен и в архитектуре Тао-Кларджии второй половины X века, когда были возведены прекрасные сооружения в Ошке, Ишхане, Тбете... Связи багратидской Армении с этими исконными армянскими землями... общеизвестны» – стр. 146; «западные районы Армении, расположенные в Чорохском бассейне» – стр. 135; ...«из Ишхана, селения в древней армянской халкидонитской области Тайке»... – стр. 95; Нерсес, уроженец халкидонитской армянской области Тайка»... – стр. 46). На чем же основано это категорическое утверждение? Ни на чем. Токарский не приводит ни фактов, ни соображений в пользу своего тезиса.

А между тем, при желании и при даже небольшой объективности он мог бы разобраться в вопросе о территориальной принадлежности данных областей. Если ему не угодно пользоваться грузинскими известиями, он имел возможность заглянуть (это было бы желательно) в греко-римские источники и обязан был (решаемся утверждать это!) уделить немного внимания армянским сообщениям.

Восстановить подлинную научную историю этой территории вовсе не трудно, опираясь на показания авторитетнейших исторических источников. Проникая на южную, месопотамскую окраину Халдского государства уже с VI-V вв. до н. э., армянские племена только после 189 года до н. э. занимают такие районы, как Дерджан и Карин – нын. Эрзерумскую область (Страбон). Отныне пограничная линия между Грузией и Арменией проходит по Араксу (Аполлодор). При Тигране II, в семидесятых годах I века до н. э., происходит дальнейшее расширение границ Армении. В это время, нужно думать, была занята провинция Спери (у Страбона – Сиспиритида). Тао же продолжает оставаться в пределах Грузии: подробно перечисляя армянские области, Страбон (начало I в. н. э.) среди них нигде и никак не упоминает Тао.

К началу христианской эры граница между Арменией и Грузией проходит, как это можно усмотреть из сравнительно-критического изучения современных источников, по Кура-Араксянским водораздельным хребтам, причем средняя часть Чорохского ущелья входит в пределы Грузии. Здесь Страбон границу полагает в Мосхийских горах, а Плиний утверждает, что территория Иберии простиралась до Париадрийских гор. Если даже согласиться с принятым всеми исследователями мнением, что Париадр древних есть нын. гора Пархал (мы считаем, что наименование Париадр относится к горам, находящимся далеко к юго-западу от Пархала), и в этом случае мы получим несомненное свидетельство того, что во взятую эпоху Тао, юго-западной границей которого как раз и служила гора Пархал, составляло часть Восточно-грузинского царства³.

I-III века нашей эры есть период значительного усиления Грузинского царства. Армения же, превращенная в арену непрекращающихся войн между Римом и Ираном, постепенно слабеет и истощается. Это – время нового передела территориальных владений на армяно-грузинской границе. Наше утверждение относится, прежде всего, ко второй трети I века, когда на армянском престоле сидят представители грузинского царского дома. Важно также сообщение Тацита, что в 58 году н. э. по повелению грузинского царя Фарсмана I *в Армению вторгаются месхи*⁴. *Следовательно, месхи в это время продолжают оставаться подданными грузинского царя.* А ведь месхи, как это известно всем, есть название жителей тех самых южно-грузинских провинций, которые в IX-X веках и составляют царство Тао-Кларджетию. Но из этого следует и тот вывод, что территория позднейшей Тао Кларджетии в середине I века н. э. составляла часть Грузинского царства. Есть основание также полагать, что сообщение Д. Кассия об увеличении территории Грузинского царства при имп. Адриане

³ С. Джанашиа, „К политической географии Иберского (Картлийского) царства в древнейший период“, Сообщения АН ГССР, 1942 г., № 7.

⁴ Annalles, XIII, 37.

имеет в виду расширение его границ в южном направлении.

Для середины же VI века знаменитый византийский историк Прокопий Кесариийский, поразительно осведомленный в закавказских делах писатель, вновь подтверждает, что *месхи, занимающие высокогорную страну, издавна являются грузинскими гражданами*⁵.

С основанием южно-грузинского феодального княжества Тао-Кларджетии положение в рассматриваемых районах приобретает еще большую ясность и определенность. Территория княжества все больше и больше расширяется к югу, включая в себя один за другим ранее утраченные районы. В 952 году византийский император Константин Багрянородный, столь же превосходно информированный о кавказских делах, как и Прокопий, категорически удостоверяет, что владения тао-кларджетских Багратионов подступали к самому Феодосиополю, нын. Эрзеруму, и что граница между Грузией и империей в этом секторе проходила по реке Араксу. Константин пишет: ...«по его (грузинского куропалата) просьбе (решено), чтобы границей Фазианы (груз. Басиани, область смежная с Эрзерумской – С. Д.) служила река Еракс, или Фазис, и чтобы земли влево, в сторону Иверии (Грузии), принадлежали иверам (грузинам), а вправо, в сторону Феодосиополя, крепости и селения – нашему величеству, и чтобы река служила гранью между обоими владениями»⁶. К концу того же века глава Тао-Кларджетского царства Давид III Куропалат присоединил к своим владениям новые обширные области вплоть до северного побережья Ванского озера и до гор Эрзинки (нын. Эрзинджан). Нечего и говорить, что объединенное Грузинское царство еще более прочно укрепились в этих областях.

Что же можно почерпнуть из армянских сообщений по этому вопросу? Возьмем наиболее субъективно окрашенный ис-

⁵ De bello Gothico, VIII, 2.

⁶ Сочинения Константина Багрянородного: «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio). С предисловием Г. Ласкина, М., 1899. «О народах», гл. ч. 5, стр. 167; там же, стр. 168.

точник, известную «Армянскую географию», которую традиция приписывает Моисею Хоренскому и полагает сочинением V века н. э. Исследователи же датируют ее – одни VII веком, другие IX-ым. Этот памятник, проникнутый национальной тенденцией и потому порой грешащий против истины, так описывает Грузию: «Колхида, то-есть Егер (груз. Эгриси – С. Д.), находится к востоку от Понтийского моря, близ Сарматии, и сопредельна с Иверией и Великой Арменией. Егер разделяется на четыре провинции: Манрили, Егревика, Лазив, Чанет, то-есть Халды». Таким образом, «География» относит к Колхиде не только современную Западную Грузию (Мингрелию, Гурию, Аджарию и др.), но и весь Лазистан, а также область чанов, тех же халдов, т.е. области к западу и югу от Трапезунта. В том же описании Колхиды говорится, что Чорох есть река Колхиды, хотя истоки ее находятся в Армении. О Восточной Грузии «География» повествует: «Иверия, то-есть Грузия, к востоку от Егера, в смежности с Сарматией у Кавказа, простирается до пределов Албанских по реке Куре. Области Грузии следующие: Кларджи, Ардаган, Шавшети, Джавахи, Самцхе, Адчара, ...Манглиское ущелье, Квешское ущелье (древнее название нынешнего Башкичетского, или Дманисского, района – С. Д.), Болнисское ущелье, Трелы (т. е. Триалети – С. Д.), Кангары, Ташир» и другие⁷. Тенденция «Географии» в данном случае проявилась в том, что в последующем изложении некоторые из этих областей упомянуты уже в составе Армении, но при этом каждый раз отмечается, что такой-то, мол, областью «владеют грузины». Совершенно очевидно (и не может быть другого толкования), что в VII-VIII вв. принадлежность этих провинций Грузии была общеизвестна и за ее пределами. Этот же факт, в наличных исторических условиях, имел также и этническое зна-

⁷ Текст „Географии“ представлен в нескольких редакциях. См., напр., „Армянская География VII в, по Р. Х. (приписывавшаяся М. Хоренскому). Текст и перевод... изд. К. Патканов, С.-Пб. 1877, стр. 38-40, 16-17 (текст); Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée, ed. p. A. Soukry, Ven., 1881, p.p. 37-39.

чение: в VII-VIII вв. Грузия лишена политического единства и самостоятельности, она сама находится под арабским господством, и выражение «Армянской географии», что названными провинциями «владеют грузины», нужно понимать преимущественно в том смысле, что там сидит грузинское население.

Тао («Тайк») «Армянская география» называет в числе армянских областей. Но вот гораздо более беспристрастный и лучше осведомленный источник, известный армянский историк VIII века Леонтий (Гевонд) прямо говорит, что Кола входит в пределы Грузии (... *hasan&r i sahmans Vra% i gawa'n Kou*)⁸. А Кола, район истоков реки Куры, по признанию той же «Армянской географии», была частью провинции Тао. Тот же Гевонд в другом месте Самцхэ (область города Ахалцихе) определяет как область страны грузинской (... *hasan&h ya}xarhin Vra% i gawa'in or ko}i Sam%h&*)⁹, а Моисей Хоренский причисляет Кларджети к областям Грузии¹⁰, и т. д.

Итак, тенденция книжных построений средневекового клирика, раскрываемая его же собственными фактическими данными, очевидна. Она и понятна. Непонятно только, когда в наше время и в наших условиях не только не могут, но и не хотят освободиться из плена тех же самых клерикальных конструкций и представлений.

Население. О населении Тао-Кларджетского царства Токарский дает своим читателям такие сведения: «Основную массу населения составляли армяне, бывшие здесь исконными приверженцами халкидонитства... Они... живя бок-о-бок с грузинскими переселенцами, появившимися в IX в. в опустошенном арабами и эпидемиями крае, стали медленно денационализироваться» (стр. 200-201). «Тайкская архитектурная школа второй половины

⁸ *Patmow]iwn Ulondeay meci vardapeti hayo%*, S.-P., 1887, стр. 168.

⁹ Там же, стр. 138.

¹⁰ «История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод Н. Эмина», М., 1893, стр. 133.

X века создалась в условиях, когда большая группа армянского населения по указанным причинам окончательно выделилась в самостоятельный государственный организм. И хотя он в силу происходившего огрузинивания коренного населения уже тяготел к формировавшемуся объединенному грузинскому государству, основная масса населения, несмотря на различие в вере, еще многими нитями была связана со своими сородичами» (стр. 213). И еще Токарский говорит ...«о древней армянской, халкидонитской области Тайке, начавшей очень медленно огрузиниваться после появления здесь грузинских переселенцев в IX в.» (стр. 95). Таким образом, Токарский утверждает, что основную и коренную массу населения Тао-Кларджетского царства составляли армяне, выделившиеся во второй половине X века в самостоятельный государственный организм исключительно вследствие религиозных разногласий: вопрос признания постановлений Халкидонского собора роковым образом расколол армян на две непримиримые группы, которые не могли жить вместе под одной политической кровлей. Вместе с тем, как обычно, оказывается, что Тао-Кларджетская группа армян «несмотря на различие в вере, еще многими нитями была связана со своими сородичами».

Автор не называет ни одного факта в пользу своего положения, и не может назвать, потому что таких фактов нет. Все данные говорят об обратном. Но укажем прежде всего, что утверждение Токарского вовсе несостоятельно и с чисто логической точки зрения. Каким образом «основная» и «коренная» масса населения, которая еще многими нитями была связана с собственно Арменией, подчинилась влиянию меньших по числу грузин-переселенцев настолько, что и вовсе огрузинилась? Почему же тао-кларджетские армяне воспринимали именно грузинское влияние? Ведь греко-восточное православие, или, иными словами, халкидонитство (диофизитство), которое, по Токарскому, было единственным связующим звеном между тао-кларджетскими армянами и грузинами, в еще большей мере объединяло этих армян с византийскими греками. Почему же эти армяне ассимили-

ровались именно с грузинами, а не с греками? Ведь само-то халкидонитство местных армян было в значительной степени результатом политического давления Византии, и это давление продолжало действовать также и в IX-X вв. Может быть с целью смягчить это вопиющее противоречие, Токарский глухо говорит, что грузинские переселенцы появились «в опустошенном арабами и эпидемиями крае». Но если это опустошение коснулось населения и ослабило здесь армянский элемент настолько, что дало возможность грузинам беспрепятственно стать господами положения, тогда все последующие уверения Токарского, должностующие внушить читателю мысль о непрерывной преемственности здесь армянской культуры, оказываются совершенно необоснованными: не было носителей культуры, – не было и самой культуры.

Правда заключается в том, что основная, коренная масса населения в тао-кларджетских областях была искони грузинской по языку и культуре, а армяне, если они где и были, являлись именно переселенцами. Существование армян-переселенцев можно допустить, главным образом, для Спери, Басиани и для южного Тао. Нужно думать, что в южное Тао эти переселенцы притекли в качестве иммигрантов, искавших здесь надежного убежища в непомерно тяжелые для армянского народа времена персидского и арабского владычества в V-VII вв. Ассимиляции их с грузинами способствовало и то обстоятельство, что пришельцев было меньше по числу, чем аборигенов края. Предложить какое-либо иное разумное объяснение этих неоспоримых фактов совершенно невозможно.

Сама армянская историография подтверждает этот единственный вывод. Мы уже видели, **что армянские источники седьмого века северное Тао, в частности – Кола, район истоков Куры, рассматривают как грузинскую область.**

Владетельный феодальный дом Тао, выдвинувшийся в первые ряды армянской аристократии, Мамиконяны, по своему происхождению принадлежал к грузинскому племени чанов, как

это признает и специально обосновывает крупнейший представитель новой армянской историографии проф. Адонц¹¹.

Рассмотрение вопроса о населении Тао-Кларджетии удобно связать с вопросом о царствовавшей здесь династии Багратионов, или Багратидов.

О Багратидах Токарский пишет: «С давних пор в Армении пользовался влиянием княжеский род Багратидов (Багратуниев)... После неудачного восстания против арабов в 755 году... Багратиды ушли в западные районы Армении, расположенные в Чорохском бассейне» (стр. 135). «Одновременно с усилением ширакских Багратидов, возложивших на себя во второй половине IX века царскую корону, идет расширение владений артануджской ветви этого рода в сторону Грузии, где они положили начало династии, правившей до конца существования грузинского царства в начале XIX в.» (стр. 135-136).

Багратидам нечего было уходить в «западные районы», «расположенные в Чорохском бассейне», потому что их собственные феодальные владения были именно здесь. Бесспорно, и это свидетельствуется также армянскими источниками, что Багратиды происходили из древнегрузинской провинции Спери. Известный армянский писатель Моисей Хоренский передает нам взгляды, которые господствовали в армянском обществе его времени насчет происхождения Багратидов, именовавшихся в Армении Багратуниями. В 22-й главе первой книги своей «Истории Армении» Хоренский пишет: ...«Некоторые не заслуживающие доверия люди говорят – произвольно, не руководясь истиной – что венценалагающий род Багратуни происходит от Хайка. На это скажу: не верь таким глупым речам; ибо в этих словах нет ни следа, ни признака правды. Нелепо и нескладно болтают они о Хайке и о подобных ему. Но знай, что имя Смбат, которое Багратуни дают часто своим сыновьям, есть собственно Шамбат на их первоначальном, то-есть еврейском языке». О родоначальнике Багратидов Хоренский сообщает в той же главе: «Говорят, что

¹¹ Н. Адонц, «Армения в эпоху Юстиниана», СПб, 1908, стр. 402-404.

Храчей, выпросив у Навуходоносора одного из главных плененных евреев, по имени Шамбат, привел его... Историк говорит, что от него происходит род Багратуни – и это верно»¹². Из глав 37-й и 63-й второй книги того же труда видно, что родовой удел Багратидов находился в Спери, а их главная резиденция – в крепости Байберде, нын. гор. Байбурд⁹. А что касается населения и его языка во владениях Багратидов, об этом Хоренский сообщает еще более интересные сведения. Согласно конструкции Хоренского, персидский (парфянский) царь Аршак назначает царем Армении Вагаршака, который «установил, сколько мог, общественный порядок в нашей земле, учредил нахарарства, назначив во главе их мужей полезных *из потомков предка нашего, Хайка, и из других (родов)*... Первее всего он вознаграждает могущественного и мудрого мужа из евреев – Шамбу Багарата, дав его роду право возлагать корону на Аршакидов и называться по его имени Багратуни... *Этот Багарат... назначен наместником и начальником над десятками тысяч воинов на западных пределах Армении где уже перестает раздаваться говор армянский*»¹⁰. Таким образом, еще в VIII или IX веке, к каковому времени большинство исследователей относит появление «Истории» Хоренского, образованнейшие армяне считались, как с бесспорным, с фактом неармянского происхождения Багратидов и населения областей по среднему и верхнему течением р. Чороха.

То же самое, в основном, представление о происхождении Багратионов мы находим в византийских и древнегрузинских источниках. Византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении «О народах», в главе 45-й, озаглавленной «Об иберах» (или, в ином произношении: «иверах», «ивирах»; так греки, как известно, называли грузин), рассказывает: «Дол-

¹² «История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод Н. О. Эмина». Москва, 1893, стр. 36-37, – Patmagirq hayo%: Movs&s Xorena%i, Т., 1913, стр. 68-69.

⁹ Там же, перев., стр. 69 и 108.

¹⁰ Там же, кн. II, гл. 3, стр. 53; арм. текст, цит. изд., стр. 104-105.

жно знать, что ивиры, т.е. (ивиры) куроалата, хвалятся тем, что они происходят от жены Урии, на которой незаконно женился пророк и царь Давид... Они говорят, что из Иерусалима были тот Давид и брат его Спандиат, каковой Спандиат, как говорят они, получил от бога милость, что не мог быть поражен мечом на войне в какую-нибудь часть тела, кроме сердца, которое на войне он и защищал каким-то вооружением. Вследствие этого и боялись его персы. Он же победил их и покорил, и родичей (своих) ивигов поселил в трудно доступных местах, теперь ими занимаемых; оттуда они стали понемногу распространяться и увеличиваться и сделались великим народом. С тех пор как они переселились из Иерусалима в землю, теперь ими населяемую, прошло 400 или 500 лет до настоящего времени, т. е. до 10-го индикта 6460 года от сотворения мира» (т. е. 952 г. н. э. – С. Д)¹¹.

Уроженец Тао-Кларджетии, современник Константина Багрянородного, выдающийся грузинский писатель Георгий Мерчули называет «куроалата царя Ашота», родоначальника тао-кларджетской линии Багратионов, «государем, нареченным сыном Давида, пророка и помазанника господня»¹².

Потомками пророка Давида считает Багратионов также древнегрузинский историк Джуаншер, а фамильный летописец Сумбат Багратиони, оставивший нам один из самых важных источников для истории своего рода, подробно развивает ту же самую генеалогию в начале тридцатых годов XI века.

Артануджскому, или тао-кларджетскому, владельческому дому основание положил, в начале IX века, упомянутый Ашот Багратиони, который сюда пришел из Тбилиси, где он занимал высокий пост, но рассорился с арабами. Через него, говорит Мерчули, «утвердилось над грузинами господство («мтаварство») его

¹¹ Цит. изд., стр. 162-3.

¹² Георгий Мерчул, «Житие св. Григория Хандзтийского», изд. кад. Н. Марра, СПб, 1911, стр. 67 (перевод Марра в этом месте, стр. 96, не совсем точен).

и сыновей его до скончания века»¹³.

История этого дома и самого княжества также хорошо известна по грузинским, византийским, армянским и арабским сообщениям. Бежавши из Тбилиси, Ашот оседает первоначально в Кларджетии, избирает своей резиденцией древний грузинский город Артануджи, – в котором строительство вел еще в V веке известный грузинский царь Вахтанг Горгасал, – и поскольку эта область тогда политически входила в пределы Византии, Ашот провозглашает императора своим сеньором. Отсюда – византийские придворные звания в роду тао-кларджетских Багратионов, в том числе и высшее – «куропалат». Но постепенно потомки Ашота фактически освобождаются от этой вассальной зависимости и в X веке являются сюзеренными правителями, сохраняя вместе с тем прежние титулы, и прежде всего титул куропалата, который носит старший в роде.

В Тао-Кларджетии рано складывается своеобразный удельный строй, напоминающий строй Киевской Руси, но вместе с тем здесь иерархия многочисленных владетелей выражена очень отчетливо. Глава всего царства титулуется грузинским куропалатом, что засвидетельствовано всеми вышеназванными группами источников. К концу IX века здесь же появляется титул грузинского царя, а к концу следующего – царя-царей. Указанное политическое состояние правдиво отражено в записи Мерчули, сообщающей, что «Житие (Гр. Хандзтийского) написано спустя 90 лет после его преставления, в 6554 году от начала мира (в 950 г. н. э.), ...в господство над грузинами куропалата Ашота (ум. в 954 г.), сына Адарнерсея, царя грузин, ...во дни эристава эриставов Сумбата, сына царя Адарнерсея, в магистерство Адарнерсея, сына магистра Баграта, когда эриставом был Сумбат, сын мампала Давида»...¹⁴

Потомство основателя княжества Ашота к исходу IX века и в X веке представлено двумя ветвями: *кларджетской, или*

¹³ Мерчул, стр. оџ и 92.

¹⁴ Мерчул, стр. 148-149.

артануджской, начало которой положил старший сын Ашота Адарнасэ, и *таосской*, предком которой является средний сын Ашота куропалат Баграт I. Упомянутые в записи Мерчули первые три властителя являются представителями таосской ветви, последний, Сумбат, – артануджской.

Сильно расширив пределы своих владений еще в первой половине IX века, тао-кларджетские Багратионы постепенно включили в свое царство земли по верхнему течению Куры – Кола, Ардаган, Джавахети, Самцхэ – и по Чороху, где в частности было занято и Тао. Эти земли и поделили между собой Ашотовы потомки.

Поскольку Токарский специально заинтересован состоянием этого края именно в X веке, обратимся и мы к данному периоду. В начале X века во главе Тао-Кларджетского царства стоит Адарнасэ II (888-923), правнук Ашота I (куропалат Ашот I – куропалат Баграт I – куропалат Давид I – куропалат Адарнасэ II). Император Константин Порфирогенет много о нем рассказывает в своем сочинении «О народах», называя его «Адрнасиром, куропалатом Грузии (Иверии)» (так 3 раза в гл. 43)¹⁵ или очень часто просто куропалатом, отмечая этим саном одного только тао-кларджетского владетеля среди всех прочих владетелей Ближнего Востока.

С Адарнасэ II близко был знаком также армянский католикос и историк Иоанн Драсханакертский, одно время длительно гостивший при дворе Адарнасэ, будучи вынужден оставить свою родину вследствие очередного арабского нашествия. Для Иоанна Адарнасэ является «великим князем грузин», *meç i}xann Vra%*, (в ранний период), или «великим куропалатом грузин», *meç kowrapauatn Vra%*, (так назван Адарнасэ в тексте Иоанна 2 раза), или «царем грузинской страны», *]agawor Vra% a}xarhin*, или «грузинским царем», *]agawor Vra%*, (так 14 раз!), или

¹⁵ Цит. изд., стр. 155-157.

просто «куропалатом» (2 раза).¹⁶ Иоанн определяет и границы Тао-Кларджетского царства, не оставляя на этот счет никаких сомнений. Так, Иоанн рассказывает, что гонимый арабами царь Сумбат бежал из Ширака, своего домэна, «в укрепленные места Тайка, находившиеся во владениях его друга, куропалата Адарнасе».¹⁷ Иоанн причисляет Тао к владениям Адарнасе и в другом случае¹⁸. Наконец, тот же автор, повествуя о трагической судьбе армянского царя, сообщает, что арабский полководец «гнал царя Сумбата, идя за ним по пятам, и гнал его до страны грузин, пока Сумбат не укрылся в неприступных крепостях Кларджетии»¹⁹. Следовательно, для передовых армян двадцатых годов X века Тао (арм. Тайк) и Кларджетия были бесспорно грузинские области.

Так пишут современные Адарнасе армянские историки; а современные нам некоторые историки пишут: «В начале X в., как свидетельствуют грузинские хроники, грузинский царь Адарнасе построил в соседней Тайкской епархии в селении Бана (ныне Пеняк) храм» (Токарский, стр. 98). Тао для Адарнасе является «соседней епархией»! Насколько это правдиво хотя бы субъективно, можно усмотреть уже из того, что на той же 98-й странице, несколькими фразами ниже, Токарский, по странной оплошности, пишет: ...«не в далеком Вагаршапате, а у себя в Тайке нашел Адарнасе тот образец, которому решил следовать» (имеется в виду Ишхани).

Иоанн Драсханакертский (так же, впрочем, как и имп. Константин) хорошо знает и другую, младшую в политическом смысле, – артануджскую, или кларджетскую – ветвь грузинских Багратионов, наиболее выдающимся представителем которой при

¹⁶ Yovhannow ka]ouikosi Drasxanakerte%woy Patmow]iwn hayo%,],, 1912, стр. 144-310.

¹⁷ ...”i koumans amro%a%n Tayo% i kalowacs Atrnersehi”; там же, стр. 185.

¹⁸ Там же, стр. 207-8.

¹⁹ ...”min§! ya}xarh Vra% tareal mueal haneal zna, min§! ankan&r mer> yanmat§eli yamowrsn Kuarja%”; там же, стр. 214-5.

нем был князь-князей («эриставт-эристави») Гурген. Иоанн его величает «великим князем грузин», *მეს იჯანნ ვრა%* или просто «князем грузин», а удельные владения Гургена по верхнему течению Куры и в других районах также относит к «стране грузин»²⁰.

У куропалата Адарнасэ II было четверо сыновей (что известно и имп. Константину), поочередно принимавших бразды правления Тао-Кларджетией и соответствующие титулы. Так, сам имп. Константин Багрянородный саном куропалата, или, говоря его же словами, «отеческим званием куропалата», почтил второго сына, Ашота II.²¹

Для имп. Константина, который пишет о Южной Грузии в 952 году, тао-кларджетские Багратионы – грузины, или иверы, их подданные – также грузины, их страна – Грузия, или Иверия. Две главы его труда «О народах», посвященные Южной Грузии и ее владетельному дому, носят соответствующие заглавия: «О грузинах» (гл. 45) и «О родословной грузин и о крепости Арданучи» (гл. 46). **У Константина засвидетельствовано и национальное самосознание Тао-кларджетских Багратионов.** Сообщая о домогательстве ими. Льва, имп. Романа и своем собственном получить у Багратионов их крепость Кеццей, «чтобы там не добывал себе хлеба Феодосиополь (Эрзерум)», находившийся в это время в руках арабов, Константин рассказывает, как византийские власти «убеждали куропалата и его братьев, что по взятии Феодосиополя они отдадут им эту крепость, но грузины не хотели делать этого вследствие любви к феодосиополитам и чтобы не повредить городу Феодосиополю, но отвечали господину Роману и нашему величеству: *«Если мы это сделаем, то будем в бесчестии у соседей наших, именно у магистра и владетеля Абазгии, владетеля Васпуракана и владетелей армян, так как те скажут, что император не оказывает доверия грузинам (ивирам), – куро-*

²⁰ Там же, стр. 297-316.

²¹ Цит. изд., стр. 172.

*палату и братьям его».*²²

Представителем этого дома и был знаменитый куропалат Давид III, правнук Адарнасэ II и внучатый племянник его венценосных сыновей: царя Давида II (умер в 937 г.), куропалата Ашота II (ум. в 954 г.) и куропалата Сумбата (ум. в 958 г.). Дед Давида III, Багра́т, третий сын Адарнаса II, носивший титул магистра, умер в 945 г., не дождавшись сана куропалата, которым в это время по старшинству обладал Ашот II. Удовлетворение получил сын его (т. е. магистра Баграта) Адарнасэ III» верховный владыка Тао-Кларджетии и грузинский куропалат в 958-961 г.г. Приведенная нами выше запись Мерчули называет и Адарнасэ: в момент составления этой записи (950-1 г.) Адарнасэ был еще только магистром; один из его дядей, Ашот II, был куропалатом и главой Тао-Кларджетского государства, а другой, – Сумбат, – эриставт-эриставом. Адарнасэ III-му наследовал его прославленный сын Давид III (961-1001 г. г.).

Не соответствуют действительности утверждения Токарского, будто Давид III «никогда не носил царского титула» (стр. 200), будто он по собственному почину «отказался от первоначального намерения передать свои земли Баграту III» (стр. 201), будто «правление Давида не было омрачено какими-либо серьезными военными потрясениями» (там же).

Вот главные факты царствования Давида III, в самом кратком, конечно, изложении.

У куропалата Адарнасэ III было двое сыновей: старший – эриставт-эристав Багра́т и младший – магистр Давид. Согласно издавна установившейся среди тао-кларджетских Багратионов традиции, уже в это время Давид III, наравне с братом, не говоря об отце, должен был величаться и царем. И действительно, в широко известной грузинской строительской надписи Ошкского храма мы читаем: ...«Начали богом венчаные цари наши строительство сего святого храма,... сии великие цари наши»... на средства богом благословенного Адарнасэ куропалата, эриставт-эрис-

²² Там же, стр. 164-165.

тав Баграт и магистр Давид, святая троица да будет покровом десницей своей им всем троим».²³ Шатбердский деятель Иоанэ Берай, переписавший в 973 году «Пархальский четвероглав» (один из известных списков грузинского перевода евангелия) для грузинского монастыря в Пархали (южное Тао), в записи к этой рукописи сообщает новые данные, упоминая «царей наших, богом возвеличенного царя грузинского Баграта, магистра Давида, эриставт-эристава Сумбата и богом дарованных их сыновей», и в другом месте: ...«богом венчанного царя-царей (да возвеличит его бог!) богом поставленного магистра Давида»²⁴. Таким образом, в 973 году Давид III еще остается магистром, но уже выступает с титулом «царь-царей», что представляет собой первый случай в истории тао-кларджетских владетелей.

Это вполне соответствовало реальному положению вещей: Давид III, больше чем его отец и деды, предшествовавшие ему грузинские куропалаты, был верховным властителем всей Южной Грузии. Ему «добровольно покорились все государи», как говорит современный Давиду армянский историк Степанос Таронский²⁵. В числе владетельных князей, признавших сюзеренитет царя-царей Давида III, были и не грузинские, например соседние армянские, владетели.

Затем Давид принимает и титул «куропалат». Это происходит по-видимому в 978-9 гг. «Грузинским куропалатом» (*Vra% kiwgrapat*) называет Давида писатель XI века, такой же восторженный почитатель Давида, как и Степанос Таронский, армянский историк Аристакес Ластивертский, рассказывающий о Давиде в связи с известным восстанием Склира и вопросом о наследстве Давида²⁶. Также и Византийские историки: Кедрен именует

²³ M. Brosset, „Inscriptions géorgiennes ...“ S.-P., 1864, стр. 7.

²⁴ თ. შატბერდის, „ქრონოგრაფია...“, I, 95.

²⁵ Patmow]iwn tiezerakan, S.-P., 1885, стр. 275.

²⁶ Patmow]iwn,], 1912, стр. 19, 3, 22. – Хотя Степанос Таронский Давида именует обычно «куропалатом Тао» или просто «великим

Давида «архонтом грузин»²⁷, а Зонара вернее – «куропалатом», владения которого находятся в Грузии»²⁸. В армянской историографии правильные сведения о Давиде III сохранялись на протяжении веков: так, у Матфея Эдесского (XII в.) Давид выступает как «куропалат, правитель Грузии»²⁹.

Рост влияния Давида III происходил очень быстрым темпом. В другой известной грузинской рукописи «Самотхэ», переписанной в Ошки, одна запись от 977 года все еще называет Давида «царем нашим, магистром Давидом», а другая запись, которая моложе первой на несколько лет, уже величает его «могущественным и совершенно непобедимым куропалатом Давидом» или даже «куропалатом всего Востока».

Новое, огромное усиление царя Давида явилось результатом его вмешательства во внутренние дела Византии, спасшего императорский трон от посягательств Варды Склира. По просьбе константинопольского двора Давид направил против мятежного полководца 12 тысяч отборных грузинских всадников, которые совместно с сохранившимися верность Македонской династии войсками наголову разбили Склира у берегов Галиса весной 979 года. Благодарное византийское правительство уступило Давиду

куропалатом», но он не оставляет никакого сомнения в том, что Давид-владелец именно грузинский. Так, рассказывая очень много о войнах Давида, Степанос обозначает его войска только как «войска грузинские» и это – многократно. В одном случае, кн. III, гл. XL, Степанос рассказывает об инциденте, происшедшем у стен Хлата (на берегу Ванского озера), когда осаждавшее этот город Грузинское войско куропалата Давида заняло под свои конюшни и стоянки армянские церкви и архиерейский дворец. «Татчики с Городских стен кричали: «Так вы, христиане, обращаетесь с святыней Христианской?» Грузины отвечали: «Мы одинаково относимся к армянской церкви и к вашей мечети!» Степанос считает, что вследствие этого грузин постиг гнев божий: они потерпели поражение от мусульман, (Цит. изд, стр, 268).

²⁷ Migne, II, col. 164

²⁸ Epit. hist., I, lib XVII, cap. VII.

²⁹ Brosset, «Additions et éclaircissements...», стр. 176.

за оказанную помощь, как сообщает об этом Степанос Таронский, огромную территорию: Каринский (нын. Эрзерумский) округ, соседний с ним – Басианский (ныне Пасин), области Харк и Апахуник (к северо-западу от Ванского озера) и другие³⁰. Южная граница владений Давида была передвинута к гор Эрзинджану. Кроме того, грузинские войска взяли огромную добычу, которая частью пошла на покрытие расходов по строительству знаменитого средневекового центра грузинской образованности и просвещения на Афоне (Халкидонский полуостров). Об этой победе имеется много сообщений в грузинских источниках. В частности, грузинская надпись Зарзмского храма (в Самцхэ) повествует: «Когда в Греции восстал Склярос, куропалат Давид (да возвеличит его бог!) помог святым царям и нас всех послал в поход, Скляроса мы в бегство обратили»...³¹

Но впоследствии одна большая неудача постигла Давида: он оказался замешанным в новом восстании (Фоки) против императора Василия. Поскольку восставшие потерпели поражение, Давид оказался вынужденным обещать императору свои владения после своей смерти. Так рассказывает об этих фактах арабский историк **Я х'я Антиохийский**³². Есть основание думать, что в этом вынужденном «завещании» Давида речь шла именно о

³⁰ Цит. изд., стр. 192-3; «Василий, царь Греческий, вызвал к себе полководца Торника, родом грузина, монаха с Святой горы (Афон), и послал его к куропалату Тао Давиду. И обещал дать Халдой-арич вместе с Клисурой» Чормайри и Карин, Басиан и крепостцу Севук, что в Мардалии, Харк и Апахуник, – что и отдал на самом деле, – если Давид пришлет ему на помощь войско. Куропалат Давид, собрав грузинские войска во главе с князем князей Джоджиком, послал их вслед за Торником сразиться с тираном Вардой. Начиная от пределов Тао, они стали опустошать страну греческую, подвластную тирану ... (Император Василий дал Фоке) всю западную армию греческую и вместе с грузинским войском направил оба лагеря против тирана Варды»...; См. также «The Cambridge Medieval History» IV, 86 и У. Гельцер, «Очерк политической истории Византии», 100.

³¹ Е. Такайшвили, «Археологические экскурсии», I, 18.

³² В. Розен, «Император Василий Болгаробойца», 27.

полученных перед тем от Византии областях. Фактически эти земли были заняты византийскими войсками лишь после смерти Давида.

Будучи пламенным грузинским патриотом, Давид активно занимался и общегрузинскими делами, несмотря на обременявшие его обширные интересы и обязанности на Ближнем Востоке. Давид III явился главным инициатором и организатором объединения всех грузинских областей. На престол объединенного Грузинского царства он посадил своего воспитанника (Давид был бездетен) и близкого родственника Баграта III Багратиона, объявив всенародно, по словам грузинского историка: «Сей есть наследник Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, я же его попечитель и помощник. Ему подчиняйтесь все». Это дело Давида отвечало объективно сложившимся в Грузии условиям и увенчалось полным успехом.

Иначе (и, конечно, противоречиво, как всегда) освещает события Токарский: «Начало объединения грузинского государства (Карталиния и Абхазия) было положено, – пишет он, – при самом деятельном участии Давида, завещавшего даже первоначально свои владения Баграту III; правда, это завещание перед смертью было изменено в пользу императора Василия. Такое независимое положение тайкского феодала определялось особыми причинами, препятствовавшими ему объединиться с соседними Грузией или Арменией. Основную массу населения составляли армяне, бывшие здесь исконными приверженцами халкидонитства (отсюда вышел в VII в. знаменитый католикос Нерсес Строитель). Это, конечно, не могло содействовать их вхождению в возрожденное армянское царство. Они чувствовали себя гораздо ближе к единой Грузии и, живя бок-о-бок с грузинскими переселенцами, появившимися в IX в. в опустошенном арабами и Эпидемиями крае, стали медленно денационализироваться. Объединение с Грузией грозило усилением и ускорением этого процесса. Поэтому-то, возможно, Давид и отказался от первоначального намерения передать свои земли Баграту III» (стр. 200-201). Читатель

опять в недоумении: с одной стороны, Давид принимает «самое деятельное участие» в объединении Грузии, с другой, стороны – наносит этому объединению решительный удар, завещая свои владения византийскому императору по тому единственному соображению, что от воссоединения с Грузией его государство может окончательно огрузиниться. Читатель спрашивает, как же такой «умный, энергичный», «знаменитый», «выдающийся тайкский правитель» (определения Токарского)» как Давид Куропалат, не мог догадаться об этой грозившей его народу смертельной опасности двумя десятилетиями раньше? Но здесь мы имеем тот редкий случай когда Токарский приводит факты в обоснование своего положения. Вот, что он сообщает в подтверждение своего тезиса: «Особое положение тайкского куропалата нашло даже отражение в его монетах, один из редких экземпляров которых имеется в Ленинграде в Государственном Эрмитаже. В то время как монеты Баграта III подражают имевшим хождение в Грузии дирхемам, воспроизводя даже арабские легенды, на монетах Давида лицевая сторона имеет надпись «Христе, помилуй Давида», а обратная – изображение креста с буквами между его ветвями, которые читаются как слово «куропалат» (стр. 201). Вот и все. Но мы позволим себе прибавить к этим фактам еще один, замолчанный Токарским: надписи на монетах (и не только на монетах) Давида Куропалата сделаны по-грузински. Итак, по Токарскому, монеты Давида Куропалата, монеты оригинального образца с христианской эмблемой и с грузинскими надписями, свидетельствуют об антигрузинских настроениях Давида, а монеты его преемника Баграта III, первого царя объединенной Грузии, подражающие арабским монетам и имеющие арабскую надпись, свидетельствуют об обратном! Если это рассуждение Токарского не отличается фундаментальностью, зато оно, безусловно самобытно.

Культура. Все это насилие над общеизвестными фактами, их изображение в чудовищно искаженном виде нужно Токарскому для побочных, не имеющих ничего общего с наукой, целей. До сих пор считалось, что **архитектура Тао-Кларджетии есть**

органическая часть грузинской архитектуры. Токарский пытается опрокинуть это прочно установившееся в науке представление. Хотя здесь храбрость оставляет его, так что он почти все время говорит недостойным для советского научного работника образом – намеками и иносказательно, однако он читателю назойливо внушает вполне определенную мысль.

Выступая мнимым поборником положения о самостоятельности тао-кларджетской архитектуры (...«под покровительством знаменитого тайкского куропалата в его владениях в X в. создалась самостоятельная архитектурная школа, давшая видных зодчих» – стр. 202, или; «нельзя... при изучении архитектуры Армении и Грузии" ни игнорировать памятников интересующих нас областей, ни относить их только по факту государственной принадлежности к архитектуре одной из этих стран» – стр. 202-203), Токарский, постепенно набираясь некоторых элементов мужества, подрубает корни им же изобретенной самостоятельности тао-кларджетской архитектуры, оставляя довершить свое дело будущим служителям лженауки, которые, переписывая Токарского, должны будут прибавить кое-что и от себя лично.

На стр. 203 Токарский пишет: «Здесь в Ишхане в VII в. в армянской среде зародилась и впервые была осуществлена идея Звартноца, одного из лучших творений армянских зодчих». Затем насчет самого Ишханского храма он говорит: «Собор в Ишхане, построенный в VII в. армянским католикосом Нерсесом Строителем до призвания его на армянский патриарший престол, первый раз был возобновлен в IX в. учеником чтимого грузинского подвижника Григория Хандзтийского – Савой (Сабаном). Усматривать в мероприятиях Савы коренную перестройку, в результате которой круглый храм был обращен в сохранившийся до наших дней крестообразный – нет основания... При Саве строительные работы в Ишхане имели целью лишь приведение собора в состояние, позволявшее совершать в нем богослужение. К середине X в. Нерсесова постройка была уже разрушена настолько, что ее не было смысла восстанавливать, и при Давиде на ее

месте был построен новый собор,... *в алтарь которого вошла уцелевшая колоннада древней абсиды»*., (стр. 205-206), и что задача этой новой постройки заключалась якобы в том, чтобы «построить новый храм на основе ошкского типа, *сохранив в то же время древнюю абсиду»* (стр. 207). О знаменитом храме Бана, построенном, по признанию Токарского, грузинским царем Адарнасэ II (Г. Н. Чубинашвили относит этот памятник к VII в.), еще раньше было сказано, что он в основном повторяет схему Звартноца (стр. 106) путем подражания архитектуре той же самой древней Ишханского церкви (стр. 98), из чего и следует общее положение: ...«имеются все основания считать, что уже в Ишхане были заложены основы новой дерзновенной композиции, повторенной на один-два десятка лет позднее в Звартноце, честь создания которой неоспоримо принадлежит армянским зодчим, работавшим у Нерсеса» (стр. 98-99), т. е., говоря более определенно, это армянские зодчие, работавшие у Нерсеса, уроженца Тао, создали здесь, в Ишхане, в начале VII в. новую дерзновенную архитектурную композицию. В связи с фактом чистой тески внутренних стен знаменитого храма в Хахули, у Токарского возникает новый вопрос: *«не была ли хахульская церковь построена первоначально (когда же? Построен-то Хахули, по заявлению самого Токарского, ведь в конце X века – С. Д.) для армян антихалкидонитов, не признававших икон, а следовательно и росписи, подобно тому, как в Армении строились халкидонитские церкви»* (?! – С. Д.) (стр. 212). Таким образом, в Тао помимо армян-халкидонитов обнаруживаются еще армяне-антихалкидониты, т. е. такие же армяне, какие жили в самой Армении. Токарский здесь умалчивает о том, что храмы с чистой теской внутренних стен имеются и во многих других районах Грузии.

Увенчивается все это следующими утверждениями: ...«*основные направления, по которым шло развитие архитектурной мысли в тяготевших к Грузии владениях Давида и багратидском царстве, совпадали; мастера их, вероятно, работали дружно, рука об руку. В убранстве стен и куполов главную роль играют по-*

луколонки и пилястры с арками, ведущие свою историю еще от построек Нерсеса. Одинаковы и приемы украшения окон. Одновременно появляется своеобразная отделка парусов... Тайкская архитектурная школа второй половины X в. создалась в условиях, когда *большая группа армянского населения по указанным причинам окончательно выделилась в самостоятельный государственный организм*. И хотя он в силу происходившего огрузивания коренного населения уже тяготел к формировавшемуся объединенному грузинскому государству, *основная масса населения, несмотря на различие в вере, еще многими нитями была связана со своими сородичами*» (стр. 213).

Здесь читателю следует обратить внимание на то, что «багратидское царство» у Токарского обозначает собственно Армению, затем – связать в единую логическую цепь выписанные нами, в предыдущих двух абзацах, высказывания Токарского, и для него станет совершенно очевидным этот **беспрецедентный в истории советской, высокопринципиальной науки случай искажения исторической правды – попытка большой комплекс памятников одной национальной культуры выдать за памятники другой национальной культуры**.

Нельзя также пройти мимо этих забавных превращений домыслов и доводов Токарского. Раньше (двенадцатью страницами выше) утверждалось, что тао-кларджетское население с Грузией связывала только вера – общая приверженность к восточному православию; что эта общность вероисповедания грозила тао-кларджетским армянам усилением и ускорением процесса денационализации; что в противовес этой угрозе Давид Куропалат якобы отказался от первоначального намерения передать свои владения Баграту III, им же самим провозглашенному царем объединенной Грузии; что различие в вере мешало тао-кларджетским армянам жить вместе в одном государстве с остальными армянами. Теперь же выясняется, что «владения Давида» все-таки «тяготели к Грузии» и, мало того, тяготели они «к формировавшемуся объединенному грузинскому государству» не по ка-

кой-либо иной причине, а именно «в силу происходившего огрузинивания коренного населения»; что «основная масса» Тао-Кларджетии, масса армянская, которую различие в вере заставило «окончательно выделиться в самостоятельный государственный организм», все-таки, «несмотря на различие в вере, еще многими нитями была связана со своими сородичами», и была связана настолько крепко, что, к примеру, тао-кларджетские и собственно армянские строители храмов, предмета, имеющего наиболее близкое отношение именно к вопросам вероисповедания, работали дружно, рука об руку, тогда как с мастерами единоверной Грузии, к которой, к тому же, и тяготела их родина в силу происходившего огрузинивания, они не имели никаких точек соприкосновения; что, наконец, тао-кларджетские армяне могли, собственно, и не выделяться в самостоятельный государственный организм, ибо их различие-то в вере следует понимать здесь весьма ограниченно, поскольку в составе населения Тао-Кларджетии Токарский вскрыл мощные пласты армян уже чистых в вероисповедном отношении, никак не отличавшихся от населения центральных районов Армении – армян-антихалкидонитов, для которых, оказывается, и строились крупнейшие и лучшие церкви Тао-Кларджетии. Однако основная идея автора выражена здесь уже полностью. Вот для чего нужны были эти бесконечные разглагольствования о территориальной и этнической принадлежности Тао-Кларджетии. Для этого же и нужно было один из шести разделов книги об «Архитектуре древней Армении» посвящать специально «Тайкской архитектурной школе X века»!

Как же после всего этого должна звучать для читателя следующая фраза Токарского, заканчивающая главу «Тайкская архитектурная школа X века», последние абзацы которой мы цитировали выше: «Для того чтобы правильно понять пути развития архитектурных форм в Закавказье X и XI вв., нужно *любовно, без предвзятой установки проследить все те драгоценные нити, из которых сплелся в Чорохском бассейне «не развязываемый узел общих кавказских интересов»* (Март)» (стр. 214). Можно ли пред-

ставить себе более неправильное, более злостное, более предвзятое и одностороннее развязывание этого пресловутого «неразвязываемого узла»?

Из уважения к читателям неспециалистам, лишенным возможности читать специальные трактаты, проследим некоторые из поистине драгоценных фактов по истории архитектуры, и культуры в целом, Тао-Кларджетского края. Исследователи памятников архитектуры всех стран и народов одну из самых значительных частей своего материала видят в надписях древних построек. Эти надписи относятся к документальным источникам истории. В них очень часто сообщается о времени возведения зданий, о личности, общественно-политическом положении и намерении строителей, даются указания о культурном круге, к которому принадлежит данный памятник, и т. д. Токарский глухо упоминает о надписях тао-кларджетских памятников, их не использует вовсе, и только об Ошкской надписи говорит мимоходом, неточно передавая ее содержание³³.

Несмотря на трагическую историю края, вот уже на протяжении более четырех столетий терзаемого турками, тао-кларджетские памятники донесли до наших дней не мало древних надписей. Собираение их началось еще в первой половине прошлого века, когда известный армянский географ **А л и ш а н** описал большую церковь с грузинской надписью в **Чангли (Чилдирский район)**. Затем, одним из пионеров этого дела явился ученый армянский монах, член братства мхитаристов в Венеции, **Н е р с е с С а р г и с я н**. Отнесшись к своей задаче, не в пример Токарскому, поистине любовно и убедившись, что все собранные им в течение десяти лет (1843-1853 гг.) надписи выполнены на грузинском языке, которым он не владел в достаточной степени,

³³ Молчание Токарского о тао-кларджетской эпиграфике нужно признать умышленным, поскольку, по его собственному сообщению, он сам был в этом крае и даже подробно обследовал Ишханский собор в 1915 г. (стр. 206), следовательно, имел случай лично убедиться в том, что собой представляют надписи на тао-кларджетских памятниках.

Саргисян направил, при помощи того же Алишана, свой материал в Петербург, известному грузиноведу того времени академику Броссе, опубликовав собственными силами копии надписей в журнале «*Базмавен*» (1863-4 гг.). Помимо издания Броссе, мы располагаем сейчас и другими публикациями тао-кларджетского эпиграфического материала – публикациями акад. Н. Марра³⁴, проф. Е. Такайшвили³⁵ и других.

Не говоря уже о грузинских надписях знаменитого храма в *Бана*, этого, по словам известного немецкого ученого К о х а, лучшего после Айа-Софии на всем Ближнем Востоке сооружения и признанной даже Токарским постройки грузинского царя (достойно внимания, что на внутренних стенах Бана были обнаружены, после обвала штукатурки, дополнительные лапидарные грузинские надписи и что даже отдельные камни здесь имеют знаки мастеров в виде грузинских букв), на всех остальных называемых им памятниках мы имеем исключительно грузинские надписи. Они повествуют, что эти величественные здания возведены грузинскими строителями для грузинской паствы. Эти же надписи дают очень важные, часто – прямые хронологические указания насчет времени строительства.

Так, прекрасная *Ошкская надпись* сообщает, что этот храм построен в царствование и на средства куропалата Адарнасэ и по почину и заботами эриставт-эристава Баграта и магистра Давида. Академик Броссе считает, что это Адарнасэ II и его сыновья, – тогда постройка датируется 888-923 гг. По мнению же академика Джавахишвили, надпись имеет в виду Адарнасэ III и его детей, и тогда время возведения Ошки относится к 958-961 гг. Нужно указать, что надпись называет и зодчего Григола, рельефное изображение которого, по сообщению проф. Такайшвили, также сохранилось³⁶.

³⁴ В цит. изд. «Житисг Гр. Хандзтийского».

³⁵ В многочисленных публикациях этого ученого, лично обследовавшего тао-кларджетские памятники в течение организованных им трех экспедиций (1903, 1907 и 1917 гг).

³⁶ Таким образом, лишено основания утверждение Токарского, будто Ошк-

Хахули есть постройка Давида Куропалата, имя которого, повидимому, и упоминается в плохо сохранившихся грузинских надписях этого памятника³⁷.

Ишханские надписи свидетельствуют, что в постройке и перестройке этого большого архитектурного ансамбля принимали участие: в 1006 году *царь-царей Гурген*, троюродный брат и преемник, в качестве владетеля Тао, Давида Куропалата; архиепископ ишханский *Антоний*, инициатор полной реставрации главного храма в 1032 г., в царствование Баграта IV – царя объединенной Грузии и правнука вышеназванного Гургена; мастер *Иванэ Морчайсдзе* и другие. Если Токарский находит между Ишханским и Кутаисским храмами общие черты, в этом нет ничего выходящего из ряда вон: помимо того, что это – памятники одной и той же культуры, сооружены они в одно и то же время (пол. Кутаисского собора наслан в 1003 году) представителями одного и того же дома.

Многочисленные грузинские надписи *Тбетской церкви* упоминают, между прочим, зодчего *Шахбуза Татухадзе*.

Не менее богата надписями *Порта (Шатберд)*. В этих надписях упоминается зодчий *Абесалма Клдели* с товарищами [В 1952 г. была опубликована монография Е. Такайшвили – Археологическая экспедиция 1917 года в южные провинции Грузии – в которой он указывает на остатки армянской фресковой надписи в

ская надпись содержит „прямое“ указание на то, что этот храм построен Давидом (стр. 201-2). Давид III здесь упомянут на третьем месте среди строителей Ошки [Согласно новейшим изысканиям Ошский храм построен в 963-976 годах правителями Тао, братьями Багратам эриставом эриставов и Давидом магистросом. См. В. И. Силогва, Ошки – мемориальный храм X в. Тб., 2006 (на груз. языке с английским и русским резюме). Ред.]

³⁷ В противовес опять-таки необоснованному заявлению Токарского, будто „сведения древних авторов и надписи на памятниках, за исключением ошкской, не дают прямого ответа на вопрос, что же именно было построено Давидом (стр. 201-2), мы должны подчеркнуть, что «Матрианэ Карглисай» (XI в.) постройку Хахули категорически приписывает Давиду.

алтаре Ишханской главной церкви около изображения совершенно сбитой женской фигуры, предположительно – первой христианской царицы Армении – Ашхен. Он же опубликовал впервые грузинскую строительную надпись 1006 года малой Ишханской церкви «с датами по грузинскому летоисчислению, грузинскими буквами и по армянскому – армянскими буквами» (стр. 37, 38 и 42). Две явно поздние армянские надписи на Ени-рабатской церкви в Кларджети отмечает также Н. Марр (см. Н. Марр, Житие Григория Хандзтийского. СПб, 1911, стр. 100). Ред.]

В *Опизе* упоминается Ашот Куропалат, второй ее строитель, рельефное изображение которого также сохранилось³⁸. Заявление Токарского, будто Опиза и Порта возведены «вероятно уже после смерти Давида» (1001 г.), – выдумка, необходимая для того, чтобы подвести такое своеобразное основание под утверждение о заимствовании «зонтичной» кровли из армянских церквей, построенных в следующем столетии, в Мармашене и Хцконке. Огромное количество других построек края также покрыто грузинскими, и только грузинскими, надписями.

Но можно ли, позволительно спросить, решая такой значительный вопрос, как вопрос о национальной принадлежности целой архитектурной школы, не считаться с другими сторонами духовной жизни народа, со всеми остальными памятниками его творческого наследия? Между тем, хорошо известно, что Тао-Кларджетия IX-X веков вообще являлась средоточием и главным рассадником грузинского просвещения, литературы и искусств. Среди крупнейших культурных центров Тао-Кларджетии назовем: Опизу, – здесь подвизались известные деятели Микель Паре-

³⁸ Таким образом, неверно утверждение Токарского, будто «сопоставление косвенных данных с несомненностью устанавливает, что наиболее выдающиеся постройки (Тао Клаоджетии – С. Д.) были возведены в правление Давида и следовательно, по его заказу» (стр. 202). [Развалины монастыря в Порта ныне идентифицируются с Ханцтийским монастырем (См. П. Ингорква, Георгий Мерчуле, грузинский писатель X века, Тб., 1954) – Ред.]

хели, Георгий Мацкверели и др., здесь же в 913 году был выполнен один из значительных списков грузинского перевода четвероглава; Шатберди, – здесь около 973 года переписан один из драгоценнейших древнегрузинских манускриптных сборников, т. н. «Шатбердский сборник», здесь же сделаны списки грузинского перевода четвероглава: т. н. Адишский 897 г., т. н. Джручский 936 г., т. н. Пархальский, Иоанэ Берая, 973 г., и др.; в Ошки, в 978 году, переписан другой бесценный памятник древнегрузинской литературы, полный текст грузинского перевода библии (т. н. «Ошкский кодекс»), ряд значительных рукописей, датированных 977 годом, и др.; в Тбети протекала деятельность известного грузинского писателя первой четверти X века Степана Мтбевари, а также многих других; из хахульских деятелей известен Иоанэ Хахулели, по прозвищу «Златоуст»; в Пархали переписан «Многоглав» и др.; в Ишхани работали Илларион Ишхнели и др., здесь кипела литературная работа, так же, впрочем, как и в Хандзте, Цкаростави и др. Недаром этот край именовался в те времена «Грузинским Синаем»; здесь жили и работали выдающиеся представители грузинской феодальной общественности и культуры – Григорий Хандзтийский (Григол Хандзтели, конец VIII в. - первая половина IX в.), Серапион и Басиль Зарзмели, Георгий Мерчули, Арсений Сапарели, Дачи, Григол Ошкели, известные гимнографы Иоанэ Мтбевари, Микель Модрекили (из Ошки), Иоанэ Конкозидзе и другие, отсюда были родом знаменитые деятели Афонской грузинской лавры – победитель Варды Склира Торникэ, Иоанэ и сын последнего, один из самых выдающихся представителей древней Грузии – Евфимий Ибер, или Афонский. Здесь созданы такие блестящие памятники древнегрузинской церковной письменности, как жития Серапиона Зарзмели, Григола Хандзтели, Гоброна-Микеля и других. Давид III Куропалат был одним из самых просвещенных и щедрых покровителей всей этой культурной деятельности. Мы знаем сейчас имя и одного замечательного грузина-златокузнеца Асата, работавшего при Давиде же; отсюда происходит известный Цагерский крест с грузин-

скими надписями, заказанный для Ишхани Илларионом Ишхнели, и т. д. и т. п. Нет никаких данных, которые могли бы позволить противопоставить этой блестящей плеяде деятелей грузинской культуры Тао-Кларджетии IX-X вв. хотя бы одно имя местного представителя какого-нибудь иного национально – культурного круга! Можно ли было ожидать объективности Токарского в вопросе о существовавших в Закавказье отношениях хотя бы для последующей эпохи, когда, по словам Токарского, «Армения вступила в новую стадию развития под почти номинальным покровительством Грузии, осуществлявшимся представителями молодого армянского княжеского рода, братьями Иване и Захарией Долгорукими, занимавшими высшие государственные должности в грузинском царстве» (стр. 219)? Для характеристики этой «объективности» достаточно вникнуть в одну лишь процитированную фразу, долженствующую выразить не только политические отношения того времени. Итак, зависимость Армении от Грузии исчерпывается «почти номинальным покровительством» и это покровительство «осуществляется» «молодым армянским княжеским родом» Долгоруких. Очевидно также, что, по мысли Токарского, эти армянские князья, т. е. правители Армении³⁹ «занимая высшие государственные должности в грузинском царстве», т. е. имея большое фактическое влияние во внутренних делах самого Грузинского государства, сделали неизвестно откуда появившееся покровительство Грузии над Арменией «почти номинальным». Что мы не утрируем, это можно видеть из другого издания того же Института истории Академии наук Армянской ССР, из «Истории армянского народа» (Ереван, 1944 г.), в которой читаем: «Один из сыновей Саргиса Захаряна

³⁹ На стр. 294 Токарский пишет:... „Обстановка, *создавшаяся к моменту прихода к власти Долгоруких*, совсем не побуждала армянских зодчих к простому копированию заграничных образцов... В условиях становления новой национальной знати» и т. д. А на стр., 303 сказано: «Время правления Захария и Иване Долгоруких отмечено возведением в Ани ряда превосходных светских зданий».

(соответствует Долгорукому у Токарского – С. Д.), Захарэ, занимал при Тамаре должность амирспасалара, т. е. главнокомандующего войсками Грузии и Армении, а второй сын, Иванэ, – должность атабека, или *государственного опекуна*» (стр. 174; подчеркнуто нами. – С. Д.). Таким образом, само Грузинское государство оказывается под опекой и покровительством князей Долгоруких.

Прежде всего, о «Долгоруких»⁴⁰. Братья Закария и Иванэ (последний был младший) были представителями грузинского дворянского дома, носившего из поколения в поколение родовое имя Мхаргрдзели. Это чисто грузинское имя в переводе на русский язык действительно значит «долгорукий», но его не следует переводить точно так же, как нельзя переводить, скажем, русские фамильные имена Долгоруков и Толстой. Имя Мхаргрдзели мы видим в ряде армянских надписей, например в Аручской надписи 1285 года, Ахпатской надписи 1300 года и других. В армянской надписи Одзуна мы читаем: «Божьей волею я, Сумбат, сын Погоса Чоренца, раб (здесь, конечно, в смысле «вассал» – С. Д.) великого Иванэ Мхаргрдзели» (...es Smbat, ca'ay mecin Ivan&i Mxargr>eli...) ⁴¹. и пр. Таким образом, Долгорукий – вымышленная форма, а Захарян – просто курьез.

Владения Закария и Иванэ Мхаргрдзели и их потомков в Армении – это были обычные феодальные держания, полученные ими от грузинских царей, отвоевавших армянские земли от иноземных захватчиков, главным образом – турок. Собственные вотчинные владения Мхаргрдзели находились в Грузии. Национальное самосознание Мхаргрдзели также неоспоримо засвидетельствовано первоисточниками, которые и здесь по пятам преследуют нашего незадачливого автора. Оставляя в стороне грузинские сообщения, обратим внимание на показание совершенно объективного свидетеля – посла французского короля Людовика

⁴⁰ Только так они называются в книге Токарского.

⁴¹ K. Kostanean%, *Vimakan taregir*, стр. 250

IX, Рубрука. На обратном пути от монгольского хана, в 1255 году, Рубрук заезжал к Шаншэ Мхаргрдзели сыну Закария, в одно из его поместий в центральном армянском районе. Описывая это посещение и передавая содержание своих бесед с Шаншэ, Рубрук характеризует Шаншэ, как «одного из могущественнейших некогда грузин, ныне данника татар. Отец его, по имени Захария, приобрел эту землю армян, избавив их от рук сарацинов».

Чтобы разобраться в характере политических отношений, обратимся опять-таки к документальному материалу, на сей раз уже из центральных районов Армении. Известно, что к концу тридцатых годов XIII века монголы успели установить свое верховенство над всей восточной частью Грузинского царства, в том числе, конечно, и над собственно армянскими областями. Казалось бы, в новых условиях у местных армянских владетельных князей, если только они были налицо, могла появиться склонность установить непосредственную зависимость от монгольского хана, что со стороны последнего должно было встретить только сочувствие и поддержку. Однако, в действительности мы наблюдаем совершенно обратную тенденцию: Армения продолжает тянуть к Грузии, и старые связи держатся веками. Каковы же были эти связи?

Уже в начале XI века Армения, в силу объективно сложившихся целого ряда исторических обстоятельств, находилась в исключительно тяжелом положении. Перед лицом грозных опасностей – все возраставшей византийской агрессии, с одной стороны, и надвигавшегося турецко-сельджукского нашествия, с другой стороны, – многочисленные мелкие армянские царства и княжества не только не сумели объединиться, но еще продолжали дробиться; так, в начале двадцатых годов произошло новое деление Ширакского царства (со столицей в Ани) – этого средоточия общеармянской общественно – политической и культурной жизни. За следующие два десятилетия большинство армянских государственных образований, в том числе и Анийское царство армянских Багратидов-Багратуни, навсегда прекратило свое су-

ществование. Подавляющее большинство армянских районов перешло в руки Византийской империи.

Эта политическая катастрофа сопровождалась массовым выселением армян из родной страны. В эмиграцию имели возможность уйти и фактически уходили, конечно, главным образом представители верхних слоев армянского народа. Таким образом, это феодальное общество искусственно лишалось своей естественно сложившейся верхушки и, что важно особо отметить, на том этапе развития, когда еще не успел возникнуть исторический преемник феодального класса. Хлынувшие в Армению, в тех же сороковых годах, турецкие орды довершили дело политического и хозяйственного разгрома Армении.

Между тем рядом существовало, близкое по социальной и духовной культуре, объединенное *Грузинское царство*, пережившее, правда, ряд сильных потрясений в XI веке и сильно ущемленное в своих национальных границах, но достаточно могущественное для того, чтобы дать решительный отпор, еще при Баграте IV (1027-1072), первым ураганным налетам турецких отрядов, руководимых самим султаном Алп-Арсланом.

Завязавшаяся в середине XI века упорная борьба закавказских народов против турецкого порабощения и за свободу мирного развития была возглавлена Грузией. Особенно близкими в этом длительном процессе были отношения между Грузией и Арменией. Еще Баграт IV занимал, на короткое время, армянскую столицу Ани, куда он был приглашен самими городскими старейшинами, но закреплен был город за Грузией при знаменитом внуке Баграта IV Давиде Строителе (1089-1125). В результате кровопролитных войн, продолжавшихся почти целое столетие после этого, грузинские войска, при деятельном содействии и полном сочувствии армянского населения, изгоняют турок почти из всех областей обширной армянской земли и включают ее в состав Грузинского государства. Отныне грузинский царь становится также и царем армян, что находит законное выражение и в его титулатуре. При *Мхаргрдзели* в этом отношении не прои-

зошло по существу ничего нового. Дом Мхаргрдзели явился в Армению в качестве одного из феодальных держателей, получивших землю в условное владение от грузинского царя. Наряду с Мхаргрдзели в Армении были и другие феодалы – землевладельцы. Многочисленные армянские надписи на памятниках армянской архитектуры, рассматриваемых Токарским, свидетельствуют именно о вышеописанных отношениях и ни о чем другом.

Вот политические формулы, которыми снабжены армянские лапидарные надписи из следующих пунктов: 1. *Ахпат* (Алавердский район), 1121 г.: «Во время царя самодержца Давида благочестивого и Победоносца (Давид Строитель, 1089-1125), сына Георгия, сына Баграта, властвующего над этой областью и этим народом»... 2. *Кечарук* (Ахтинский район), 1181-3 гг.: «В царствование над грузинами Георгия, нашего также властителя». (Георгий III, 1156-1184). 3. *Арич* (Артикский район), 1201 г.: «Я, Закарэ, мандатурт-хуцес амир-спасалар армян и грузин (сделал подношения Аричу) во долгоденствие государыни моей, благочестивой царицы Тамар» (1184-1213). 4. *Ованнаванк* (Аштаракский район), 1201 г.: «В господство парой⁴² дедопал⁴³ Тамар»... 5. *Ахпат*, 1210 г.: «Во дни богом помазанной дочери царя царей Георгия, великой царицы (буквально: царя; Тамара носила титул царя, а не царицы) Тамар (сделал подношение Ахпату) я, мандаторта-хуцес, амир-спасалар Шахн-шах – Закария, сын Саргиса... во долгоденствие царя и во здравие и поминовение» (жертвователя и его домочадцев). 6. *Мармет*, 1206 г.: «В царствование Лаша (Лаша Георгий, сын, соправитель и преемник Тамары), в амирспасаларство Закария»... 7. *Оромайр* (Алавердский район), 1216 г.: «В царствование Лаша, в амирспасаларство Закария». 8. *Дсех* (Алавердский район), 1221 г.: «В царствование Георгия, сына Тамары, в начальство атабега Ивана»... 9. *Нораванк* (Микоянский район), 1223 г.: «В царствование сына Тамары, Лаша, в амирспасаларство над армянами и грузинами Шаханшаха и в ата-

⁴² Т. е. патрон.

⁴³ Грузинское слово «дедопали», со значением «Царица».

бекство дяди его Иванэ, пришел я... князь князей Бупак» (в Нора-ванк и сделал подношение). 10. Город *Карс*, 1234 г.: «В царство-вание Русудан (дочь Тамары, преемница Лаша Георгия, 1222-1245), в атабекство Иванэ». 11. *Карс*, 1234 г. ...«милостью царя нашего Русудан мы, карсские христиане, великие и малые, выстроили эти башни на память нам и патрону нашему». 12. *Карс*, 1236 г.: ...«царя царей самодержца Русудан»... 13. *Оромос*, 1246 г.: «В царствование над армянами и грузинами Давида (Давид VI, Нарин, сын, соправитель и преемник царицы Русудан, 1230-1293) и в спасаларство Шахншаха, сына великого Закария»..., 14. Хоракерт, 1252 г.: «В царствование Давида» (Давид VI, Улу, сын Лаша Георгия, соправитель Давида Нарина с 1247 г.), 15. Гетик-Гошаванк (Дилижанский район), 1283 г.: «Я, Чар, сын патрона Умека, внук Чара, родом из Манацкерта (сделал подношение Гетику), во владычество Гарану (Аргун, ильхан, монгольский властитель Ирана) и в царствование над грузинами Деметрэ Багратида» (сын Улу Давида, 1271-1289). 16. Аруч (Аштаракский район), 1285 г.: «В падишахство Аргун-хана (ильхан, монгольский властитель Ирана), в царствование Деметрэ, в паронство спасалара Мхаргрдзели, брата Иванэ, сына великого Шахншаха, я, Макли, сын ага-Хусана, прибыл в благоприобретенное моим отцом село Аруч» (*es Makli Xowsan auayis ordis eki yArow im hawrs gan>agin geus ew Jouihsa%in }ariatn hasti%*). 17. Мардз, 1285 г.: «Воздвигнут сей крест в дни притеснений и горечи от татар, в царствование Диметрэ, сына Давида, в патриаршество господина Оганеса» (священником Фомой и его братом Тирацу). 18. Аван (Котайкский район), 1285 г.: «Во владычество царя царей Аргута (ильхан, монгольский властитель Ирана), в царствование над грузинами и армянами Диметрэ», 19. Сурб-Кираки, 1286 г.: «(Во владычество) Аргуна, в царствование Деметрэ»...⁴⁴

⁴⁴ См. назв. изд. Костанянца, а также Н. Эмин «Армянские надписи в Карсе, Ани и в окрестностях последнего». М. 1881.

Мы конечно, даем здесь выдержки только из некоторых армянских надписей, но и их показаний вполне достаточно для уяснения существа дела. Остановимся подробнее на сведениях, заключающихся в Аручской надписи, датированной столь поздним монгольским периодом (1285 г.). Выясняется, что в это время Аруч принадлежит местному мелкому землевладельцу, некоему Макли, сыну аги Хусана. Турецкий эпитет «ага» (господин) служит здесь вполне определенным признаком и основательно внушает нам мысль о том, что Хусан и Макли были не только частными земельными собственниками, но и феодальными господами, сеньорами, или, употребляя столь распространенный тогда в Армении латинский термин в арменизированной форме, «паронами» аручского населения. С другой стороны, непосредственным пароном, или «патроном», самого Макли надпись называет Мхаргрдзели, затрагивая тем самым, опять-таки, общественные отношения прежде всего. Но надпись отмечает еще одну особенность бытия сеньора Мхаргрдзели: он не только феодал, но и должностное лицо, «спасалар», конечно – Грузинского царства, мы это знаем из других источников. Здесь мы вступаем уже в политическую сферу, и, развивая свои сообщения об этой области армянской действительности, аручский памятник правдиво свидетельствует, что царем армянским является царь грузинский, что несмотря на все пережитые страной столь значительные перипетии и сложившуюся к этому времени совершенно новую историческую обстановку, Армения продолжает оставаться частью Грузинского государства. Далее, это новое в политических условиях существования армянского народа также находит свое отражение в надписи: над грузинским царем Багратидом (так называет ведь Деметрэ вышеприведенная Гошаванкская надпись 1283 г.) есть еще .верховный сюзерен-падишах Ирана Чингисид. Выразить яснее и точнее все существовавшие в Армении в монгольскую эпоху связи и отношения было бы трудно.

Независимый источник освещения и монгольскую официальную точку зрения мы находим уже в персидской надписи на

стене т. н. мечети Мануче в древней столице Армении-Ани. Эта надпись, содержащая ханский указ (ярлык), была высечена по повелению монгольского властителя Ирана Абу-Сайда Бахадур-хана в период между 1319 и 1335 гг., и скорее во второй, чем в первой половине этого периода, как полагает ученый издатель надписи академик В. Бартольд. Следовательно, Анийская персидская надпись младше Аручской армянской на несколько десятилетий. Этот указ, изданный для защиты населения от незаконных поборов, между прочим, гласит: ...«пусть кроме тамги и справедливой пошлины ничего другого не взимают, и ни с какого человека под предлогом (податей) калан, немери, тарх и других ничего не требуют, как перед этим *в городе Ани и других областях Грузии* по причине (податей) калан, немери, незаконных ассигнований и (подати) тарх поборы производили и применяли насилие». (Перевод Бартольда. Подчеркнуто нами. – С. Д.)⁴⁵ Следовательно, еще в двадцатых годах XIV века сами монголы Ани и Армению рассматривали в качестве одной из грузинских областей.

Одна из анийских армянских надписей, надпись (по-видимому, еще более поздняя) над средними воротами первой стены города, содержит новое, очень важное указание: ...«За долголетье богом поставленного царя, падишаха и богомудрого князя князей.., в царствование грузин над этой страной (i]agaworow]ean vra% a}xarhis), когда столица Ани сделалась хасинджу, и в управление сим городом».. патронами ага Григором и Овани-сом и в епископство владыки Оганиса»⁴⁶... Т. е. анийские армяне свой город, как, и всю страну, продолжают считать частью Грузинского государства даже в тот поздне-монгольский период, когда Ани находится уже в непосредственной зависимости от хана (или от какого-нибудь монгольского принца), что и обозначено здесь известным термином «хасинджу».

⁴⁵ В. Бартольд, «Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче», СПб., 1911. стр. 7.

⁴⁶ Эмин, цит. изд. 7 – Мы даем здесь свой перевод, т. к перевод Эмина неточен.

Идеологическая и даже психологическая сторона вопроса заключается в том, что армянское население воспринимало грузинскую государственность со всем ее аппаратом управления как родную государственность и общегосударственные институты. Соответствующее сознание и находит свое выражение в таких формулах вышерассмотренных армянских надписей, как *царь грузин и армян, мандатурт-ухуцесс, амир-спасалар, атабег грузин и армян* и т. п. Это сознание пережило века. Вспомним, как крупнейший представитель армянской общественной мысли и историографии XV века Фома Мецопский, по поводу описанного им поражения, понесенного грузинами в 1440 году от «тавризского царя и владетеля» Джехан-шаха, говорит: «Поэтому (т. е. вследствие поражения грузин – С. Д.) мы (т. е. армяне – С. Д.) которые, находясь среди неверных, всегда гордились тем, что возлагаем свои надежды на грузин, отныне впали в отчаяние и сделались безответными перед лицом неверных»⁴⁷. Вспомним, как еще в конце XVIII века, заброшенные на край света, в далекую Индию, армяне величают своим царем Ираклия II, царя карталино-кахетинского!

Как же в свете этих неоспоримых фактов выглядит научность разбираемого издания? Но вот еще штрих, характеризующий уже не только «научность», но и общественные позиции Токарского. Токарский считает необходимым давать точную транскрипцию армянских географических названий по – русски: Аван, Агарцин, Айгестан, Таргманчац-ванк, Айриванк, Аршаруник, Быджни, Джрвеж, Ереруйк, Имирзик, Птгни, Хцконк и др. Здесь сохранен, между прочим, и признак именительного падежа множественного числа -к, хотя в самом армянском языке он является беглым и исчезает во всех косвенных падежах. В этой форме употребляет Токарский, в подавляющем количестве случаев, и название «Тайк», хотя грузинская его форма «Тао» имеет неоспоримое преимущество, представляя собой чистую основу имени и будучи

⁴⁷ Цитируем по изданию проф. Л. Меликсетбекова: „տոմս մեջտեղի-
լով“, թիվ. 1937, թիվ. 29.

засвидетельствована у Ксенофонта еще в 401 году до нашей эры. Но тот же принцип ломается, когда дело касается некоторых очень важных грузинских географических названий.

Допуская, по какой-то оплошности, в двух случаях грузинское наименование столь интересующего его края «Тао-Кларджети» (в русской литературе обычно – Тао-Кларджетия), Токарский подвергает его искусственной эволюции: первый этап – «Тао-Кларджет» (...«в Тао-Кларджете (Чорохский бассейн)»... – стр. 109), второй этап – «Тао-Кларджия» (...«в архитектуре Тао-Кларджии второй половины X в.»... – стр. 146), – здесь исключается не только суффикс -и, но и органически связанный с основой инфикс -ет.

Нет сомнения, Токарский будет кивать на акад. Марра, – это, мол, он завел такие формы. Действительно, во второй период своей деятельности Марр ввел такое правописание. Но, во-первых, Марр был принципиален: рядом с «Кларджия» он не писал «Тайк», как это делает совершенно беспринципно Токарский, а – «Тао» или «Тайя», Во-вторых, и жизнь и наука отвергли эти искусственные формы: кому же из здравомыслящих людей придет сейчас на ум писать «Мцхия», «Душия», «Каралия», «Осия» вместо «Мцхета», «Душети», «Каралети», «Осетия» и т. д. Однако, Токарский воскрешает эти давно позабытые, ошибочные написания, присоединяясь к числу тех, кто у больших ученых усваивает только их заблуждения. Почему же именно Токарского влечет к этим формам? Ответ на этот вопрос мы находим на стр. стр. 202-203, где мы читаем: «Нельзя... при изучении архитектуры Армении и Грузии ни игнорировать памятников интересующих нас областей, ни относить только по факту государственной принадлежности к архитектуре одной из этих. Стран, как *неправильно поступает В. Беридзе в отношении искусства Юго-Осетии и Свани, на том лишь основании, что они являются составными частями Грузии*». Прежде всею отметим, что памятники грузинской архитектуры имеются не только к югу от Кавказского хребта, в названных районах, но и к северу от него. Затем укажем, что с инфиксом -ет- в названии «Осетия» То-

карский не справился: под таким наименованием знает сейчас весь мир одну советскую автономную республику и другую автономную область. Зато он расправился с ним в другом названии, – не всякий читатель может догадаться, что Сванетия Токарского есть Сванетия на языке всех советских граждан и мировой исторической, географической, этнографической литературы. Токарский не учел только, что и форма «Сванетия» закреплена Советской Конституцией. Но главное заключается в том, что такая неотъемлемая часть грузинского национально-культурного коллектива, как Сванетия, веками живущая единой жизнью со всей остальной Грузией, в книге Токарского объявлена чуждым ей элементом, каким-то обособленным миром со своей собственной культурой; для обоснования же этой выдумки самым убедительным средством, в простоте душевной, признана искусственное изменение названия края, удаление из него всего специфически местного, народного. Так после южных провинций Грузии наступает очередь ее северных районов!

Как всегда в подобных случаях, и здесь за определенной практикой стоит определенная «теория». Напрасно мы стали бы искать научное понимание исторического процесса в книге Токарского. Вспомним хотя бы, как Токарский объясняет возникновение феодальных государственных образований в Закавказье. Тао-Кларджетия выделяется в самостоятельный государственный организм единственно по той причине, что армяне, якобы составлявшие здесь большинство населения, не хотели войти «в возрожденное армянское царство» вследствие религиозных разногласий, хотя сохраняли много других связей со своими сородичами, а в объединенное Грузинское государство они не хотели входить исключительно вследствие разноплеменности происхождения, боясь усиления и ускорения процесса денационализации, огрузинивания; потом Тао-Кларджетия стала все-таки тяготеть к «формировавшемуся грузинскому государству» не по какой-либо иной причине, а исключительно «в силу происходившего огрузинивания коренного населения». Таким образом, в освещении столь большого вопроса

мы не находим ни слова о материальных условиях существования людей и обществ, о хозяйственных и социальных связях, толкавших их к сплочению в естественно исторические объединения, о путях общественного производства и обмена!

Все убожество общей методологии автора без труда можно вскрыть на конкретных фактах истории самой Армении. Почему само-то это возрожденное Армянское царство уже через несколько десятилетий после своего возникновения начинает дробиться? Почему из него выделяются Карсское и Лорийское княжества? Почему еще в 1020-ых годах происходит новое деление Анийского царства? Почему не тяготеют к Ани Васпуракан, Сисакан и др.? Ведь жили-то здесь, в чем, конечно, не сомневается Токарский, только религиозные единомышленники и единоплеменники!

Знакомясь с рассуждениями Токарского об армянской архитектуре XII-XIV вв., читатель вначале может подумать, что здесь уже ему предлагают новое понимание "Ч художественных явлений: «Рассматриваемое время характеризуется развитием городской жизни в странах Передней Азии. Пестрое по национальному составу население городов жило общей жизнью и не национальные или вероисповедные различия определяли появление в это время тех или иных форм, а как показывают сами вещественные памятники, в первую очередь прогрессирующее социальное расслоение различных групп населения» (стр. 217).

Но не тут-то было. Говоря об архитектуре крупнейшего города Армении, ее столицы Ани, Токарский пишет: «Интересную характеристику анийских правителей XIII-XIV вв. дает Н. Я. Марр: «Правители Ани, хотя и армяне по происхождению, были не особенно тверды в национальных принципах. Национализм их не выходил за порог церкви. В церкви и на церкви (в надписях) обязательный для них священный армянский язык терял свою притягательную силу в реальной жизни. Арабская, иногда персидская надпись, но никогда ни одной армянской буквы на роскошных сосудах, несомненно принадлежавших последним владельцам Ани, христианам по вере, армянам по национальности. Не

только письмо, но, повидимому, и сюжеты выбраны и трактованы вне церковных армянских традиций, вне заветов древней армянской церковной живописи. Нигде не находим и намека на какие-либо армянские народные бытовые черты»... (стр. 295). Казалось бы, картина, нарисованная Марром, вполне соответствует вышецитированному общему положению Токарского о характере городской культуры «сельджукской эпохи». Однако Токарский находит необходимым обратиться к далеким предкам с запоздалыми нравоучениями по поводу отсутствия у них национализма, вместо того чтобы спокойно, *исторически* рассмотреть причины отсутствия национализма у одних и наличия его у других, причины и условия культурного воздействия одних народов на другие. Рассказывая, как некий парон Сахмадин для своего дворца в Мрене «берет за образец не анийский дворец парона или гостиницу, а мечеть Караман – капусу в Кони», Токарский пишет: «Парой Сахмадин не задумывался над тем, чтобы создать что – либо новое на основе родных форм, разработанных армянскими зодчими в начале века... Национализм верхушки армянского общества действительно «не выходил за порог церкви», так как подобная отделка портала нашла свое место не только во дворцах, караван-сараях (Селим) и притворах (Гамджирлу), но и на самих церквях, как это можно видеть, например, в Егварте»... (стр. 296-297).

Говоря так много о национальных формах сознания и творчества людей, национальных культурах, процессе становления национальностей, национализме, Токарский совершенно игнорирует марксистско-ленинское учение о нации, получившее классическую разработку в известных трудах товарища Сталина. Предвзятые, навязчивые идеи мешают Токарскому взглянуть на исторические явления объективными, научными глазами. Не имея на то абсолютно никакого права, как это было нами выше показано, Токарский включает население Тао-Кларджетии с его культурой в армянский национально-культурный мир, и вместе с тем исключает сванов и Сванетию из грузинского национально – культур-

ного коллектива, несмотря на то, что сваны – грузинское племя, давно вошедшее в состав грузинской нации, что сваны являются носителями общегрузинского национального самосознания, что грузинский язык для них является единственным языком письменности и культуры. Токарский не опасается того, что этот его выпад представляет собой старую погудку колонизаторов и империалистов даже не на новый лад!

Токарский считает, что армяне остаются таковыми, если они даже принадлежат к грузинской православной церкви. Конечно, один только вероисповедный признак не решает вопроса о национальной принадлежности. Но Токарский также считает, что все, кто принадлежал к армяно-григорианской церкви, уже по одному этому признаку должны рассматриваться в качестве армян. Иначе, какое основание признать армянином Закария Мхаргрдзели? Токарскому невдомек, что еще в средние века формировавшиеся национальности состояли из разнородных в этническом отношении элементов, что для перехода людей из одной национальности в другую вовсе не нужно было столетий.

Мы рассмотрели ряд беспочвенных, и, даже «подпочвенных» измышлений, грубых методологических и фактических ошибок в книге Токарского. Этого рода ошибки привели к тому, что важная, злободневная задача дать общий обзор развития богатой национальной архитектуры армянского народа осталась неразрешенной и будет ждать серьезных, подготовленных специалистов.

Мы показали так же, как наряду с научной беспринципностью в этой книге дают о себе знать несвойственные советскому человеку, приводящие к прямой фальсификации истории общественные «принципы», достойные того, чтобы быть осужденными со всей суровостью. Советская историческая наука не может развиваться, не отмежевываясь решительно от всех подобных, антиобщественных и лженаучных, тенденций. Водораздельная линия здесь пролегает не по каким-нибудь областным границам, – советская историческая наука едина – она проходит между материалистическим пониманием истории и идеалисти-

ческим вздором, между строго научной точкой зрения и безнадежно отжившей схоластикой, между добросовестным, объективным изучением конкретного материала, правдивым освещением исторической действительности, с одной стороны, и тенденциозным ее искажением, с другой.

Ноябрь 1946 г.

**«Заря востока», 1947
Илья Абуладзе**

**Замечания по поводу статьи П. М. Мурадяна:
«Армянская надпись храма Джвари»**

Во втором номере «Вестника общественных наук Академии Наук Армянской ССР» за 1968 год опубликована статья научного сотрудника Института литературы им. М. Абегиана Академии наук Армянской ССР Паруйра Мурадяна «Армянская надпись храма Джвари» (стр. 55-80). Молодой ученый с обширными интересами (к истории литературы, эпиграфическим памятникам, исторической литературе и библейским текстам), и к тому же с широким историческим диапазоном (5-12-14-18 вв.), ныне берется за датировку важнейших памятников древнегрузинской архитектуры.

Когда и кем возведены выдающиеся памятники древнегрузинской архитектуры – Мцхетский Джвари и Атенский Сиони – уже давно является предметом научных изысканий. Кто только не касался этого вопроса – грузины и иностранцы, историки, филологи и архитекторы досоветского и советского периодов. Ранее этой проблемой занимались больше историки и филологи, сравнительно позднее втянулись в это дело историки архитектуры, непосредственной обязанностью которых и является выяснение сущности архитектурных памятников и определение их места в истории архитектуры. Конечно, они должны при этом учитывать

данные исторической науки и филологии, но в сочетании с результатами собственных исследований.

В этом отношении история грузинской архитектуры имеет определенные достижения. В капитальном труде акад. Г. Н. Чубинашвили¹, являющемся плодом долголетних наблюдений и изысканий, на основании огромного количества фактических материалов и детального анализа, выявлена сущность упомянутых памятников грузинской архитектуры и определено их место в истории как грузинской архитектуры, так и архитектуры христианского Востока. В этом труде не оставлен без внимания ни один материал, связанный с памятником, будь то какой бы то ни было вещественный документ, или другие какие-либо сведения на родном или других языках. Именно из этого труда узнал П. М. Мурадян о существовании того материала, на который опирается он в вышеуказанной статье для разрешения весьма трудных и ответственных вопросов.

Какого характера этот материал? Документом, который весьма своеобразно использует П. Мурадян, является грузинская надпись, исполненная древнегрузинским заглавным письмом «асомтаврили» на одной из сторон квадратной формы камня, обнаруженного при разборке новой алтарной преграды храма Мцхетского Джвари, которая детально рассмотрена в труде акад. Г. Н. Чубинашвили и справедливо признана строительной надписью.

Грузинский ученый не преминул отметить, что на другой стороне этого же камня, в верхней ее части, помещена также одна трехстрочная надпись на армянском языке, сильно поврежденная и к тому же неясно высеченная, которую ученому трудно назвать надписью и поэтому он склонен считать ее за графитти [«имеется три строки армянской надписи (?) или графитти»]². Академиком Г. Н. Чубинашвили эта надпись опубликована ко всеобщему вниманию рядом с грузинской надписью на 31-ой таблице своего

¹ Г. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, Тбилиси, 1948.

² Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, стр. 83.

труда³.

Пропись этой армянской надписи в увеличенном масштабе, одновременно с грузинской надписью, публикует ныне и П. Мурадян.

В грузинской надписи 11 строк. Несмотря на то, что у нее повреждена левая сторона (отбиты и утрачены в среднем по 2-3 буквы в начале каждой строки), она легко восстанавливается и ясно читается. Совершенно утрачено из-за облома верхней части камня начало надписи, состоящее из двух или трех строк.

Сохранившаяся грузинская надпись читается так:

.....
.....
..... **[saloc]** ...
[vel]ad stefa. ...
[no]s patriki. ...
[osi]sa. demetr. ...
[e Âp]atosisa a. ..
[drn]erse Âpa. ...
[tos]isa soÂl. ...
[Ta] da xorCT. ..
[a m]aTTa meo. ..
[xad] da y~lisa. ..
[sax]lisa mcv. ...
[ela]d

Текст грузинской надписи в переводе на древнеармянский должен был гласить:

.....
.....
.....(YAU).....
AW[S STEFANO].....

³ Там же, таблицы.

SI PATRKI.....
DEMETRE.....
AY HIWPATOSI AT.....
RNERSEHI HIWPA.....
TOSI HOGW.....
O\$ EW MARMN.....
O\$ NO\$A I BARE.....
XAWS⁴ EW I PA{T.....
PAN⁵ AMENAYN.....
TAN\$.....

По русски:

«Крест этот Мцхетский украсили] в моление за Стефаноса патрикия, Деметре ипатия, Адрнерсе ипатия, в помощь их душам и телу и в покровительство всего рода (букв.: дома)»⁶.

Утраченные первые две или три строки, по предположению акад. Г. Н. Чубинашвили, должны были содержать следующие слова: „ესე ჯუარი მცხეთისად შევამკვეთ სალოცველ...“ «Крест этот Мцхетский украсили в моле...» [что по армянски было бы: «*xaṣs ays M%xiĒayi zargare%aq (kam y*rine%aq) ya[u]awĒs*»], по предположению же акад. А. Г. Шанидзе нехватяющие в начале слова должны были быть следующие: „შეწვებთა ღ~თისადთა აღხემართა ჯუარი ესე სალოც...“ – «Спомоществованием бога воздвигнут этот крест в моле...»⁷ (что по армянски было бы: «*AwgnakanowĒeamb A'coy kangne%aw xaṣs ya[u]aw[s]*») Таким образом, нет никакого сомнения в том, что грузинский текст является строительной

⁴ Или: *I barexawsowĒiwn*:

⁵ Или: *I pahpanowĒiwn*:

⁶ Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, Тбилиси, 1948, стр. 83-84.

⁷ Там же, стр. 84.

надписью, и касается конкретного креста, который был воздвигнут на постаменте.

Что же представляет собой армянский текст? По расшифровке П. Мурадяна здесь читается:

.....

[. . .] YRI FRKOW[[EAN YI{]. . . .

AT(A)KI HOGW[OY].

ARNOY EWS.

[⁸

В связи с предложенным чтением необходимо отметить, что в начале второй строки, где помещено поставленное под титло окончание слова, вместе с буквой **A** в скобки () нужно было ввести и конечную гласную **I**, которая вместе с первой, по-видимому, как предполагает П. Мурадян, сокращена ввиду того, что она внесена под титло, хотя восстановление последней и не обязательно, поскольку этого не требует контекст⁹. Именно по этой причине сокращенная буква (**I**) не имеется ни на фото, опубликованном Г. Н. Чубинашвили, ни на рисунке Л. Садояна. Следует добавить и то, что конечная буква последнего слова текста (**EWS**) хорошо видна на рисунке Л. Садояна, но фото, опубликованное акад. Г. Н. Чубинашвили, этого не подтверждает. В этом месте ничего не просматривается.

П. Мурадян, по-видимому, исходя из того, что на фрагменте надписи так или иначе возможно разобрать около пяти слов, из которых некоторые, по его же предположению, могут найти соответствия в грузинском тексте: «**ews**» – „ღა“ – «а также»; «**hogw[0%]**» „სუღთა“ – „душ" и „**arno%**” „[სახ]ლონა” –

⁸ П.М. Мурадян, Армянская надпись храма Джвари. Отд. оттиск и весника общественных наук, 1968, №2, стр. 59.

⁹ Здесь можно было ожидать «в поминание (душ)», что на древнеармянском было бы не „yi}ataki”, а “i” yi}atak (**hogwo%**) и т. д.

„дома" или «рода», думает, что и армянская надпись, подобна грузинской, тоже строительная (ктиторская).

Так ли обстоит дело? Откуда можно заключить, что «в нем (в армянском тексте, И. А.) воспроизведено содержание грузинской ктиторской надписи»? (стр. 60).

По мнению П. Мурадяна, в утраченной части армянской надписи, которая предшествовала сохранившейся, по аналогии с грузинской можно было ожидать перечисления ктиторов, с их титулами, а также – начальных слов надписи, также, как должен был быть указан объект, для которого составлена надпись. Но, по словам автора, это составило бы громадный текст, который не мог быть помещен на месте, выделенном для надписи и, потому, его нужно было сократить. Но что именно сократить? На это автор не может дать ясного и обоснованного ответа. Он склонен думать, что когда высекалась строительная надпись, по его расчетам, из ктиторов оставался в живых лишь последний (ипатий Адарнерсе) и надпись должна была быть высечена от его имени и с его упоминанием (безусловно в сокращенном виде, так как упоминался бы только один ктитор), или же она должна была быть составлена во имя всех ктиторов в третьем лице, как-то, – по словам автора – «имеется у нас»¹⁰ (Но где? в какой надписи? Здесь почему-то опущены слова «в грузинской надписи» – И. А.).

Что же хочет сказать этим автор? По-видимому то, что армянская надпись была сделана при каких-то особых обстоятельствах или условиях, в результате каких то определенных уступок. После окончания строительства, на той стороне постамента, на которой помещена армянская надпись до высечения последней, была выбита окруженная какой-то тайной крупная армянская заглавная буква [, в которой заключен особый смысл, якобы связанный со строительством. При высечении этой буквы, по словам П. Мурадяна, было получено какое-то повеление о том, чтобы на постаменте сделать ктиторскую надпись и на армянском языке. А

¹⁰ П. Мурадян, Армянская надпись храма Джвари... стр. 60.

для этого, опять-таки по особым соображениям, была использована обратная и мало заметная сторона постамента креста, на которой уже была нанесена буква [и перед которой, из-за ограниченности места, строительная надпись могла быть помещена лишь в сокращенном виде¹¹.

Если мы даже согласимся с армянским исследователем в том, что его предположения правильны и к тому же, что армянский текст является ктиторской надписью, подобной по содержанию грузинской, все же возникает необходимость исследовать – действительно ли имеется в армянском тексте что-либо совпадающее с грузинской надписью? Кроме того, необходимо выявить и то, какие именно данные свидетельствуют, что сокращенный и до нас не дошедший армянский текст, помимо ограниченности места, действительно сжат по каким-то иным причинам?

Как видно из вышеприведенной грузинской надписи, после упоминания ктиторов в грузинском тексте имеется следующее продолжение: „სუღთა და ჳორცთ[ა მ]ათთა მეო[ხად] და ყ(ოვ)ლისა [ხახ]ლისა მცველ[დ]“. Как соответствие этой фразы, которая на русский язык переводится так: «в помощь их душам и телу и в покровительство всего рода» (Г. Н. Чубинашвили, Памятники... стр. 84), автор статьи приводит всю сохранившуюся армянскую надпись в собственной расшифровке в следующем виде “...YRI FRKOW[[EAN YW{]AT(A)KI HOGW[O\$] ARNO\$ EWS”, что он переводит так: „во спасение []а, а также в память рода“¹².

Со словами «Во спасение []а» П. Мурадян сопоставляет из армянской надписи: «...yri frkow[]ean», что по грузински значит «...ის(ა) ჳხხისას», а для слов „а также в память рода“ из армянского соответственно остается «[yi] at(a)ki hogw[o%] arno% eas», т. е. по грузински „საჳხეხეხელსა სუღთა

¹¹ Там же, стр. 61.

¹² П. Мурадян, Армянская надпись храма Джвари..., стр. 61.

სახლთსაცა". Такая операция с фрагментом армянского текста неправильна, во-первых потому, что в переводе совершенно пропущено самое несомненное и ясное слово «Hogw[o%]», т. е. по грузински „ხუღთა“, по русски „душ“ (при этом, по нашему мнению, слово действительно совпадающее с грузинским) и, затем, потому, что значение и форма слова *arno% расшифрованы исключительно своевольно.

Если бы можно было заметить наличие подсказа грузинского текста при высечении армянской надписи, как это пожалуй, каким-то образом можно допустить, то следовавшего за словом «სუღთა» («hogwo%»), «ჰოღოცთა», т. е. «тел», в армянском должен был дать marmno% искажение чего мы могли бы искать в форме *arno% армянской надписи. Манипуляции со словом *arno%, предлагаемые автором, якобы *arno% – *«род» должно быть получено из диалектной формы arin/arown литературного слова ariwn (genet. arean) – „кровь», «род» и, притом, с изменением типа склонения в следующем виде: ariwn→arin/arown→*arnoy (вместо литер. arean)→*arno% – (genet, plur.), абсолютно не могут быть приняты, пока подобные суждения не будут подкреплены аналогичными примерами (хотя бы одним) оканчивающимся на -iwn и при этом явно претерпевшим те изменения, которые допускаются для ariwn-а. Такое разъяснение, мягко выражаясь, может быть лишь плодом определенных тенденций.

Утверждение того, что якобы слово *arno% должно передавать значение слова „სახლობა“ („дома“, „рода“) грузинского текста, в смысле родственников *по крови*, также весьма искусственно, так как такие взаимоотношения в других случаях и в армянском обычно передаются словом town (tan), т. е. словом соответствующим грузинскому „სახლი“ «дом»), а не каким-то

*arno%-om¹³.

Не может быть понято как подсказ для применения армянского слова *frkow]ean* слово грузинского текста „მეობად“, поскольку армянское слово *frkow]iwn* соответствует русскому «спасение» а не грузинскому „მეობ-მეობებად“ которому в армянском соответствует только *barexawsow]iwn*, а не *frkow]iwn* (если в подчеркиваемых П. Мурадяном (стр. 59) грузинско-армянских текстах „მეობად“ он сопоставляет с *frkow]iwn-om*].

Таким образом, ни одно из армянских слов дошедшей до нас армянской надписи (кроме *hogwo%*), связь которых со

¹³ Измышление нового содержания для древнегрузинских и древнеармянских слов или терминов, с целью мнимого подкрепления своих предвзятых воззрений, свойственно П. Мурадян и в других случаях. Для иллюстрации этого достаточно упомянуть один из его трудов напечатанный совсем недавно в 1 номере «Историко-филологического журнала» за текущий год, под названием: «К вопросу об оценке греческих и грузинских редакций «Типика Григория Бакуриани» (на арм. яз.). Здесь он слово „მამულო“, которое должно быть переведено как «*hayreniq*» или «*hayreni erkir*», т. е. „родина“, родной край” передает новоармянским *Kalowacq*, которое соответствует грузинскому „მამულო-ქონება“, т. е. русскому „имение” (стр. 108).

Таким же недоразумением от начала до конца нужно считать его утверждение, что в древнегрузинской богословской литературе слову *სუვიო*“ везде соответствует слово „უვალი“, а в „Типике“ Григория Бакуриани вместо этого якобы отмечается „თავადი“ которым, по мнению П. Мурадяна, передается „с заметным подчеркиванием господствующее в светском понятие” („*nkateli =ndgcvowm & a}xarhakan tiroj haska%ouow]iwn=,*) и «что это обстоятельство может оказать услугу для уточнения времени возникновения или перевода существующей грузинской редакции» (стр. 115, прим).

Слово „თავადი“ как в „Типике“ так и в других произведениях древнегрузинской литературы обычно соответствует древнеармянскому *inqn, inqnin* т. е. „თვთ“ – „сам”.

словами грузинской надписи желает видеть П. Мурадян, не оправдывается. Все это насильно притянутые измышления, явно тенденциозные.

Вот на таком туманном документе с неустановленным текстом, значит и неуточненным содержанием, полных противоречий собственных рассуждениях и неправильном понимании древнегрузинского языка строит П. Мурадян очень далеко идущие соображения. Несмотря на свои обещания, автор даже не сумел точно передать надпись и определить ее и, главное, не смог найти увязки между вычитываемыми им словами так, чтобы не урезать “hogwo%” „ხელო“ «душ»), или не придать что-то с добавлением своих необоснованных комментариев (*arno% „არნო“ и др.).

Какими намерениями движим автор, пытающийся путем подобных урезываний, а в большей степени – путем собственных сомнительных предположений, искать истину? Этими намерениями он старается, во чтобы то не стало убедить читателя, что строительство Мцхетского Джвари было начато в первом десятилетии VII века и закончено во время ипатия Адрнерсе, около 642 года, что архитектором этого храма является армянин, чье имя было затушевано в силу конфессиональных или каких-то иных соображений. А это оказывается, выражается, во-первых, в том, что его рельеф, помещенный под куполом, оставлен без надписи, так как эта надпись должна была быть высечена на армянском языке и, во вторых – в том, что на той стороне постамента креста, на которой помещена в сокращенном виде армянская надпись, строитель ранее намеревался поместить лишь надпись, повествующую о его имени или о его заслугах; такую надпись он даже начал вырезать достаточно видным и особенным шрифтом, но ему удалось высечь лишь начальную букву своего имени], так как ввиду полученного повеления (по-видимому правителей – И. А.) было решено вырезать на мало заметной стороне постамента на армянском языке ту же надпись, которая была высечена на грузинском языке на одной из особенно заметных сторон этого же

постаменту.

Далее, в связи с таким повелением, начинание архитектора застопорилось, уже не могло быть осуществлено. При этом не могло быть полностью выполнено и само это повеление, чтобы данная надпись по величине была равна грузинской, так как и место перед «окутанной тайной» буквой] не давало возможности для того, чтобы строительная надпись на армянском языке была воспроизведена с той же полнотой, как грузинская. По этой причине, оказывается, она вышла сокращенной, и это видно как из, якобы, схожих мест грузинского и армянского текстов, так и из утраченной (обломанной и уже не существующей) части армянской надписи, на которой не мог быть помещен равный по объему грузинскому армянский текст (т. е. перевод). Здесь, опять-таки по предположению исследователя, сокращение должно было коснуться поминаний Степаноса и Деметре, так как их уже не было в живых в то время, когда по распоряжению ипатия Адрнерсе на постаменте высекалась ктиторская надпись (см. стр. 59- 61).

Армянская надпись, по словам автора, «является повторением ктиторской надписи с сокращенной передачей ее в начальной части, отбитой ныне» (стр. 61). Сокращения, по предположениям исследователя, осуществляются в армянском в соответствии с реальной действительностью. Так, напр. «...yoi frkow[]ean», что означает фразу «во спасение кого-то», относится к Адрнерсе, так как во время исполнения надписи оставался в живых только он, а “[yi] at(a)kui (sic) hogw[o%] arno% (sic) ews”, что подразумевает „помянуть чьих-то душ” в переводе автора значит: «а также в память рода», т. е. уже «помянуть» рода патрикиев, ипатиев, а не «спасение», так как имеются в виду уже усопшие патрикий Степанос и ипатий Деметре.

Почему уделяется так много внимания и сочиняются предположения за предположениями относительно столь фрагментарной, крайне туманной надписи и помещенной в конце нее на отдельной строке единственной букве [которая оказывается выполнена особой, выделяющейся резьбой и манерой? Такое при-

лежание автора объясняется желанием доказать, что архитектором Мцхетского Джвари также как и Атенского Сиона является армянин и притом не кто иной, как сам строитель Атенского Сиона в лице архитектора Тодосака, который по исчислениям автора, к 40-ым годам VII в. закончил Джвари и вслед за тем взялся за строительство Атенского Сиона.

То, что Атенский Сион является слепым подражанием Мцхетского Джвари, в истории грузинского зодчества давно уже признано всеми и не является спорным благодаря трудам того же Г. П. Чубинашвили. Это оказывается, по словам самого П. Мурадяна, и для него является «хрестоматийной истиной». То, что Атенский Сион построен архитектором армянином, со дня выявления строительной надписи было принято почти всеми. Что вместе с этим архитектором работал мастер или мастера армяне, один из которых даже поместил под куполом Атенского Сиона свое изваяние, и это обстоятельство широко освещено опять-таки на страницах труда Г. Н. Чубинашвили (стр. 169). Им же определено время возведения Атенского Сиона, – вскоре после окончания строительства храма Мцхетского Джвари, в начале же VII века.

Каждый новый научный труд обычно или выявляет новые материалы, которые были незамечены другими, или вносит новые коррективы в замеченные, но недостаточно освещенные вопросы, или же пытается, на основе добытых им новых материалов по новому осветить или ввести новую точку зрения в область исследуемого вопроса и этим подвинуть вперед дело исследования проблемы.

Единственно, что ново в смысле выявления материалов у армянского ученого П. Мурадяна и его сотрудников – архитектора Л. Садояна и доц. А. Еремяна, это то, что на кладке стен (на квадратах), в различных местах, дополнительно к уже известным до сих пор, замечены новые знаки или клейма каменотесов, каковые замечались на стенах Мцхетского Джвари и другими, в частности акад. Г. Н. Чубинашвили, который в своем известном труде об этом памятнике привел их образцы вместе с типами знаков, заме-

ченных им же на Атенском Сионе (стр. 65). Указанные армянские ученые обнаружили такие знаки в большем числе и на квадратах Мцхетского Джвари, из которых некоторые оказались нового типа, а иногда похожими на атенские знаки.

Изменилось ли что-нибудь в результате обнаружения этих дополнительных материалов? Абсолютно ничего. И если действительно примененная в качестве каменотесного знака армянская буква означает, что ремесленник был армянином и данный знак должен быть его инициалом, то в таком случае среди каменщиков и ремесленников как на Джвари, так и в Атени было некоторое число армян. В отношении Атенского Сиона этого никто не отрицает. Его главным архитектором, согласно строительной надписи, является Тодосак (среди армянских личных имен имеющий необычайную форму), а подручным Григорий Дапс, а также будто и некоторые другие: Самсон, Амбакум и Гиорг (по мнению Л. Меликсет-Бека)¹⁴.

Что храм Атенского Сиона является безыскусным повторением Мцхетского Джвари и что его зодчим является армянин Тодосак, как было сказано выше, никогда не вызывало споров в грузинской советской искусствоведческой науке. К этому мнению, как мы убедились, ничего не добавлено П. Мурадяном. Новые нотки звучат лишь в том смысле, что, оказывается, иногда каменотесные знаки Мцхетского Джвари и Атенского Сиона схожи, что должно свидетельствовать о том, что «значительное количество каменотесов принимало участие в строительстве обоих храмов» (стр. 75).

Что касается Мцхетского Джвари, то новыми по материалам является то, что по сравнению с прежним, выявлено сравнительно больше каменотесных знаков, причем некоторые из них представляют буквы армянского алфавита, и делается вывод, что на строительстве памятника работало по крайней мере 9-10 мас-

¹⁴ Л. Меликсет-Бек. Армянские надписи VII века в Грузии (Атенский Сион), на армянском языке: «Известия АН Армянской ССР» № 5, 1945, стр. 3-6.

теров армян. А это, по его же словам, дает возможность предположить, что лицо, чье имя собирались высечь на постаменте креста, также имеет отношение к строительству памятника, и притом существенное, так как избранное им место требовало особой привилегии, на которую не мог претендовать обыкновенный мастер (стр. 75).

Кроме сказанного, новым является, и притом первым опытом, чтение и расшифровка армянской надписи.

Палеографическая характеристика надписи, которая в этом отношении нам кажется интересной и необходимой, совершенно отсутствует у П. Мурадяна¹⁵.

Как в вышеуказанном случае, так и здесь, на основании этих вещественных материалов, автор статьи выставляет чрезвычайно своеобразные и смелые суждения, большей частью необоснованные, построенные на столь же необоснованных предположениях.

Первое его наблюдение, что дошедшая до нас исключительно фрагментированная и поврежденная армянская надпись должна быть ктиторской, подобно грузинской, как мы уже отмечали, выставленными им документальными данными не подтверждается. При сопоставлении расшифрованного П. Мурадяном отрывка армянской надписи с грузинской, как нами было отмечено выше и снова подчеркивается здесь, текстуально совпадает лишь одно слово. Это грузинское «სუღოთა» («душ») и армянское «hogw[o%]». Слово *arno% как отмечалось уже выше, остается необъясненным, так как попытка автора истолковать его в смысле, отвечающем значению грузинского слова «სახლი» («дома», «рода»), более чем сомнительна и необоснована; во всяком случае до тех пор, пока автором не будет найдено в армянской лексике хотя бы одно слово, претерпевшее

¹⁵ Это он пытается обосновать тем, что якобы: «Палеографические данные надписи так определены, что нет необходимости для приурочения ко времени строительства прибегать к их анализу» (стр. 60, прим.).

аналогичные изменения, которые П. Мурадян предполагает для *arno%-а. Также неприемлема и ошибочна попытка автора представить идентичным по содержанию грузинскому слову “*ճրօ՛ն*” армянское слово *frkow]iwn* (ср. выше стр. 6). *Попытка автора выставить армянскую надпись ктиторской надписью исходя из представленной им расшифровки текста не имеет никакого основания, кроме того, что она помещена на постаменте, на одной стороне которого высечена грузинская строительная надпись.*

Чистейшим гаданием является утверждение автора, якобы в сочетании “...yri *frkow[]ean*” подразумевается один ктитор и притом этот ктитор является ипатием Адрнерсе, по соображениям, представляемым исследователем П. М. Мурадяном.

Это относительно анализа текстов из области филологии.

Можно было, хотя бы вкратце, коснуться некоторых других соображений и высказываний автора исторического порядка, но не разрешаем себе в данной статье вдаваться в строго исторические изыскания, отметим лишь, что большинство из них также лишено реальной и научной почвы.

Все же, из числа подобных соображений коснемся нескольких.

Допустим невероятное и на минуту согласимся с автором статьи-исследователем-филологом и даже глубоко осведомленным в вопросах архитектуры ученым П. Мурадяном, что его предположения и соображения правильны.

Но если это так, то чем же объяснить то обстоятельство, *что маститый зодчий, по национальности армянин, строитель Джвари и Сиона, по имени Тодосак, в одном случае, во Мцхета затушѣван, там его как армянина даже не хотят указывать (не хотят даже высечь его имени), а в другом случае, в Атени, наоборот, высекают строительную надпись с его именем и помещают рельеф его помощника армянина Григория Дапса с армянской надписью под куполом храма? Разве Атени не находился на территории Картли и разве строи-*

тельство это там велось в другом веке?

Или, как объяснять то явление, что один и тот же архитектор возводит два памятника одного вида, причем первый несравненный во всех отношениях, а второй малоискусное подражание, даже в деталях копирующее первое произведение?

Безусловно совершенно невероятны и чрезвычайно тенденциозны и другие аналогичные рассуждения автора и, главное, построены они на основе того, что помещенная на постаменте креста Мцхетского Джвари, нарочито выделенная от других букв] является инициалом упомянутого в Атенской строительной надписи [ODOSAK, подтверждением чему, якобы одновременно с другими предположениями, являются одинаковые размеры обоих знаков, т. е. букв¹⁶. Вот так палеографический анализ! Блажены верующие!]

* * *

Каковы же характер и назначение армянской надписи на постаменте креста? Она, по нашему мнению, является надписью более позднего времени (как будет показано ниже), посвященной воздвигнутому на постаменте кресту и высеченной рядом с грузинской на отдельной стороне постамента. Обычно в надписях на крестах в первую очередь отмечается, кем воздвигается крест (в надписях крестов раннего времени предпочтительно речь идет о его воздвижении), для кого воздвигается он, а затем уже, с какой целью и каково его назначение. За указанием цели или назначения, обычно следует моление, испрашивающее благодать для лица, воздвигающего крест или ктитора, или же для того лица в честь которого или во имя которого воздвигается крест – долгоденствия, жизни, избавления, спомоществования, поминания и др...

Из сохранившейся грузинской надписи не видно, кем был

¹⁶ Чего в действительности нет: размеры знака] в Сиони 12x8 см., а на постаменте креста в Мцхетском Джвари 10x6 см.

воздвигнут крест с надписью. По сохранившемуся тексту безусловно нужно полагать, что в обломанных начальных двух или трех строках речь шла о воздвижении креста в третьем лице: «[შეწევნითა ღ“თისადთა აღხემაართა ჯუარი ესე]» т. е. «Божией помощью был воздвигнут крест этот» и т. д.

Какова цель или назначение воздвигнутого креста, это, несмотря на незначительные утраты букв в начале строк, хорошо восстанавливается в грузинской надписи. Он был воздвигнут: «[სალოცველ]ად სტეფან[ნო]ს პატრიკი[ოსი]სა, დემეტრე[ე კ]ატოსისა, აღდრნერსა უპატოსისა» т. е. „[В молен]ие Степа[но]са патрики[я], Деметр[е ип]атия, А[дрн]ерсе ипа[ти]я“, несомненно в ознаменование того, что они много сделали для постройки Мцхетского Джвари; за их труды испрашивается, дабы крест был бы“, во первых, «სულ[თა] და ჳორცთ[ა მ]ათთა მეო[ხად]» – „в помощь их душам и телу« (т. е. «был бы ходатаем их душам и телу“) а, затем, «ყ(ოვლისა სახ]ლისა მცველ[ა] დ» – покровительство всего дома“ (т. е. «хранителем всего дома или рода“).

Обрывки слов армянской надписи (в самом начале надписи должно недоставать одной строки), по которым мы можем иметь лишь некоторое понятие о характере надписи, дают нам только возможность представить себе некоторым образом цель сделавшего надпись и моление – испрашивающее спасение и поминание чьих-то душ и тел, о которых речь ведется в третьем лице.

Исходя из этого, фрагментарно дошедшую до нас армянскую надпись можно было бы восстановить в следующем виде:

.....
 [..[YS] I Ferkow[[I EW YIê]
 AT(A)K HOGW[O\$ EW M]
 AR (M)NO\$ EW
 [

В сохранившейся надписи конец первого слова (последние две буквы) может быть окончанием указательного местоимения (артикля) в nominativ-e, предположительно в форме «[A]YS» в

следующей фразе [“KANGNE\$SW XA_S A]YS” – [“воздвигнут крест этот». В таком случае восстановленный выше последующий текст примет более или менее понятный вид: “KANGNE\$AW XA_S A]YS I FRKOW[I EW YI]AT(A)K HOGW[O\$ EW M]AR(M)NO\$¹⁷ EW” – („[აღმართა ჯუარი ე]სე საჯსნელად (ან: საჯსრად) და საჯსენებელად სულთა და ჳორცთა და“) т. е. «[Воздвигнут крест] этот во спасение, (или „во избавление») и в поминание душ и тел". Как видим, окончание не вполне ясно и стройно. Во-первых, оно производит впечатление незаконченного предложения, хотя бы даже читалось „ews" «а также» – согласно П. Мурадян. А, во-вторых, неподходящим может показаться выражение „в поминание душ и тел" (или: „души и плоти"), хотя в грузинском „душа и плоть» в молениях за спасение, вспомоществование или помощь встречается как одно цельное, нераздельное понятие. Так напр., 1) „რადთა... დასდგე ადგილსა წმიდასა მისსა შემწირველად... საჯსნელად სულთა და ჳორცთა ჩუენთა“ – „дабы... стал на святом месте для возношения... жертвы... *во спасение* наших душ и тел"¹⁸. 2) „შემოგწირეთ საჯსრად და სამეოსედ სულისა და ჳორცთა ჩუენთათჳს“ – «пожертвовали *во спасение и в вспомоществование души и тела* нашего»¹⁹. 3) „სულთა და ჳორცთა მათთა მეოსად“ – „*в помощь их душам и телу*" (см. выше, стр. 172)²⁰. Сообразно с этими, думаю,

¹⁷ [M] невольно пропущено резчиком.

¹⁸ Г. Мерчул. Житие святого Григория Хандзтийского, груз. текст, введение, издание и перевод Н. Марра, СПб., 1911, стр. 8-10-III 8-10.

¹⁹ ს. კაკაბაძე, დასავლეთ საქართველოს საეკლესიო საბუთები, წიგ. I, თბილისი, 1921, გვ. 16.

²⁰ Для понятия „души и плоти" как цельного выражения, может пригодиться следующее предложение „მე, გლახაკმან სულითა და ჳორცითა, ღირს ვიქმენ დაწერად წმიდისა ამის წიგნისა“ – «Я, нищий душой и телом, удостоился написать св. сию книгу (запись писца Синайской рукописи X в № 38. G. Garitte. Catalogue des manuscrits georgiens littéraires du mont Sinaï, p. 14.3).

предложенное мною чтение «*yī}atak hogwo% ! marmno%*» – «*в поминание души и тел*» („души и плоти“) не создает препятствия как об этом можно судить по показаниям некоторых памятников древнегрузинской литературы: а) „*ჰსენებდა ნებარისა მამისა გრიგოლისი იყავნ მარადის სასო და შესავედრებელ სულისა და ჰორცთა*“ – „будет постоянно предметом наших упований и убежищем *души и плоти* память в сей день блаженного Григория“²¹; б) „*შევეწირენ... [წიგნნი]... საღოცველად და მოსაჰსენებლად თავისა და სულისა ჩუენისა...*“ – „Пожертвовал... [книги]... *в моление и в поминание* себя и души нашей“²²...

Судя по данным надписей, упомянутыми молениями испрашивается милость как правило в день второго пришествия и страшного суда как для усопших, так и для живущих.

Но как видно из толкований П. М. Мурадяна, вокруг упомянутых надписей ему, видимо, не совсем подходящим кажется не только подобная формула *поминания* лиц, но даже и та из грузинской надписи, которая касается ктиторов и гласит: „*სუღთა დაჰორცთა მათთა მეზად*“ (т. е. „в помощь их душам и телу“). А это из за того, что якобы из упомянутых ктиторов Джвари при воздвижении креста здравствует лишь один, а остальных двух и в живых нет. Но раз все они, по разъяснению автора, являются ктиторами, потому и в грузинском тексте появилась эта „обобщающая формулировка, не позволяющая, однако, их считать правителями-современниками“. Зато исправление якобы этой неясности П. М. Мурадян видит в собственной расшифровке армянской надписи, где „...*yri frka[]ean*“ – „во спасение | ja“, выделяет для здравствующего ктитора, а „*[yī}ataki hogw[o%] arno% !s* “ – «а также в память рода» – для усопших (Степаноса патрикия и Деметре ипатия – стр. 59-60).

²¹ Г. Мерчул... стр. 36 1-2 -IXXXIV 1-2.

²² G. Garitte. Catalogue... p. 150 (Запись писца рукописи 979 г.).

Чтобы яснее представить сущность дела и показать, что подобные формулы моления испрашиваются и для живых и для усопших, не только обобщенно, но и отдельно, обратимся к текстам надписей.

Из надписей крестов и культовых сооружений, когда они начинаются словами „kangne%i“ – „ճգճմարտյ“ – „воздвиг“ или «kangne%aq» – „ճգճմարտյ“ – ”воздвигли”, скажем „крест этот” или „часовню эту”, можно привести не один пример в доказательство того, что в их молениях нередко испрашивается милость как для воздвигателей памятника, так и их близких – родителей, детей, жены и других: „**В ходатайство** (или: в заступничество) души моей, жены и детей”. [«i barexawsow]iwn hogwoy imoy ! amowsny imoy ! zawaka% imo%» ЛК*, стр. 98, 1253 г. (d)]; „**Во спасение** души моей» [«i frkow]iwn hogwoy imoy», ЛК, стр. 97, 1257 г. (a)]; «Во спасение души моей и родителей» [«i frkow]iwn hogwoy imoy ! snoua%», ЛК, стр. 11, 997 г.1]; «**В вспомоществование** души моей» [«ууawgnakanow]iwn hogwoy imoy», ЛК, стр. 16, 1023 г.]; «**В ходатайство** души моей и жены... и сына...» [«i barexawsow]iwn in> ! amowsnoy imoy... ! ordwoy», ЛК, стр. 125, 1283 г. (d)]; «**В поминание** мое и сыновей моих» [«i yi}atak in> ! ordwo% imo%» ЛК, стр. 87, 1244 г., (e)]; «**В ходатайство** наше и **в поминание** душ наших» [«Barexaws mez ! yi}atak hogwo% mero%» ЛК. стр. 107, 1265 г. (c)]; „**В поминание** души моей и **в ходатайство** за потомство» [«yi}atak hogwoy imoy ! barexawsow]iwn apagayis» ЛК. стр. 111, 1269 г.]; «**Во спасение** души моей и **в поминание** наше и родителей наших и воспитателей» [«i frkow]iwn hogwoy imoy ! yi}atak mez ! snɔua% mero% ! snow%ouau» ЛК. стр. 121, 1279 (e)] и

* Летопись на камнях, собрание – указатель армянских надписей, составил К. Косманянц, СПб., 1913.

т. п. Приведенные примеры явствуют, что при формуле моления, когда речь идет в первом лице о „ходатайстве" (или „заступничестве", „помощи"), „спасении", «вспомоществовании» и „поминании" души какого-либо ктитора (или ктиторов), раздельно или совместно („в ходатайство наше и в поминание душ наших»; „во спасени души моей и в поминание наше") нельзя считать воздвигателей (часто и их родичей) усопшими.

Совершенно иное положение, когда в надписи креста, в котором упоминается достойно потрудившееся лицо или лица, для которых воздвигнут памятник, моление дается в третьем лице, например в такой формуле: «Воздвигнут крест этот... «в поминание», «ходатаем» или «в ходатайство» и во «спасение»²³. В этих случаях деятель, для которого воздвигнут крест, обычно по времени более или менее опережает своим деянием возведение памятника, воздвижение креста, что может иметь место и при его жизни, но чаще всего – после смерти.

Если мы с этой стороны посмотрим на вышевосстановлен-

²³ „Воздвигнут крест этот в поминане Саргиса... убитого в битве» [«kangne%aw xa/s yj}atak Sargsi...«or me"aw i paterazmi» ЛК. стр. 58, 1215 г. (р). См. также: стр. 72. 1229 г. (в); стр. 127, 1285 г. (в).

„Воздвигнут крест этот в ходатайство за госп. Давида, непобедимого философа" – [kangne%aw xa/s i barexawoow]iwn tea"n Daw]l anyaur filisofayi», ЛК. стр. 29. 1144 г. (а)].

„Воздвигнут крест этот в ходатайство за Степ. Чонкана усопшего" – [«kangne%aw xa§s i barexawsow]iwn Stef. #*nuann njeloy», ЛК. стр. 29, 1194 г. См. также: стр. 45, 1202 г.; стр. 51, 1210 г. (е)].

„Воздвигнут крест этот святой в ходатайство (в помощь) Ваграма, жены его... и детей" [«kangne%aw xa§s sowrb barexaws Vahramay. amowsnoyn ivr... ! zaowaka%» ЛК. стр. 126, 1284 г. (а)].

«Воздвигнут крест этот во спасение Джаибуга» [“kangne%aw xa§s i frkow]iwn Znabowuay” ЛК. стр. 139, 1297; стр. 55, 1213(d)].

ную армянскую надпись, то придем к заключению, что сказанные кем-то в третьем лице слова: «[Воздвигнут крест] этот во спасение и в поминание душ и тел» не позволяют нам считать в живых лиц за, которых возносится моление (имена которых в надписи не упомянуты). Слова же грузинской надписи «[Воздвигнут крест этот]... в помощь их душам и телу» (подразумеваются: Степанос, Деметре и Адрнерсе), позволяют нам считать их скорее живыми, а не усопшими. Это должны подтверждать и последующие слова этой фразы «и в покровительство всего рода (букв. дома)», т. е. хранителем всего рода²⁴.

²⁴ Между прочим, нмеющееся в оригинале этой фразы частично поврежденное слово „სახლისა“ – „дома" (в синтагме «всего дома»), некоторые предполагают (З. *Алексидзе*, Книга посланий, армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями издал З. Алексидзе, Тбилиси, 1968, стр. 176-179. – и Ю. *Гагошидзе*), что должно читаться “[ქ-რთ]ლისა” – [Карт]лиса”, т. е. [Картл]ли” [(ოვ)ლის ქ(ა)რთლისა“ «всего Картли»]. Думаем, что такое чтение неправильно, т. к. если мы даже признаем сочетание слов „всего Картли» термином для VII века (академик Ив. Джавахишвили в „Истории грузинского народа» 1948 г. стр. 26, такое выражение приводит по более поздним – IX-X вв. – текстам), неуместно здесь рядом с упоминанием ктиторов. Как известно из труда акад. Г. Н. Чубинашвили (Памятники типа Джвари, стр. 144-148), надпись постамента ктиторовская и естественно, что в ней речь идет в основном о ктиторах. А ктиторами, кроме трех лиц (правителей) упомянутых в надписи постамента со своими титулами, были и другие, скульптурные изображения которых также представлены на стенах храма. Таковы Кобул-Степанос, Теместиа и другие, личности которых не установлены. Они, как и вышеупомянутые, являются близкими членами рода правителей и так как надпись ктиторовская, то и выражение „всего дома хранителем» (или: „в покровительство» всего дома”, т. е. рода), безусловно вместе с упомянутыми в ней ктиторами подразумевает также и их (т. е. членов того же дома).

Утверждение З. Алексидзе, якобы правильность его чтения “*ოვლის ქართლისა*” – „Всего Картли" (что привлеченными им данными из письменных памятников древнегрузинского и древнеармянского, по моему, не оправдывается) подкрепляется и тем, что восстанавливаемая им часть слова [ქართ]ლისა, а именно недостающее начало ქართ..., должна была бы находиться, как это обыкновенно бывает с этим словом

П. Мурадян не учитывает этого, вследствие чего ему кажутся странными слова высеченного на постаменте моления на грузинском языке. Он поэтому поводу говорит: «Формула ზუღლთა და ჰორცთა მათთა მგობად» (т. е. «в заступничество их душам и телу»...) не может служить доказательством того, будто все они трое (подразумеваются ктиторы храма Джвари, И. А.), при высечении этой надписи живы»... (стр.71).

Но мы вновь вернемся к армянской надписи. Что же представляет собой высеченная, нарочито особой манерой выделяющаяся от основного письма армянской надписи помещенная в конце буква], которую армянские ученые считают окутанной какой-то тайной? Думаю, что она является начальной буквой слова]owin/]vin или,]owakanow]ean, обозначающего армянское летоисчисление или год, лето, которая в начале или в конце надписей иногда пишется выделяясь своим начертанием от остальной надписи²⁵. Ввиду того, что обычно буквы,

в древнегрузинском, под титлом, след которого, он и Гагошидзе усматривают над начальной буквой сохранившейся части этого слова (ä~tmī), совершенно неубедительно. Дело в том, что безукоризненно исполненная криторская надпись на грузинском языке, как в случае э~ätmī, слова находящегося под титлом, знак сокращенности должна была бы носить над первыми двумя буквами б̃оаäätmī (в крайнем случае и над началом третьей буквы. бо~äätmī, но никак не над началом четвертой, боä~ätmī, где как раз и желает видеть окончание знака титла 3. Алексидзе, так энергично разглагольствующий об этом особо интересующем нас вопросе в начале 179 страницы своего труда.

²⁵ В конце или в начале надписей наряду с обычно сокращенным написанием слов]ow/]w/]v (←]owin/]vin. rowakanow]ean), – иногда с предлогом i : i row i]v, – встречаем в сочетании с предлогом i], а чаще и без этого предлога обособленно стоящую букву] для обозначения армянского летоисчисления или года; образцами этого можем привести следующие примеры из изданных за последние годы армянских эпиграфических сборников:

Из надписей Ахпата: (К. UaŠadaryan, Haubat, #artarapetakan ka'ow%vacq ! vimakan ar>anagrow]yownnerr, Er!an,1963);

обозначающие числа не предшествуют упомянутой [и также не следуют за ней, поэтому если место, на котором должны были быть размещены эти числа, не повреждено, нужно думать, что резчик выполнил ее на одной из граней постамента воздвигнутого креста в то время, когда установить дату воздвижения креста вообще было невозможно как для заказчика, так и для исполнителя, тем более, если при этом руководствовались диктовкой грузинской надписи, в которой дата вообще не представлена.

Быть может, для датировки армянской надписи нам послужит армянская палеография? Надпись, исполненная заглавным письмом, называемым по армянски «еркатагир», как мы вскользь отметили выше, палеографически кажется нам интересной. В ней

а) №45, 1200 года: “[OX[, {norhiwn A~y Mariam”;

б) №97, 1023 года: Ard orq kardayq zis, yauaw]s yi}esjiq, NHB, [;

в) №54, 1651 года: Ays ä tapan Minas Vardapetin, [, ;@;

Из подписей Санаина “К. UaŠadaryan, Sanahni vanqr ! nra ar>anagrow]yownnerr, Erlan, 1957;

а) № 174, 1222 года: [OHS, Es TäR Yohans...;

б) №10, 1222 года: orb erkpaз&q srboy n}anis, yi}sjiq, [, OCä”;

в) № 157, 1634 года: “Uowkas episkopos azg&n Argow]e%i, [OZG”;

Из надписей II книги корпуса (Diwan hay Vimagrow]ean, prak II... kazme% S. G. Varxowdarian, Erlan, 1960;

а) № 30.. 1281 года: [. _L, Yanown Astowcoy ^s Yohann&s...;

б) № 13, 1271 года: Siwnea% episkopos yi}e%&q, [, NI”;

в) № 62, 991 года “...}inou ta»aris yi}ea Q~s. [NX”;

г) № 230, 1091 года: “...barex*s i Q~s. [{X”;

д) № 122, 1305 года: “...Kangne%i zxašs, yi}e%&q i Q~s [, _CD” ;

е) № 239, 1326 года: “...l}e%eq i Q~s. [_HE” ;

ж) № 403. 1483 года: “...Astowac ouormi, [ZLB...” (всюду сличите текст с прорисьями и с фотоснимками).

(точнее говоря в 13 буквах армянского алфавита, примененных здесь), при сопоставлении с другими армянскими надписями VII века²⁶, явно бросается в глаза своеобразие начертания некоторых знаков (букв), так напр. „ho” Н (см. рис. II, 2 строка – 4 буква) более похожа на соответствующий знак строчного письма «болорагир», «цо» – Ү (см. рис. II, 3 строка – 5 буква) ближе к более позднему начертанию этой буквы в рукописи, исполненной заглавным письмом (четвероглав 887 года)²⁷, «кен» – К (см. рис. II, строка 1-3 буква с конца) на буквы рукописи VIII-IX века²⁸ и «фюр» – F (см. рис. II, 1 строка – 5 буква с конца) с своими опущенными к низу малого размера кружочками, напоминает рукописи IX-X вв.²⁹ Как выясняется, эта надпись по начертаниям некоторых знаков (букв) выходит за грани VII в. и не может быть отнесена к этому веку. Выясняется и то, что именно особого изучения требует вопрос о том, не нанесена ли армянская надпись на постаменте креста Мцхетского Джвари в совершенно другое время?

Не так уж ясно все в отношении палеографии надписи, чтобы безоговорочно утверждать: «Палеографические данные надписи так определены, что нет необходимости для приурочения ко времени строительства прибегать к их анализу»³⁰.

Что касается грузинской надписи, то она палеографически, можно сказать, исполнена почти безукоризненно. Грузинская

²⁶ И. А. Орбели, Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII века: «Христианский Восток» т. III. стр. 105-142, с VIII таблицами, СПб., 1913.

²⁷ A. G. Abrahamyan, *hay zri ! gr§ow]ean patmow]yownr. &Æ 88, Er!an, 1959.*

²⁸ Там же е. стр. 87.

²⁹ Там же, стр. 88 (на позднюю эпоху указывает и написание «айб» – А отсутствием параллельной линии в правой части стержня).

³⁰ П. М. Мурадян, Армянская надпись храма Джвари (отд. оттиск из «Вестника общественных наук АН Армянской ССР», 1968, № 2), стр. 60.

надпись безусловно древняя, времени завершения строительства Джвари, с характерными для этой эпохи (начала VII века) начертаниями букв **Â(v)** и **S(%)** с замкнутыми наглухо головками и, притом, вообще по своему исполнению (манере резки) сильно отличается от армянской, которая, как было показано выше, по всей вероятности, является поздней, созданной не без подсказа или некоторой диктовки грузинской ктиторской надписи.

В заключение пару слов и о том, можно ли себе представить, что после разрыва грузинской и армянской церковей (608/609 гг.), когда армянская церковь в основном придерживается монофизитского направления, а грузинская примкнула к диофизитскому течению, в центре Картли, на кресте, воздвигнутом в храме Мцхетского Джвари, точнее – на одной из свободных сторон постамента креста, была бы высечена армянская надпись и притом с куцым текстом? Вопрос ставится в этом аспекте, потому что некоторые интересующиеся этим вопросом лица думают, будто после разрыва грузинской и армянской церковей совершенно были прерваны отношения между церквями этих народов и, следовательно, невозможно было в таких условиях допустить высечение армянской надписи на постаменте креста или в какой-либо другой письменной форме на грузинском культовом памятнике.

Если мы внимательно проследим армянскую «Книгу посланий», то заметим, что Картли, и в частности ее центр Мцхета, не говоря уже о Цуртавской епархии и его кафедральной церкви и других сопредельных с Арменией т. н. святых местах, вместе с Манглиским Джвари, оказывается, сильно привлекали вообще единоверных армян, также как главная церковь Армении и некоторые другие притягивали грузин.

В «Книге посланий» наименование «Мцхетский крест» (также как Манглиский крест»), судя по некоторым контекстам, подразумевает не отдельно стоящий воздвигнутый крест, как могло бы казаться, а церковь во имя креста. Вот те контексты, которые подтверждают эти соображения:

а) Абраам каталикос армян в своем последнем, эциклическом послании пишет: «...Мы также велим это и в отношении грузин, дабы не иметь ничего общего с ними ни в молитве, ни в пище, ни в питье, ни дружбой, ни воспитательством (вскармливанием), ни хождением на молитву *к Джвари, который славится в местностях Мцхета*, ни в Манглисскому Джвари и да не будут они приниматься также *в наших церквах*, а также полным отдалением (прекращением) от бракосочетания, но разрешается лишь купля или продажа, как и в отношении юдеев» (стр. 194).

Противопоставление святых мест обеих стран, когда таковые одной страны называется *церковью*, позволяет заключить, что и в святом месте другой страны (Мцхетский Джвари) также подразумевается *храм* (церковь).

б) «...Из-за его слов вы перестали ходить и поклоняться честному и животворящему *Мцхетскому Джвари* – пишет Кирион Смбату Марзпану – молитвой [пред] которым ты был дарован отцу и матери твоим и *был воспитан пред ним* и под его предводительством и постиг добра. Но хотя вы и не пожаловали поклониться, мы всеже во время каждой молитвы поминаем Вас пред святым крестом сим...» (стр. 171).

Думаю, что в данном случае в «Джвари Мцхетском», благодаря которому, по словам Кириона, Смбат Марзпан был дарован его родителям и он был воспитан *пред ним* и достиг благ, не должен представлять просто крест.

в) Думаю также, что противопоставление Мцхетского Джвари армянской соборной церкви в первом послании Абраама католикоса Кириону под Джвари подразумевается храм: «Отсюда хождением в *Мцхета к Джвари* и оттуда к *соборной церкви*» (стр. 164).

Эти документы датируются 607-609 годами. И если наши наблюдения правильны, то Мцхетский Джвари к этому времени уже построен.

Посредничество и сближение создавались «Святыми местами», жалуются – судя по «Книге посланий» – руководители

церквей и уверены, что с этого времени подобные взаимоотношения будут прекращены³¹.

Конечно, трудно что-либо утверждать в отношении высших слоев населения, но что касается низших, которые в «Книге посланий» именуется шинакманами и азатами, то они вряд ли изменили бы укоренившимся традициям.

Прервалась связь между официальными церквами монофизитской Армении и диофизитской Картли, но как одно, так и другое направление имели своих последователей и единомышленников в обеих странах, иногда с превосходством даже диофизитов в лице своих предводителей на церковном троне Армении. Национальный облик армянская церковь приобретает лишь после окончательной победы монофизитов в Армении с 726 года и вследствие этого другое противостоящее крыло диофизитов подвергается гонению с родной земли. С этого времени, с 20-ых годов VIII столетия, началась иммиграция армян диофизитов в соседнюю Картли и в Византию, где под влиянием местной культурной среды постепенно они утратили язык, самый характерный национальный признак, и окончательно огрузинились или слились с греками, хотя в сознании их не скоро исчезло чувство их чуждого происхождения.

Этот процесс произошел не сразу, он шел несколько медленным, постепенным путем. Диофизитская паства несла с собой утвердившиеся в своей среде национальный облик и традиции и не считаться с этим для грузинской церкви было нельзя. Этим было вызвано то, что признанные в этой армянской среде книги житий и мученичеств армянских святых (и иногда созданные в их честь песнопения) были разрешены к чтению (в исполнении) сначала, вероятно, на армянском языке, а затем в грузинском переводе (в IX-X вв.), в лоне местной грузинской церкви. В свою очередь деятели грузинской церкви в общении с ними (в IX-X вв.) тоже стараются по мере сил перевести кое-что с армянского, чего

³¹ Girq [u]o%. matenagrow]ivn naxnea%. "Sahak – Mesropean

не имелось в переводе с других языков³².

Грузины – переписчики рукописей и книжники в то же время и сами старались усвоить иноязычные письмена и литературу, в частности армянскую. Этим обстоятельством объясняется, по моему, существование тех приписок на армянском языке, в таких важнейших грузинских рукописях, какими являются: Джручский четвероглав, Шатбердский сборник или книга песнопений Микаела Модрекили, иногда даже модельного характера³³. Таким образом, повторяю, грузинская церковь и ее литература в раннее средневековье никогда не прерывала связей с армянскими идеологически близкими кругами с раннего периода вплоть до X века и конфессионально родственная армянская паства, т. е. ее масса и представители, всегда считалась ею своими и находила приют и заботу.

В таких условиях, я думаю, ничего не могло воспрепятствовать появлению на постаменте креста Мцхетского храма Джвари той четырех-строчной армянской надписи, которую в результате ознакомления с грузинским текстом, мог для конфессионально родственных армян высечь в более позднее время (после VII века) армянин диофизит или, если угодно, то и грузин той же конфессиональной приверженности.

Matenadaran”, Е. [iŠlis, 1901, стр. 164, 171 и 194.

³² Илья Абуладзе, Грузинско-армянские литературные взаимоотношения в IX-X вв. исследование и тексты, Тбилиси, 1944 г., стр. 01-014, 027-063, 0119-0129 (на груз. яз.).

³³ И. В. Абуладзе, Армянские приписки грузинской рукописи X века и их значение для армянской диалектологии: «Вестник Матенадарана»

№ 4, стр. 35-42 (на армян. яз.), Ереван, 1968.

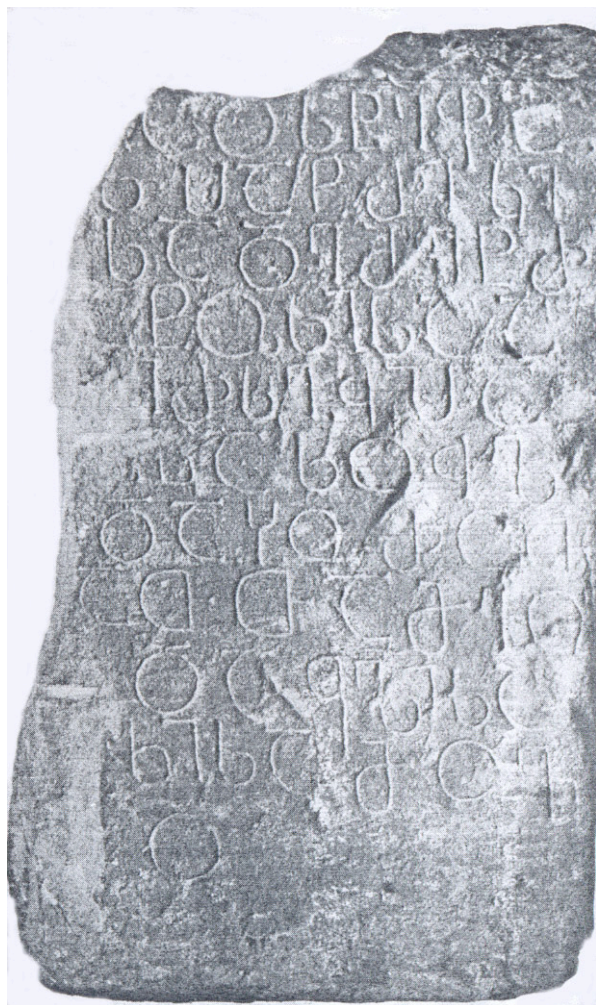


Рис. 1.
Грузинская ктиторская надпись постамента
креста Мцхетского Джвари



Рис. 2.
Армянская надпись постамента креста
Мцхетского Джвари

«Мацне», 1968, №4

К вопросу о надписях Храма Джвари в Мцхета

Надписи храма Джвари в Мцхета имеют большое значение для решения проблемы строительства этого памятника.

Как известно, акад. Г. Н. Чубинашвили, на основе художественного анализа храма Джвари, изучения надписей и данных других источников, строительство Джвари датировал 590-604/5 годами¹.

Недавно вышла статья П. М. Мурадяна², которая ставит своей целью изменить датировку построения храма Джвари в Мцхета и объявить строителем Джвари армянина Годосака, строителя Атенского Сиони.

По датировке Мурадяна строительство Джвари должны были начать не раньше первых пяти лет VII века, а закончить – до 642 года.

Основным документом П. Мурадяна для этой датировки является фрагмент армянской надписи на постаменте креста. Этот постамент был обнаружен в 1938 г. при разборе позднейшей алтарной преграды храма Джвари³. На одной грани постамента имеется обширная грузинская надпись, а на задней широкой грани сверху имеются три строки армянской надписи (?) или графитти, очень неясно резанной, а ниже одна крупная заглавная буква⁴, армянская [.

Для подтверждения своего взгляда П. М. Мурадян старается

¹ Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, Тбилиси, 1948. Историографию вопроса см. в указанной работе Г. Чубинашвили.

² П. М. Мурадян. Армянская надпись храма Джвари, Вестник общественных наук, 2, Ереван, 1968, стр. 56-79.

³ Описание постамента см. «Краткий отчет отделу по охране Памятников культуры управления по делам искусств при СНК Груз. ССР, представленный археологом А. Н. Каландадзе о командировке в Джвари». В книге Г. Чубинашвили. Памятники типа Джвари, стр. 42-44.

⁴ Г. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, стр. 33.

доказать: 1. Фрагмент армянской надписи на постаменте креста Мцхетского «является повторением грузинской ктиторской надписи с сокращенной передачей ее в начальной части, отбитой «ныне», и что «армянская надпись подлинна и первоначальна, высечена одновременно с грузинкой». 2. Степаноз I⁵ не мог начать строительство христианского храма в первые годы своего эриставства и к строительству Джвари он приступил лишь после первых пяти годов VII века. 3. Армянская [высеченная на постаменте креста, является начальной буквой имени архитектора храма «Тодосака».

Эту армянскую надпись на постаменте креста П. М. Мурадян восстанавливает так: «... во спасение [] а, а также в память рода».

Приступая к датировке фрагмента неизвестной надписи, в которой нет прямых хронологических данных, автор вместо того, чтобы дать подробный палеографический анализ надписи, что является первым необходимым условием при датировке таких эпиграфических памятников, без всякого научного обоснования заявляет (и то не в тексте, а в ссылке), что «Палеографические данные надписи так определены, что нет необходимости для приурочения ко времени строительства прибегать к их анализу»⁶. Считаем нужным указать автору, что в серьезном научном исследовании (на что претендует работа П. М. Мурадяна), где датировка надписи является важным основанием для далеко идущих выводов автора, такое заявление ничем не оправдано и дает право сомневаться в нем.

Восстановив армянскую надпись, автор заявляет, что она является сокращенным переводом грузинской. Здесь мы не касаемся лингвистической стороны исследования автора, которая в значительной степени основана на спорных предположениях, но укажем на некоторые логические неувязки.

Грузинская надпись на постаменте креста обширна, она состоит из 11 строк⁷ армянская – краткая, вместе с отбитой час-

⁵ Эрисмтавар Картли (586-604/5 гг.), строитель Джвари в Мцхета.

⁶ Указ. соч., стр. 60.

⁷ Г. Н. Чубинашвили. Указ. соч., стр. 43.

тью она могла состоять из 4-5 строк⁸.

По заявлению автора, армянская надпись была сокращена в силу недостатка места на камне для воспроизведения полного перевода грузинского текста. Это заявление автора не имеет достаточно-го основания. Если П. М. Мурадян в своей работе поместил бы фото не только той части камня, где имеется фрагмент армянской надписи, а фото целого камня, то читатель воочию мог убедиться, что фрагментом армянской надписи занята лишь верхняя часть камня, ее нижняя часть, по размерам больше верхней, пустует. Что помешало резчику надписи поместить полный перевод грузинской? Конечно, не буква [], помещенная в левом углу камня. Если даже разделить мнение Мурадяна о том, что буква [] была высечена до нанесения надписи, то резчик или резчики, также легко могли обойти эту букву при высечении армянской надписи, как ими были обойдены те полости и лакуны на камне, которые предшествовали надписям⁹. Взглянув на фото камня с армянской надписью, легко убедиться в том, что помещенная на левом краю [] не могла помешать продлить надпись и воспроизвести полный текст перевода с грузинского, если она являлась таковой. Резчик легко мог обойти эту букву, она ему не мешала. Так что объяснение сокращенности армянского перевода якобы неимением места на камне не соответствует действительности, т. к. место на камне даже больше необходимого для помещения полного перевода грузинского текста.

Исключается возможность перевода и содержанием армянского текста. Фрагмент армянской надписи П. М. Мурадян восстанавливает как «...во спасение [], а, также в память рода», что, по его мнению, является переводом окончания грузинского текста. [მ]ათთა მკობ[ად] და ყოვლისა [სახ]ლისა მცველად¹⁰ Грузинская надпись гласит: [ესე ჯოვარი მცხეთისად შევაბ-

⁸ П. М. Мурадян. Указ. статья, стр. 59.

⁹ См. фото надписи в статье И. Абуладзе в этом-же номере журнала.

¹⁰ Указ. соч., стр. 59. Существует и иное восстановление „ყოვლისა [ქართ]ლისა“ т. е. «всей Картли», см. З. Алексидзе. «Книга писем», Т.,

კვეთ სალოცველად სტეფანოს პატრიკი[ოსი]სა, დემეტრ[ე] ვპატოსისა, ა[დრნ]ერსე ვპატოსისა, სოგლ[თ]ა და ჳ[ორცთ]ა მათთა მეო[ხად] და ყ-ლისა [სახ]ლისა მცველ]-ად. [«Крест этот Мцхетский украсили] в моление за Степаноса патрикия, Деметрэ ипатия, Адрнарсе ипатия, в помощь их душам и телу и в покровительство всего рода (букв, дома)»¹¹. Как явствует из надписи, это моление за трех живых членов эрисмтаварской семьи, т. к. моление возводится не только для души их, но и для тела. Формула грузинской надписи не оставляет сомнения в том, что во время составления надписи все упомянутые в ней личности находятся в одинаковом положении, о них говорится в одинаковом контексте. Но эта формула надписи не устраивает П. М. Мурадяна, так как ему необходимо, чтобы армянская надпись была бы переводом грузинской, и чтоб ко времени высечения надписи первых двух ктиторов не было бы в живых. Но так как площадь камня, занятая под армянской надписью, якобы исключает возможность помещения полного перевода такого большого текста, автор приходит к выводу, что армянская надпись является сокращенным переводом грузинской и что «сокращению подлежат несколько слов, в том числе имена двух ктиторов с их титулами»¹². Данное обстоятельство, по мнению автора, оправдано тем, что ко времени завершения строительства храма, когда был возведен крест и была высечена эта надпись, «здоровствовал лишь один из ктиторов»¹³. Не вдаваясь в разбор хронологии строителей и завершения строительства храма (об этом ниже), нас здесь интересует логическая сторона вопроса. Получается, что составитель грузинской ктиторской надписи, этого официального документа, искажил фактическое положение, и в надписи живыми упомянул всех трех строителей, тогда как из них жив был только один, а переводчик ктиторской надписи на

1968, стр. 178-179.

¹¹ Г. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, стр. 83-84.

¹² Указ. ст., стр. 59.

¹³ Там же, стр. 60.

армянский язык исправил эту ошибку.

Цель такого толкования содержания грузинской надписи нам понятна, для концепции Мурадяна необходимо, чтоб ко времени окончания строительства Джвари, Степаноза и Деметрэ не было бы в живых, но содержание грузинской надписи и восстановленный фрагмент армянской надписи противоречат выводу Мурадяна. Грузинская ктиторская надпись постамента креста указывает, что при составлении надписи Степаноз, Деметрэ и Адарнасе были живы, надпись высечена «в помощь их душам и телу» (სუფთა და ჳორცთა მეხად), а в армянской надписи, по чтению П. М. Мурадяна, речь идет об одном человеке, так что армянская надпись не является переводом грузинской даже в том случае, если автор ее правильно восстанавливает.

Мурадяну необходимо доказать, что Джвари строил Годоса, для этого, после приведенного тенденциозного толкования взаимоотношений грузинской и армянской надписей, автор обращается к букве [высеченной на камне с армянской надписью и старается объяснить смысл этой буквы.

Эта буква [, которая, по мнению Мурадяна, очень похожа на начальную букву имени строителя Атенского Сиони „[ODOMZ", является, очевидно, сокращенной передачей имени архитектора Джвари¹⁴.

В данном контексте становится очевидным, для чего старается автор продлить строительство Джвари до 30-40-х годов VII века. Это ему необходимо для того, чтобы сблизить время строительства Джвари со временем строительства храма в Атени, и строителем обоих храмов объявить Годосака.

Не касаясь в данном случае вопроса о том, что имеется и другая, более поздняя датировка строительства Атенского храма¹⁵, нас интересует, почему имя строителя, которое в Атени увековечено строительной надписью в восточной нише южного фа-

¹⁴ П. М. Мурадян, Указ. ст., стр. 77.

¹⁵ См. «Сабчота хеловнеба», 1965, № 9.

сада Атенского Сиони («†Я. Тодоса, строитель (этой) святой церкви»¹⁶) здесь, в Джвари, оказалось не на самом храме, а на постаменте креста, и не целиком, а лишь в виде начальной буквы, и не на передней стороне постамента, а на задней, мало заметной? Возникает вопрос, чем объясняется такая странная формула увековечения имени архитектора? На данное обстоятельство у П. М. Мурадяна имеется свое объяснение.

Имя строителя Джвари должно было быть высечено на армянском языке у изображения архитектора, которое находится на южной грани барабана храма, но, по мнению Мурадяна, это «вызвало бы определенные трудности в конфессиональном отношении»¹⁷. Быть может, по этим же соображениям архитектору разрешалась высечь лишь начало своего имени под армянской ктиторской надписью»¹⁸. Во-первых, кто издавал такие разрешения и запрещения относительно того, где и как писать имя архитектора? А затем, если армянину Тодоса разрешили поместить не только свое имя, но и солидную строительную надпись на фасаде Атени, то почему ему-же в то же самое время, не разрешили высечь хотя бы имя свое целиком. Неужели Мурадян думает, что в Мцхета действовали одни конфессиональные соображения, а в Атени другие? Если разрешили высечь рельефное изображение архитектора на южной грани барабана храма, то почему не разрешили там же написать и имя? И насколько подходящее место для имени архитектора, постамент отдельно стоявшего креста? Ведь архитектор строил храм, а не постамент креста? Автор не затрудняет себя задуматься над такими вопросами и получается, что конфессиональные соображения не мешали в Атени и мешали в Мцхета, что изображение архитектора находится на барабане храма, а начальная буква его имени – на задней стене постамента отдельно стоявшего креста. Здесь же следует отметить,

¹⁶ Г. Н. Чубинашвили. Указ. соч., стр. 16.

¹⁷ Как известно, в 608 г. произошел церковный разрыв между грузинами и армянами.

¹⁸ П. М. Мурадян, стр. 77.

что рядом с барельефом имеется грузинская надпись «Микаэл Тхели», которая, по мнению Мурадяна, может быть именем исполнителя рельефа, а не архитектора. Получается, что рядом с изображением архитектора написали имя исполнителя барельефа, а начальную букву имени самого изображенного поместили где-то в другом месте.

Трудно сказать определенно, чем является эта буква [помещенная на грани креста, на том же самом камне, где имеется фрагмент армянской надписи. Мурадян, как он сам пишет, воздерживается «утверждать идентичность лица [на постаменте креста с [на стенах Джвари»¹⁹. Воздерживается потому, что буква [на нескольких камнях стен Джвари является каменотесным знаком. Справедливости ради следует отметить, что знак [на постаменте креста больше по размеру и рельефнее остальных каменотесных знаков [, но думаем, что данное обстоятельство не мешает считать и это [каменотесным знаком, тем более, что на других камнях разные каменотесные знаки (напр., груз. æ), в ряде случаев высечены также крупно и рельефно, как и этот знак. Надо учесть и то, что и камень этот больше остальных, поэтому каменотес мог высечь на нем свой знак крупнее.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что [на постаменте креста высечена глубоко, крупно, а надпись высечена очень небрежно, поверхностно²⁰. Данное обстоятельство дает право думать, что буква [была высечена каменотесом специально на большом камне, предназначенном для постамента креста, старательно и крупно, а надпись, не имевшая особо важного значения, была нанесена небрежно.

Таким образом, армянская надпись на постаменте креста не является переводом грузинской ктиторской и буква [на этом же камне не является начальной буквой имени архитектора.

¹⁹ Мурадян. стр. 75.

²⁰ Поэтому Г. Н. Чубинашвили склонен думать, что это графитти.

Основная задача автора статьи, доказать, что строительство Джвари началось только в 600-604/5 годах и длилось до начала 40-х годов VII века²¹. Для этого ему, первым делом, необходимо убедить читателей, что Степаноз I (586/90-604/5) мог приступить к строительству храма лишь в начале VII века. С этой целью, ссылаясь на сообщения письменного источника, автор приходит к выводу, что Степаноз I был «неверный и не отличался богоугодничеством не только в первые 2-3 года своего эрисмтаварства при персах, но значительное время после 591 года»²².

Оставляя в стороне вопрос о правильности суждения автора относительно «неверности» Степаноза в первые годы его эрисмтаварства, мы укажем на один, по нашему мнению, очень важный факт для характеристики деятельности Степаноза I именно в 80-90-х годах VI века.

Как известно, до нас дошла монета Степаноза I, выпущенная в 590 г. На монете имеется имя Степаноза и дата²³. Этот факт не оспаривается и самим Мурадяном. На данной монете помещена христианская эмблема – крест²⁴. Христианская эмблема на грузинских монетах появляется как противопоставление эмблеме сасанидов-аташдану. Этот крест вначале еле заметен над плечом Сасанидского царя, затем изображение креста постепенно увеличивается и принимает более рельефные формы. На монете Степаноза I, датированной 12-м годом царствования Хормизда IV, крест помещен «на самом ответственном месте монеты: священное пламя огнепоклонников – Сасанидов, веками охраняемое изображениями на монете двумя стражами, теперь сменяется

²¹ Изменить датировку строительства храма Джвари в Мцхета и перенести эту дату на середину VII в. постарался и С. Toumanoif (см. *Iberia on the Eve of the Bagratid Rule*, Museon. 65, 1952, стр. 205), но доводы К. Туманова так основательно отвергнуты в работе В. Джобадзе (*Origens Christianus*, В 44, стр. 160, 111-127), что о них уже нет смысла говорить.

²² Мурадян, стр. 64

²³ См. Г. Чубинашвили, Указ. соч., стр. 22-23.

²⁴ Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, М., 1955, таб. III (37).

крестом»²⁵. Как известно, этот символ христианской религии и идеологии имел большое значение для политической и религиозно-культурной истории этого времени. Будучи «неверным», Степаноз I не поместил бы на своей монете христианскую эмблему. При этом необходимо учесть, что помещение креста указывало на антииранскую политику картлийских эрисмтаваров, и если Степаноз посмел выставить на монете крест и свое имя, тогда он мог начать и строительство храма. Исходя из указанного, мы считаем лишним оспаривать доводы П. М. Мурадяна, которые, по его мнению, доказывают, что в VI в. Степаноз был «неверным» и не мог строить Джвари, а с VII века он стал верующим и приступил к строительству храма²⁶. А что касается «неверности» Степаноза, считаем нужным напомнить уважаемому П. М. Мурадян, что христианство было объявлено государственной религией в Картли в нач. IV века. Как можно предполагать, что в конце VI в. верховный правитель Картли, эрисмтавар (фактический царь), мог быть «неверным» в буквальном смысле этого слова?

VI век – эпоха напряженной борьбы разных идеологических течений в христианской религии. Эта борьба особенно обострилась в Грузии и Армении в связи с соперничеством Ирана и Византии из-за господства в странах Закавказья. Представители враждующих конфессиональных направлений одинаково считали друг-друга «неверными».

«Неверным» называет Степаноза агиографический памятник, описывающий деяния св. Шио. Следует учесть то обстоятельство, что между эрисмтаваром Степанозом I и Шиомгвимской лаврой существовала тяжба из-за земельных угодий. По сообщению агиографического памятника, описывающего деяния св. Шио, эрисмтавар Степаноз несправедливо отобрал у Шиомгвимской Лавры ее угодья (თრბო სჯობსჟბო). Несмотря на требо-

²⁵ Там же, стр. 47.

²⁶ Следует указать, что сведения письменных источников мы понимаем не совсем так, как их понимает уважаемый автор статьи, но в данном случае воздерживаемся от полемики по этому вопросу.

вание католикоса, Степаноз не возвращал лавре отнятые земли. Но когда на него самого и членов его семьи обрушился Божий гнев, он, с женой и детьми лишился зрения и начал неистовствовать, тогда он посетил могилу Шио, просил прощения и подарил лавре два царских поселения²⁷.

Различием конфессиональных взглядов и существующей враждой объясняется характеристика Степаноза как «неверного», данная ему автором «Восьмого чуда» Шио, а не «неверием» в буквальном смысле, как это представляет себе автор статьи.

Для концепции Мурадяна необходимо, чтоб строительство Джвари было бы закончено после смерти Степаноза, поэтому он пытается доказать, что изображение Адарнасе ипатия на рельефе Джвари высечено после походов византийского императора Ираклия, т. е. после 20-х годов VII в. Основным доводом для этого является тот факт, что Адарнасе, который на рельефе Джвари наречен византийским титулом ипатия, в «Книге писем» не упоминается с этим титулом. В «Книге писем» сохранилось несколько посланий, в основном повторенных затем у Ухтанеса, в которых неоднократно фигурирует Адрнерсе, где он называется «ишханом» (князь, мтавар), притом всегда на первом месте при перечислении остальных. По мнению автора, это означает, что он еще не был ипатием, да и не мог быть (эти послания восходят к 607-608 годам)²⁸. Мы вполне согласны с уважаемым автором в том, что в 607-608 гг. Адарнасе уже был эрисмтаваром Картли, но не согласны с ним в том, что он в это время не мог иметь титула ипатия и что этот титул он мог получить лишь «после нашествия византийцев», во время императора Ираклия²⁹.

Армянские нарративные источники, также, как и грузинские, не могут служить неоспоримым документом для выяснения вопроса византийской титулатуры эрисмтаваров Картли. Хотя нам достоверно известно по надписям, что Степаноз имел титул

²⁷ თ. ჯორჯაძის, ქობულძის, I, გვ. 59.

²⁸ Мурадян, стр.67.

²⁹ там же.

патрикия, Адарнасе и Деметрэ имели титулы ипатия, но в наших нарративных источниках этой титулатуры вообще нет, и если мы примем точку зрения Мурадяна, то от них придется совершенно отказаться, что исключается фактами. С другой стороны, следует учесть то обстоятельство, что на фасаде Джвари, где изображены рельефы трех ктиторов с надписями, Степаноз назван «Патрикием Картли»:³⁰ «Крест Спасителя, помилуй Степаноза, патрикия Картли» („ჯუარო მაცხოვრისაო, სტეფანოს ქართლისა პატრიკიოსი შეიწყალებ“), а Деметрэ и Адарнасе не названы правителями Картли. Надпись Деметрэ гласит: «Святой Михаил архангел, заступись за Деметрэ Ипатия („წმიდაო მიქელ მთავარანგელოზო, დემეტრეს უპატოსსა მეოხ ხეყავ“), а надпись Адарнасе – «Святой Гавриил архангел заступись за Адрнерсе ипатия»³¹ („წმიდაო გაბრიელ მთავარანგელოზო, ადრნესეს უპატოსსა მეოხ ეყავ“).

Содержание этих трех надписей без всякого сомнения указывает, что надписи на рельефах сделаны тогда, когда Степаноз I был эрисмтаварэм Картли, а Адарнасе и Деметрэ имели титулы, ипатов, но не были эрисмтаварами. Надо учесть и то обстоятельство, что Степаноз I носит титул патрикия, а Деметрэ и Адарнасе являлись обладателями более низкого титула ипатия. Содержание этих трех надписей с полной очевидностью подтверждает вывод Г. Н. Чубинашвили о доминирующем положении Степаноза по отношению к Деметрэ и Адарнасе, сделанное им в результате художественного анализа расположения изображений и других данных рельефов. Такое положение могло иметь место лишь до 604/5 годов, т. е. до окончания эрисмтаварства Степаноза³². Данное обстоятельство находит полное подтверждение в

³⁰ Засвидетельствованное в надписях „ქართლისა პატრიკიოსი“ мы переводим, как «Патрикий Картли», а не «Патрикий Грузии», см. Г. Чубинашвили, указ. соч., стр. 142.

³¹ Г. Чубинашвили. Указ соч., стр. 142-143.

³² Как известно, с этой датой окончания эрисмтаварства Степаноза не спорит Мурадян.

надписи на постаменте креста, где, как уже указывалось, все три ктитора упоминаются живыми³³. Как уже было сказано, нарративные источники не могут служить основанием для разрешения вопроса о том, когда принял Адарнасе титул ипатия, так как в нарративных источниках («Обращение Картли»; Сумбат Давитисдзе, «История рода Багратиони»; Джуаншер, «История царя Вахтанга Горгасали») он нигде вообще не фигурирует ипатием, так же как и Степаноз не фигурирует патриkiem, или Деметрэ ипатием³⁴. Но, как видим, они наверняка имели эти титулы. Что касается вопроса о том, когда Адарнасе мог получить этот титул, считаем, что самым подходящим временем для этого были именно конец VI и первые годы VII века. Как известно, по сообщению армянского историка Себеоса, в 591 г. Хосро II большую часть Иберии до г. Тбилиси уступил Византии. Мир между Сасанидским Ираном и Византией был нарушен в 604 г. В первые годы войны, в 606-607 гг. Византия потерпела поражение и тогда она потеряла часть Иберии, переданную ей в 591 г.³⁵ Именно эти годы (с 591 по 604) и были подходящим временем для того, чтоб Византия присвоила свои придворные титулы представителям картлийской правящей вархушки, т. к. этими титулами Византия скрепляла взаимоотношения с местными правителями, старалась заинтересовать и привлечь их на свою сторону, что было необходимо в существующей обстановке, когда со дня на день нужно было ожидать нарушения договора со стороны Ирана, что и сбылось в 604 г. Что Адарнасе получил титул Ипатия при эрисмтаварстве Степаноза, это, как уже было отмечено, явствует из надписей барельефов Джвари, где Степаноз фигурирует, как пат-

³³ Мы не считаем нужным повторить здесь те доводы акад. Г. Н. Чубинашвили в пользу его датировки построения храма Джвари в 590-604 гг., которые всецело подтверждаются источниками и рассмотрением исторической обстановки.

³⁴ მოქცევაჲ ქართლისაჲ, ძეგლები, 1, თბ., 1963, გვ. 95-96; ჯუანშერი, ცხოვრება მეფეთ მეფისა ვახტანგისა, ქცა, 1, 221-228; სუმბატ დავითის ძე, ცხოვრება ბაგრატონისა, ქცა, 1, 374, 375 და სხვ.

³⁵ ივ. ჯავახიშვილი, ქართველი ერის ისტორია I, 1960, გვ. 260.

рикий Картли, а Адарнасе – просто как ипат.

Затем, как известно, Адарнасе принимал активное участие в борьбе с Ираном во времена походов Ираклия, за что и был удостоен еще и двух титулов, о чем свидетельствует, по мнению Мурадяна, сообщение Мовсеса Каганкатваца («...многоуважаемый муж Адрнесе, владетель страны, получивший тройной титул от царя греческого»)³⁶. Надо учесть и то обстоятельство, что «Книга писем» сохранила переписку тех времен, когда Картли вновь попала под власть Ирана и тогда титул ипата не мог фигурировать в переписке. Авторами армянских писем являются активные поборники союза с Ираном и они сознательно пренебрегали византиским титулом Адарнасе. Таким образом, упоминание в армянской «Книге писем» византийского титула Адарнасе, не является препятствием для признания его ипатом в первых годах VII века, как он и фигурирует на барельефе Джвари.

По мнению Мурадяна, «церкви в Армении и Грузии с тремя окнами на восточных абсидах являются диофизитскими. символизируя пресвятую единицу. Джвари, Как известно, имеет три окна, а следовательно, в годы правления Степаноза I строительство памятника не было доведено до окон, ибо грузинская церковь стала официально диофизитской после армяно-грузинского церковного разрыва в 608/9 году»³⁷. В связи с этим считаем нужным указать, что грузинская церковь стала диофизитской не после армяно-грузинского церковного разрыва, а сам этот разрыв был вызван утверждением в грузинской церкви Халкидонского толка. Этот процесс интенсивно протекал в течение VI века, а к концу века уже окончательно утвердилось в Картли халкидонское вероисповедание³⁸, что и вызвало армяно-грузинский церковный разрыв.

Считаем нужным отметить, что мы не согласны и с рядом

³⁶ П. Мурадян, Указ. статья, стр. 67.

³⁷ Там же, стр. 70.

³⁸ ივ. ჯავახიშვილი, ქართველი ერის ისტორია, 1, თბ., 1960, გვ. 377-379.

других предположений Мурадяна, высказанных им в своей статье. Но т. к. в данном случае нашей задачей является показать несостоятельность основного тезиса автора, то мы воздерживаемся от критического разбора других, также весьма спорных и необоснованных выводов, связанных с оценкой данных грузинских нарративных источников.

Думаем, вышеизложенные доводы дают нам право заключить, что выдвинутые П. Мурадяном соображения не поддерживаются данными источников. Фрагмент армянской надписи на задней грани постамента креста не является переводом грузинской обширной надписи, буква [не может быть начальной буквой имени архитектора; «неверность» эрисмтавара Степаноза «не подтверждается фактами; Адарнасе титул ипатия имел при эрисмтаварстве Степаноза; строительство Джвари закончено до 604/5 гг., т. е. до восшествия на эрисмтаварский престол Адарнасе.

Считаем лишним повторить здесь доводы и выводы акад. Г. Н. Чубинашвили, которые тщетно старается опровергнуть Мурадян, также не считаем необходимым анализировать армянскую надпись, т. к. она не имеет никакого значения для истории строительства Джвари, а является, видимо, поминальной записью. Такие поминальные армянские надписи имеются и на других грузинских храмах, например в Гареджа, что указывает на то обстоятельство, что в этих грузинских храмах молились армяне халкидониты³⁹ и никто никогда не старался наличием этих надписей объяснить армянское происхождение их строителей. Как хорошо известно, Мцхетскому Джвари поклонялись и армяне как до грузино-армянского церковного разрыва, так, – особенно армяне халкедониты, после разрыва. Также известно, что после церковного разрыва армянский католикос Авраам запретил армянам-паломникам поклоняться впредь этой грузинской святыне, но это запрещение не могло иметь значения для армян халкедонитов, которых было много и после окончательного разрыва армянской

³⁹ ლეონტი მელიქეთ-ბეგი, გარეჯის „მრავალმთის“ სომხური

официальной церкви с халкедонским направлением. Так что па-ломник, пришедший помолиться, мог зафиксировать свое моле-ние надписью на задней, малозаметной грани постамента креста. Но т. к. фрагмент надписи не содержит никаких хронологических и вообще никаких конкретных указаний, то определить время на-несения этой надписи, если это уж так необходимо, может лишь палеографическое исследование сохранившихся букв, что, как отмечалось в начале нашей статьи, Мурадян обходит полным молчанием.

Такой анализ надписи конечно может иметь определенный интерес, но сохранившийся фрагмент не дает возможности для каких-либо позитивных выводов относительно строительства Джвари.

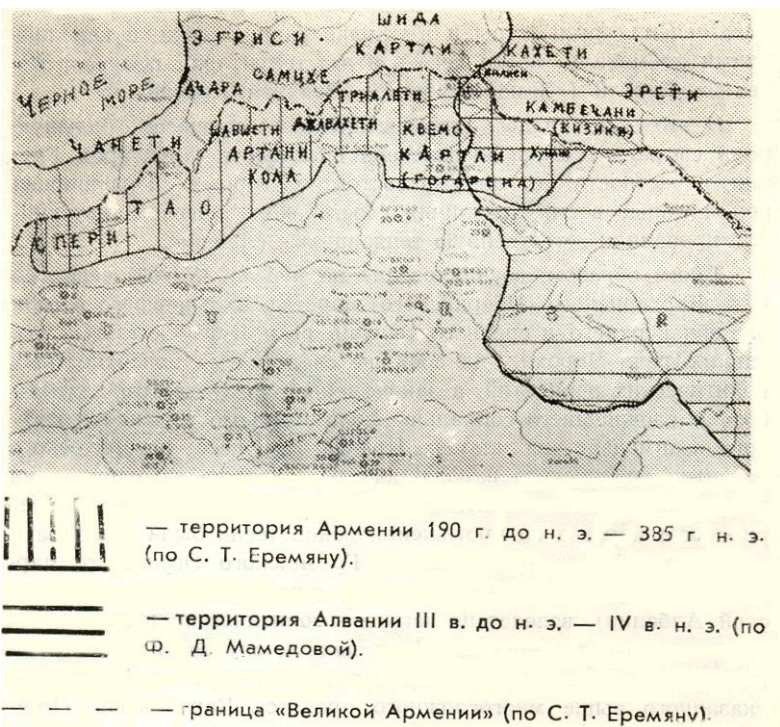
«Мацне», 1968, №4

Давид Мухелишвили
Бондо Арвеладзе

История требует объективности

Государственная национальная территория не есть нечто, данное Богом. Формирование государственной национальной территории – следствие чрезвычайно сложного и длительного процесса, в котором участвуют родственные и не родственные племена и народности. Это – результат многосторонних политических, экономических и культурных взаимоотношений, которые приводят либо к объединению и ассимиляции племен и народов, либо к отчуждению и противостоянию их. Этот этногенетический процесс протекает в определенной природно-экологической среде, оказывающей на него большое влияние. На том или ином этапе народность или племя, находящееся в лучших природно-экологических условиях и лучше приспособленное к ним, получает преимущество, и дальнейшее протекает под знаком политической и культурной гегемонии этой народности или племени. В итоге формируется общество, расселенное на определенной территории, имеющее единую культуру и называемое отныне по имени народности или племени-гегемона. Это общество в конечном итоге образует исторически сложившуюся устойчивую самостоятельную территориальную единицу как в культурно-политическом и этническом, так и в социально-экономическом и физико-географическом отношениях,

Таким образом, постепенно формируются национальные государства с единой территорией, сохраняющие удивительную устойчивость на протяжении веков. Отсюда ясно, что национальная территория – творение целого народа, и поэтому она столь же неприкосновенна и свята, как национальный язык, как любое другое проявление национальной культуры.



Подобный этногенетический процесс происходил и у нас, в Грузии. На территории Восточной Грузии племенем, обладающим определенной силой, являлось племя картов. Территория расселения этого племени, в бассейне среднего течения реки Курь, получила название «Картли». Возникновение Картли, по всей видимости, относится к позднебронзовой эпохе (вторая половина II тысячелетия до н. э.). Эта этнографическая Картли делилась на «Зена сопели» (позднее «Шида Картли» – Внутренняя Картли) и «Квена сопели» (позднее «Квемо Картли» – Нижняя Картли). Картли была прочной конфедерацией картских племен, мощь которой определяли интенсивное земледелие, отгонное животноводство, высокоразвитая металлургия железа. Естественно, что об-

щество со столь мощным экономическим базисом имело соответствующую социально-политическую организацию, что делает понятным распространение сильного влияния Картли на соседние страны. В частности, происходит культурно-этническое и политическое слияние восточно- и западно-грузинских (занских) племен, издревле живших в бассейне верхнего течения реки Куры и в ущелье реки Чорохи, с картлийскими племенами, после чего вся эта территория получает название Картли («Земо Картли» – Верхняя Картли).

В этом длительном этногенетическом процессе большую роль сыграла геоморфологическая специфика территории Грузии, в частности, то, что она состоит из горных и равнинных зон, которые в силу различия своего экономического потенциала проявляли естественную тенденцию к слиянию.

Таким образом, возникновение на рубеже IV-III веков до н. э. Картлийского (Иберийского) царства, включавшего в себя бассейн верхнего и среднего течения реки Куры, а также все ущелье реки Чорохи, явилось не следствием поверхностных политических перипетий, а закономерным результатом длительного и сложнейшего социально-экономического и этнокультурного взаимодействия племен. Правда, процесс исторического развития грузинского народа, как известно, не завершился на этом. Впоследствии политическая эволюция Картлийского (Иберийского) царства на протяжении веков тесно была связана с политической ситуацией Западно-Грузинского Эгрисского царства (Колхиды), а также царств Армении и Алвании (Кавказской Албании), вследствие чего его политические границы, естественно, часто менялись. Но в данном случае мы хотим обратить внимание на то обстоятельство, что в результате указанного выше многосложного процесса Картлийское (Иберийское) царство предстает перед нами как прочное социально-этническое и культурное единство.

Историческая наука призвана не только объяснять механику этого процесса, но и соответственно отображать его на исторических картах. На этом вопросе нам и хотелось остановить

внимание читателя.

В 1986 году азербайджанское научное издательство «Элм» выпустило в свет на русском языке монографию Фариды Мамедовой «Политическая история и историческая география Кавказской Албании» с шестью схематическими картами, на которых отражено политико-географическое положение Алванского государства с III века до н. э. до VII века н. э. включительно, то есть на протяжении целого тысячелетия. Удивляет то, что составитель этих карт, полностью игнорируя не только древнегрузинские исторические источники, но и сведения древнеармянских, латиногреческих и арабских, включает в территорию Алванского царства восточную часть Картлийского (Иберийского) государства. Граница на них указана следующим образом: с севера – от верховьев рек Алазани и Иори до места, где расположен Тбилиси (на картах V-VII веков Тбилиси вообще отсутствует), и с юга – до низовьев рек Алгети и Кции (Храми). Таким образом, вся Внешняя и Внутренняя Кахети вместе с Кизики, нынешний Гардабанский и часть Марнеульского районов, включены в состав Алванского царства. Удивляет и то, что, по мнению автора, на протяжении тысячелетия огромная территория Алванского царства оставалась неизменяемой, если не считать весьма незначительные изменения, а именно, что Картлийское (Иберийское) царство со II века до н. э. расширило свою территорию приблизительно до города Рустави, а с V века н. э. присоединило к себе территорию среднего течения рек Иори и Алазани.

Эта же тенденция прослеживается в изданном на русском языке небольшом сборнике «Историческая география Азербайджана» (Баку, 1987), который, помимо исследования Ф. Мамедовой, содержит и статьи других азербайджанских историков. В сборник включены 19 схематических карт. Хронологический диапазон его более широк – III век до н. э. – XVIII век н. э. Как и следовало ожидать, картина здесь такая же: на протяжении веков неизменное, статическое положение западных границ Азербайджана и полное игнорирование грузинских источников... Новое

лишь то, что документально удостоверенное заселение южных районов Грузии туркменскими племенами, которое явилось следствием целенаправленной поработительской политики иранских шахов, хронологически указано неправильно и их компактные поселения без всяких на то оснований отнесены к XII веку.

Помимо того, что разного характера аутентические исторические источники дают совершенно противоположные показания, подобное представление о статическом состоянии политических границ государств той эпохи, да еще на протяжении стольких веков, является совершенно неприемлемым для мыслящего научными категориями историка древности и средневековья. Такая точка зрения идет вразрез со здравым смыслом уже потому, что столичные города Картлийского (Иберийского) царства – Мцхета, а впоследствии Тбилиси – расположены на этих картах чуть ли не на территории Алванского царства, во всяком случае, – прямо на его границах. На это недоразумение указывал в свое время и академик С. Джанашиа.

Проблема эта – иберо-алванские границы и их изменения на протяжении веков – достаточно хорошо освещена в грузинской историографии, равно как исследованы и социально-экономические и этнокультурные основания, обусловившие их изменения. Поэтому не будем распространяться на этот счет. Отметим лишь, что положения азербайджанских историков, «подкрепленные» чрезвычайно эмоциональными, а порой и оскорбительно звучащими для их оппонентов обвинениями, свидетельствуют лишь о несостоятельности их научной позиции. Это, кстати, можно объяснить: историческая география, как наука, не имеет в Азербайджане никаких традиций. Отмеченные выше работы первые и, к сожалению, неудачные опыты в этой области.

Примечательно, что тенденция сужения границ территории исторической Грузии наблюдается и в современной русской историографии. В журнале «Наука и жизнь» (№5, 1988) напечатана статья академика Б. Рыбакова «Русь дохристианская», к которой приложена схематическая карта: «Киевская Русь в X-XII веках»

(с. 49). На карте изображен и Кавказ, но политическая ситуация Кавказа, представленная на карте, науке неизвестна! «Грузинское царство» обозначено узкой полосой от верховьев реки Аракс (на западе) до города Шемахи (на востоке). Ни в X, ни в XI, ни тем более в XII веке такого «Грузинского царства» реально не существовало. Кроме того, Западная Грузия, которая, как известно, с X века органически слилась с «Грузинским царством», на карте представлена обособленно, да еще так, словно она являлась частью Византийской империи, хотя известно, что из-под политического влияния Византийской империи этот край был освобожден уже в конце VIII века. Город Артануджи обозначен непонятно – что-то вроде «Артяну».

Но главное все же в том, что с научной точки зрения политическую обстановку на Кавказе в X-XII веках представлять на одной карте нельзя, так как политические ситуации X, XI и XII веков радикально отличаются друг от друга. Ясно, что вышеуказанная карта имела целью отразить политическую географию Киевской Руси X-XII веков, а не Кавказа. Тем не менее, такая беспечность не к лицу ученому.

Аналогичная вышесказанному картина выявляется и в армянской историографии, имеющей большую традицию в области исторической картографии.

В 1979 году издательством Ереванского университета была выпущена учебная карта довольно большого формата (115x83) – «Царство Великой Армении в IV веке (298-385 гг.)». На этой карте, автором которой является известный ученый, прекрасный знаток древней истории Кавказа академик С. Еремян, вся территория Южной Грузии включена в состав Армении, которая простирается от побережья Каспийского моря до верховьев реки Тигра, за реку Евфрат и дальше на запад.

Северная граница Армении вплотную подходит к Тбилиси, и не только Квемо Картли, но и Джавахети, Артаани, Шавшет-Кларджети и Тао-Спери оказались включенными в территорию Армении.

И в самом деле, единственным дошедшим до нас источником этого периода, который дает основания для подобного представления политических границ между Картлийским (Иберийским) и Армянским царствами, является «Ашхарацуйц», или армянская «География», составленная в первой половине VII века. Проверить ее данные по причине отсутствия других источников невозможно.

Верно и то, что использование этого источника представляется целесообразным лишь для воссоздания обстановки первой половины IV века, но никак не второй (об этом ниже), и не таким образом, как предлагает уважаемый автор. В частности, непонятно, почему он включил в границы Армянского царства территорию южнее Тбилиси, так называемый «Паруар», и Шавшети, расположенный в ущелье Шавшури – притока реки Чорохи, которые, согласно тому же источнику, принадлежат Картлийскому царству. Но главное в том, что на карте, предназначенной для просвещения молодежи, никак не обозначено, что эти земли – Квемо и Земо Картли и бассейн реки Чорохи, являются грузинской территорией, захваченной к IV веку Армянским царством. У человека несведущего может возникнуть впечатление, что они изначально принадлежали Армении. Иначе трудно объяснить тот факт, что грузинские исторические топо- и гидронимы получили на карте армянскую огласовку. Для отображения ситуации IV века использованы некоторые засвидетельствованные более поздними источниками армянские топонимы, древнейшие же грузинские не указаны вообще. Приведем несколько примеров: река Алгети обозначена на карте как «Ал-гет». Поскольку «гет» – по-армянски река, автор считает гидроним армянским, то есть «река Ал». Подмена эта не имеет под собой никакой почвы, так как помимо всего прочего, здесь нарушены законы армянского словообразования (если следовать им, должно было быть «Алагет» или «Алогет»; ср. Дзорагет, или Дзорогет),

В ущелье реки Чорохи в Тао указан топоним «Тайоц-кар» («Крепость Тао», «Кар» – по-армянски означает камень, в пере-

носном значении – крепость). В действительности же этот топоним не засвидетельствован ни одним источником и является результатом армянской огласовки грузинского топонима «Гаоскари» (= «Врата Тао»), упоминаемого летописцем царицы Тамар. Обозначенные на территории Квемо Картли топонимы «Варазакар» и «Какавакар» (тоже крепости) сохранились лишь в грузинских источниках, в связи с событиями, относящимися к X-XI векам; переносить их в IV век также неправомерно. Совершенно непонятно, почему на карте не обозначен один из древнейших центров Квемо Картли, город-крепость Самшвилде, который, кстати, в той же армянской «Географии» упоминается как «город грузин» Шамшолде или Шамшуде. Подобные примеры можно было бы умножить.

Точно такая же карта (в виде схемы) была опубликована в журнале «Советакан Айастан» вместе со статьей Р. Ишханяна «Армянский царь Ара Первый» (№ 1, 1988). На первый взгляд, статья ничего общего с картой не имеет. Но в действительности налицо попытка якобы исследования и обоснования границ «Великой Армении» ранней христианской поры.

Под картой помещена заметка, в которой говорится: «Названия армянского летосчисления происходят от исторических названий гор, рек Армении и имен богов нашего языческого пантеона (Арамазд, Анаид, Ваагн и др.). На карте, составленной академиком С. Еремяном, под порядковыми числами обозначены названия исторических мест Армении – гор, рек, языческих храмов, которые превратились в названия календарных дней: Арам, Астгик, Пархар, Анаит и др.». Некоторые из них помещены на территории Южной Грузии, что совершенно непонятно!

На карте, опубликованной в журнале, «Царство Великой Армении» занимает ту же территорию, с той лишь разницей, что здесь раздвинуты временные рамки его существования в этих границах. Если на карте 1979 года Армянское царство предположительно имело эти границы с 298 по 385 год, то в журнале 1988 года проставлены другие цифры – с 190 года до н. э. по 385 год

н. э. Один этот факт наводит на мысль, что границы эти очерчены произвольно.

Таким образом и тут, как и в случае с азербайджанскими картами, политическая картина царства выглядит неизменной на протяжении 600 лет.

Если сопоставить армянские и азербайджанские карты, получится очень интересная картина: политические границы с востока – Алванского царства, а с юга – Армянского... вплотную подходят к Тбилиси. И такое положение, оказывается, сохранялось на протяжении 600 и даже 1000 лет! В Картлийское царство, как выясняется, входили только Шида Картли, Самцхе и Аджария, и население его ограничивалось жителями этих трех областей! (см. схему на стр. 108) Естественно возникает вопрос: каким потенциалом должна была обладать эта горстка людей, чтобы на протяжении столетий обороняться от столь могущественных соседей, а впоследствии не только присоединить к себе всю территорию бывшего Алванского и большую часть земель Армянского царства, но и объединить и подчинить своему влиянию весь Кавказ?! Если стать на точку зрения азербайджанских и армянских историков, ответить на этот вопрос будет очень трудно!

Как же обстояло дело в действительности?

Согласно древнегрузинской исторической традиции в IV – III веках до н. э. южная граница Картли (Иберии) проходила по водораздельному хребту между Курой и Араксом, начиная с верховьев реки Бердуджи (ныне Дзегамчай, Аз. ССР) до провинции Тао. То, что это было именно так, подтверждает Страбон (конец I века до н. э. – начало I века н. э.). Он рассказывает, что с 190 года до н. э. Армения, которая до той поры была маленькой страной, усилиями военачальников Антиоха Великого – Артаксия и Зариадрия, превращается в большую державу. Они захватили у соседних стран часть их территории, в частности, «у иберов – предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится по ту сторону Куры». Страбоновская «Гогарена», которая по его же явному указанию была территорией иберов, в древнеармянских ис-

точниках называется «Гугарком». Территорию Гугарка уточняет армянский историк Мовсес Хоренаци (V век): это Квемо Картли – от Джавахети до Хунана и южнее – до водораздела Куры и Аракса. Коренное население этой страны – «гугары» – о которых армянский историк говорит, что это «великое и могучее племя», – по его же указанию, являются грузинами, а точнее картлийцами. Грузинами считают гугаров и другие армянские историки. Как видно, «гугары» или «гогары» были одним из грузинских племен, живших непосредственно по соседству с армянами. Подтверждением этому служит тот факт, что до последнего времени у подножия водораздельного хребта между Курой и Араксом в Бамбакском ущелье, в верховьях реки Дебедачай (Кировоаканский район, Арм. ССР) находилось село «Гогарани», бесспорное свидетельство того, что грузинское племя гугаров жило непосредственно на границе с Арменией. В настоящее время это селение переименовано в Гугарк!

Таким образом, мы могли убедиться в том, что не только грузинские, но и армянские и греческие исторические источники указывают, что граница между Арменией и Грузией в III веке до н. э. проходила по водораздельному хребту между Курой и Араксом, и грузины жили на северной его стороне.

В Картлийское (Иберийское) царство ко времени его создания входил и весь бассейн реки Чорохи. Это подтверждается, во-первых, свидетельством греческого историка Мегасфена (начало III века до н. э.), согласно которому грузины жили на юго-восточной стороне Черного моря. Из его слов ясно, что Картлийское царство в начале III века до н. э. имело выход к Черному морю, и, таким образом, можно предположить, что в него входил и бассейн реки Чорохи. Об этом же говорит уже приводимое высказывание Страбона, что до II века до н. э. иберам принадлежали не только Гогарена, но и «предгорье Париадра и Хорзена». Париадр – это нынешний Понтийский хребет, отделяющий Лазистан от бассейна реки Чорохи. Еще армянский историк Н. Адонц указывал, что в справке Страбона имеются в виду будущие средневе-

ковые провинции Тао и Спери, которые занимали верхнюю (южную) часть бассейна реки Чорохи.

Следовательно, в 190 году до н. э. армяне присоединили к себе южную часть территории Картлийского царства: провинции Спери, Тао и Гогарену (Квемо Картли). Но это отнюдь не означает, что на протяжении шести веков они были неотъемлемой частью Армянского царства. Согласно свидетельству Аполлодора (140 год до н. э.) граница между Иберией и Арменией проходила по Араксу, а это уже говорит о том, что к середине II века до н. э. Картлийское (Иберийское) царство не только вернуло отнятые армянами исконные свои провинции, но и расширило свои владения до реки Аракс (видимо, тут имеются в виду верховья Аракса).

Во времена Страбона – ситуация такая же, как и в начале II века до н. э., но вскоре положение вновь меняется.

I-II века нашей эры – это эпоха усиления Картлийского (Иберийского) царства. По сведениям римских историков Диона Кассия и Тацита, начиная с 35 года н. э. по 50-е годы н. э. Армянское царство находится в руках иберийских царевичей. Тацит рассказывает, что, пользуясь поддержкой римлян, иберийский царь Фарсман «после изгнания парфян сам отдал ее (Армению) Митридату», своему брату.

В 60-м году н. э. римляне восстановили в Армении царство и возвели на престол армянского царевича Тиграна. Тот же Тацит рассказывает: для того, «чтобы ему (Тиграну) было легче удерживать за собою новый престол, определенным частям Армении, смотря по тому, к чьим землям они примыкали, было велено повиноваться Фарсману» и другим соседним с Арменией династам.

Все это убеждает нас в том, что именно в этот период, то есть в 30-60-е годы I века н. э. Картлийское (Иберийское) царство имело свои изначальные границы (IV-III века до н. э.).

Согласно свидетельству Плиния (70-е годы I века), Иберия, в которую входят «Триарская» (или Триалетская) и «Тасийская» (или Таширская) провинции, в известных нам границах занимает земли до «Паригедрийского», или Париадрского, по Страбону, хреб-

та. Это говорит о том, что весь бассейн реки Чорохи находится в границах Картлийского царства. Плиний еще более уточняет свое свидетельство, называя эту территорию «землей месхов».

В первой половине II века политическая география Иберии фактически остается без изменений. По свидетельству Плутарха (120 год), истоки Куры находятся в пределах Иберии и поэтому можно полагать, что государственная граница с Арменией вновь проходит по водоразделу между Араксом и Курой. Согласно тому же историку, «земли иберов простираются до Мосхийских гор и Понта Эвксинского». Следовательно, во времена Плутарха Картлийское (Иберийское) царство также выходило к Черному морю, что подтверждает и Ариан (131 год). Это – береговая полоса, в которую входит Аджария и прилегающая к ней часть турецкого Лазистана. «Мосхийские горы» – система водораздельных хребтов в верховьях, с одной стороны, Чорохи и Куры, а с другой стороны – Евфрата и Аракса, которая отделяет Месхети, то есть юг Картлийского царства, от Армении. Свидетельство Плутарха не оставляет сомнений в том, что в первой половине II века Картлийское царство оставалось в исторически сложившихся границах.

На это же указывает Дион Кассий, который говорит, что в 141-144 годах, когда царь Фарсман вместе с супругой приехал в Рим, император расширил границы его царства. Если учесть то, что во времена Фарсмана II Картлийское (Иберийское) царство было мощным государством, не покорявшимся и Риму, то можно утверждать, что грузинский царь владел не только основными своими землями, но распространил свою власть на гораздо большую территорию.

Если предположить, что все сведения Клавдия Птолемея относятся ко времени, в которое он жил (что довольно сомнительно), то тогда следует думать, что в последней трети II века Картлийское (Иберийское) царство вновь теряет значительную часть своих земель. В частности, Тао и Спери опять отходят к Армении, но Кларджети остается в пределах Иберии. Это подтверждает и греческий географ, в числе перечисляемых городов Ибе-

рии называющий «город Артанойса» или Артануджи (центр Кларджети). Квемо Картли (Гогарена) снова находится в пределах Армении.

Для III века нет почти никаких данных, если не считать сведения Асиния Квадрата, который явно повторяет Птолея, говоря, что Гогарена (Квемо Картли) входит в состав Армении, а также Солина, утверждающего, что «река Кура протекает по границе Армении и Иберии». Если эти сведения аутентичны (что считается сомнительным), то здесь, безусловно, имеется в виду небольшой отрезок Куры чуть ниже Руставско-Караязского поля. Действительно, ведь, по словам Диона Кассия (первая треть III века), «иберы живут по обеим сторонам реки Кирна» (то есть Куры).

Согласно армянской «Географии», к первой половине IV века, как мы уже знаем, вся Южная Грузия (провинции: Спери, Тао, Кларджети, Артаани, Джавахети, Квемо Картли) принадлежала Армении. Но к середине этого же века Картлийское (Иберийское) царство вернуло себе все вышеперечисленные провинции, кроме Тао и Спери, и государственная граница между Грузией и Арменией, по «Картлис цховреба», вновь проходит по водоразделу между Курой и Араксом. Эти сведения древнегрузинского источника подтверждают и армянские историки V века – Фавстос Бузанд и Мовсес Хоренаци.

Фавстос Бузанд рассказывает, что к середине IV века «питиахш Гугарка» (правитель Квемо Картли) восстал против армянского царя, и, надо полагать, присоединился к Картлийскому царству. И действительно, первого грузинского христианского царя Мириана, который правил в 30-60-е годы IV века, Мовсес Хоренаци называет «предводителем иберов и питиахшем Гугарка». Стало быть, к тому времени Квемо Картли была частью Иберии.

По другому свидетельству Фавстоса Бузанда, в 70-е годы IV века армянский военачальник «Мушег пошел в поход против иберийского царя... нанес ему поражение и покорил всю страну иберов. Взяв в плен питиахша Гугарка, который ранее был под-

властен армянскому царю, и отрубил ему голову... занял земли до старой границы между Арменией и Грузией, то есть до великой реки Курь». Если это сведение хоть в какой-то мере соответствует действительности, то покорение Гугарка армянским царем было временным: в 387 году, как известно, эта провинция вновь и окончательно отошла к Картлийскому (Иберийскому) царству.

Мовсес Хоренаци, опираясь на показания Агафангела, повествующего о событиях IV века, говорит, что просветительница Нино обратила в христианство все края Иберии, от Кларджети до Кавказского хребта. Следовательно, уже в IV веке Кларджети вновь в границах Иберийского царства. Это подтверждает и «Картлис Цховреба», в котором рассказывается, что царь Мирдат построил церковь в Тухариси в Кларджети, поставил там священников, а в паству им определил все население Кларджети.

Таким образом, на основании существующих источников мы проследили политическую судьбу южных провинций исторической Грузии (от Квемо Картли до бассейна реки Чорохи) на протяжении семи веков. Читатель мог убедиться, что эта территория, которая, по утверждению Страбона, была изначально грузинской как в политическом, так и в этническом отношениях, на протяжении длительного времени не раз становилась объектом экспансии со стороны соседнего Армянского царства, что вполне понятно, если учесть тогдашние политические взаимоотношения.

Тем не менее, сведения древних источников не дают оснований полагать, что на протяжении всех шести веков эти грузинские земли являлись неотъемлемой принадлежностью Армянского царства. Издание карт, отражающих подобную картину, мы считаем, с научной точки зрения, нецелесообразным. Они не дают верного представления о динамике развития историко-политических или этнокультурных явлений, то есть, попросту говоря, они – антиисторичны, дают неверную информацию об историческом развитии народа, следовательно, они – антинаучны. Это тем более огорчительно, что карты являются учебными и предназначены для учащейся молодежи.

Следует отметить, что не только эти карты грешат против истины. В 1986 году издательством «Советакан грох» выпущена была в свет на русском языке «История Армении» армянского историка X века Иованнеса Драсханакертци. К ней приложены три исторические карты, на которых изображена «Армения и граничащие с ней страны» в 591-653, 701-862 и 862-953 годах.

Мы не будем подробно останавливаться на них. Отметим только некоторые неточности. Так, например, на первой карте Ташири вновь обозначена как армянская территория, хотя никаких оснований для этого нет, не говоря уже о том, что, согласно армянской «Географии», написанной именно в первой половине VII века, Ташири – иберийская провинция. Любопытно, что Чанети (нынешний Лазистан) тоже внесена в границы Армении, что также совершенно непонятно.

На второй карте уже все Закавказье, кроме Западной Грузии, включено в состав Армении. Правда, тут очерчены границы арабской провинции «Арминии», которая возникла в результате завоевания Закавказья арабами и в которую, согласно административному делению арабского халифата, входили независимыми друг от друга единицами Восточная Грузия, Алвания и собственно Армения. Но по карте создается впечатление, что Восточная Грузия и Алвания в VIII-IX веках принадлежали Армянскому царству.

На третьей карте владения «грузинских Багратиони» так отделены от владений «таоских Багратиони», словно они принадлежали представителям разных династий!

Думается, такого рода неточности отнюдь не способствуют лучшему пониманию истории своей родины.

Историко-политическая география – одна из самых деликатных областей исторической науки. Несмотря на то, что она отображает политическую ситуацию прошлых веков, к каждому фиксируемому на карте факту следует относиться с предельной научной осторожностью, а сами эти факты, естественно, должны быть строго аргументированы.

При отображении на карте конкретной политической ситуации той или иной страны, при недостатке исторических источников весьма возможны споры вокруг той или иной проблемы. Поэтому в этих случаях надо учитывать всю предыдущую и последующую историю данного вопроса.

Познавательная ценность историко-политической географии по понятным причинам выходит за рамки чисто научных интересов, поскольку она несет и общественную нагрузку. Поэтому аргументация ее должна быть строго объективной, требующей исключительной щепетильности.

Грузинская историография имеет богатые традиции в этом отношении. Грузинские историки, начиная с академика Ив. Джавахишвили, руководствуются правилом – насколько можно адекватно отображать на картах процесс развития политической истории. Именно с учетом этого требования несколько лет назад отдел исторической географии Института истории, археологии и этнографии АН ГССР подготовил макет исторического атласа Грузии, который содержит более шестидесяти карт. Мы надеемся, что, несмотря на бюрократические препоны, он вскоре увидит свет*.

P.S. Недавно на страницах армянской газеты «Гракан терт» (26.VIII.88) была напечатана статья П. Мурадяна «Тенденциозная историческая точка зрения», в которой, наряду с другими вопросами, рассматривается и наша статья, опубликованная в «Литератури Сакартвело» (13.V.88). Автор, печально известный своими попытками доказать армянское происхождение шедевров древнегрузинской архитектуры (напр. храма Мцхетского Джвари), древнегрузинской топонимики, известных грузинских деятелей прошлого и настоящего, остается верен себе и на этот раз. Это неудивительно. Удивителен его ничем не обоснованный менторский тон. Осуждая наш метод использования древних источников, он предлагает свой собственный, следуя которому, оказывается, что в приведенной нами справке Аполлодора под рекой

* «Атлас истории Грузии» был издан в 2003 году [ред.].

Аракс подразумевается вовсе не Аракс, а река Кура! Грузинское название реки (и исторической области) «Алгети» происходит от армянского «Айлгет» (т. е. «другая река»?); Вновь утверждается, что грузинский топоним «Таос-кари», означающий «Врата Тао» (или «Таоские врата»), имеющий форму очень распространенных в Грузии топонимов (ср. «Тасис кар», «Клде-кари» и др.), является лишь грузинской огласовкой несуществующего в природе армянского топонима «Тайоц-кар» и т. д. и т. п. Подобные бездоказательные утверждения вызывают ассоциацию с тем, как на страницах журнала «Наука и жизнь» (!) со всей серьезностью «доказывалось», что название столицы Грузии, – Тбилиси – происходит от русского слова «теплица»! Такие догадки, конечно, из области «научных» курьезов. К сведению П. Мурадяна, который считает, что статьи, подобные нашей, следует публиковать в академических изданиях, а не в газете, надо сказать, что развернутая аргументация всех поднятых в ней проблем давно опубликована именно в академических изданиях, в том числе и в изданиях на русском языке.

Все сказанное еще раз убеждает в том, что историческая география, являющаяся, как мы уже отмечали, весьма деликатной дисциплиной исторической науки, должна быть сферой специальных научных исследований, а не ристалищем дилетантов.

«Литературная Грузия», 1988, №10

Давид Мухелишвили

**Из политических взаимоотношений средневековой
Армении и Грузии**

Рассказывая о том, как аршакидский царь Валаршак обустроил Армянское царство, Мовсес Хоренаци сообщает: «Гушар, что от сынов Шарая, получил в наследство Темную гору, т. е. Кангарк и половину (страны) Джавахов, Кохб, Тцоб, Дзор до крепости Хнаракерта. Но владения Ашоцские и домены Таширские Вахаршак жалует потомкам Гушара Хайкида» (1:58; 2: 108).

Давно установлено, что Гушар является эпонимом Гугарка. В тексте, видимо – описка и «быть может, точнее чтение *Gowjar*, ср. нынешн. Гуджарети» (3: 424; 4: 24, 25). Я также придерживаюсь этой точки зрения, с той лишь разницей, что думаю, в первоисточнике вместо «Гушар», должно было быть, не Гуджар, а просто – Гугар (5: 6).

Учитывая локализацию перечисленных армянским историком «гаваров» (областей) Гугарка, весьма знаменательно, с точки зрения реальности данной справки, что описанная территория (за исключением лишь «половины (страны) Джавахов») соответствует двум, древнейшим по «Картлис цховреба», провинциям Иверийского (Картлийского) царства: Гачиани и Гардабани, т.е. исторической области Грузии – Квемо (Нижней) Картли (6: 16).

Однако следует учесть, что даже в вышеозначенных пределах Гугарк представляется, как результат длительного исторического процесса, ибо одно сообщение Фавстоса Бузанда (V в.) совершенно недвусмысленно указывает, что Гугарк, Кохб и Дзор – разные области (7: 242; 8: 123). А Кохб и Дзор (т.е. нынешние ущелья рек Инджа-су и Акстафа-чай в республике Азербайджан) (9: 353; 10: 108; 11: 148; 12: 60). – это области, которые соответ-

ствуют древнегрузинской провинции Гардабани

Хнаракерг, Ташир, Ашоцк и «половина (страны) Джавахов» также, видимо, не являются «первоначальной» территорией Гугарка и распространение на них этого имени – результат древнейшего процесса политического развития упомянутой провинции. Основным ядром Гугарка по всей видимости, был Кангарк и возможно – Тцоб (Тцобопор), т.е. бассейн р. Дебеда-чая, исключая р. Каменку. К аналогичному заключению пришел К. Туманов (31: 468, 469).

Помимо всего прочего, на это указывает, во-первых, само географическое положение данного ущелья, его верховьев (т.е. Кангарка) на самой южной окраине Гугарка, на границе с Арменией. Естественно, поэтому армяне могли называть Гугарком и всю остальную территорию, лежащую севернее (5: 8, 9); во-вторых, на это же указывает то, что именно здесь, у истоков Дебеда-чая, сохранился древнегрузинский топонимический реликт этой провинции – «Гогарани» (13: 402) – название селения, переименованного ныне в «Гугарк»!

По «Ашхарауццу» (VII в.) пределы Гугарка гораздо более обширны и кроме вышеуказанных провинций Южной Иверии, Гугарк этого источника включает еще и Триалети и почти всю юго-западную часть исторической Грузии: Джавахети, Артаани, Кларджети (14: 366; 15: 20; 16: 34).

Как же это объяснить?

Дело в том, что, как известно, для ограждения северных границ царства от военных вторжений, на территории Гугарка армяне создали т.н. «бдешство» (маркграфство). По принятому мнению, бдешство это было создано Тиграном Великим в I в. до н. э. (22: 95). Расширенные пределы Гугарка, которые засвидетельствованы в «Ашхарауцце», видимо, являются следствием последующего развития политических процессов: было бы естественным предположить, что по мере территориальной экспансии Армении на север, завоеванные земли причислялись к владениям гугаркского бдеша и тем самым расширялись пределы Гугарка.

Как нам уже известно, эпонима Гугарка – Гушара Мовсес

Хоренаци считает Хайкидом, т.е. потомком Хайка – эпонима армян. Следовательно, для него Гугарк изначально является армянской провинцией. В «Ашхарацуйце» Гугарк также упоминается, как исконно армянская область, хотя и подчеркивается, что ко времени составления памятника, т. е. к VII-му веку, эта территория, отнятая у армян, принадлежала Иверийскому (Картлийскому) царству (16: 34,35).

Такая же точка зрения господствует и в современной армянской историографии.

Чтобы прояснить, насколько правомерно подобное соображение, первым долгом, следует знать, кто же были гугары – коренное население Гугарка, какова их этническая принадлежность по тем же армянским источникам?

Обратимся к одному из самых ранних историков Армении, к Фавстосу Бузанду (V в.). Он пишет: «Маскутский царь Санесан, сильно разгневавшись, проникся враждой к сородичу своему, армянскому царю Хосрову, и собрал он все свои войска – гуннов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глюаров, гугаров, шичбов и чилбов и баласичев и егерсванов и несметное множество других разношерстных кочевых племен, все множество войск, которым он повелевал. Он перешел свою границу, большую реку Куру и наводнил армянскую страну» (7: 24; 8: 15). По контексту тут речь идет о разных кавказских племенах и совершенно очевидно, что гугары для историка не являются армянским племенем.

Более определенные данные по интересующему нас вопросу находим у самого Мовсеса Хоренаци. Так, рассказывая о наследстве Гушара Хайкида, о чем речь велась выше, историк непосредственно продолжает: «Управление северною странюю, лежащею насупротив горы Кавказа (Валаршак, Д. М.), возлагает на великое, могучее племя; родоначальнику же его жалует титул бдешха Гугарского» (1: 59; 2: 108). Очевидно, что это «великое, могучее племя» не армянского происхождения, а раз оно живет севернее Армении «наsupротив горы Кавказа», то самое логичное

(тем более, что о происхождении алванов Мовсес Хоренаци вел разговор до этого), предположить что историк здесь подразумевает грузин; а так как родоначальник этого племени назван «бдешхом гугаров», то следует признать, что гугары и есть грузины. То, что под «великим, могучим племенем гугаров» Мовсес Хоренаци подразумевает именно грузин, в частности – восточных грузин, подтверждается текстом, который следует непосредственно за вышеуказанным: «Управление северной страной, лежащей на супротив горы Кавказа, возлагает на великое, могучее племя; родоначальнику же его жалует титул бдешха гугаров, который происходил от потомка Михрдата, сатрапа Дареха, которого привел Александр и поставил правителем над пленными иверийцами» (1: 59; 2: 108).

Таким образом, совершенно ясно, что «потомок правителя иверийцев» – уже известный нам бдешх – является «родоначальником великого, могучего племени гугаров», т.е. гугары идентичны иверийцам, точнее – являются одним из восточногрузинских (именно – картлийских) племен, которое грузины называли «гогарани»: закономерная грамматическая форма множественного числа именительного падежа, сохранившаяся, как уже отмечалось, в названии селения в Памбакском ущелье.

Предложенная интерпретация точки зрения Мовсеса Хоренаци подтверждается также и тем, что несколько ниже он упоминает живущего якобы при армянском царе Арташесе (II в. до н. э.) «некоего Михрдата, великого бдешха иверийского (происходящего) от Михрдата сатрапа Дареха, поставленного Александром над пленными иверийцами, как мы сказали выше» (1: 64; 2: 117). Итак, великий вельможа армянских царей, «бдешх гугаров» для Мовсеса Хоренаци равнозначен «великому бдешху иверийцев», следовательно, гугары и есть иверийцы! Именно поэтому «бдешх гугаров Ашуша» Мовсеса Хоренаци (1: 201; 2: 356), у Лазара Фарпеци (V в.), Мовсеса Каланкатваци (VII в.) и Степаноса Орбеяна (XIII в.) называется «бдешхом иверийцев» (17: 52; 18: 132; 19: 60).

Для подтверждения сказанного имеются весьма веские свидетельства у Ованнеса Драсханакертци (X в.). Так в своей «Истории Армении» он специально перечисляет «соседей наших (т. е. армян – Д.М.): греки и егеры, гугары и утийцы» (20: 140). Не подлежит никакому сомнению, что здесь гугары подразумевают иверийцев или восточных грузин, также как егеры – мегрелов, точнее – вообще западных грузин, а утийцы – алванов.

Не менее важно еще одно свидетельство Ованнеса Драсханакертци, когда он упоминает о «великом Корепископе, который господствовал над той частью Гугарка, что примыкала к Аланским воротам» (20: 206). Здесь речь идет о княжестве Кахети и, таким образом, как видим, не только Картли, но и Кахети вместе с Дарьяльским ущельем называется Гугарком (5: 13-15).

Так почему же Мовсес Хоренаци, а вслед за ним и современная армянская историография в целом, считают собственно Гугарк//Гогарани армянской провинцией? Возможно, правильна точка зрения автора «Ашхарацуица» о том, что хотя в его время Гугарк//Гогарани принадлежал Иверийскому (Картлийскому) государству, однако это было следствием захвата иверийцами (картлийцами) армянской земли?

Мовсес Хоренаци определенно тенденциозен. Действительно, во-первых, он знает, что «великое, могучее племя гугаров», жившее в «северной стране, лежащей насупротив горы Кавказа», не является армянским. Тем не менее он, противореча самому себе, считает эпонима этого племени Гушара – Хайкидом, т.е. армянином; более того, из его, несколько путаного, пересказа нам известно, что «потомок правителя иверийцев» является «родоначальником великого, могучего племени гугаров», а «бдешх гугаров» (он же «родоначальник великого, могучего племени гугаров») и «великий бдешх иверийцев» – оба присходят от «правителя иверийцев». Создается впечатление, что Мовсес Хоренаци чего-то нарочито не договаривает. Однако по контексту, возможно даже вопреки его желанию, совершенно очевидно, что «гугары» и «иверийцы» идентичные этнические понятия, хотя историк

об этом нигде прямо не заявляет.

Что же касается «Ашхарацуйца», то следует отметить: интересующие нас данные этого памятника в определенном смысле, корректны. Дело в том, что если его окончательная редакция относится к рубежу VI-VII веков, то при описании стран Закавказья использованы несомненно более древние источники (12: 14 и след.). В частности, я считаю, что картина территориальной структуры Иверии, представленная в источнике, соответствует ситуации второй половины IV-го и первой половины V вв. (11: глава II, б), когда Гугарк//Гогарани окончательно воссоединился с Иверией, что и отмечено автором «Ашхарацуйца». Он разумеется знал, что Гугарк//Гогарани раньше входил в пределы Армении, как крупная административная единица и поэтому при описании своей страны, включил в нее и эту область. «Ашхарацуйц» – географический памятник и от его автора не следует ожидать исторических экскурсов. Возможно (под влиянием Мовсеса Хоренаци?) он искренне верил, что Гугарк//Гогарани – армянская земля?!

Думаем, все сказанное выше противоречит этому. Действительно, если коренные жители этой провинции – гугары//гогараны были грузинами, о чем однозначно указывают армянские источники, то естественно, и их земля должна была изначально принадлежать Иверийскому царству.

Имеются ли какие-либо аргументы в пользу подобного предположения? Да, имеются.

С самым ранним упоминанием о Гугарке//Гогарани мы встречаемся у Страбона, которому эта провинция известна под названием Гогарены (ср. грузинское «Гогарани!»). Это общеизвестное место из его «Географии» (XI, 14, 5) гласит: усилившиеся к началу II века до н. э. армяне, в частности, царь Артаксий (Арташес) отнял «у иберов – предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кира» т.е. Куры (21: 498). Следовательно, по ясному указанию географа, Гогарена//Гогарани является иверийской областью, которую завоевали армяне, причем территория ее определяется, как лежащая юго-

восточнее р. Куры. Такая локализация вполне совпадает с той, какую предлагает для Гугарка Мовсес Хоренаци. И как тут не вспомнить, в связи со свидетельством греческого географа, сообщение армянского историка о «великом бдешхе иверийском», которому «Арташес доверяет управление северными горами и Понтийским морем» (1: 64; 2: 117; ср. 38: 266, №70). Полное, можно сказать, семантическое и хронологическое, совпадение говорит лишь о реальности события.

Следовательно, по наглядному указанию Страбона, подтвержденному Мовсесом Хоренаци, Гогарена//Гогарани является иверийской (картлийской) областью, которую завоевали армяне, причем территория ее (собственно Гогарены//Гогарани) определяется, как лежащая юго-восточнее р. Куры.

Это была первая экспансия армян в сторону Иверии (Картли) (29: 33).

На протяжении нескольких веков упомянутая область являлась яблоком раздора между соседями. В течение политических коллизий параллельно происходила, видимо, также и иммиграция армян. Во второй половине IV-го века Гугарк//Гогарани окончательно присоединяется к Иверийскому (Картлийскому) царству (5: 10-13).

Именно такая политическая судьба, нужно думать, дала повод Мовсесу Хоренаци и некоторым другим армянским историкам («Ашхарацуйц», «Гахнамак» и др.), считать Гугарк//Гогарани армянской провинцией.

К сожалению, такая тенденция продолжается и в современной армянской историографии.

Собственно Гугарк//Гогарани, т. е. провинция «Квемо (Нижней) Картли», остается неотъемлемой частью грузинской государственности и после завоевания арабами Восточной Грузии в середине VII века. Позже, когда в результате всестороннего развития феодальных отношений, раннефеодальное Иверийское (Картлийское) государство, в конце VIII века распалось на отдельные феодальные княжества, Гугарк//Гогарани остается в

пределах Тбилисского арабского эмирата, отпавшего от халифата (28: глава I, 2-4).

К концу IX-го века Ашот Барепашт, основатель Армянского царства Багратидов, захватил южные провинции Гугарка/Гогарани (23: 117). Это была вторая экспансия армян в сторону Восточной Грузии (29: 37). По сильно преувеличенному сообщению армянского историка XIII-го века, Вардана Великого, Ашот будто бы завоевал всю Иверию, Алванию и весь Кавказ. Однако Ованнес Драсханакертци – современник Смбата Тиезеракала (890-914 гг.) и Ашота Ерката (914-928 гг.), сына и внука Ашота Барепашта, указывает, что они владели городом Самшвилде (Шамшулде) – значительным центром южной части Квемо Картли. В частности, историк сообщает: «Царь Ашот (сын царя Смбата) пустился в путь, пошел в страну Гугарк и достиг большой крепости, которая на иверском языке зовется Шамшулде, то есть «Три стрелы», ибо народы, что жили вокруг крепости, были покорены его отцом» (20: 202). Интересно отметить, что древний грузинский город Самшвилде (внушительные развалины которого сохранились до настоящего времени), по грузинским источникам являющийся центром одного из эриставств (воеводств) Картлийского царства, и «Ашхарацуйцу» известен именно, как «грузинский город» (14: 358; 15: 17).

Далее, следует подчеркнуть, что для Ованнеса Драсханакертци, как это видно по контексту, «страна Гугарк», куда направился Ашот Еркат и где живут «племена» (армянское «zazgs» по контексту правильнее переводить, как «племена», «народ», а не «народы», ср. 37: 56), подвластные армянским царям, не является армянской. А так как название крепости этой страны, по его же заявлению, грузинское, то нет сомнения – для него «племена, что жили вокруг крепости» являются грузинами, а сама «страна Гугарк» – частью Грузии (Картли). И несмотря на то, что предложенная средневековым армянским историком этимология не совсем точна, («Самшвилде» по-грузински означает не «три стрелы», вернее – «три лука», а «место изготовления лука»), он, ко-

нечно, гораздо более объективен, считая, как и «Ашхарацуйц», город грузинским, чем современная армянская переводчица его «Истории Армении», которая «i lezow Vraï» армянского текста нарочито переводит, как – «на иверском языке» (?!), а не попросту – «по-грузински»; а город Самшвилде считает армянской крепостью! (20: 345).

Итак, уже этот пассаж аутентичного источника без сомнения проясняет нам этническую сущность «страны Гугарк». Именно поэтому, когда в конце IX-го века Ашот Барепашт, владетель Армении, завоевал южные провинции Гугарка//Гогарани, он присвоил титул «ишхана ишханов армян и грузин» (23: 158), т. е. «князя князей в Армении и Грузии» (24: 107). Подобная политическая ситуация продолжается и позднее, когда на этой территории в конце X-го века создается вассальное Анийскому, т.н. Лоре-Таширское, или Ташир-Дзорагетское «армянское царство» Кюрикидов (25: 129), вплоть до середины XI-го века (23: 256, 279; 24: 184, 203; 6: 154, 159). Действительно, титул Ашота Барепашта, после его воцарения переходит к его преемникам, царям Анийского государства, которые, как например, Гагик I Шахиншах (990-1020 гг.), сюзерен Кюрикидов, и его сын Смбат (1020-1041 гг.) именовались «царями армян и грузин» (26: 13, 20; 30: 133).

Подобная титулатура обусловлена тем, что армянские цари, а именно – Ашот I Барепашт, будучи еще ишханом ишханов армян, а также и его сын Смбат I Тиезеракал, по словам армянских историков – Вардана Великого, Ованнеса Драсханакертци, а также Псевдо-Шапуха Багратуни (27: 65), завоевали грузинские земли, в частности, большую часть Гугарка//Гогарани.

На этой земле, как уже было отмечено, в конце X-го века возникло т. н. Лоре-Таширское или Ташир-Дзорагетское царство с центром в городе Самшвилде. Северная граница царства, отделяющая его от Тбилисского эмирата, проходила по реке Алгети (6: 154; 28: 211).

В армянской историографии упомянутое царство однозначно считается армянским. Однако это не так. Царствующая династия

тия безусловно была армянской, но территория и коренное население, как мы уже знаем, были грузинскими. Послушаем, что об этом сообщает Степанос Таронский, младший современник описываемых им событий: «царь Давид, сын Гургена (основателя Ташир-Дзорагетского царства – Д. М.) с братом своим Смбатом владел [в то время] странами Ташира и иверийской равнины, имея своим местопребыванием обширную крепость Шамшулде [Самшвилде]; вскоре он завладел и городом Дмаником» (известным грузинским городом Дманиси – Д. М.) (23: 256; 24: 184).

Имея в виду все то, что знаем о Гугарке//Гогарани, это свидетельство армянского историка, фактически, не дает нам ничего нового и лишь подтверждает, что Ташир-Дзорагетское царство, возникшее на территории Гугарка//Гогарани с центром в Самшвилде, с городом Дманиси и «странами Иверийской равнины», с точки зрения территории и коренного населения, было грузинским царством с армянской династией во главе.

И наконец, тот факт, что средневековая армянская историография, в отличие от современной, является более объективной, однозначно подтверждается сообщением армянского историка XIII-го века, автора «Хронографической истории», Мхитара Айриванеци, который под 981 годом пишет: «В это время началось царство Багратуниев над грузинами, ибо Гурген воцарился в Грузии, а его брат Смбат – в Армении» (35: 74). Здесь подразумевается возникновение Ташир-Дзорагетского царства и слова Мхитара Айриванеци, как нельзя лучше резюмируют все сказанное выше о Гугарке//Гогарани и его коренном населении: не может быть никаких сомнений в том, что страна Гугарк//Гогарани изначально являлась провинцией Иверийского (Картлийского) царства, а гугары//гогараны – восточногрузинским, а точнее, картлийским племенем.

Однако, «в исторической географии (Грузии – Д. М.) в память о времени политического господства армян в этом крае, сохранился термин «Сомхити» (грузинское название Армении – Д. М.). Это название (для этого края – Д. М.) в древности было совершенно

неизвестно и встречается только начиная с X века» (29: 39). Современная же армянская историография, игнорируя аутентичные свидетельства армянских же средневековых источников и опираясь, в принципе, лишь на тенденциозное сообщение Мовсеса Хоренаци и неадекватное истолкование текста «Ашхарацуйца», по сей день упорно придерживается необоснованного мнения о исконной принадлежности Армении древнегрузинской провинции, которая в грузинских первоисточниках называется «Гачиани» и соответствует средневековой «Квемо (Нижней) Картли»...

Аналогичная тенденция выявляется и в отношении другой древнегрузинской провинции – Джавахети. В современной армянской историографии эта область также считается исконно армянской, а коренное ее население – джавахи – армянским.

На самом деле, мы знаем, что армянский источник VII-го века «Ашхарацуйц», перечисляя «гавары» Гугарка, среди них упоминает также «Джавахк» (армянское название Джавахети), в пространной редакции источника – «Верхний Джавахк» (16: 34). Однако, нам уже известно, что во-первых, сама область Гугарка//Гогарани (и все ее коренное население) является исконно грузинской; во-вторых – каким образом следует адекватно интерпретировать текст данного источника (см. выше).

Что же сообщают нам другие древнеармянские источники?

Так, историк X-го века Ухтанес, излагая легендарное предание Мегасфена (в передаче Мовсеса Хоренаци) о переселении Навуходоносором иверийцев из Испании на правый (восточный) берег Понта, рассказывает, что «племя это размножилось... распространилось до границ Армении и Алвани... и отдельных названий их гаваров ... множество, а также гаваров вокруг города Тифлиса, которые называются: Цанарк, Джавахк и Трехк» (32: 66). Отсюда следует, что для Ухтанеса эти области и проживающее в них население являются грузинскими.

Еще яснее об этом он сообщает в другом месте, когда рассказывает о родословии Кюрона, католикоса Грузии. Дословный

перевод этого текста таков: Кюрон «был страной и родом из грузин, из области джавахов» (32: 20). Нет никаких сомнений, что Ухтанес считал Джавахети частью Грузии (Иверии), а джавахов – грузинами. Точка зрения этого историка и просвещенного армянского общества X-го века о проблеме, которая нас ныне интересует, обстоятельно интерпретирована в статье З. Алексидзе (33).

Замечательный историк XIII-го века, обармянившийся грузин, Степанос Орбелян, хорошо знающий как историю своей страны, так и Грузии, повествуя о своих предках – представителей некогда блестящего грузинского феодального рода Орбели, сообщает, что от владетелей Картли (Грузии) они получили много вотчин, в том числе – укрепление Орбети, «поселились в урочище Орбети и по имени этой крепости, после продолжительного времени, назвались Орбулами, т. е. Орбетскими, так как у этого племени (т. е. грузин, Д. М.) есть обычай, именовать князей по названию местности, как например... от (области) Эрети – Эриставы, от Джавахети – Джавахуры, от Кахети – Кахетские ... и многие другие» (19: 371).

Несмотря на то, что не все этимологии Степаноса Орбеляна точны, сама констатация факта происхождения многих грузинских княжеских фамилий от их вотчин (что вполне закономерно в развитом феодальном обществе) совершенно правильна. Однако меня интересует другое: из контекста безусловно ясно, что и для этого армянского историка Джавахети (а он употребляет именно грузинскую форму названия области) и ее население (для обозначения которого он опять-таки использует древнегрузинский термин «джавахурни» – по-армянски «джавахуркн») являются грузинской областью и грузинским племенем.

И еще один пассаж из «Истории» Степаноса Орбеляна: в 1178 году грузинский вельможа, амирспасалар (главнокомандующий грузинского войска) Иване Орбели восстал против царя Георгия III, «и были единокорны все главы (феодалных фамилий, Д. М.) и дворяне грузинские с Иване и все вместе направились и пришли к нему в поместье (называемое) Дарбази: эриставы Кар-

тли ... и джавахи: Каха и его сыновья и Великий Гамрекели и Джакели Мемна» и другие (19: 384). Эта справка лишней раз свидетельствует, что джавахи (в армянском тексте – грузинская форма «джавахурни» > «джавахуркн»), которых историк перечисляет поименно (Каха Торели и его сыновья, Великий Гамрекели Торели и Мемна Джакели), являются грузинами, грузинскими вельможами...

Таково мнение армянских историков, современников или почти современников событий и людей, о которых они пишут...

К большому сожалению, этого не учитывают современные армянские историки и не только Джавахети считают областью Армении, но и джавахов – коренное население области, причисляют к армянам, в том числе и древнейший грузинский (месхетинский) феодальный род Джакели, тогда как документально известно, когда и по чьей инициативе произошло массовое заселение армянами этого древнегрузинского края: в 1830 году, по инициативе российского наместника на Кавказе, И. Паскевича, до 30 000 армян, бежавших из Турции, были поселены в Ахалцихском (Месхети) и, главным образом – в Ахалкалакском (Джавахети) уездах (36: 265-266; 29: 64).

Подытожим сказанное: **древнейший Гугарк//Гогарену следует локализовать в бассейне реки Дебеда-чая. Древнегрузинское название этой провинции, видимо, было «Гогарани», сохранившееся в верховьях реки в названии селения, которое ныне переименовано в «Гугарк».**

Коренное население области – гугары//гогараны – было восточногрузинским, точнее – картлийским племенем. Такого же мнения, кстати, были И. Маркварт (22: 116) и Х. Хюбшманн (9: 276).

Древнегрузинской провинцией является также и Джавахети, а коренное население области – «джавахурни», согласно сведениям древнеармянских источников, являлось одним из восточногрузинских племен.

Источники и литература:

1. Мойсей Хоренский. История Армении. Новый перевод Н. О. Эмина, М., 1893.
2. Movsesi xorenaiwoy PatmowÊiwn hayoi, [. 1910.
3. Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, СПб. 1908.
4. Джавахишвили И. Введение в историю грузинского народа. Книга первая: Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тб. 1950 (на груз. языке).
5. Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, Тб. 1982.
6. Картлис Цховреба. История Грузии, Тб. 2008.
7. Fawstosi Biwzandaïwoy PatmowÊiwn hayoi, [. 1913.
8. История Армении Фавстоса Бузанда, Ер. 1953.
9. Hübschmann H. Die altarmenischen Ortsnamen, Strassburg, 1904.
10. Jalaleanï S. @anaparhordowÊiwn i mec hayastan, masn B. 1858.
11. Мухелишвили Д. Основные вопросы исторической географии Грузии, I, Тб. 1977 (на груз. языке).
12. Eremyan S.T. Hayastan= =st "A}xarhaïoyï"-i, Ер. 1963.
13. Акты собранные Кавказскою Археографическою комиссиею, т. I, Тифлис, 1866
14. Saint-Martin J. Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, t. I, Paris, 1818.
15. Армянская география VII века по р. X (приписываемая Мойсею Хоренскому). Текст и перевод издал К. П. Патканов, СПб. 1877.
16. Géographie da Moïse de Corène d'après Ptolémée. Texte arménien traduit en français par le p. Arsène Soukry Mékhitariste, Venise, 1881.

17. Uazaray Farpelwoy PatmowĒiwn hayoġ, Tfuis, 1904.
18. Movsesi Kauankatowalwoy PatmowĒiwn Auowanġ A}xarhi, B. 1913.
19. PatmowĒiwn nahangin Sisakan arareal Stefanosi Orbelean Arqepiskoposi Siwneaġ, B. 1911.
20. Иованнес Драсханакертци. История Армении. Перевод с древнеармянского, вступительная статья и комментарий М. О. Дарбинян-Меликян, Ер. 1986.
21. Страбон. География, 1964.
22. Marquart J. Ērānshahr nach der geographie des Ps. Moses Xorenaġi, Berlin, 1901.
23. Stefanosi Tarġneġwoy Asoukan PatmowĒiwn Tiezerakan, 1885.
24. Всеобщая история Степ'аноса Таронского Асохика по прозванию, М. 1864.
25. Mecin Vardanay Bar>rberdeġwoy PatmowĒiwn Tiezerakan, M. 1861.
26. Kostaneanġ K. Vimakan taregir, S.-Peterbowrg, 1913.
27. PatmowĒiwn {aphoy Bagratownwoy, 1921.
28. Мухелишвили Д. Основные вопросы исторической географии Грузии, II, Тб. 1980 (на груз. языке).
29. Джавахишвили И. Границы Грузии в историческом и современном рассмотрении, Тб. 1919.
30. Мухелишвили Д. Агджакала – крепость Гаги. Сборник по исторической географии Грузии, I, Тб. 1960.
31. Toumanoff C. Studies in christian caucasian history, 1963.
32. Ухтанес. История отделения грузин от армян. Армянский текст с грузинским переводом и исследованием издал Алексидзе З. И. Тб. 1975.
33. Алексидзе З. Джавахети и Гугарети в геополитическом сознании древнеармянских историков. Ухтанес. Сборник: «Мравалтави», Тб. 2005 (на груз. языке).

34. Атлас истории Грузии. Под редакцией Д. Л. Мухелишвили, Тб. 2003.
35. Мхитар Айриванеци. Хронографическая история. Перевод с древнеармянского, предисловие, примечания и указатели Л. С. Давлианидзе–Татишвили, Тб. 1990 (на груз. языке).
36. Иваненко З. Гражданское управление Закавказьем, Тифлис, 1873.
37. Иоанн Драсханакертский, перевод с примечаниями и указателем И. Абуладзе, Тб. 1937 (на груз. языке.).
38. Мовсес Хоренаци. История Армении. Перевод с древнеармянского, введение и комментарии А. Абдаладзе, Тб., 1984 (на груз. языке).

**Роин Метревели
Нодар Шошиашвили**

**Очередное наступление на историю Грузии
или – по поводу исторической принадлежности
Джавахетского Ахалкалаки**

В 1992 г. «Общество по изучению армянской архитектуры» опубликовало в Ереване буклет под названием «Ахалкалаки» (с прилагающими пояснительными текстами на армянском, русском и английском языках). Цель упомянутого издания – ознакомить широкую общественность с кратким очерком истории армянского поселения в Ахалкалаки. Буклет является частью серии, освещающей историю армянских поселений в смежных с ней регионах (в основном – в Грузии, т. к. в прилагающем списке представлена почти вся Южная Грузия). Само по себе, издание литературы справочного характера во всех отношениях – дело полезное: подобные серии, при условии, что они будут составлены добросовестными и квалифицированными специалистами, несомненно способствуют освещению истории армянской колонизации в разных странах; однако, ознакомившись с текстом упомянутого буклета, мы убедились в том, что авторы и инициаторы данной серии начисто лишены и квалификации, и добросовестности, ибо главной их целью является вовсе не освещение истории армянской колонизации, а пропаганда маниакальной идеи т.н. «Великой Армении», следовательно, тем самым – дезориентация несведущей в истории этих двух стран (Грузии и Армении)

части общества.

При ознакомлении со списком намеченных к изданию буклетов, непременно возникает вопрос: почему же авторы упомянутой серии ограничивались только соседними с Арменией странами и не внесли в список армянские поселения в отдаленных территориально от Армении странах? Текст буклета содержит вполне определенный ответ на поставленный нами вопрос: цель авторов заключается в том, чтобы любой ценой убедить читателя в одном – все эти поселения, без исключения, являются историческими территориями Армении, той «Великой Армении», карта которой и прилагается в конце буклета и в которую внесена добрая половина грузинских земель! Разумеется, там же, в пределах Армении, отмечен и город Ахалкалаки, название которого выполнено заглавными буквами армянского алфавита.

Текст буклета содержит сообщения следующего рода:

1) Со дня его основания (XI в.) Ахалкалаки был и ныне является армянским городом. На протяжении средневековой эпохи он был центром «Джавахского гавара» – одной из провинций армянского края – Гугарка.

2) Еще задолго до XI века, на месте Ахалкалаки наличествует армянское поселение, преобразовавшееся в армянский город уже в начале XI в.

3) Со дня его основания и по сей день в Ахалкалаки всегда превалировало армянское население.

4) В 1637 г. турки, оказываясь, захватили не грузинский город Ахалкалаки – один из центров грузинского государственного образования Самцхе-Джававхети, а якобы армянский город «Ахалкалак вместе со своим гаваром».

5) В 1828 г. российские войска освободили уже опустевший от населения город Ахалкалаки, который ожил только после переселения туда Каринских (Эрзерумских) армян в 1831 году.

6) Как уже отмечалось, к буклету прилагается карта «Великой Армении» – «от моря до моря», – символ мечтаний провинциальных армянских национал-шовинистов. На карте отсутству-

ют определяющие надписи, однако белыми армянскими буквами на красном фоне ярко выделяется лишь название города Ахалкалаки.

7) Во всем тексте табуировано упоминание Грузии: ни одного слова о грузинах и Грузии; в этом и не было никакой надобности – ведь упомянутая карта наглядно указывает, что ничего общего с Грузией город Ахалкалаки никогда не имел, и не имеет по сей день; он всегда был армянским городом с армянским же населением, как до своего основания, так и после него.

Что же можно сказать по этому поводу, или же – стоит ли что-либо говорить? Ибо перед нами лежит наглядный пример очередной, неприкрытой диверсии, предпринятой безответственными армянскими горе-патриотами против Грузии. В этом нет ничего нового: подобные нападки на нашу историю неоднократно имели место и в прошлом, и похожие карты печатались в неимоверном количестве. Вопросы исторической географии Грузии, и в частности – Джавахети, с учетом грузинских и иностранных (в том числе и армянских) исторических источников более чем детально изучены в исследованиях грузинских ученых (И. Джавахишвили, С. Джанашиа, Н. Бердзенишвили, Д. Бердзенишвили, Д. Мусхелишвили, Л. Чилашвили, Ш. Ломсадзе, А. Абдаладзе и др.), следовательно, для специалистов здесь нет ничего спорного; однако, как уже сказано, поскольку упомянутый буклет содержит целевое указание – ввести в заблуждение широкую общественность, то мы вынуждены заняться разоблачением сего провокационного замысла. Тем более, что подобного рода «творческие изобретения» в значительной мере могут навредить исторической дружбе двух народов (грузинского и армянского).

Если бы авторы буклета потрудились поглубже заглянуть в исторические источники и научные издания грузинских и армянских (!) исследователей, они могли бы убедиться, что:

1) Ахалкалаки и вправду был основан в XI веке, но – как грузинский город, с грузинским же населением и грузинским названием, и к тому же, он был одним из центров грузинского госу-

дарства.

2) Ахалкалаки никогда не был центром какого-либо «гавара» (т. е. армянской провинции) по той простой причине, что в грузинском государстве никаких «гаваров» и в помине не было. Ахалкалаки никогда не входил в состав Армянского государства хотя бы потому, что ко времени основания города в Закавказье фактически уже была завершена история средневековой армянской государственности (по этой же причине, изображенная на обложке буклета карта с обозначением Ахалкалаки в пределах Армении, является лишь плодом авторских фантазий).

3) С церковной точки зрения г. Ахалкалаки за все время своего существования также входил в грузинскую епархию (авторы буклета «тактически» обходят стороной и этот вопрос): в средние века это был приход сперва Цундских, а затем – Кумурдойских епископов.

4) К моменту его завоевания турками (1578 г.) Ахалкалаки являлся не центром армянского гавара, а городом-крепостью одного из грузинских дворян (Шаликашвили) Самцхе-Саатабаго.

5) На протяжении эпохи средневековья (XI-XVIII вв.) в Ахалкалаки «превалировало» как раз грузинское, а не армянское население (хотя, как и в других провинциях на территории Грузии, также и здесь происходила инфильтрация армянского этноса).

Избыток армянского населения в Ахалкалаки был создан искусственным образом лишь в XIX веке, в результате колониальной политики российских властей, когда из региона были высланы местные жители – этнические грузины, а их место заняли переселенные из Турции армяне.

Думаем, этот вопрос лучше обсудить более детально (хотя, повторяем, информированная о всех этих фактах общественность, до некоторой степени ознакомленная с историей Армении, в излишних пояснениях и не нуждается):

1) Ахалкалаки в XI-XV вв.

Это – эпоха существования единой грузинской феодальной монархии. Именно в период единой монархии был основан город.

Насколько возможно, чтобы к моменту своего основания Ахалкалаки мог быть армянским городом этнически, или же – с точки зрения государственной принадлежности (вспомним о прилагающихся к буклету картах)? В XI в. в Закавказье прекратили функционировать главные государственные образования Армении: Ширакское, Ванандское и Васпураканское царства. Вслед за ними недолго просуществовали: Сюникское (Сивниети) царство, Арцахское, Сассунское, Мокское, Рштуное княжества, а также – т. н. Ташир-Дзорогетское царство в исторической Квемо (Нижней) Картли. Перечисленные нами государственные единицы, естественно, не могли иметь ничего общего ни с Ахалкалаки, ни с Джавахети. Таким образом, получается, что авторы буклета считают Ахалкалаки городом, а Джавахети – «гаваром» несуществующей в природе Армении.

А теперь коснемся этнического вопроса. Любопытно, на каком же основании авторы буклета столь уверенно заявляют, что Ахалкалаки был основан армянами и здесь всегда «превалировало» армянское население?! Даже если согласимся с этим суждением, непременно возникнет вопрос: как же случилось, что основанный армянами город получил чисто грузинское название? Наши авторы, разумеется, сознают неловкость подобной ситуации и пытаются украдкой «протащить» этому объяснение и специально для этого случая они приводят цитату из книги армянского историка Вардана (XIII в.) «Всеобщая история»: «Нор-калак, зор вирк Ахал-калак асен» (в переводе «Нор-калак, что по-грузински означает Ахал-калак [Новый-город]»). С помощью данной цитаты авторы пытаются создать впечатление, что «Ахалкалаки» ничто иное, как грузинское озвучение армянского «Нор-Калак», т. е. город назывался не «Ахалкалаки», а «Нор-Калак». Именно для этого они и раскопали упомянутую цитату из сочинения Вардана. Однако, им также известно, что наряду с другими армянскими авторами, Вардан неоднократно упоминает город Ахалкалаки под своим подлинным (грузинским) названием, а не как «Нор-калак». Именно поэтому они и не осмелива-

ются переименовать (т. е. арменизировать) город и вынуждены оставить грузинскую форму его названия, в том числе – и на картах. Однако, по всей видимости, грузинский топоним все же вызывает у них сильное раздражение и они всячески стараются его исковеркать; в частности – отмечают, что армянский историк Маттэос Урхайеци (XIII в.) якобы называет город «Калак Ахал» (т. е. «Город Ахал»), тогда как в подлиннике источника читаем «Ахалкалак», а вовсе не «Калак Ахал».

Для утверждения того, что Ахалкалаки действительно был основан армянами и в нем всегда превалировал армянский этнос, авторы поместили в буклете сообщение по поводу обнаружения армянских «хачкаров» (каменных крестов) в Ахалкалаки и его окрестностях. Но неужели на этом основании можно серьезно утверждать, что Ахалкалаки армянский город? С таким же успехом можно доказывать, что и Тбилиси также является армянским городом (так и дожить до этого недолго!); Более того, не только Тбилиси, но и любой грузинский (и не только грузинский) город можно смело объявить армянским! Разве авторы буклета не осведомлены о том, что в Ахалкалаки и его окрестностях (также, как и во всем Джавахети) сохранилось значительно больше грузинских исторических памятников (культовые, фортификационные, хозяйственные строения, эпиграфические памятники и т. д.), при том, что они еще и относятся к более древней эпохе? (Так как перечень научной литературы об этих памятниках и о самом Ахалкалаки довольно объемист и к тому же – общеизвестен, назовем лишь несколько публикаций: И. Ростомов, Ахалкалакский уезд в археологическом отношении: СМОМПК, вып. XXV, 1898; Н. Бердзенишвили, Вопросы истории Грузии, т. I, 1964; В. Цискаришвили, Эпиграфика Джавахети, как исторический источник, 1959; Д. Бердзенишвили, Очерки из исторической географии Грузии, 1985; Е. Джандиери, К истории Джавахетского Ахалкалаки: «Археологические памятники феодальной Грузии», т. I, 1969 и др.).

Джавахетский Ахалкалаки был основан на рубеже X-XI вв.

Это была эпоха возникновения в Грузии новых городов и крепостей, так как к тому времени страна находилась на пути экономического и политического процветания (именно тогда были основаны города: Джавахетский и Триалетский Ахалкалаки, Ахалцихе, Тмогви, Атени, Олтиси, Телави, Дманиси и др.). Условия, благоприятствующие возникновению Джавахетского Ахалкалаки, исчерпывающе изучены в упомянутой выше литературе (см. также – Л. Чилашвили, Города в феодальной Грузии, II, 1970); их можно сформулировать следующим образом: географическое местоположение города (у слияния Джавахетской Куры и Ахалкалакской речки) вблизи от торговой магистральной линии, соединяющей разные регионы Грузии с Южным Закавказьем и Передней Азией (Армения, Персия, Византия), а также – хозяйственная интеграция Джавахетской провинции с Грузией, что в свою очередь, увеличивало экономическое значение Ахалкалакского края для всей страны.

Ахалкалаки стал экономическим и административным центром Джавахети (заменив в этом отношении г. Цунда). Строительство городской стены было заложено при Баграте III (975-1014 гг.), а завершилось при Баграте IV (1027-1072 гг.). Хронологические рамки данного строительства подтверждаются также и результатами археологических раскопок. На городских воротах была обнаружена грузинская надпись, в которой упомянута царица Мариам – мать грузинского царя Баграта IV.

В 1065 году, когда сельджукские войска во главе с султаном Алп-Арсланом подступили к городу Ахалкалаки, строители еще не успели завершить сооружение оборонительной стены. Защитники города – месхетинцы «крепко стояли за Ахалкалаки», однако, туркам все же удалось захватить город.

Таким образом, в Джавахети бывшее Цундское эриставство было заменено Ахалкалакским, а Цундская епархия – соответственно епархией в Кумурдо. Ахалкалакскими эристами были крупные грузинские феодалы – Торели. Часть Верхней Джавахети (правый берег Куры) числилась царским доменом, а Нижняя

Джавахети (левый берег Куры) разделялась на отдельные родовые имения грузинских дворян.

2) Ахалкалаки в XVI-XVIII вв.

В 60-ые годы XIII века при содействии монголов начался процесс отторжения Самцхе от единой Грузии: в XV в. процесс был окончательно завершён образованием отдельного княжества – Самцхе-Саатабаго. Постепенно, в течение XIV-XV вв., в составе нового княжества оказался и Джавахети с городом Ахалкалаки в придачу.

Джакели – владетельные князья Самцхе, выдворив из области местных помещиков-старожилов, захватили и присвоили их владения (в частности, из Джавахети были выселены представители следующих фамилий: Торели, Тмогвели, Гобиарни, Отарни, Камкамисшвили, Булдагарасшвили и др.). Кроме того, в Джавахети отменили царский домен, который также стал собственностью княжеского дома Джакели. Между тем появились новые княжеские роды (в частности – Шаликашвили, Аматакисшвили, Рчеулишвили, Диасамидзе и т. д.), которые присвоили бывшие владения прежних дворян – коренных жителей Джавахети.

В XVI в. со стороны Турции и Ирана значительно усиливается опасность агрессии против Грузии. Конкретным объектом их соперничества стала провинция Самцхе-Саатабаго: в 1578 г. турки захватили город Ахалкалаки, отняв его у Кокоты Шаликашвили, а в 1579 г. на захваченной турками территории Самцхе-Саатабаго был основан «Гюрджистанский вилайэт» (т. е. «Чильдирский вилайэт» или же – Ахалцихский пашалык), делившийся на несколько «санджаков» или «лив» (военных округов). В Джавахети было создано две подобных единиц – Хертвиси и Ахалкалаки. Каждая из них делилась на три района («нахиэ»). Раздел Самцхе-Саатабаго согласно «османским порядкам» отображен в составленной в 1595 г. книге переписи под названием «Пространный реестр Гюрджистанского вилайэта». Завоевание турками провинции Самцхе-Саатабаго было окончательно утверждено в 1639 г. актом перемирия между Ираном и Турцией.

В период османского владычества начался интенсивный процесс отуречивания и исламизации коренного населения провинции, хотя большей части местных жителей все же удалось сохранить родные, грузинские корни вплоть до XVII-XVIII вв. По сообщению царевича Вахушти (первая половина XVIII века), население оккупированного турками Джавахети «говорит на родном языке, а их старшины освоили также и турецкий язык, по надобности общения с османами» (Картлис цховреба, IV, 1973, с. 672 [на груз. яз.]).

Немецкий путешественник Гюльденштедт (70-ые годы XVIII в.) по поводу Джавахети писал: «Джавахети – грузинская область, которая ныне захвачена турками»; «Большая часть местного населения – грузины» (Путешествие Гюльденштедта по Грузии, т. I, перевод Г. Гелашвили, Тб., 1962, с. 215).

В 1778 году, когда царевич Георгий (впоследствии – Георгий XII, сын и наследник царя Ираклия II) отправился на отдых в Триалети, у берегов озера Тавпаравани к нему навстречу прибыл Ахалкалакский паша (санджак-бег), чтобы засвидетельствовать ему свое почтение. При этом любопытно, что сопровождающие его дворяне безупречно разговаривали на грузинском языке (П. Иоселиани, Жизнь царя Георгия XIII-го, с. 82).

Турецкий историк XVII века Эвлия Челеби упоминает Самцхе-Саатабаго под названием «Гюрджистан» (т. е. Грузия). Под этим же названием этот край зафиксирован в составленной турецкими чиновниками в 1595 г. книге переписи, также, как и в остальных турецких исторических источниках.

На протяжении всей средневековой эпохи как в грузинских, так и армянских источниках жителями Джавахети упоминаются «Джавахи» и «Месхетинцы». Может, авторы буклета искренне думают, что «джавахи» и «месхи» означают армян, а не грузин? Да и где же могли проживать эти самые «джавахи», если не в главном городе Джавахети?!

3) Ахалкалаки в XIX веке.

В первой трети XIX в. в результате русско-турецких войн

провинция Самцхе-Джавахети (с городом Ахалкалаки) освободилась от турецкого владычества. Однако, освобождение обернулось не в пользу грузинского населения, напротив – в результате оказалось так, что российские власти очистили исконно грузинскую провинцию от коренного (грузинского) населения и поселили здесь армян, курдов, греков, карапахцев (таракамы), русских сектантов (духоборы). Более того, в будущем планировалось поселить в этих местах казаков и немецких колонистов и т.д. Еще во время первой русско-турецкой войны (1806-1812 гг.) по приказу главноуправляющего Тормасова, в 1810 г. из Ахалцихского пашалыка были выселены 1500 грузинских семейств; только из одного с. Котелиа (в 15 километрах от Ахалкалаки) выселили 112 семейств. В 1812 г. согласно Бухарестскому договору, Россия вернула Турции г. Ахалкалаки (который был освобожден российскими войсками к концу 1811 года). Город окончательно был возвращен русским только после заключения мира в Адрианопле в 1829 г. По освобождении Самцхе-Джавахети российские власти разработали план о полной очистке края от грузинского населения и о его заселении чужеземными колонистами. Ив. Джавахишвили по этому поводу писал: «В Месхети, где до 1828 года грузинское население превышало 90%, уже к 1830 году, благодаря стараниям российских чиновников, преобладающим большинством здесь являются армяне» (Ив. Джавахишвили, Доклад советскому правительству Грузии, 1926 г., ЦГИАГ, л. 471, дело №6).

26 июля 1828 года главноуправляющий Паскевич писал графу Нессельроде, что Джавахети является отличным местом для русских колонистов. И началось массовое выселение грузин, а для облегчения и ускорения данного процесса, грузинам разрешили продать принадлежащие им земли как частным лицам, так и в казну! Таким образом, все земли в Самцхе-Джавахети были распроданы за гроши: принявший мусульманство грузинский князь Палавандишвили (санджак-бег города Ахалкалаки) продал в казну 29 селений; кроме того, частным лицам (российским чиновникам и армянским купцам) тот же князь продал

следующие селения: Мурджахети, Пртена, Накалакеви, Гогашени и др. Между тем, потомки изгнанных турками в XVI-XVIII вв. грузинских дворян предъявив Паскевичу свои фамильные грамоты, обратились к нему с просьбой о возвращении родовых имений, которыми в прошлом обладали их предки, но им было категорически отказано. Более того, грузинам вообще возбранялось селиться в освобожденной части Самцхе-Саатабаго: российские власти замыслили устроить в этих местах военные поселения казаков. Впоследствии этот план был отменен и приняты решение о поселении здесь армян. Совершенно определенную роль в этом деле сыграл генерал Василий Бебутов, который в 1828-1830 гг. занимал должность начальника временного управления «Ахалцихского округа». И вот, в 1829-1830 гг. в Самцхе-Саатабаго вместо вытесненных отсюда грузин, было переселено 14 000 армянских семей из Ардагана, Карса, Эрзерума, Байазета; почти половина из них была размещена на территории Ахалцихского пашалыка.

В 1872 г. Л. Загурский писал: «Прибыли армяне из Турции; Ахалкалакский уезд был весь покрыт густым населением, только кое-где, в виде маленьких оазисов, остались грузинские селения» (Л. Загурский, Поездка в Ахалкалакский уезд в 1872 г.).

В качестве строительного материала для своего жилья армянские поселенцы, не стесняясь, интенсивно использовали памятники грузинской культуры – церкви, крепости и т.п. (к счастью, они так и не смогли уничтожить их целиком, и в настоящее время территория Самцхе-Джавахети все еще покрыта античными и средневековыми грузинскими историческими памятниками, свидетельствующими о том, что в этих местах веками процветала грузинская культура). В свое время месхетинский патриот Иване Гварамадзе писал: «С четырех сторон насильно вторглись инородцы, захватывают политую кровью наших предков землю, горы и леса, разделяют их меж собой и уничтожают наше единство... истребляют памятные навеки развалины, разоряют и разрушают крепости, церкви и монастыри, обкрадывают

иконы, взбудораживают драгоценные сокровища...» (Ш. Ломсадзе, Самцхе-Джавახети, Тб., 1975, с. 361).

Вот каким образом было достигнуто в Ахалкалаки пресловутое «превалирование» армянского населения в XIX веке – в результате колонизаторской политики Российской империи. Именно этот процесс стараются затушевать авторы буклета, когда заявляют о том, что «в Ахалкалаки всегда преваляло армянское население».

Надо полагать, подобная фальсификация истории Грузии не приличествует армянским авторам, и что главное, – она наносит непоправимый урон исторически сложившимся добрососедским отношениям двух народов. Нам не верится, что буклет был составлен профессиональными историками, однако несомненно, было бы лучше, если бы армянские ученые сами возвысили голос против подобного искажения исторической реальности.

«Литературули сакартвело», 25 сентября, 1992 г.

Перевод: Л. Микиашвили

Дэви Бердзенишвили

«Ахалкалаки Джавахетский»

«... армянские ученые мужи все равно настаивают на своем, пытаясь обрести жилище свое там, где его никогда не имели... желая уверить всех в том, будто располагают историческим правом обосноваться в этих местах».

*Илья Чавчавадзе,
«Армянские ученые и вопиющие камни»*

В 1992 году в серии «Армянские исторические поселения» организацией по изучению армянской архитектуры в Ереване был издан буклет «Ахалкалаки» на армянском, русском и английском языках¹. Буклет состоит из небольшого по объему текста (примерно 2 страницы), 12 фотоснимков, чертежного плана церкви, маленькой карты и списка пунктов, по которым в ближайшее время планируется издание подобных буклетов.

В тексте неизвестного автора определено расположение джавахетского Ахалкалаки; сказано, что население в нем армянское с IX-X веков; приведены указания о нем двух армянских историков XI и XIII веков; упомянуты факты его разрушения в XV веке и завоевания тюрками; следующая часть текста посвящена

¹AXALQALAQ, Ахалкалаки, Akhalkalaki. Erewan 1992 Erevan.

присоединению Ахалкалаки Россией и переселению в него армян из Турции в XIX веке (с завидной полнотой описано возведение и обустройство армянами нового города); в конце же отмечается, что обнаруженная на территории городища могильная плита 1301 года, встроенный в церковь «хачкар» 1289 года и расположенная вблизи города церковь XII-XIII веков свидетельствуют о существовании здесь армянского поселения в указанных веках.

Карта являет собой схематичное изображение «Великой Армении», т. е. созданного в 95-56 годах до Р. Хр. Тиграном 11-м государства, лишь одну десятую часть которого составляет территория нынешней Армении, обозначенная на карте более темным цветом.

Учитывая тот факт, что «Великая Армения» прекратила свое существование в 387 году от Р. Хр., в результате разделения ее между Византией и Ираном, приложение упомянутой карты может иметь лишь одно оправдание: поиск армянских поселений на огромной территории, раскинувшейся к югу от Черного и Каспийского морей и охватывающей Турцию, Иран, Ирак, Сирию, Грузию, Азербайджан, собственно Армению...

Но нет. Из списка планируемых к изданию буклетов становится ясным, что такие поселения издателей интересуют только в пределах Грузии и Азербайджана – из названных 45 пунктов наличие армянских исторических поселений подразумевается в 30 городах, поселках или деревнях Грузии: Нижней Картли (10), Джавахети (13), Самцхе (7). Остальные пункты находятся на территории сегодняшнего Азербайджана.

Согласно автору буклета – «Ахалкалак – главное поселение Джавахкского гавара (провинции – Д. Б.) Гугарка». Так начинается сам текст. Ничего не сказано о том, что Джавахети – исконно грузинский край и что Гугарк, согласно Страбону, был частью древнего Иберийского государства, временно завоеванной Арменией во II в. до Р. Хр.

Понятие «Гугарк» (по гречески – «Гогарена») в течение веков меняло своё содержание и, по этой причине, Верхняя Джа-

вахети с появившимся позднее Ахалкалаки не всегда подразумевалась в составе Гугарка – если древняя армянская география в составе Гугарка подразумевает всю Джавахети, а Мовсес Хоренаци только половину этой области, то по более ранним источникам Гугарк находится в Нижней Картли.

Леонтий Мровели, описывая историю Картли I века, повествует: «Царь армянский Ярванд взял верх над Фарсманом армазским, захватил пограничные земли – Цунда и Артани – до Кумы и не смогли восстановить границу цари Картлийские и так и умерли в скорби великой Фарсман и Каос»². Подобное противостояние грузин и армян продолжалось и в последующее время – грузины в «Стране Джавахетской» победили армян, а царевича их взяли в плен. Лишь после этого противоборствующие стороны заключили мир: «Вернули армяне земли пограничные Картли – город Цунда и крепость Демотскую, Джавахети и Артани»³³.

О теснейшей связи древней Джавахети с Картли (Иберией) говорит, например, собственное имя Иберийских питиахшей II века Джавах (Зевах), троекратно засвидетельствованное в Армазских надписях (для сравнения: имя Каха – провинция Кахети).

После II века до Р. Хр. Гугарк пять раз переходил из рук в руки, пока во второй половине IV века эта провинция окончательно не воссоединилась с Картли. Что коренное население Гугарка было грузинским, подтверждают армянские же источники.⁴ Именно поэтому пришедшая в Джавахети в 326 году Св. Нино, оказалась в грузинской среде, тесно связанной с Мцхета (столица Картли в эту эпоху).

Согласно тексту буклета, Ахалкалаки расположен у слия-

² Леонтий Мровели. Житие грузинских царей. В кн.: Картлис Цховреба (История Грузии). Грузинский текст. I. Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили. Тб. 1955. стр. 44 (на груз. языке).

³ Леонтий Мровели. Житие грузинских царей..., стр. 49-50.

⁴ Бердзенишвили Д. К. Очерки по исторической географии Грузии. Нижняя Картли. I. Тб. 1979. стр. 21-23 (на груз. языке); Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии. Тб. 1982. стр. 6-15.

ния двух рек, одна из которых называется «Парвана» (т. е. Тавпаравнисцкали), а вторая – «Карасун ахпюр» (т. е. сорок источников). Такого названия не существует. Это – перевод турецкого «Кирх-булаха», обозначенного на русской пятиверстной карте. Еще раньше река называлась Дливисцкали, а древние грузинские историки именуют ее Ахалкалакисцкали («цкали» – по-грузински – вода, река, источник – ред.). Переделывая позднее турецкое название реки на армянский лад, автор пытается как-нибудь прижить армянскую форму гидронима.

По мнению автора, несмотря на то, что временем основания Ахалкалаки считается XI век, памятники, оставшиеся в черте древнего города, в частности – хачкары, характерные для IX-X веков (в английском тексте – IX-XI вв.) свидетельствуют о существовании здесь армянского поселения еще до XI века. В подтверждение этого прилагается фотоснимок одного хачкара, встроенного в стену церкви св. Креста XIX века.

Не в интересах автора и он, естественно, не упоминает ни единым словом о том, что в результате археологических раскопок на территории городища обнаружены поселения эпохи энеолита и эпохи ранней бронзы.⁵ А в эту пору армян еще не было в Закавказье! Автор обходит молчанием и упоминание «Забаха» или Джавахети в урартских источниках VIII века до Р. Хр., ведущего изнурительные войны с Урарту.⁶ В то время и упоминания не было о Гугарке.

Согласно грузинским источникам, Джавахети в составе Цундского Эриставства (территориально-административная единица – Д. Б.) с древнейших времен подчинялся царю Картли. Первые грузинские церкви были воздвигнуты здесь в IV-VI веках, а Вахтанг Горгасал (Царь Картли) основал в Джавахети епископскую кафедру. Арабские и Армянские источники (Балазори,

⁵ Джандиери Е. Г. Ахалкалаки Джавахетский (историко-археологическое исследование). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тб. 1983. стр. 13.

⁶ Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М. 1960. стр. 212.

Иоанн Мамиконян) упоминают Джавахети среди тех районов Картли, которые были завоеваны в VII веке арабами⁷.

Эти факты не удостоились внимания автора, в то время как встроенный в стену церкви Св. Креста хачкар IX-X веков, конечно же, «доказал» существование здесь армянского поселения вопреки общепринятому мнению о том, что город был основан в XI веке. Разве может поколебать такое «доказательство» тот факт, что на территории городища были раскопаны и изучены остатки грузинской церкви IX-X веков – центрально-купольное строение типа т. н. «свободного креста» и что найденные в ее развалинах базы каменных крестов и карнизы относятся к V-VII и VIII-IX векам. Предполагается, что эти остатки более древней молельни были использованы в последующем при строительстве храма IX-X веков. К этому же периоду относится и выявленная на территории городища небольшая крепость⁸.

Таким образом, более ранние и более значимые памятники, чем вышеуказанный хачкар, ясно указывают на то, что на возвышенности Ахалкалаки существовало довольно обширное поселение еще до ее превращения в город. Со временем этот пункт так разросся и преуспел, что к XI веку стал одним из важнейших центров Джавахети. «Матиане Картлиса» («Летопись Картли») сообщает, что в 1057 году «спустя немного времени вельможи сего царства (т. е. Грузии, – ред.) начали тяготиться властью Липарита. Сула Калмахский и все месхи покинули Липарита. Они схватили в Дливе Липарита и сына его Иване... И отправил Сула спешно к царю глашатаев. А Гурандухт же и Георгий, сын Баграта, стояли в Гртила, и узнав о пленении Липарита, ввели его в Ахалкалаки и здесь ждали Баграта... Предстал Сула пред царём в Джа-

⁷ Бердзенишвили Д. К. Очерки по исторической географии Грузии. Земо Картли-Гори, Джавахети. Тб. 1985. стр. 75-80, 118-120 (на груз. языке); Мухелишвили Д. Л. Основные вопросы исторической географии Грузии. II. Тб. 1980. стр. 30-31 (на груз. языке).

⁸ Джандиери Е. Г. Ахалкалаки Джавахетский., стр. 14-15.

вахети и доставил ему пленных Липарита и Иване и доложил...».⁹ Из приведенного отрывка становится ясным, что переездом из Гргила в Ахалкалаки – центр Джавахети – царская семья ясно подтвердила подчиненность царю города и края.

Автор же буклета, из всего приведенного выше, ведаёт лишь о том, что Ахалкалаки находится в Гугаркском гаваре Джавахети, на берегу реки «Карасун ахпюр» и что армянское поселение на этом месте существует с IX-X веков. Здесь же автор вскользь замечает, что историк Вардан в своей книге упоминает «новый город, который грузины называют Ахалкалак». Естественно, у читателя справедливо возникает вопрос: «а при чем тут эти грузины?». Ведь Вардан – армянский историк XIII века, слова которого – «*Nor qauaq, zor Virq Axal-Qalaq asen*» («новый город, который грузины называют Ахалкалак») – автор по-русски передал как «новый город, который по-грузински звучит Ахалкалак», а по-английски – «*New town, which is pronounced in Georgian language Akhalkalak*». Дело в том, что приведенное автором буклета в качестве цитаты предложение у Вардана вообще отсутствует. Там слово в слово сказано, что в 1064 году Алп-Арслан «...вторично пришел во главе ста тысячного войска, взял Ахалкалаки и Самшвилде и вступил в супружество с дочерью царя Квирике, племянницей царя грузин Баграта»¹⁰.

В придуманном автором и приписываемом Вардану предложении по-русски и по-английски эти слова – «звучит», «произносится» – нейтральны и имеют другой смысловой оттенок, чем более соответствующая армянскому тексту форма – «грузины называют», «по-грузински именуется». Например, если сказать, что названия городов Ани и Гарни «по-грузински звучит», «по-грузински произносится» как «Аниси» и «Гарниси», то в этом случае останется неясным чьи эти города, или кем даны эти наименования в то время как словосочетание «грузины называют» или

⁹ Летопись Картли. В кн.: Картлис Цховреба (История Грузии), I, стр. 304-305.

¹⁰ Вардан. Всеобщая история. М. 1861, стр. 136 (на арм. языке).

«по-грузински называется Ахалкалаки» указывает, что город грузинский и что это, не оставляющее никаких сомнений, грузинское название городу присвоено ими (для сравнения – Новгород, Неаполь...)

В самом деле, археологическими раскопками подтверждено, что здесь в IX-X веках уже существовало обширное поселение городского типа, на территории которого найдены византийские медные монеты. Это малоукрепленное, т. е. не имеющее крепостной стены поселение уже тогда называлось Ахалкалаки¹¹.

В истории грузинских городов с IX-X веков отмечается новый этап, именуемый также и «эпохой ахалкалаков» (новых городов). Начиная с этого времени, происходит трансформация старых поселений в города, возрождение некоторых старых городов и возникновение новых. Так появились города: Дманиси, Артануджи, Ахалцихе, Атени, Телави, Ахалкалаки Триалетский, Ахалкалаки Джавахетский. Возведение крепостных стен последних явилось инициативой царя Баграта IV. Согласно древним версиям рукописи «Матиане Картлиса» – «отправился царь в Джавахети и начали возводить стены вокруг Ахалкалаки ибо в ту пору город не был огражден стенами». Древний армянский перевод «Картлис цховреба» («История Грузии») так же указывает, что царь Баграт «построил крепостную стену Ахалкалаки». Царевич же Вахушти пишет – «царь Баграт прибыл в Джавахети, укрепил Ахалкалаки»¹². При этом знаменательна обнаруженная во время раскопок городища надпись, выполненная «асомтаврули» (ранний тип грузинской письменности) на воротах крепостной стены, гласящая: «Христос, помилуй Мариам». Эта Мариам – царица,

¹¹ Джандиери Е. Г. Планировка и строительная техника безградного поселения "догородского" времени (IX-X вв.) на территории Ахалкалаки Джавахетском. В сб.: "Дзеглис мегобари" ("Друзья памятников культуры"), 47. Тб. 1978. стр. 23-34 (на груз. языке).

¹² Царевич Вахушти. Описание царства Грузинского. В кн.: Картлис Цховреба (История Грузии). IV. Текст по всем основным рукописям установлен С. Г. Каухчишвили. Тб. 1973. стр. 146 (на груз. языке).

мать Баграта IV¹³.

Из памятников периода бытности Ахалкалаки городом, кроме вышеупомянутой церкви, был выявлен и тоннель, протяженностью в 150 метров и выходящий на левый берег реки Тавпаравнисцкали. Не лишены также интереса гончарная мастерская, маслодавальня и, особенно, – Караван-сарай для караванщиков¹⁴.

Естественно, об этом ничего не сказано в буклете, ведь его автор желает лишь доказать существование в Ахалкалаки армянского поселения. С другой стороны, – достичь этой цели, исходя из всего изложенного выше – действительно сложное дело.

В 1064 году Ахалкалаки Джавахетский испытал на себе разрушительное нашествие войск Алп-Арслана. Информацию об этих событиях автор буклета приводит следующим сразу же за приведенной выше цитатой Вардана предложением. И приводит так, будто это «безадресный» город, не принадлежащий ни к какому краю, ни к какой конкретной стране. Матеос Урхаеци (армянский историк XI-XII веков – Д. Б.) свидетельствует, что Абаслан (т. е. Алп-Арслан – Д. Б.) «после жестоких боев окружил Ахалкалаки, взяв его приступом, беспощадно истребив мечом своим весь город, мужей, женщин, всех священников, монахинь и правителей. Весь город обагрил кровью. Угнал в Персию множество юношей и девушек, завладел бесчисленным золотом, серебром и драгоценными камнями».

Это нашествие Алп-Арслана, как важное событие, было описано в грузинских и иностранных источниках. Гиоргий Мцирэ писал в «Житии Гиоргия Мтацмидели»: «В то время находились мы в Ахалкалаки Джавахетском и там держал он (Гиорги Мтацмидели – Д. Б.) всех сирот своих. И сидели мы все перед ним. В полдень на челе его несколько раз изобразилось удивление и вдруг, с тревожным выражением лица, сказал нам – «Знайте же, что гнев божий падет на град сей». И приказал собираться всем. И когда повечерело, мы покинули город и тремя днями позднее

¹³ Джандиери Е. Г. Ахалкалаки Джавахетский... стр. 18.

¹⁴ Джандиери Е. Г. Ахалкалаки Джавахетский... стр. 16-17.

неожиданно обрушился гнев божий на город, о котором ведают все, так как были истреблены не только жители города, но и великие и знатные князья и эристави нашего царства были убиты, из-за чего раб божий царь Баграт впал в горе большое»¹⁵.

Еще более значительную информацию дает нам автор «Матиане Картлиса», согласно повествованию которого «пошли (турки) в Джавахети и подступили к Ахалкалаки, ибо азнауры месхские и верхних (земель) отменно укрепились в Ахалкалаки и дрались три дня, потому как не был основательно обнесен Ахалкалаки стенами твердыми. Не выдержали мощного боя, вооружились жители города, отверзли ворота и схватились жестоко и перебили множество (горожан) остриями меча. Вступили турки в город и пленили бесчисленное количество христиан; захватили сокровища и добычи премного и окрасились кровью воды Ахалкалаки.

И отправил султан из Ахалкалаки посла к Баграту, навязав ему сватовство и требовал в жены себе его племянницу»¹⁶.

Надпись из джавахетского села Миращани гласит, что в битве за Ахалкалаки вместе с другими погиб и Фарсман, известный по другим источникам как Фарсман Тмогвели, эристав эриставов Джавахети, упоминающийся также в надписях церквей Верхнего Тмогви и Сатхи¹⁷.

Упомянутую битву подробно описывает арабский автор XIII века Садр Ад-дин Хусейн, который восполняет наше представление об Ахалкалаки интересными деталями: «Потом Алп-Арслан подготовил войско свое с намерением напасть на Себид

¹⁵ Гиоргий Мцирэ. Житие Гиоргия Мтацмидели. В кн.: Памятники древнегрузинской агиографической литературы (XI-XV вв.). II. Подготовили к печати И.Абуладзе, Н. Атанелишвили. Н. Гогоадзе. М. Долакидзе, Ц. Курцикидзе, Ц. Чанкисва и Ц. Джгамая под руководством и редакцией И. В. Абуладзе, Тб. 1967. стр. 174-175 (на груз. языке).

¹⁶ Летопись Картли. В кн.: Картлис Цховреба (История Грузии). I... стр. 306-307.

¹⁷ Бердзенишвили Д. К. Очерки по исторической географии Грузии. Земля Картли -Тори, Джавахети... стр. 95.

Шехр («белый город» – по-персидски, «новый город» – по-тюркски) и много битв произошло между ним и жителями той стороны.

Затем бог даровал ему здесь победу. Султан захотел завоевать и другие места, называющиеся так же Ахалкалаки. Длина стен крепости составляла 100 цкрта (старинная грузинская мера длины, равняющаяся примерно 50 см. – Д. Б.), а ширина была и того больше. Город этот с востока, запада и севера окружен горами, на вершине горы находится крепость. Упомянутая же стена на южной стороне. Перед стеной крепости течет река, схожая с Джейхун (Аму-Дарья). Над ней проложен мост. Противники разрушили мост и, таким образом, положили конец жадности и надежде мусульман... Султанское войско возвело новый мост. Началась битва, схватились друг с другом насмерть. Затем из этой страны отделились два человека, попросили помощь и прощение. Просили султана назначить эмиром человека правого и честного. Султан послал к ним эмира Ибн-Муджахата и Абу-Сумрэ. Когда они пересекли граничную линию крепости, грузины их окружили и зарубили. Бедные, они оказались между саблями врагов и рекой.

После этого слуга султана Саваф предстал перед ним и вознамерился сообщить ему, что грузины напали и победили мусульман... Султан подавил жестокое сопротивление врагов, вторгся в их страну и освободил от врагов. В одной из башен крепости остались несколько храбрых воинов. Спротивлялись они с истинной храбростью и отвагой. Султан приказал обложить башню дровами, их подожгли...

Мусульмане овладели огромным, несметным богатством. Ночью поднялся сильный ветер. Огонь, обложивший башню, был раздут ветром и объял эту сторону и сжег её дотла. Недалеко от этой была и другая крепость. Султан покорил и ее. После этого грузинские мелики послали султану множество подарков и запросили мир... И потребовал тогда султан письменно от грузинско-

го царя – или принять ислам или согласиться платить джизию»¹⁸.

В приведенных намеренно обширных отрывках нигде не видно армян. Везде подчеркивается: «жители города», «великие и знатные князья и эристави», «азнаури месхские», «грузины», «грузинские мелики». И ниоткуда не видно, чтобы там было «армянское историческое поселение». Больше всего это относится к Матеосу Урхаеци, ликование которого хорошо известно по поводу поселения в Гори армян Давидом Строителем (Царь Грузии, 1089-1125 гг.)¹⁹. Следовательно, вряд ли стал бы он скрывать факт существования в Ахалкалаки армянского поселения, если бы таковое существовало. Его сведения довольно точно совпадают с другими источниками при описании нашествия тюрок в Ахалкалаки и, конечно же, они соответствуют истине.

С другой стороны, сведения этого историка заслуживают внимания и потому, что он знает: это было нашествие на грузинскую страну (*ya}xarhn Vra%*), на провинцию, называемую Джавахети (*l gawa'n or ko}i Aawalis*), тюрки нападают на город, который называется «Новый» (*zqauaqn or ko}i Alax*). В следующей же фразе автор пишет «Ахалкалаки» (*Alax qauaqn*)²⁰. Матэос Урхаеци пишет «Джавалис» вместо «Джавахети», а «Ахалкалаки» он понимает как город с названием «Ахал» (в тексте ошибочно записано «Алах»). Подобные ошибки или искажения как раз указывают на то, что Джавахети и Ахалкалаки для армян и армянских историков является чуждой средой. В случае существования здесь с IX-X веков армянского поселения, этого бы не было.

Автор буклета из сведений Матеоса Урхаеци в армянской части текста игнорирует слова касающиеся Грузии (страны гру-

¹⁸ Шенгелия Н. Н. Садр Ад-дин Хуссейн о походах Алп-Арслана в Грузию и страны Закавказья. В сб.: «Разыскания по истории Грузии и Кавказа». Тб. 1976. стр. 189-190 (на груз. языке).

¹⁹ Матеос Урхаеци, Хронография. Вагаршапат. 1898. стр. 356 (на арм. языке).

²⁰ Матеос Урхаеци. Хронография... стр. 356 (на арм. языке).

зин) и Джавахети, говорит только об Ахалкалаки и событиях, имевших там место. В соответствующих частях русского и английского текстов, он повторяет ошибку историка и пишет: «город Ахал», «The city Akhal». Это то же самое, если бы древние армянские топонимы – Норкалак, Норберд, Нораванк были бы переведены как «город Нор», «крепость Нор» «монастырь Нор» (армянскому «Нор» соответствует грузинское «Ахали»). Автор буклета знает, что топоним не переводится, но таким творчеством, не поясняя первую часть топонима, он может заставить читателя предположить: вторая часть названия Ахалкалаки («калак») – армянская, что объясняется существованием там армянского поселения. Этим и объясняется, что характерное грузинское окончание именительного падежа («и») фигурирует лишь в английском и русском заглавиях. В армянском же заглавии и далее во всех трех текстах встречается «Ahalqalaq», «Ахалкалак», «Akhalkalak». На самом же деле слово «калаки» (город) – иностранного происхождения и в грузинский и армянский языки проникло, очевидно, с Востока.

Разоренный тюрками Ахалкалаки вновь возродился со второй половины XII века, о чем свидетельствуют жилищные комплексы, резной орнамент восстановленной в ту пору церкви и медные монеты с именем царя Грузии Гиоргия-Лаша, выявленные при археологических раскопках²¹. Имя – «Гиорги, сын Тамар» – встречается на двух типах монет, на одной разновидности которых Гиорги назван «владыкой Джавахцев». Количество таких монет не превышает несколько десятков, причем все паспортизованные монеты обнаружены в Ахалцихе, Ахалкалаки Джавахетском и Дманиси. Легенда монеты, выполненная асомтаврული, гласит: «царя Гиоргия, сына Тамар, владыки Джавахцев». Арабская же надпись читается так: «Царь высочайший – слава страны и веры (Гиорги, сын Тамар), меч мессии»²². Из грузинской

²¹ Джандиери Е. Г. Ахалкалаки Джавахетский... стр. 19.

²² Джалагания И. Л., Джапаридзе В. В. Нумизматические находки Дманисской археологической экспедиции (1936-37, 1960-66, 1968-70,

легенды явствует особый статус отношения Гиоргия-Лаша к Джавахети – он владеет здесь вотчиной царевича.

В Ахалкалаки были обнаружены монеты и царицы Грузии Русудан, отчеканенные в 1227 году. В последующем, в городе была восстановлена купольная церковь, о чем свидетельствует обнаруженная надпись, выбитая грузинским асомтаврული и упоминающая сына Гиоргия-Лаша – Давида Улу: «Именем божьим воздвиг я эту святую церковь во время царствования Давида и в бытие амирспасаларом Авага, при правлении сыновей Гамрекели: Каха, Асиба и Липарита... за упокой души своей... Господи помилуй Исдиага, аминь»²³. Упомянутый в надписи Каха, сын Гамрекели, это – Каха Торели – эристав Ахалкалакский и «мечурчлетухуцеси» (министр финансов), хорошо известный по другим источникам. Поэтому и отмечается подчеркнуто в надписи его правление.

В XI-XIII веках за крепостной стеной города, на левом берегу реки Тавпаравнисцкали, стояла и зальная церковь, но со времени правления монголов городская жизнь в Ахалкалаки постепенно ослабла и к концу XIII века заметно захирела²⁴.

Знаменательно, что в джавахетской эпиграфике до XIV века армянские надписи отсутствуют вообще, по обилию же грузинских надписей этот край заметно выделяется среди других. В первой половине XIV века, когда магометанские правители постепенно завладели Арменией, в сторону Джавахети двинулся поток армянского населения. По сведениям «Жития» армянского писателя – Григора Татеваци – родители автора переселились из Армении в Тмогви (город-крепость в южной Грузии). Родившийся здесь Григор с помощью своего брата воспитывался при

1972-73, 1975-77 гг.). В сб.: «Археологические памятники феодальной Грузии». V. Тб. 1987. стр. 18 (на груз. языке).

²³ Цискаришвили В. Г. Эпиграфика Джавахети как исторический источник. Тб. 1959. стр. 58-59 (на груз. языке).

²⁴ Джандиери Е. Г. Ахалкалаки Джавахетский... стр. 19-20.

дворе царя Грузии Давида IX²⁵. Появилось армянское население и в окрестностях Цунды. Армянские надписи на сохранившихся здесь мемориальных хачкарах умещаются в хронологической рамке с 1365 по 1425 год²⁶.

С XV века Джавахети оказывается во владении атабагов Самцхе (правителей юго-западной части Грузии). По сведению царевича Вахушти, в 1486 году повелитель Ирана Якуб-хан «пересек Абоци и подступил к Ахалкалаки и разорял вокруг земли, убивая и пленяя. Манучар (атабаг Самцхе – Д. Б.) не смог воспротивиться ему и причинить вред войскам его. А старался укрепиться в городе-крепости. Но в короткий срок взял хан Ахалкалаки и заставил выйти оттуда знатных месхов и пленил полностью многих там находящихся. После сжег город и подойдя к Ахалцихе, взял и его и поступил с ним также»²⁷. И это событие лишь вскользь упоминает автор буклета в связи с Ахалкалаки, только повелитель туркманов фигурирует почему-то как «Монгольский шах»...

И в этом достаточно пространным описании Вахушти не видно и следа существования в Ахалкалаки армянского поселения, хотя царевич, говоря о грузинских городах, имел за правило всегда отмечать факт проживания в них армянских или еврейских купцов.

Персидский историк XVI века Хасан Румлу повествует о походе на Ахалкалаки главнокомандующего войском шаха Тамаза I – Див-Султана: «Эмиры по дороге Шурагели (Абоци-Кайкули – Д. Б.) направились к Ак-Шахру (Ахалкалаки – Д. Б.) и заполнили те места как нежданная напасть, посланная небом... Когда

²⁵ Сведения памятных записей (ишатакаранов) Армянских рукописей XIV-XV вв. о Грузии. Перевод с древнеармянского, предисловие, комментарии и примечания А. П. Абдаладзе, Тб. 1978. стр. 118 (на груз. языке).

²⁶ Давлианидзс Л. С. К изучению цундско-тмогвских хачкаров (Крестовкамней). «Вестник» Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа"). XX-V. Тб. 1959, стр. 195-200 (статья – на русском).

²⁷ Царевич Вахушти. Описание царства Грузинского... стр. 707.

приблизились к вышеназванной деревне, Манучар (брат атабага – Д. Б.) сбежал и направился в Рум»²⁸. Упоминание Ахалкалаки в качестве деревни, должно быть, указывает на его захирение.

«Ахали Картлис Цховреба» («Новая история Грузии») говорит об еще одной битве у Ахалкалаки в 1535 году: «В августе 13-го числа, в четверг, сразились царь царей Баграт (царь Имерети – западной Грузии – Д. Б.) и атабаг Кваркваре у Ахалкалаки. И пали многие, и победил царь, пленил он Кваркваре и войска его и завоевал сын Александра все Самцхе»²⁹. Правление атабагов в Джавахети прервалось на 10 лет.

В 1547 году шах Тамаз вновь пошел на Ахалкалаки. По сведениям Хасана Румлу – «Шах с бесчисленным войском пошел на Грузию, пересек Шурагели и дошел до Ак-Шахра. В те дни с утра до вечера непрерывно шел снег... Государь ночью атаковал неверных грузин... Их кровь окрасила снег в розовый цвет, множество коров и овец взяли в добычу, а дома ихние сожгли»³⁰.

Другой персидский историк XVI-XVII веков Искандер Мунши то же событие описывает следующим образом: «Шах Тамаз направился в Грузию войной, чтобы истребить неверных грузин. Вышли из Шурагели... С войском, имеющим мощь Бахрама остановился он в Ак-Шахре... Непогода зимы и крепкий мороз в то время были такими, что Мтквари покрылась льдом гранитной прочности. От обилия снега, не прекращающегося ни днем, ни ночью, горы и долины Грузии сравнились... Когда достигли домов и обиталищ неверных грузин, мечь газиев начал отсекал головы и земля та покрылась кровью неверных и их священников. Дома неверных сожгли карающим огнем, войско мстителей ов-

²⁸ Сведения Хасана Румлу о Грузии. Персидский текст с грузинским переводом и введением издал В. С. Путуридзе. Примечаниями снабдил Р. К. Кикнадзе. Тб. 1966. стр. 20 (на груз. языке).

²⁹ Новое житие Картли. Текст третий. В кн.: Картлис Цховреба (История Грузии). Грузинский текст. II. Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили. Тб. 1959. стр. 497 (на груз. языке).

³⁰ Сведения Хасана Румлу о Грузии... стр. 25.

ладело большой добычей и победившие победоносно, нагруженные несметной добычей, вернулись назад»³¹.

Тот же историк рассказывает о третьем походе шаха Тамаза на Грузию в 1551 году. По его словам, после разорения монастыря Вардзия «Вахушти и Шермазан-оглы, два величайших врага, были убиты. Округа Тмогви и Ак-Шахра, принадлежавшие им, были пожалованы Каихосро (атабаг Самцхе – Д. Б.)»³². Упомянутый Вахушти был из рода Шаликашвили, а Шермазан-оглы – Диасамидзе, который к тому времени должно быть владел Ак-Шахром (Ахалкалаки) вместе с округом. Это предположение подтверждает и один турецкий документ: «Есть еще один такой Шермазан-оглу со своими родственниками и подопечными ... Его владением является место под названием Джавахети. Названные здесь лица, в большинстве своем, подчиняются Кваркваре (атабаг Самцхе – Д. Б.)»³³.

Турецкий историк XVII века Ибрагим Фечеви, рассказывая о событиях 1573 года, упоминает о завоевании крепостей Чилдир, Тмогви, Хертвиси и Ахалкалаки: «После того, как сильнейшим полководцем для покорения названных крепостей был послан Абдурахман-бег, назначенный мирливой Артаани, жители покорились. Падишах занял этот край и назначил своих правителей»³⁴.

В это время город, по-видимому, защищали Шаликашвили, так как по данным «Месхской летописи», турки получили Тмогви от брата атабага – Манучара, а «Ахалкалаки до этого от-

³¹ Сведения Искандера Мунши о Грузии. Персидский текст с грузинским переводом и предисловием издал В. С. Путуридзе. Тб. 1969. стр. 17 (на груз. языке).

³² Сведения Искандера Мунши о Грузии... стр. 19.

³³ Турецкие источники по истории Самцхе-Саатабаго первой четверти XVI в. Тб. 1983. стр. 56-57 (на груз. языке); Клдиашвили Д. Л. Приписки к рукописям Тисли и Хахули. Тб. 1986. стр. 40-41 (на груз. языке).

³⁴ Сведения Ибрахима Фечеви о Грузии и Кавказе. Турецкий текст с грузинским переводом издал, введением и примечаниями снабдил С. С. Джикия. Тб. 1964. стр. 41 (па груз. языке).

воевали у Коколы (Шаликашвили – Д. Б.), стоявшего там гарнизоном»³⁵. С этого времени Ахалкалаки, как и всем Джавахети, завладели турки.

Автор буклета это событие почему-то датирует 1637 годом, что является явной ошибкой. Но это не исключение для этого, хоть и небольшого, но поверхностно составленного текста.

Из «Пространного реестра вилайета Гюрджистан», составленного в 1595 году, явствует, что после завоевания южной Грузии турки произвели здесь опись, поделив ее на административные единицы – «ливы» и входящие в них районы. В Ахалкалакскую ливу входили районы Акшехир, Тмогви и Ниалискури. Акшехирский район охватывал Ахалкалакское плато, начиная от Джавахетского хребта до каньона Мтквари. Это был самый большой по площади район Джавахети с наибольшим количеством деревень. Центром и резиденцией правителя ливы был Ахалкалаки, но город к тому времени был почти полностью обезлюжен. Лишь в рабате акшехирской крепости селились три жителя, а сам Ахалкалаки не был даже занесен в число облагаемых налогом объектов.

Укрепленную часть Ахалкалаки во времена турок стали называть рабатом акшехирской крепости. Проживающие в нем Мурад, Задик и Кандурали, а также Гулаба-ага, должны были платить налоги на пшеницу, рожь, овес, лен, сено, пчел, свиней, огород, овец и т. д. в сумме 7.000 ахча³⁶. Поименованные здесь лица христианской веры, за что и платят повышенный налог в виде испенджи, а вот Гулаба-ага – магометанин.

Вообще же даже по именам зарегистрированных в «Гюрджистанском реестре» жителей джавахетских сел видно, что

³⁵ «Месхская летопись». Материалы по истории Южной Грузии (XV–XVI вв.). Публикация текстов, исследования и указатели Х. Г. Шарашидзс. Тб. 1961. стр. 49, 166 (на груз. языке).

³⁶ Пространный реестр гюрджистанского вилайета. II. Перевод. Турецкий текст издал, перевел, исследованием и комментариями снабдил С. С. Джикия. Тб. 1941. стр. 235 (на груз. языке).

подавляющее большинство их – грузины. Есть и селения, где среди грузинских имен встречаются единицами – Карапет, Хачатур, Тер-Акоп и др., есть и имена мусульман. Зато нигде не видно сел, населенных только армянами. В таких условиях, естественно, языком их был грузинский. Например, в Цунда, где сохранились армянские хачкары, встречаются такие типично грузинские имена жителей: Вардзел сын Джиро, Амириндо сын Бека, Иванэ брат его, Иванэ сын Агдгомелы, Лашкара, Реваз, сын его, Хосик сын Кубады, Батата сын Эльманы, Кочиа брат его, Вепхиа сын Дариспана, внук Зандара, Петр сын Вепхиа, Джоджик сын Джеханшы и брат его Манук.

Менее однородно население в рабате Тмогвской крепости: Никуа, Зараспа, Хезаргул, Саргис сын Аракела. сын Зерека, Гураспа, Ростом сын его, Нико сын Худаверда, Папу сын Мурада, Вардзел сын Бери, Мераб, брат его Амиразиз, Папу сын Иарала, Иарал сын Ананий, ... сын Чалаба, Папу сын Кузана, Нурали, сын его Акоп, Агдгомела сын Лабуры, сын его Батата, Заза сын Эдишера, Шакара сын Хачатура и др.³⁷

В персидских и турецких источниках XVI-XVII веков Ахалкалаки именуется Ак-Шахром, Акшехиром, «Ахал» была осмыслена как турецкое диалектное слово «ах» – белый, а вторая часть «калаки» (город), переведена как «шехир» или «сахар»³⁸. По сведению османского историка XVII века Катиба Челеби, – «Ахалкалаки – грузинское слово, обозначает белую крепость... Крепость Ахалкалакская находится на широкой равнине, на высокой горе, между двумя ущельями. В одном из них течет маленькая речка и за ней проходит дорога, ведущая в Тбилиси. В прошлом Ахалкалаки был стольным городом вилайета. Поскольку он представлял собой границу, его разрушили. Климат там су-

³⁷ Пространный реестр гюрджистанского вилайета. II... стр. 240-242.

³⁸ Джикия С. С. Пространный реестр вилайэта гюрджюстан, III, Исследование. 1. Описание рукописи. 2. Заметки по географии и топонимике текста. Тб. 1958. стр. 306-307 (на груз. языке).

ровый, сеют хлеб и разводят фрукты»³⁹. В этом случае «Ахалкалаки» хоть и признано грузинским словом, но осмыслено оно по-турецки как «белая крепость». Это случилось, наверное, потому, что «ах» по-турецки значит «белый», а «калак», по-видимому ассоциировали с арабско-турецким «кала»⁴⁰.

По «Джаба Дефтеру чилдырского эялета» 1694-1732 годов, в Ахалкалакскую ливу входили районы Акшехира, Тмогви, Ниалискури и Мзваре. В Акшехирском районе указано село Рабат, подчиняющееся некоему Ахмеду. Как видно, рабат Акшехирской крепости уже превратился в «деревню Рабат», сумма ежегодного налога которой возросла до 11.700 ахча, в 1711-1712 годах сократилась до 10.755, а в 1717-1718 годах-до 7.000 ахча⁴¹. Из вышесказанного хорошо видно, как постепенно опустошился Ахалкалаки. В таких условиях паша Джавахети, он же ахалкалакский санджак-бег, по сведению царевича Вахушти, перебрался в Ниджгори. По его же словам, Ахалкалаки в «настоящем вновь отстроен шавшетским бегом из Картли». Это произошло в 40-вых годах XVIII века, когда в опустевший город переселились многие из Картли⁴².

По сведениям Омана Херхеулидзе, в 1772 году Ираклий и царь Соломон объединенным войском «перешли гору Сацициано, подошли и обложили Ахалкалаки Джавахетский, сильно потеснили его и почти взяли город. В это время царь Соломон заболел лихорадкой, чуть ли не смертельно. Поэтому пожелали увезти паря Соломона... Имеретинские войска отвезли его и покинули

³⁹ Сведения Кятиба Челеби о Грузии и Кавказе. Перевод с турецкого, предисловие, комментарии и указатели Г. Г. Аласаниа. Тб. 1978. стр. 140-141 (на груз. языке).

⁴⁰ Джикия С. С. Пространный реестр вилайета гюрджюстан. III... стр. 304.

⁴¹ Джаба Дефтер Чилдырского эялета. 1694-1732 гг. Турецкий текст с грузинским переводом подготовила к изданию Ц. А. Абуладзе, исследованием снабдил М. Х. Сванидзе. Тб, 1979. стр. 123,137. 153 (на груз. языке).

⁴² Царевич Вахушти, Описание царства Грузинского., стр. 671, 673; Ломсадзе Ш. В. Самцхе- Джавахети. Тб. 1975, стр. 473 (на груз. языке).

осаду. И царь Ираклий, оставив крепость Ахалкалаки, совершил набеги на окрестности Ахалцихе, Артани и Джавахети, овладел многочисленным скотом, взял пленных и вернулся⁴³.

Из приведенных письменных источников явствует, что в период турецкого владычества (XVI-XVIII вв.) Ахалкалаки Джавахетский, в основном, играет роль крепости для базирования турецких войск, в котором местные жители еле влачат существование. Такой вывод подкрепляется и данными археологических раскопок; жилищные кварталы города вымирают; многократное восстановление крепости происходит сообразно новым условиям; в ее стены встроено множество камней из покинутых церквей и бесхозных могил; становятся более тесными проходы, проемы же превращаются в амбразуры; фрагменты посуды и полированных курительных трубок указывают на неместное их происхождение; во дворах цитадели и караван-сарая появляются новые строения; разрушены церкви и выстроена мечеть, арабская надпись на внутренней стене которой относится к 1725 году; в этот период караван-сарай превращен во временные жилища, сараи; найденные медные и серебряные монеты (ахчи) отчеканены в Стамбуле в XVI-XVIII веках⁴⁴.

Почти 300-летнему господству турок в Ахалкалаки автор буклета уделяет лишь одно предложение.

И после завоевания Грузии Россией, Ахалкалаки, как и прежде, оставался предметом раздора, на этот раз – между Россией и Турцией. По сведениям Теймураза Багратиони, в 1806 году «поскольку между русскими и турками шла война, граф Гудович собрал все войско русских и грузин, пошел на Джавахети и дошел до крепости Ахалкалаки. Приставили к стене лестницы и пытались перейти через их в крепость. Восхрабрились турки, заставили отступить русских и истребили до 500 человек и, не сумев

⁴³ Оман Херхеулидзе. Царствование Ираклия второго. Подготовка текста, исследование, словарь и указатели Л. В. Микиашвили. Тб. 1989. стр. 85-86 (на груз. языке).

⁴⁴ Джандиери Е. Г. Ахалкалаки Джавахетский... стр. 21-23.

овладеть крепостью, отступил Гудович в Алгети»⁴⁵.

По словам того же историка, в 1811 году Паулуччи (наместник царя – Д. Б.) «послал русское войско зимой на Ахалкалаки и взяли они с собой лестницы. Подошли со стороны горы, приставили лестницы и взяли крепость Ахалкалаки, так как из-за зимних холодов турецкие войска были оголодалые»⁴⁶. Согласно Бухарестскому договору 1812 года, Россия вернула Ахалкалаки Турции.

24 июля 1828 года русские войска под командованием Паскевича, наконец-то взяли Ахалкалаки. До этого там еще стояли: двухэтажная цитадель, сорок домов, два деревянных магазина, казармы гарнизона, склады оружия и продовольствия, каравансарай, мечеть, минарет, поврежденные бани и т. д.,

До завоевания Ахалкалаки русскими, санджак-бегами Ахалкалаки были хоспийские Палавандишвили. Их резиденция находилась в крепости Ахалкалаки, а семьи их жили вблизи, в деревне Хоспия. Там, около их жилища, была башня, мечеть и старая грузинская церковь. Последним санджак-бегом Ахалкалаки был Мути-бег Палавандишвили, который при взятии города попал в плен. Он предложил свои услуги русским и получил чин капитана. Правительство и чиновники выкупили у него большую часть его земель, но в санджак-бегстве отказали⁴⁷.

Согласно Адрианопольскому мирному договору от 14 сентября 1829 года, к России были присоединены Поты, Ахалцихе и Ахалкалаки, в российское владение отошла и одна часть Самцхе-Саатабаго.

Подготовку к изгнанию из родных мест принявших мусульманскую веру грузин (месхов) Паскевич начал сразу же после взятия Ахалцихе в августе 1828 года. Замысел русских чиновников стал тотчас же явным, как только Паскевич отказал по-

⁴⁵ Теймураз Багратиони. Новая история. Текст подготовила к печати, исследованием и указателями снабдила Л. В. Микиашвили. Тб. 1983. стр. 73 (на груз. языке).

⁴⁶ Теймураз Багратиони. Новая история... стр. 79.

⁴⁷ Ломсадзе Ш. В. Самцхе-Джаваheti..., стр. 475.

кинувшему еще раньше Месхети местному дворянству в просьбе вернуть пожалованные им грузинскими царями поместья и воспрепятствовал заселению опустошенных земель их людьми из Имерети и Картли. 13-м пунктом Адрианопольского договора время переселения и заселения ограничивалось 18 месяцами. Это заставляло местных месхов мусульманской веры торопиться с продажей земель и они попадали к русским должностным лицам и купцам по грошовой цене. Мути-бег Палавандишвили продал казне 29 джавахетских сел за 3.600 рублей. Мурджахети был закуплен Каркисаловым, Пртена – Сахпасовым, Накалакеви – Кононовым, Гогашени же приобрела армянская церковь.

Вследствие осуществленной во время войны турецкой пропаганды и в результате подобной «христианской» политики русских, большая часть принявшего ислам коренного населения южной Грузии переселилась в Турцию. Справедливость требовала отдать освобожденные земли грузинскому населению, не имеющему достатка в земле. В 1926 году в докладе правительству акад. Иванэ Джавахишвили писал; «Начиная с 1828 года заселенные грузинами мусульманской веры Самцхе, Джавахети, Эрушети и Палакацио были отвоеваны Россией у турок и население их было ввергнуто в такое душевное состояние, что грузинские мусульмане предпочли покинуть земли своих предков и переселиться в Турцию, Граф Паскевич не позволил переселиться сюда грузинам из Имерети и вместо них заселил 30.000 армян из Турции... В Месхети, где до 1828 года грузинское население составляло более 90 процентов, уже в 1830 году, по милости русских чиновников, в большинстве оказались армяне»⁴⁸.

Относительно создавшейся ситуации Вермишев писал: «Из турецкой стороны переселились армяне и покрыли густыми поселениями почти весь Ахалкалакский уезд и лишь кое-где между ними маленькими оазисами остались грузинские деревни». «Страна приобретает такой вид, – писал Загурский, – будто она

⁴⁸ Доклад И. А. Джавахишвили Правительству Грузии. 1926. ГГЦИА. Фонд 476. дело N 6. стр. 82-111 (на груз. языке).

изначально была заселена армянами». Новоселы были вольны в своих поступках. По словам Иванэ Гварамадзе – «Разрушались и уничтожались церкви, башни, крепости, вечнопамятные руины, изымались монастыри, грабились святые образы, нарушали покой дорогих останков..». Они настолько разошлись, что намеревались переименовать Ахалцихе в Нор-Эрзерум, однако тогдашней власти, – по словам Загурского, – на этот раз хватило здравого ума не поддаться их желанию⁴⁹.

В первой половине XIX века сюда переселились таракамы из Нижней Картли, греки из Эрзерума, русские духоборы из Таврической и Воронежской губерний, курды-кочевники⁵⁰.

Оставшиеся грузины-магометане, боясь, что их, как грузин по происхождению, снова заставят сменить веру, официально записались тюрками. С 1899 года в Самцхе-Джавахеи приказом было запрещено богослужение на грузинском языке, оно велось лишь на русском и армянском языках.

До 1870 года в крепости Ахалкалаки стоял русский гарнизон, которым на территории цитадели велись строительные работы: старое здание караван-сарая было переделано в казарму; около развалин древней церкви появились русские и армянские могильные плиты XIX-XX веков⁵¹.

Половина текста буклета, естественно, относится к периоду с XIX века. Здесь рассказывается как отстроили, начиная с 1831 года, армяне-переселенцы вблизи городища Ахалкалаки новое поселение по регулярному плану, построили армянскую церковь и школу, восстановили церковь Св. Креста, в стену которой встроены хачкар, датированный 1289 годом. В 1870 году открылась женская приходская школа, в 1880 году – библиотека, был заложен общественный парк.

После этого автор заявляет, что в Ахалкалаки всегда преоб-

⁴⁹ Ломсадзе Ш. В. Самцхе-Джавахеи... стр. 352-353, 361, 468.

⁵⁰ Бердзенишвили Д. К. Очерки по исторической географии Грузии (Земо Картли -Гори, Джавахети)... стр. 128.

⁵¹ Джандиери Е. Г. Ахалкалаки Джавахетский... стр. 23-24.

ладало армянское население. Приводится таблица, в которой сравнивается количество армян с показателями других народностей. Засвидетельствованные цифры 1851, 1886, 1916 и 1976 годов действительно подтверждают преобладание армян.

Из приведенного выше материала явствует, что на протяжении всей своей истории Ахалкалаки был грузинским поселением в составе Грузии. Поэтому утверждение автора буклета о том, что здесь большинство всегда составляло армянское население – явная ложь. Слово – «*mtapes*» («всегда», «always») здесь явно неуместно, – ведь приведенные даты ограничивают только отрезок времени в 120 лет.

После таблицы автор вновь возвращается к историческим памятникам Ахалкалаки – городищу, руинам церкви крестообразного типа IX-XI веков (на самом деле она относится к IX-X векам) – будто все это является плодом творчества «всегда» проживавшего здесь армянского «большинства». С этой целью и упоминает он 3-4 кладбища, где, оказывается, есть армянские хачкары и надгробные плиты (среди них и с надписями). По утверждению автора, в 1988 году на территории городища был обнаружен красивый хачкар и надгробная плита, датируемая 1301 годом. Хачкар перенесли во двор церкви Св. Креста, где расположен музей. Там же читаем, что вблизи города есть церковь отшельника XII-XIII веков, являющаяся известным местом паломничества не только ахалкалакцев. Естественно, читатель должен предположить, что и она армянская. На самом же деле, мы, очевидно, имеем дело со случаем присвоения грузинской церкви армянами, переселившимися из Турции. Такие случаи часты: с 80-ых годов XX в. южном притворе нефа церкви Кумурдо местным сторожем устроена армянская молитвенная ниша...

Никому не известно, откуда был принесен хачкар XIII века, встроенный в стену церкви Св. Креста, а все хачкары и надгробные плиты, обнаруженные во дворе цитадели, засвидетельствованы в слоях XIX века. Кандидат исторических наук Эка Джандиери на протяжении ряда лет руководила раскопками Ахалкала-

ки Джавахетского. Вот выдержка из ее письменной объяснительной записки, касающейся упомянутых выше камней: «Согласно археологической стратиграфии они не имеют ничего общего с «бесстенным», а затем превратившимся в «город-крепость» Ахалкалаки, т. е. с административно-политической единицей грузинского централизованного государства XI-XIII веков».

Доктор искусствоведения Димитри Туманишвили со своей стороны отмечает: «Весьма сомнительна и датировка одного из хачкаров IX-X веками. Даже искушенному в армянском каменотесном мастерстве специалисту будет, наверное, трудно датировать творение рук этого неопытного мастера. Данный хачкар ничем не похож на ранние хачкары, на передней части которых, – по словам армянского ученого Ст. Мнацаканяна, – вырезались большие рельефные кресты, отличающиеся простотой и ясностью форм⁵². Примечательно и то, что ни на одном из старых образцов не было удостоверено наличие между верхними ветвями креста изображений маленьких дополнительных крестиков. Их изображения (кстати, очень редко!) фиксируются лишь с XIII века⁵³. Исходя из этого, указанный камень, безусловно, необходимо отнести к более позднему периоду» (это замечание передано Димитрием Туманишвили в виде записки, за что выражаем ему свою признательность). Таким образом, утверждение автора о существовании в Ахалкалаки армянского поселения с IX-X веков лишается основания. Если же оно существовало здесь позднее, то было таким незначительным и небольшим, что осталось незамеченным для средневековых авторов. Об этом же говорят поздние 2-3 хачкара, опубликованные автором в том же буклете.

Относительно последних Эка Джандиери отмечает: «Эти отдельные хачкары, следуя археологической стратиграфии, связаны с армянскими новоселами, появившимися здесь после 30-х го-

⁵² В. Brentjes, S. Mnazakanjan, N. Stepanjan. Kunst des Mittelalters in Armenien. Berlin. 1981. s. 250.

⁵³ Наприм. В. Brentjes, S. Mnazakanjan, N. Stepanjan. Kunst des Mittelalters in Armenien... taf. 163,178.

дов XIX века. Появились эти камни на территории древней грузинской крепости и, поэтому, не только не нарушают общую картину исторического развития города, а наоборот, – подтверждают более поздний возраст самых хачкаров, так как расположены они в верхних слоях. Их позднее происхождение следует не только из анализа орнамента, но и явствует из общего вида и безупречной сохранности. В Ахалкалаки ни один хачкар не расположен на «своем месте», ни под одним из них не расположена могила, хранящая кости усопшего и камни эти разбросаны почему-то посередине вечно сражающейся крепости. Весьма сомнительно, как автор буклета датирует их IX-X и XIII веками, когда они обнаружены в слоях, возраст которых стратиграфически установлен XIX веком! Как же остались невредимыми именно эти хачкары, когда при осаде Паскевичем и осуществленном им с применением 300 пушек штурме обрушилась вся крепость со всеми башнями четырехэтажной высоты?..

По нашему мнению, перенесенный в 1988 году во двор армянской церкви из цитадели большой хачкар, с изображением «расцветенного креста» на передней плоской поверхности не что иное, как «стелла освобождения», т. е. благодарственный знак спасения армянского населения. Известно ведь, что они избежали турецкого господства и нашли убежище на грузинской земле благодаря помощи российского войска.

Ободранная и развороченная на сегодняшний день старая Ахалкалакская цитадель свидетельница и того, что в 40-х годах в ней был расположен сборный пункт для призывников войны и здесь же проводились упражнения по стрельбе. Естественно, что стоящий отдельно столп являл собой прекрасную мишень и вскоре стелла-хачкар с крестом опрокинулся навзничь. Каждый обтесанный облицовочный камень с брошенных без присмотра крепостной стены, башен, караван-сарая и казармы использован при строительстве новых домов. Поэтому-то представляют сегодня столь удручающее зрелище здания и строения старой крепости...» (приносим искреннюю благодарность г-же Э. Джандиери за при-

веденные пояснения).

Вообще же читателю следовало бы учесть следующее: неужели грузинские надписи на армянской территории значат меньше, чем этот сомнительный хачкар? Может быть для удостоверения наличия в Ани грузинского населения менее значимо обращение Католикоса Грузии к пастве, сохранившееся в грузинской надписи православной церкви в Ани и гласившее: «Жительствующие в этом городе Грузины!... Более всего стяжайте божественную любовь друг к другу и таким путем воздайте желаннейшую из божьих заповедей. Это написано мною, католикосом Епифанием собственноручно, когда освятил Анийские церкви»⁵⁴. Несмотря на то, что древний город потерявшей свою государственность Армении, на протяжении XI-XII веков грузинскими царями был занят 5 раз, а в конце концов и присоединен к Грузии, стольный город армянских Багратуни никем не объявлялся« грузинским историческим поселением».

При рассуждениях об исторических поселениях и живущем там большинстве, естественно, решающее значение имеет название пункта. В этом смысле Ахалкалаки такой же чисто грузинский топоним, как Самшвилде, Самгерети, Араква, Баралети. Кулалиси, Мурджახети, Сатхе, Мачатиа, Ахалцихе, Схвилиси, Цкрути, Цкалтибила, Цинубани и другие, где авторы будущих буклетов подразумевают, наверное, существование армянских исторических поселений. Поэтому и напечатаны эти названия в такой искаженной форме (в армянском, русском и английском списках), чтобы не проявилось их грузинское происхождение; Шамшулда, Самгрет, Аракова, Хулалис, Мурд-жахет, Сатха, Маджадиа, Ахалцха, Суфлис, Цугрут, Цхатпила, Цинубан... Так, пожалуй, их армянское осмысление и вправду станет возможным.

Такие попытки армянскими историками предпринимаются и в наше время. Армянскими топонимами объявляются Тбилиси, Болниси, Крцаниси, Манглиси, Дманиси, Тухариси, Олтиси... Же-

⁵⁴ Марр Н. Я. Надпись Епифания, католикоса Грузии (изъ раскопокъ въ Ани 1910 г.). СПб. 1910.

лаемое выдается за действительное без всяких доказательств, как общепринятое. Игнорируется тот факт, что создание топонимов посредством формы родительного падежа – общегрузинская модель прагрузинского времени, что схожими названиями полны южная, восточная и западная Грузия, поэтому иноязычное происхождение этой модели исключается⁵⁵. Известный по грузинским источникам топоним «Таоскари» (ср. Ташискарри, Клдекарри, Гартискарри, Хидискарри...) армянизирован и записан как «Тайоц-кар», т. е. «камень Тао» – «крепость Тао». Считают даже, что этот грузинский топоним появился посредством озвучания армянского названия, которого, на самом деле, не существует. Подобно этому название территориальной единицы и реки Алгети расчленено и выдано за «Аил-гет». «Гет» по-армянски – «река», а «аил» – другой, отличный. Таким «творческим» образом, получилось – «другая река»⁵⁶. Интересно, как этим методом можно будет объяснить грузинские топонимы – Энагети, Тагнагети, Гергети, Сосангети, ни один из которых не имеет никакого отношения к реке.

Армения, так же как и многие другие, страна подвергавшаяся с древних времен историческим невзгодам. Понятно и историческое стремление армян – как-нибудь восстановить разрозненную и утерянную государственность. Эта цель вдохновляла на протяжении веков армянскую историческую литературу, она сохранилась и по сей день. Вместе с тем, явно проступает и желание армянских авторов доказать не только свои историко-культурные преимущества, но и расширить границы армянского государства за счет территорий соседей. Об этом писали Димитри Бакрадзе и Илья Чавчавадзе, Михеил Тамарашвили, Иванэ Джавахишвили, Симон Джанашиа, в наше время – Александр Ониани и Зураб Сарджвеладзе, Давид Мухелишвили и Бондо Арвеладзе.

⁵⁵ Ониани А. Л., Сарджвеладзе З. А. Против извращения вопросов грузинской топонимики. Журн. "Мацнэ". Серия языка и литературы. №3. 1971. стр. 170, 173-174 (журнал на груз. языке, статья – на русском).

⁵⁶ Мухелишвили Д. Л., Арвеладзе Б. В. Истина вечна... «Литературная Грузия». 10. 1988. стр. 143-144, 150.

Тревога грузинских ученых по этому поводу не была безосновательной. В докладе, на который мы сослались выше, И. Джавахишвили отмечал: «Когда в Закавказье завели разговоры относительно земства и начались предварительные рассуждения, – уже тогда было всем ясно, что переселение армян в Грузию армянским политикам нужно не только с точки зрения физического спасения угнетенных османами своих соотечественников, но что они заинтересованы в осуществлении определенного национального политического плана и места новых поселений были подобраны с целью обеспечения армян единой, цельной территорией»⁵⁷.

В 1913 году, когда армяне потребовали отделение Ахаллакского уезда от Тбилисской губернии, они намеревались путем воссоединения с другими армянскими уездами создать цельный, самоуправляемый округ, заселенную армянами губернию. Специальная уездная комиссия единогласно отвергла эту мысль, приведя в первую очередь довод о теснейшей экономической связи Ахалкалаки с Тбилиси и другими грузинскими регионами⁵⁸.

Вследствие поражения Германии в первой мировой войне, в тяжелом положении оказалась и Турция. Именно в это время, в 1918 году, в Стамбуле была напечатана, по словам И. Джавахишвили, – «фантастическая карта Армении, на которой она распростерта от Черного до Каспийского моря и, начиная от места чуть восточнее Самсуна, достигает Средиземного моря, от места чуть севернее Селевкии, по линии чуть севернее г. Ардебиль граница этой всея Армении заканчивается у Каспийского моря. Батуми, Ахалцихе, Мцхета и даже Тбилиси на этой карте оказались в пределах Армении, а Грузии досталась лишь маленькая, узкая полоса.

В это же время, в том же Стамбуле, согласно этой фантас-

⁵⁷ Доклад И. А. Джавахишвили Правительству Грузии. 1926. ГГЦИА. Фонд 476. дело №6. стр. 82-111 (на груз. языке).

⁵⁸ Джавахишвили И. А. Границы Грузии. Тб. 1919. стр. 40-42 (на груз. языке).

тической карте, была издана новая карта всяя Армении, на которой Армения представлена огромным государством и ограничена почти теми же контурами. В ее пределах оказалась большая часть Турции – Трапезунт, Орду, г. Кесариа, Адана, Эдссса, даже северная часть Персии вместе с г. Тавризом и Ардебилем – отмечены как принадлежащие Армении. По сравнению с фантастической картой здесь Грузии отведено чуть больше: на Черном море ее граница начинается южнее Батуми, севернее Макриали, Имерхеви оставлен за Арменией, но Ахалцихе отведено Грузии, зато Ахалкалаки отмечен в пределах Армении, отсюда пограничная линия ползет к северу и эта линия изображена в качестве государственной границы между Грузией и Арменией. Затем армянская граница следует вдоль Мтквари и к Армении отведен и г. Гянджа. Ясно, что для ограничивания этого нового армянского государства не был использован этнографический принцип. Схема построена и не на исторической основе, так как Армения, прекратившая политическое существование после XI века, таких границ не имела никогда. Можно сказать, что у составителей этой карты нет и следов здравого смысла. Правительственная делегация Армении представила эту карту Всемирной конференции для утверждения армянского государства в представленных границах... Однако ложность представленных армянской делегацией карты и статистических сведений сразу стала всем ясной и лишила фантастические планы армянской делегации всякого доверия в глазах французских, английских и американских представителей... План огромной Армении распался и исчез наподобие мыльного пузыря⁵⁹.

Подобная попытка повторилась в 1919 году – местным «правительством» в Стамбул, в адрес миссий крупных европейских стран была направлена телеграмма, содержащая требования о самоопределении и создании отдельного кантона, однако, и она закончилась безрезультатно.

⁵⁹ Доклад И. А. Джавахишвили Правительству Грузии. 1926. ГГЦИА. Фонд 476. дело N 6. стр. 82-111 (на груз. языке).

В 1918-1919 годах на разоренный гражданской войной Джавахети обрушились и экономические невзгоды. Специальная комиссия тогдашнего правительства требовала в то время срочно послать в этот регион семенную пшеницу, а чрезвычайно ослабевший грузинский элемент усилить «с помощью колонизации»⁶⁰. Проведенные мероприятия не имели заметного результата.

Те же армянские круги и в 1922 году представили новый проект, согласно которому большая часть Джавахети или же Ахалкалакского уезда должна была быть присоединена к Борчалинскому уезду с целью создания единой армянской административной единицы. По словам И. Джавахишвили – «Ясно, что и этот план являлся первой ступенью мастерски придуманного проекта отчленения этих двух уездов из состава Грузинской ССР и присоединения их к Армении, за которой обязательно последовала бы и вторая. Достаточно окинуть взглядом составленные дашнаками карты, как станет ясным, что и на этот раз шла борьба за осуществление прежних целей, однако другими путями». И эта попытка в 1923 году закончилась неудачей.

Был, оказывается, и после этого еще один проект, о чем свидетельствуют последние абзацы доклада И. Джавахишвили: «Пару слов еще о якобы новом проекте относительно необходимости предоставления автономии Джавахети и ее выделении. После всего сказанного выше ясно откуда и для чего проистекает этот проект... В случае осуществления этого плана у части трудового народа Грузии, занимающейся животноводством, изо рта будет вырван последний кусок к существованию и овцеводство в Грузии вовсе исчезнет. Если при прежнем режиме российского владычества в Грузии попирались интересы грузинского народа и благодаря политике русских и армянских чиновников свободные грузинские земли заполучили только армяне и русские, неужели и теперь возможно, чтобы жизненные интересы грузинского народа были принесены в жертву этому проекту»... «Это настолько

⁶⁰ Кожоридзе Д. Г. Прошлое и настоящее Самцхе-Джавахети. Тб. 1987. стр. 120, 132 (на груз. языке).

невероятно, что уверен – правительство ГССР откажется от осуществления данного проекта, так же, как было отказано ... другим подобным проектам»⁶¹.

Известно, что по несправедливости судьбы армяне издревле рассеялись по дальним и ближним странам. Их значительные поселения существуют и сегодня в Индии, Ливане, Турции, России, в странах Европы и Америки. В таких условиях избирательный поиск «армянских исторических поселений» именно в тех регионах Грузии и Азербайджана, которые непосредственно примыкают к Армении, вызывает беспокойство. И это не лишено основания: в первые же годы установления в Грузии большевистской диктатуры Грузия без боя лишилась южных районов бывшего Борчалинского уезда, которые были переданы Армении. А переданы они были по одному лишь признаку – из-за проживающего там армянского населения. Так что эти буклеты (если . продолжится их публикация в подобном виде) являются довольно целенаправленными и не такими уж безобидными изданиями. Их авторы не только обнадеживают себя, они создают общественное мнение в среде русско и англоязычного читателя и, что самое гласное, убеждают проживающих в вышеназванных пунктах Грузии армян в том, что эти поселения расположены на исторически армянских землях.

Многолетний опыт подсказывает, что одни лишь споры в научной или публицистической прессе и прочтения не помогают нашей проблеме. Наряду с этим необходимо проведение более действенных мер. Председатель парламента Армении во время его недавнего визита в Грузию заявил, что пока во главе Армении стоит нынешнее правительство, в Джавахети не следует ожидать событий, схожих с имевшими место в Карабахе... Оказывается и за это мы должны быть благодарны!

P.S. Данная статья была уже завершена, когда представился случай ознакомиться с изданной в Москве в 1993 году 20.000-

⁶¹ Доклад И. А. Джавахишвили Правительству Грузии. 1926. ГГЦИА. Фонд 476. дело №6. стр. 82-111 (на груз. языке).

ным тиражом книжкой С. С. Мамулова – «Удивительный народ из страны чудес (Армения и армяне – уникальный феномен цивилизованного мира)», в которой есть, например, такие главы: Армения и армянский народ – неповторимая и яркая панорама истории; Армения и армянский народ – символы колыбели, раритета и прогресса; Армянский народ – проводник великой и благородной миссии; Армяне – видные деятели, основатели, первооткрыватели, организаторы, новаторы, инициаторы; Армянки – величественный союз ума, красоты и души; Армения и армяне – центр притяжения и объект посвящения и др.

Восторгающийся страной и народом автор искренне верит и желает убедить читателей в том, что «в Армении нет ни больших сырьевых запасов, ни огромной территории, ни других значительных ресурсов. У нее есть мозги... Интеллект – это «армянская нефть» (стр. 3)... «Один из двух армян – это всегда неудавшийся поэт, каждый армянин – философ, а половина – министры иностранных дел» (стр. 10)... «На армянском, согласно преданию, говорили Адам и Ной» (18)... «Армянская кухня – самая древняя» (22)... «Анаитис имела храм, в котором служили молодые девушки, посвятившие себя ее культуре. Чужеземцев, которые посещали их, ожидали ласки армянских женщин, большие или меньшие, смотря по вознаграждению. У армян никогда не было гаремов» (23)... «Армения и армянский народ – это палитра красноречивых фактов и статистических данных, высвечивающих в своем большинстве первое, лучшее и неповторимое. Армения – колыбель человечества. Адам и Ева жили в раю, который находился в Армении, на Армянском нагорье. Армения – родина пшеницы... виноградной лозы... пива» (24-25)... «Армения – единственная страна в мире, в которой никогда не существовало ни каст, ни рабов, ни крепостных...» «Армяне – самая древняя христианская нация в мире» (27)... «Землетрясение в Армении (в 1988 году) – самое сильное и разрушительное в XX столетии» (29)...

«Среди государственных мужей Вавилона и Египта первое место принадлежало армянам»... «В самые критические минуты

истории грозную Персию спасали армянские воины». «Арабские халифы Багдада и Дамаска руками армян завладели очень многими странами» (36)... «Македонская или Армянская династия была во главе Византийской империи в течение нескольких веков. В течение этого времени на ее престоле было не менее 15 императоров-армян, а армянский язык наравне с греческим был государственным» (37)... «Армянами были основаны города: Новая Джульфа (Иран), Калькутта (Индия), Думбровен и Герла (Венгрия), Язовск (Польша), Кизляр, Моздок, Армавир, Буденовск (ныне Прикумск), Новая Нахичевань (один из районов г. Ростов-Дон), Новороссийск (Россия), Котовск и Григориополь (ныне центр административного района Молдовы)»... «Армянами были завезены в Европу... абрикос и черешня... они способствовали широкому распространению кофе» (37-38)...

«Армянская архитектура во многом способствовала зарождению римского религиозного искусства... Армяне ... дали Западу купол и сыграли решающую роль в возникновении готики... Факты свидетельствуют о влиянии армянской архитектуры на многие старинные сооружения некоторых городов Италии, Франции, Германии и Ирландии» (40-41)... «Только три народа в России были имперскими: русские, немцы и армяне. Они творили культуру России» (46)... «Армянские воины сражались под знаменами Александра Невского. Армяне помогли славянским племенам в битве против половцев в 1309 году, в Грюнвальдском (1410 г.) и Варненском (1440 г.) сражениях. Они внесли решающий вклад в освобождение Казани от власти Золотой Орды в 1552 году» (48)... «...сотрудники Института русского языка советовались с С. Кочаряном, как правильно произносить то или иное слово» (51)...

Армянами, оказывается, были царь Болгарии Самуил, основатель Румынского государства Михай Храбрый, султан Ливана Таут-Паша, султан Египта Селадин, первый телохранитель императора Наполеона Рустам (57), главнокомандующий византийской армии Нарсес (478-468), Иоахим Мюрат (64) и Нефертити (136)... Тонущего Брежнева спас армянин... Комсомольский билет

А. Матросову передал армянин (150)... Ф. Рабле в пяти местах «Гаргантюа и Пантагрюэля» говорит об Армении (159)... Не забыл автор и о самом удивительном из подвигов Камо – о гениальной симуляции, которая ввела в заблуждение даже опытных берлинских психиатров (171)... Послесловие же кончается изречением – «Такие книги необходимы как воздух» (174)...

Цитаты, приведенные без комментариев, должны всем ясно показать, что в книжке нет ничего привлекательного с научной точки зрения. Автор, как видно, переполненный через край «патриотизмом», предполагал, очевидно, создать книжку для занимательного чтения справочного типа. На деле же принимать ее всерьез невозможно и даже не стоило бы достаивать ее внимания. Но дело в том, что для придумывания всего изложенного в книге фантазии одного лишь автора явно не хватило бы. Совершенно ясно, что она возникла на питательной почве, созданной рассмотренным выше буклетом и подобной ему тенденциозной литературой, которые, возможно, и убедят наивного читателя. Названная книжка, надо думать, станет настоящей находкой для остряков-журналистов, однако считаем, что наше внимание не должны притуплять даже такие курьезные случаи.

Февраль-апрель, 1997 г.

* * *

Призывать к заострению внимания, кроме вышеизложенного следует еще и потому, что проживающая в Джавахети часть этого «удивительного народа» не довольствуется своей «страной чудес» и намеревается овладеть чужими землями. В этом нас еще раз убедила организованная в 1997 году экспедиция в Джавахети, расходы по проведению которой были взяты на себя фондом «Открытое общество – Грузия».

С XIX века удаление или уничтожение грузинских надписей в Джавахети стало явлением частым. В 1933 году Н. Бердзенишвили «с радостью» сообщили в селе Сатхе, что «зачисти-

ли» грузинскую надпись. В его дневнике описано много подобных примеров. Процесс этот продолжается и по сей день: в 1971 году в селе Агана Ахалкалакского района, на южной стене, построенной в 1906 году армянской церкви пока еще существовал камень с грузинской надписью асомтаврули, в которой упоминался Базили Аканели (Аканский). Начертание букв «б», «е» и «л» свидетельствовало о почетном возрасте надписи. Камень в свое время был встроен вверх дном, сейчас же надпись стерта, даже следов не осталось... Группа местного населения воспрепятствовала нашей попытке войти в церковь, не разрешила даже сделать фотоснимки, мол, это – армянская церковь, нужно разрешение из Ахалкалаки, вы же хотите посеять вражду между грузинами и армянами... Не смогли мы проникнуть в древние грузинские церкви Дадеши и Аластани – будто потерялись ключи от замков. Через щели нам удалось рассмотреть, что внутренние помещения церквей заполнены строительным мусором и рухлядью.

Кроме того, что строят новые купольные церкви, в старые грузинские церкви помещают иконы собственного изготовления: с изображением купающихся, полуобнаженных женщин (видно, уподобили ангелам), отца всевышнего на руках с младенцем Христом (?)... Сюда же заносят армянские псалтыри, плакаты, отмечают праздники. И все эти мероприятия осуществляются значительно целенаправленнее и планомернее, чем раньше. Заметны и более тревожные новшества: если раньше армянские церкви строили рядом с грузинскими, или же в отдалении, сейчас для этих целей выбирают руины монастырей внушительных размеров, с сохранившимися оградами и там возводят новые безликие строения. Возле села Божано Ахалкалакского района, у истоков родников есть место, известное как одна из резиденций грузинских царей. Именно находящемуся тут Давиду Строителю было доложено анийскими старейшинами о передаче ему г. Ани⁶². Здесь же, на горе, сохранились остатки бывшего монастыря, обнесенного

⁶² Бердзенишвили Д. К. Очерки по исторической географии Грузии, Земля Картли – Тори, Джавахети... стр. 102.

оградой. На том месте, где ранее располагался алтарь, возведено абсидное строение без окон, пока полностью еще не завершенное. Старые плиты и камни обтесаны заново, а старые грузинские орнаментированные камни бессистемно заложены во внутренней кладке.

Что это явление не случайное, видно из другого примера: к югу от дороги, ведущей из Самсари в Гртила (сейчас называют «Ихтила»), расположен монастырский комплекс, который называют «Ванк» (старое грузинское название – «Мегвреки»). Остатки местной грузинской церкви по своей инициативе раскопал выпускник физико-математического факультета университета Еревана, житель Гртила Кимик Самвелян, который перебрал старые камни и подготовил их. В Гртила население уже занято сбором средств для постройки собственной молельни на руинах грузинской церкви. Такие же планы у населения по отношению к выстроенной в горах еще одной церкви.

У селения Орджа Ахалкалакского района, на краю каньона, расположена Гриала (называют «Кириа»), Это прекрасное селище – с церковью, с поднимающейся из ущелья тропой, с защитной крепостью, улочками, подземными тайниками – одно из замечательных мест Джавахети. На его территории устроено 6 камнерезных производств. В настоящее время они бездействуют, однако старые камни использованы уже в достаточном количестве...

Когда мы постарались объяснить местной молодежи, что существует управление по охране памятников старины, что неприкосновенность исторических памятников охраняется законом, что действия их противозаконны, они были весьма удивлены и в ответ мы услышали – «Джавахк, это же армянская земля!». Это они слышат дома, этому их учат в школе. В противовес всему этому в руках у нас лишь закон, который здесь не действует. Во всяком случае в Джавахети по этому закону никого пока не привлекали к ответственности. По всему видно, что потомки переселенных в XIX веке из Эрзерума армян не только завладевают джавахетской землей, но и стараются искоренить все грузинские

древности.

Ясно, что беспомощное меньшинство (10%) грузинского населения не в состоянии воспрепятствовать им в этом, ибо оно и так притесняется армянским большинством. Многие из грузин, поселившихся в домах, приобретенных на средства фонда Мераба Костава, из-за создавшихся вокруг них невыносимых условий вынуждены были продать дома и вернуться назад... Переселенцев из Аджарии грабят, виновники же остаются безнаказанными, так же, как остались безнаказанными после того, как обворовали нашу экспедицию – полиция не смогла напасть на их след... В настоящее время среди населения собирают подписи за объявление Ахалкалаки центром губернии.

Примечателен также плакат расположенной в Ахалкалаки российской военной части шириной около 15 и высотой около 3 метров, выставленный у входа в казармы, на трассе. Начинается он с призыва: «Владей этой землей без опаски... российская армия тебя защитит...». Тут же и портрет автора этих слов. Интересно, кто это вспомнил генерала Паскевича, объявленного реакционером большевиками? Ясно, что тот, кому этот призыв на руку. Он прямо подстрекает и подбадривает населяющих Джавахети армян.

Ясно и то, что российская империя в 1830 году наряду со многими местами Кавказа и в Джавахети заложила мину замедленного действия, подвластную дистанционному управлению. Посол же Армении в Грузии убежденно повторяет: «Джавапетский вопрос – это сугубо внутреннее дело Грузии».

Сентябрь, 1997 г.

«Артануджи», 1998, №7

Перевод: Л. Дуларидзе, Л. Микиашвили

Дэви Бердзенишвили

«Постижимые пути» истории

В выходящей в Армении русскоязычной газете «Новое время» в номере от 5 ноября 2002 года была опубликована статья научного сотрудника Института Истории Академии Наук Армении, политолога Александра Кананяна «Джавахк: Непостижимы пути истории». Грузинский перевод с незначительными сокращениями был напечатан в газете «Квирис палитра» («Палитра недели»), в номере от 18-24 ноября того же года.

Автора, оказывается, очень беспокоило то, что в армянской историографии «Джавахк недостаточно изучен» (грузинский Джавахети в армянских исторических источниках упоминается в форме «Джавахк» и, разумеется, автор только так называет его). По мнению Ал. Кананяна, в советский период армянским ученым не предоставлялась возможность вести археологические раскопки на территории Джавахети; более того, они даже в научных работах не могли рассматривать историю этого края.

В отличие от армянской, грузинская историография, оказывается, была много «богаче» с этой точки зрения. Автор тут же объясняет читателю, чем это было вызвано: «Необходимость любыми способами привязать Джавахети к грузинской этнокультуре побудила грузинских ученых в советский период издать десятки томов в области истории, археологии, архитектуры. Некоторые из

них, правда, представляют собой определенную научную ценность, но в них сознательно проигнорирован армянский знак на территории Джавахети. И ведь это не только отрицание многочисленных поколений армянского населения на этой земле, но и возмутительное игнорирование памятников этого края».

Одним словом, с самого начала становится ясным, что это очередной выпад с целью объявить древнейший край Грузии – Джавахети принадлежащим Армении, который якобы по свидетельству исторических источников, «входил в ареал генезиса армянской нации».

Автор – ученый политолог – не потрудился привести в доказательство этого устного заявления исторический источник; видимо, потому что единственное подобное указание встречается у армянского историка Мовсеса Хоренаци, где половина Джавахети упомянута в качестве владения одного из легендарных родоначальников армян, Гушара, рожденного от Шары: «Отпрыску Шары, Гушару досталась Мтинская гора, или Кангарк, половина Джавахети... Владыкой Ашоца и сепухом Ташира Валаршак назначил потомка Гушара Хайкида»¹.

По поводу Гушара надо сказать, что его имя среди непосредственных потомков Хайка Хоренаци не упоминает, хотя он все же Хайкид. Считается, что увязывание Гушара с родоначальником Хайка должно было произойти сравнительно поздно, чтобы этим «документировать» устремления властителей Армении – расширить за счет соседей свои владения². Ведь сам Хоренаци отмечает: «Удивительно сказанное летописцем, что в нашей стране во множестве мест в рассеянии жил немногочисленный народ до прихода нашего древнейшего предка Хайка»³, так что приписывание Гушару владение половиной Джавахети должно быть

¹ Мовсес Хоренаци, История Армении. С древнеармянского перевел, снабдил вступлением и примечаниями Ал. Абдаладзе, Тб., 1984, с. 106. (на груз. языке).

² Ibidem, с. 263–264.

³ Ibidem, с. 73.

отголоском временного завоевания этого края армянами. Вообще же, уже отмечено, что, согласно тенденциозным представлениям Хоренаци, Картли почти всегда является страной, зависимой от Армении, одним из ее областей, а властитель Картли – подчиненный (вассал) армянского царя¹. В действительности было не так, о чем свидетельствуют другие источники.

Джавахети впервые упоминается в урартских клинописных надписях VIII века до Р.Х., это «Забаха», которому приходится выдержать тяжелую борьбу с Урарту². Армян в это время вообще еще не было на территории нынешней Армении, тем более они не могли быть в Джавахети.

Грузинские письменные источники повествуют о Джавахети, что Джавахос – сын легендарного родоначальника Мцхетоса, владел страной от озера Паравани до истоков Мтквари (Куры); он же построил два укрепленных города: Цунда и Артани. Этой же страной во время царствования царя Фарнаваза (IV-III вв. до Р.Х.) правил назначенный царем воевода (эристави), который сидел в Цунде³.

Грузинский историк XI века Леонтий Мровели повествует, что в I веке армянами временно была завоевана входящая в Картли часть Джавахети. Впоследствии грузины победили армян в Джавахети, пленили их царевича и вернули ранее утраченную часть Джавахети⁴. О принадлежности Джавахети Картлийскому царству говорит также собственное имя Джавах (Зевах) иберийских питиахшей II века, которое трижды засвидетельствовано в армазских надписях. Это племенное имя такого же происхождения, как Каха (Кахети) и другие.

¹ Л.-Н. Джанашиа. Сведения Лазаря Фарпеци о Грузии. Тб., 1962, с. 185 (на груз. языке).

² Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960, с. 212.

³ «Картлис цховреба», I, под редакцией С. Каухчишвили, Тб., 1955, сс. 10, 24 (на груз. языке).

⁴ Ibidem, с. 44, 49-50.

Просветительница грузин Нино, в IV веке по пути в Грузию через Армению, оказалась сначала в Джавахети, где встретила пришедших на летние пастбища картлийских пастухов. Это еще раз подтверждает принадлежность Джавахети Картли.

Прибывшие по просьбе царя Мириана из Греции в Картлийское царство, после объявления здесь христианства государственной религией, епископ и посланник римского императора начали строительство в Джавахети первого храма в Цунде, тогдашнем центре края.¹

По сведениям грузинского историка Джуаншера, в царствование Вахтанга Горгасала воевода (эристави) Джавахети продолжал пребывать в Цунде и его имя было Насар; Вахтанг Горгасал устроил в Цунде епископскую кафедру; впоследствии Джавахети управлял сын царя Вахтанга – Мирдат, который здесь же построил Цкароставскую церковь², также превратившуюся в епископскую кафедру. Ясно, что основанные грузинскими царями в Джавахети эти две епископские кафедры, подразумевают существование там грузинского, а не армянского, населения.

В составе Картли описывает Джавахети древнеармянская география под названием «Ашхарацуйц»³; армянские же источники (Книга посланий, Ухтанес) упоминают в Джавахети VI века грузинских епископов – Иованэ Цкароставского и Иосеба Курмудойского⁴.

Арабские и армянские источники (Балазори, Иоанн Мамиконян) называют Джавахети среди тех краев Картли, которые в VII веке захватили арабы⁵.

¹ Ibidem, сс. 85, 117, 118.

² Ibidem, сс. 198, 203–205.

³ С. Т. Еремян. Армения согласно «Ашхарацуйцу». Ереван, 1963, с. 104 (на армянском языке).

⁴ Книга посланий. Под ред. З. Алексидзе. Тбилиси, 1968, с. 161; Ухтанес. История отделения грузин от армян. Под ред. З. Алексидзе. Тб., 1975, с. 139 (на грузинском языке).

⁵ Д. Мухелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии. II, Тб., 1980, сс. 30–31 (на грузинском языке).

В IX столетии владельцем Джавахети стал Гуарам мампали (владелец) из рода Тао-Кларджетских Багратионов, с X же столетия Джавахети оказался под властью эгрисско-абхазского царя; он и в последующие столетия остался царским владением, которым царь управлял через эристава¹.

По утверждению Ал. Кананяна, только с IX столетия происходит усиление грузинского влияния на Джавахети. По его словам, «эта, не такая уж малая, часть Армении, подобно своим политическим властителям, имеет соприкосновение с халкидонитской Грузией, принимает православие и огрузинивается». Оказывается, до тех пор Джавахети был частью Армении с армянским населением, куда «вторжение грузинского этнического элемента в древности происходило, в основном, посредством грузинских скотоводов, которые выводили скот на пастбища Джавахка... недаром грузинские скотоводы называли дорогу из Грузии в Джавахк – «Овечьей дорогой».

Название «Овечья дорога» указывает как раз на специальную трассу для скотоводов Восточной Грузии среди многих дорог, ведущих в Джавахети; а иначе, разве «Овечьей дорогой» шла святая Нино из Джавахети в Мцхета? Разве для сезонных гуртовщиков строились караван-сарай-фундуки, ставились каменные стелы-кресты на дороге, ведущей в Джавахети из Зуртакет-Триалети, Картли, Тори, Самхе-Артаани?

Но оказывается, что вышеперечисленные показания письменных источников, а также памятники материальной культуры были всего лишь «соприкосновением» с халкидонитской Грузией. На их фоне у Джавахети подобного «соприкосновения» с Арменией вообще не получится. Эти голословные утверждения автора газетной статьи лишены основания и показывают большое желание современного политолога – выдать в глазах широкой читательской аудитории желаемое за действительное.

¹ Д. Бердзенишвили. Очерки из исторической географии Грузии, Земо Картли – Тори, Джавахети. Тб., 1985, сс. 90, 92-96, 102-107 (на грузинском языке).

Совершенно иные, противоположные этим, сведения дает нам армянский историк X века Ухтанес в своем труде «История отделения грузин от армян», посвященном происшедшему в VII веке церковному расколу между грузинами и армянами. Касаясь древней истории Грузии, он пишет: «Бесчисленны имена ... областей вокруг города Тбилиси, которые называются Цанарк, Джавахк, Трехк... Они умножились и стали племенем, которые... называются грузинами. И племенем, и языком, и письменностью, архиерейством и царством упрочились, но однако выделил и отделил их и отдалил от нас Кирон из Скутри... он был страной и родом из грузин, из области джавахов, из селения, которое называется Скутри»¹.

Как видим, армянский историк X века считает Джавахети с древности частью Грузии, с грузинским населением – «племенем» – а не армянским, которое якобы огрузинилось после XI века. Эти сведения Ухтанеса имеют решающее значение ввиду того, что автор является вовлеченным в полемику с грузинами историком; если бы в Джавахети была бы такая ситуация, которую сочиняет современный автор, армянский писатель X века обязательно указал бы об этом, а современный армянский автор с удовольствием распространил бы эти сведения посредством Интернета.

О том, что Джавахети – это край входящий в Грузию, свидетельствуют также армянские историки Маттэос Урхайеци, Стефанос Орбелян, но Ал. Кананян или не знаком с вышеназванными письменными источниками, или нарочно ими пренебрегает.

Для того, чтобы доказать «тесную связь Джавахети с общим культурным ареалом армянского нагорья», автор ссылается на якобы найденные при археологических раскопках материалы и этимологию топонимов Джавахети. Также как в случае с письменными материалами, и здесь его заявления совершенно беспочвенны, не подкреплены ни одним примером. Видимо, по той же

¹ Ухтанес. История отделения грузин от армян, сс. 21, 67.

причине, что автор не находит археологических фактов, которые могли бы подтвердить «единство раннесредневековых традиций, тесную связь» Джавахети и Армении. Интересно, какой была бы предложенная им этимология джавахетских топонимов: Хертвиси и Ахалкалаки (груз. новый город), Вардзиа и Бертакана (монашеское поле), Нигалискури (кури – ухо), Бузмарети, Баралети, Ниджгори, Гиоргицминда (Святой Георгий), Аракали, Оками, Закви, Карцахи, Карцеби, Саґамо (вечер), Баткана (баткани – ягненок), Сатхе и многие другие, которые могут быть объяснены только посредством древнего и современного грузинского языка. Разве не является отголоском древнейшего грузинского народного эпоса языческого периода название «Гора Амираана» поблизости от Ахалкалаки. Ведь там мы имеем археологические материалы, начиная с III тысячелетия до н. э.; можно ли этот факт включить « в ареал генезиса армянского народа»?

Ал. Канаяну «значительной деталью» кажется, что, якобы, «грузинская эпиграфика в Джавахети появилась в IX веке и прекратилась в XIV веке. С XIV века там встречаем только армянскую эпиграфику». Гораздо более значительный и важный факт состоит в том, что до XIV века армянских надписей там вообще нет; однако, неверно и то, что, мол, впоследствии мы видим только армянскую эпиграфику. К XV-XVI векам относятся пещерные надписи Вардзии, Карцеби, Кумурдо, Котелия, Вани; а Мурджахетская надпись может относиться даже к XVIII веку. XIV-XV веками датируются хачкары с армянскими надписями в окрестностях Тмогви. Эти мемориальные каменные кресты, поставленные на могилах, естественно, подтверждают проживание здесь армян, которые, по-видимому, недавно поселились в Джавахети. В первой половине XIV века, когда Армению постепенно подчиняли себе мусульманские правители, в Джавахети переселилось небольшое число армянского населения. Это подтверждают приписки армянских рукописей, из которых видно, например, что родители рожденного здесь Григора Татеваци переселились в

Тмогви из Армении¹. В окрестностях Тмогвской крепости, на левом берегу Мтквари (Куры), около реки сохранилось до 20-ти хачкаров, из которых только на 4-х были армянские надписи. Самый ранний из них относится к 1356 году, а не к XIII веку, как это написано у Ал. Кананяна. При этом автор обвиняет грузинских «исследователей» в том, что они, якобы, сначала подкопали основание, а затем сбросили в русло реки Мтквари вышеупомянутые хачкары. В действительности, они оказались на кладбище у берега реки, а грузинские исследователи (автор взял это слово в кавычки) не только не подкопали их основание, но изучили и опубликовали².

В связи с надписями Джавахети Ал. Кананян вспоминает и Н. Бердзенишвили, который, оказывается, в «Дневнике путешествия в Джавахети» в 1933 году «совершенно необоснованно обвиняет местное армянское население в сознательном повреждении грузинских надписей, хотя даже поверхностно посвященный в эпиграфику человек, не говоря об ученом, должен догадываться, что в большинстве случаев такие факты «повреждения» памятников обусловлены временем и природными стихиями». По мнению автора, этот дневник Н. Бердзенишвили якобы стал причиной уничтожения джавахских армян-патриотов силами НКВД.

Столь глубоко посвященному в эпиграфику политологу Ал. Кананяну необходимо сообщить, что во время путешествия в Джавахети, в селении Сатхе местные армяне сами сообщили Нико Бердзенишвили, что эти надписи соскребли в дореволюционное время. Надписи затерты и в других местах, и вообще, при осмотре на месте, хорошо различимо, какая надпись повреждена нарочно, а какая – стерлась от естественных причин. В 1971 году наша экспедиция в селении Агана Ахалкалакского района обнаружила неизвестную надпись: на южной стене построенной в

¹ Ал. Абдаладзе. Сведения о Грузии армянских рукописей (XIV-XVII вв.), Тб., 1978, с. 118 (на грузинском языке).

² Давлианидзе Л. С. К изучению цундско-тмогвских хачкаров, «Вестник» Государственного музея Грузии, XX-V, Тб., 1959, сс. 195-200.

1906 году армянской церкви сохранился камень с грузинской надписью «асомтаврули», в которой упоминался Базили Аканели, а сама надпись могла быть отнесена ко времени ранее IX века. Камень был помещен в стену в перевернутом виде. Во время очередного путешествия в Джавахети в 1997 году, надпись оказалась стертой, даже следа не осталось. Группа тамошних жителей нас не пустила в церковь, не позволила фотографировать – это, мол, армянская церковь...

Если до сих пор армянские церкви строили рядом с грузинскими, или в отдалении, сейчас выбирают старые большие огражденные руины монастырей и внутри строят новые безликие здания. Такое можно видеть на месте старого монастыря около сел. Божано Ахалкалакского района; то же самое собираются сделать на месте разрушенного монастыря между Самсари и Гртила, который сейчас называют «Ванк»-ом, а раньше назывался Мегвреки: победитель в Карабахской войне Камик Самвелян по собственной инициативе разобрал тамошнюю грузинскую церковь, отобрал камни и приготовил, чтобы и здесь построить новую молельню. Для этого в селении и деньги собирали... Ал. Кананян сетует, что первейшей причиной всякого вандализма было мусульманское население Джавахети, а армянское население обвиняют необоснованно. Но сейчас ведь там нет мекхетинцев-мусульман, а грузины составляют 10% населения. Поэтому никому ничего не «мерещиться», а все обстоит так, как это описывают Ив. Джавахишвили и Н. Бердзенишвили, С. Джанашиа и другие грузинские историки последующего времени: налицо претензии армян на грузинские исторические территории.

Что касается заявления Ал. Кананяна, что дневник путешествия 1933 года по Джавахети, якобы «был прекрасным руководством для НКВД» в деле уничтожения армянских патриотов, это тоже очередная ложь: дневник путешествия 1933 года в Джавахети хранился в архиве ученого и впервые был опубликован в 1964 году. Большевистский НКВД Советской России не различал грузинских и армянских патриотов. Если б они выби-

рали свои очередные жертвы по дневникам ученых, они отправили бы в Сибирь не Георгия Бочоридзе, а упомянутых в его дневниках армян из Самцхе, которые так же повреждали грузинские памятники. Эти дневники 1932-1933 гг. были напечатаны лишь в 1992 году, спустя долгое время после того, как этот самоотверженный исследователь пропал без вести, не оставив могилы.

Ал. Кананян пишет: «Уже тот факт, что из сохранившихся до сегодняшнего дня 70-ти могильных плит только две украшены грузинскими надписями (остальные – армянские), делает очевидным, что многовековое политическое господство грузин не смогло исказить этническое лицо этой области». Автора так увлекло это захватывающее сопоставление надписей на могильных плитах, что он забыл собственное утверждение, что после XI века армяне Джавахети стали халкидонитами и огрузинились (см. выше). А здесь они не теряли этнического лица... Оба вывода основаны на лжи, поэтому-то автор и не замечает противоречия.

Очевидно, что число как грузинских, так и армянских могильных плит значительно больше, чем указано в этой статье... Пришедшее в 1830 году из Турции армянское население заняло большую часть Джавахети. Сейчас они там составляют 90% населения. Разумеется, и могильных камней будет больше.

Переселявшееся в Джавахети с XIV в. малочисленное армянское население до 1830 года не было расселено компактно; это факт, который Ал. Кананян называет «главным козырем» грузинской историографии. Выше мы видели, что описанное положение подтверждают и письменные источники, и топонимика и эпиграфика Джавахети. «Большая книга Гурджистанского вилайета» 1595 года свидетельствует, что в завоеванном Османской империей Джавахети большую часть населения составляли грузины. Там можно найти деревни, где среди грузинских имен изредка встречается два-три раза Карапет, Хачатур, Теракоп и др. Есть и мусульманские имена. Напротив, совсем не видно селений, компактно населенных одними армянами. Например, имена живущих в предместье Тмогвской крепости следующие: Никуа,

Зарасфа, Хезарлуг, Саргис сын Аракела, Гурасфа, Ростом сын его, Нико сын Худаверда, Папу сын Мурада, Иарали сын Анали...сын Чалбы, Папу сын Хузана, Нурали, Акоп сын его, Хачатура и др.¹ Как видим, армянское население, которому принадлежали могилы, разбросано по грузинским селениям. А в этих условиях, языком общения для них естественно должен был быть грузинский. Это подтверждают и джавахетский фольклор и красивая народная баллада «Юноша из Тавпаравани». В период османского владычества часть населения Джавахети постепенно подверглась исламизации.

В 10-20-х гг. XIX в. в ходе русско-турецкой войны под влиянием турецкой пропаганды и русской «христианской» политики большая часть подвергшегося исламизации коренного населения Южной Грузии переселилась в Турцию. Справедливость требовала, чтобы осовободившиеся территории были отданы грузинскому населению, не имевшему достаточно земли. Но граф Паскевич не дал грузинам разрешения на переселение из Имерети. И вместо них переселил из района Арзрума в Ахалцихско-Ахалкалакский край 30000 армянских жителей. Большая их часть компактно поселилась в опустевших селениях Джавахети. Ал. Кананян пишет: «Халкидониты и огрузинившиеся армяне уже вначале турецкого владычества приняли ислам; а армянское население в результате тяжелейшего давления постепенно сократилось. Таким образом, переселение в Джавахк в 1830 г. армян следует рассматривать не как «колонизацию» грузинской территории, а как миграцию армянского населения из одного района в другой». До 1829 г. и Арзрум и Ахалкалаки принадлежали Турции, потом – России, а Ахалкалакский район до того никогда не принадлежал армянам. Так что здесь налицо именно претензии со стороны этого политолога на территорию Джавахети.

¹ Большая книга Гурджистанского вилайета. II. Турецкий текст с переводом, исследованием и комментариями издал Серги Джикия. Тб., 1941, сс. 240-242. (на грузинском языке).

Вот, что писал о создавшемся там в 1830 г. положении Вермишев: «Со стороны Турции переселились армяне и почти покрыли Ахалкалакский уезд плотным населением, среди которого здесь и там маленькими оазисами остались грузинские села». Загурский отмечал, что «страна обретает такой вид, как будто она с самого начала была населена армянами». Он знал, что это была грузинская земля. Новопоселившиеся были оставлены полностью на свою волю. По словам Иванэ Гварамадзе: «Они подрывают и разрушают наше вечнопамятное наследие, крепости и башни, церкви, вырывают из рук монастыри, грабят иконы, растаскивают драгоценные предметы»...Новые поселенцы пожелали даже, чтобы Ахалкалаки был переименован в Нор-Эрзрум, но, по замечанию Загурского, тогдашние власти проявили все-таки столько благоразумия, чтобы не уступить этому желанию.

Тогда же в 1-ой пол. XIX в. поселились в Ахалкалакском уезде таракамы из Нижней Картли, греки из Арзрума, русские духоборы из Воронежской и Таврической губерний, курды-кочевники. Оставшиеся грузины-мусульмане были официально зачислены в турки. Из страха перед тем, чтобы они не вернулись в лоно христианства, не присоединились бы к «грузинству», по указу 1899 г. в Самцхе-Джавахети была запрещена служба на грузинском языке, было дозволено только русское и армянское богослужение.¹

Разговор о Джавахети Ал. Кананян заканчивает следующим образом: «Непостижимы пути истории: наверное, и поэтому Джавахк, армянское лицо которого в средние века потеряло силу, в XIX веке вновь восстал, как чисто армянский регион». Приведенный выше материал еще раз показал, что Джавахети всегда был грузинской землей и носил грузинское лицо; лишь с XIX века изменил он свой облик после того, как Россия переселила сюда из Турции армянское население. Это хорошо знает и автор. Поэтому лицемерной является его скорбь о том, что якобы в Советский

1 Д. Бердзенишвили. Ахалкалаки Джавахетский. «Артануджи», №7, Тб., 1998, сс. 24-25 (на грузинском языке).

период «эта тема была табуирована. Армянским ученым не предоставлялась возможность проводить на территории Джавахка археологические раскопки, полевые работы. Более того, даже в научных трудах они не могли рассматривать историю этого края». Это происходило потому, что все знали – Джавахети был и остается территорией Грузинского государства. А попытки армянского политолога любыми способами отдалить Джавахети от «грузинской этнокультуры» беспочвенны. Джавахети всегда принадлежал к «грузинской этнокультуре» и эта провокационная статья, напечатанная в русском «Новом времени», не перевесит десятки томов грузинских ученых, показывающих истинную принадлежность этой земли.

И после всего этого, Ал. Кананян еще считает себя вправе заявлять, что «подобно Иванэ Джавахишвили, и другие грузинские ученые обвиняют армян в том, что они якобы заявляют претензии на значительную часть территории Грузии... Не существует ни одного политического, хотя бы программного документа армянской стороны, в котором высказаны были бы подобные претензии... Гиперболизируя армянские «претензии», грузинская политическая и культурная элита стремится убедить своих соотечественников в беспредельной несправедливости и нечестности армян».

Выходит, это грузинскими учеными придумано, что в 1913 году, когда армяне Ахалкалакского уезда потребовали отделения от Тифлисской (Тбилисской) губернии, они намеревались, соединившись с остальными армянскими уездами, создать отдельную, населенную армянами губернию. Те же попытки возобновлялись в 1919, 1922 и последующие годы. Разве Иванэ Джавахишвили придумал изданную в 1918 году в Стамбуле карту армянского государства, на которой эта страна простирается от Черного до Каспийского моря? Там ведь, вместе с территориями, находившимися в границах Ирана и Турции, в составе Армении оказались Имерхеви, Ахалкалаки и вся территория Грузии южнее р. Мтквари (Куры), включая даже Ганджу. Такие границы нового армянского

государства не могли основываться ни на этническом, ни на историческом принципе, поэтому их никто не принял всерьез.¹

При таком опыте, всякая подобная вылазка в «безобидной» русскоязычной прессе является основанием для серьезной озабоченности, поскольку является подготовкой к созданию «политического, или хотя бы программного документа», которого как будто не существует. А чем же тогда является требование автономии для Ахалкалакского края?

Статья Ал. Кананяна посвящена Джавахети, но заканчивается Нижней Картли. По его словам, в 1918 г. грузинские меньшевики обладали значительными материальными и геополитическими преимуществами. Якобы «поэтому они считали, что историческим достоянием Грузии являются не только Джавахк и Лоре, который входил в Тифлисскую губернию, но и Памбак (Бамбак, Спитакский регион)». Лоре и Бамбак потому и оказались в Тифлисской губернии, что были исторической принадлежностью Грузии, сохранившейся в качестве таковой даже во время аннексии Грузии Россией. «Материальных и геополитических преимуществ» меньшевиков было бы недостаточно, если бы не историческая принадлежность.

Автор продолжает: «После советизации Лоре осталось за армянами. К сожалению партия дашнаков, которая взвалила на себя ответственность за будущее армянского народа, не проявила принципиальности в армяно-грузинском территориальном споре. То обстоятельство, что Армения на протяжении многих веков была лишена государственности и некоторые земли Северной Армении входили в состав полунезависимых политических образований, не дает Грузии права объявлять эти территории своим историческим достоянием». Автор не помнит (или не хочет помнить) о существовании сложившейся на протяжении веков исторической территории Грузии. В ее пределы входили Бамбак, Лоре, Борчало, которые, несмотря на возникновение здесь мусульманских ханств, все-таки подчинялись грузинским царям. Поэто-

¹ Ibidem, с. 19.

му-то российская власть ввела их в состав Тифлисской губернии. После всего этого, Грузия, оказывается, не имела права «объявлять эти территории своим историческим достоянием». А вот Армения имела это право, несмотря на упраздненную в течение многих веков государственность, потерянные исторические территории, только потому, что армянское население нашло прибежище на территории другого государства. И это не претензии на чужие территории?! Армяне сегодня рассеяны по многим государствам мира. По вышеназванному принципу они и там могут заявить претензии на территории этих государств...

По мнению Ал. Кананяна, в Болнисском, Дманисском, Тетрицкаройском районах Грузии сотни армянских церквей, многие сотни армянских надписей ясно свидетельствуют об этнической принадлежности основного населения этой земли. Большинство их, оказывается, исчезло в 30-х гг. XX в. в результате «исследований» грузинских ученых. «На каждые десять средневековых армянских церквей, которые фактически являются простыми сооружениями, построенными простым народом, приходится одна грузинская церковь, большая и богатая. Это еще раз подчеркивает обстоятельство, что грузинские церкви строило государство, насаждая на армянской территории византийское православие; несмотря на это, дашнаки требовали присоединения к Армении только армянонаселенных Джавахка и Лоре».

Парефразируя слова апостола Павла (Рим. 11, 33), можно сказать, что пути истории остались для автора непознанными. Зато легко распознаются его попытки сфальсифицировать историю и вместе с Джавахети объявить «армянской территорией» и Нижнюю Картли. А свидетельством этого являются сохранившиеся здесь армянские церкви и надписи, исчезнувшие в результате исследований грузинских ученых. Во первых, как и можно было ожидать, большая часть церквей Нижней Картли, судя по надписям, грузинские. Армянские церкви появляются здесь позже, и надписи их в основном относятся к XVII в. Ал. Кананяна не устраивают и он не вспоминает о письменных источниках, сог-

ласно которым, в V в. Варскен является питахшем (правителем) Картли, а не «армянской территории», что здесь в Картли на грузинском языке создается «Мученичество Шушаник». Если поверить автору, окажется, что на «армянских территориях» основали грузины Манглисскую, Самшвилдского, Дманисскую, Болнисскую епископские кафедры; на «армянских территориях» воздвигли великолепные здания Манглисского, Дманисского, Болнисского Сионов (церкви в честь Божьей Матери), на которых высечены древнейшие грузинские надписи. Ведь в Нижней Картли нет ни одной столь древней армянской церкви именно потому, что грузинской была эта страна, с грузинским по этническому составу населением. В одной только Цуртавской, сопредельной Армении, пограничной епархии, было смешанное грузино-армянское население.

Ал. Кананян особо выделяет простые армянские церкви; на каждые десять из них, оказывается, приходится одна грузинская церковь, большая и богатая. Между тем, не имеют никакого основания попытки приписать церкви средневековой Нижней Картли – простые армянам, а богатые – грузинам. Все они были грузинскими. В грузинских селах грузинское сельское население строило простые церкви, а в важных центрах Нижней Картли представители царской семьи и местные грузинские феодалы строили богатые храмы. Со времен царя Давида Строителя до монголов централизованное сильное грузинское государство твердо держало в своих руках Нижнюю Картли в качестве царского домена. Государство утверждало православие уже не только здесь, но и на вошедших в его состав сопредельных территориях Армении – в Ани, Кари, Валашкерте.¹

Последнее предложение статьи ради успокоения грузин извещает нас, что наши страхи, якобы армяне выдвигают претензии на всю территорию Грузии, беспочвенны; но вот Джавахети и

¹ Д. Бердзенишвили. Очерки из исторической географии Грузии. Нижняя Картли. Ч. I, Тб., 1979, сс. 106-107, 121-125.

Нижняя Картли, как мы видели, все-таки «армянские территории».

Цель рассмотренного нами опуса Ал. Кананяна – попытаться представить старую тему в новом обличье. Последняя по времени такая попытка имела место после Карабахской войны, в 1992 г., когда в Ереване был издан буклет «Ахалкалаки». Целью этого издания было представить Джавахетский Ахалкалаки (а за ним другие пункты Южной Грузии), как древнее армянское поселение. Прошло десять лет, и теперь речь идет уже не об отдельном населенном пункте, а обо всем Джавахети и Нижней Картли.

Прошлое учит нас, что в подобных случаях армянские политики всегда находили поддержку в России, в царской или большевистской России. Так же и сейчас. Действия России в Карабахе, Абхазии и Внутренней (Шида) Картли (Цхинвальский регион) поощряют армянских политиков к подобным заявлениям и действиям. Разве не провокацией был совсем недавно установленный Ахалкалакской российской военной частью плакат (размером 15х3 м), который гласил: «Владей этой землей без опаски, российская армия тебя защитит», и там же был помещен портрет якобы сказавшего эти слова Паскевича. Именно такая поддержка воодушевила армянское население Джавахети воспрепятствовать прохождению грузинской военной части, направлявшейся на стрельбище в Абули. Сейчас, когда вновь стоит вопрос о выводе из Ахалкалаки российской военной базы, статья армянского политолога в «Новом времени» должна оживить надежды политиков обеих этих стран.

«Аналеби», 2004, №1

Перевод: Л. Дуларидзе, Л. Микиашвили

Гурам Майсурадзе

Новые попытки искажения исторической правды

В начале 90-ых годов XX в., после распада Советского Союза и образования Грузинской и Армянской независимых республик, у представителей нового поколения армянской историографии с особой четкостью определилось отношение к Грузии и ее истории. К тому времени общество окончательно освободилось от пут советской идеологии и армянские историки не преминули открыто заявить о своих далеко идущих геополитических чаяниях. В Ереване акад. Лендруш Хуршудян опубликовал статью «Национальная идеология Армении: смысл и содержание», где представлен поэтапный план восстановления «Великой Армении» (от моря до моря)¹. На сей раз за реализацию этого фантастического плана партии дашнаковцев в основном выступили представители нового поколения, среди которых преобладают журналисты, писатели, политологи, разного рода непрофессионалы. Базируясь на фальсифицированной предшествующими поколениями истории, вместо критического изучения прошлого они взялись за пропаганду дашнаковских идей и в этом процессе перешли всякую грань несерьезности. Ложь, фальшь, некомпетентность стали общей характерной чертой подобного рода «исследователей». Од-

¹ См. газ. «Кавкасион» от 17- 23 февраля 1999.

нако, в организационном смысле эта пропаганда оказалась более дееспособной и масштабной.

В авангарде данной кампании находится организация, – РАА по английской аббревиатуре, – изучающая армянскую архитектуру, которая публикует сборники «научных» трудов, серийные издания, среди них – «Армянские исторические поселения», отдельные буклеты об этих поселениях, карты-справочники и т.д. Все усилия членов этой организации знаменательно направлены исключительно в сторону своих северных исторических соседей, в то время как, вне сомнения, они могли бы доказать свои исторические права на южных и юго-восточных пространствах, если бы все это начинание уже сейчас не относилось бы к печальному анахронизму.

В 1992 году упомянутая организация в серии «Армянские исторические поселения» издала в Ереване трехязычный (на армянском, русском и английском языках) буклет под названием «Ахалкалаки». На последней странице обложки помещены карта «Великой Армении» и список готовящихся к изданию буклетов, где 30 сел и городов Квемо (Нижней) Картли, Джавахети и Самцхе причислены к поселениям исторической Армении. Крайне малый объем самого текста (всего лишь около двух страниц) с самого начала свидетельствует о том, что в интересы автора не входит предоставление читателю объективного, научного знания о прошлом и настоящем г. Ахалкалаки. Он довольствуется общим и категорическим заявлением, согласно которому «Ахалкалаки главное поселение Гугаркского гавара (то есть провинции) в Джавахке». По подобным же заявлениям армянское население обитает здесь с IX века, а в качестве подтверждения приводятся: могильный камень 1301 года, обнаруженный на территории развалин древнего города и встроенный в новую церковь армянский каменный крест 1289 года, а также расположенная вблизи города церковь XII-XIII вв., что явно недостаточно. Остальная часть текста отводится взятию Ахалкалаки русскими войсками и описанию колонизации этого края переселенными ими же из

Эрзерума армянами. Примечательно, что истории средневекового Ахалкалаки отводится 22 строки, тогда как изложению истории Ахалкалаки XIX века – в два раза больше, что косвенно также указывает на то, что история армянского населения в Ахалкалаки и Джавахети реально начинается именно с этого времени. Несмотря на такой итог, избранная для издания форма (буклет) предоставляет его автору еще больше возможностей преподнести читателю те сведения, которые его устраивают, а противоположные ловко обойти стороной. В нормальной ситуации, такие труды должны опираться на данные науки, а не наоборот: недопустимо, чтобы способы рассмотрения фактов определялись, главным образом, политикой. Издательские планы названной организации и уже изданная продукция не оставляют сомнений в том, что мы имеем дело не с частным случаем фальсификации истории в отдельном буклете, а с широкой антинаучной и антисоседской кампанией. Поэтому, заслуживает одобрения инициатива редакции журнала «Артануджи», которая обратилась с просьбой к известному ученому, специалисту по исторической географии Дэви Бердзенишвили, ответить на затронутые в буклете проблемы и предоставила ему весь номер целиком (№7 за 1998 год).

На основании широкого спектра первоисточников Д. Бердзенишвили представил читателю последовательную картину истории Ахалкалаки и Джавахети с древнейших времен до сегодняшнего дня, чем ясно доказал полную необоснованность заявлений автора буклета. Вместе с тем, он обличил в лицемерии и недобросовестности армянского автора, который подобным предосудительным путем, в желательном для него свете пытается озвучить содержание фактов и данные источников. Например, согласно тексту буклета, Ахалкалаки расположен у слияния двух рек, одна из которых называется «Парвана» (то есть Тавпараванисцкали), а вторая – «Карасун агбиур» (т. е. «Сорок источников»). Такого названия не существует. Это армянский перевод турецкого Кирх-булах, который указан на русской пятиверстной карте. Еще раньше река называлась Дливисцкали, а древние гру-

зинские историки именуют ее Ахалкалакисцкали («цкали» – по-грузински вода, река, источник). Переделывая позднее турецкое название реки на армянский лад, автор пытается любым способом укоренить армянскую форму гидронима, – отмечает Д. Бердзенишвили². В буклете приведена таблица, отражающая число армянского населения и жителей других национальностей в Ахалкалаки, по свидетельству которой армяне в количественном отношении значительно превышают представителей других национальностей. Самые ранние показатели этой сравнительной таблицы начинаются с 1851 года и продолжаются до 1976 года. Таблица отражает исторический период, когда приспешники царизма, а позднее и советское правительство, по политическим соображениям, с применением силы в корне изменили в этом регионе демографическую ситуацию в пользу армян. Однако, упоминанием событий, имевших место после 30-х годов XIX столетия и ссылкой на внушительные цифры приведенной таблицы, автор буклета делает обобщающий вывод, что, якобы, «в Ахалкалаки всегда преобладало армянское население». По этому поводу Д. Бердзенишвили совершенно справедливо заметил: за всю историю своего существования г. Ахалкалаки являлся исключительно грузинским поселением, в составе грузинского государства. Следовательно, высказанное автором упомянутого буклета мнение относительно постоянности преобладания здесь армянского населения ничто иное, как намеренное искажение реальности³. Подобных примеров множество, в том числе и попытка автора, датировать хачкары XIX века IX-X вв., опять-таки для того, чтобы любым способом подтвердить наличие армянского поселения в Ахалкалаки именно с этого времени. Археолог Эка Джандиери поясняет: «Эти отдельные хачкары, по археологической стратиграфии, след переселившихся сюда после 30-х годов XIX столетия армянских новоселов». На позднее происхождение этих камней указывает не только анализ орнамента, но

² «Артануджи», 1998, № 7, с. 12.

³ Там же, с 25.

и их внешний вид и безупречная сохранность.

Трудно представить, что именно эти хачкары уцелели без повреждения поверхности при осаде Паскевича и штурме из 300 пушек, когда обрушилась вся крепость со своими 4-этажными башнями.

Примеры можно было бы умножать, но и приведенного выше, думаю, должно быть достаточно, чтобы представить квалификацию и гражданскую добросовестность автора буклета.

Представленные Д. Бердзенишвили со строгой научной точностью многочисленные исторические факты характеризуют Ахалкалаки и Джавахети в целом как регион, имеющий богатое прошлое, важнейший для Грузии с экономической и политической точки зрения и показательный для грузинской культуры.

Археологические раскопки на территории городища выявили следы энеолитической и ранне-бронзовой эпохи, когда армяны даже еще и в Закавказье-то не было! Из-за чего, похоже, этот важнейший факт автор буклета вообще не упоминает. Он также обходит молчанием упоминаемую в урартских источниках VIII века до Р. Х. страну «Забаха», т. е. Джавахети, у которой были изнурительные войны с Урарту. О теснейших связях Джавахети с Картли говорит распространение в среде иверской аристократии превратившегося в собственное имя Джавах (Зевах). Оно трижды упомянуто в надписях Армази как собственное имя иверских питеахшей II века (сравни: Каха – Кахети). Согласно грузинским источникам, объединенное в сазриставо (эриставство) Цунды, Джавахети с древнейших времен подчинялось царю Картли. Первые грузинские церкви были построены там в IV-VI веках, а Вахтанг Горгасали основал в Джавахети епископскую кафедру. Арабские и армянские источники (Балазори, Иоанн Мамиконян) называют Джавахети среди тех краев (земель) Картли, которые в VII веке были завоеваны арабами. На территории городища раскопаны и изучены руины древней грузинской церкви IX-X вв., центрально-купольное строение типа т. н. «свободного креста», а найденные в его развалинах базисы (основания) и карнизы

каменных крестов относятся к V-VII и VIII-IX векам. Предполагается, что они попали в постройку церкви IX-X вв. из существовавшей на этом месте более древней молельни. Более ранними и значительными памятниками, чем хачкары, подтверждается, что существовавшее на Ахалкалакском мысе крупное поселение настолько расширилось, что к XI веку оно превратилось в значительный центр Джавахети и перешло в подчинение Баграта IV, который оградил его стеной. Вместе с тем, Д. Бердзенишвили приводит пространные выписки из источников по поводу перенесенных Ахалкалаки войнам и, что знаменательно, в этих специально приведенных выписках не видно армян. Везде подчеркнуто – «коренные жители Ахалкалаки», «великие и знатные князья и эристави», «месхи-азнауры (дворяне)», «картвелы» («грузины») и «грузинские мелики (князья). Таким образом, наличие здесь «исторического армянского населения» ничем не подтверждается.

Примечательно, что вообще в эпиграфике Джавахети армянские надписи до XIV века не видны, в то время как по обилию грузинских надписей это один из особых краев. Из составленной в 1595 году «Большой книги Гурджистанского вилайета» видно, что значительным большинством жителей джавахетских поселений являются грузины. Есть селения, где среди грузинских имен изредка (раза два-три) встречаются Карапет, Хачатур, Тер-Акоп и др. Есть и мусульманские имена. Однако, нигде не видно деревень, заселенных только армянами. Во время владычества османов Ахалкалаки приходит в упадок, количество жителей уменьшается, и вновь пополняется пришедшими из Картли, но в XVI-XVIII веках джавахетский Ахалкалаки все же является, в основном, местом расположения османского войска, где с трудом выживало местное население⁴.

Таким образом, утверждение автора буклета, будто армянское население численностью всегда превышало грузинское, – старый армянский миф и только. Следует учитывать и то, что еще весной

⁴ «Артануджи», 1998, №7, сс. 13-27.

1919 г., во время выборов в Учредительное собрание, в Ахалкалакском уезде, который тогда отличался особым изобилием армянского населения, из принявших участие в выборах 21 687 человек 13 тысяч проголосовали за грузинские партии и всего лишь 8 тысяч – за армянские⁵. Будем надеяться, 120-летняя история армянского населения Ахалкалаки и Джавахети не сможет стереть тысячелетнюю грузинскую историю этого края.

Вскоре после опубликования отклика Д. Бердзенишвили, в том же 1998 году, армянское издательство «Наука» издало очередную книгу научных трудов организации по изучению армянской архитектуры, которая фактически представляет собой новую показательную попытку искажения исторической правды. Название книги «Государственная политика Грузии и памятники армянской культуры» и в особенности ее содержание, к сожалению, ничем даже отдаленно не напоминает обычную научную работу. От начала до конца книгу захлестывает волна эмоций, выраженная в несдержанных, недостойных высказываниях, что волей или неволей придает труду авторов характер несерьезного политиканства. По пояснению составителя сборника Самвела Карапетяна, все свои силы и средства РАА направляет только лишь на изучение армянских культурных ценностей, находящихся за пределами нынешних границ Армянской Республики то есть, по его словам, на «исторических армянских территориях». А в Грузии, утверждает он, армянские памятники замечены не только в Гугаркском районе «исторической Армении», но и в других местах – в Картли, Кахети⁶. Так, одним росчерком пера, Нижняя Картли и в целом – вся Южная Грузия объявлены исторической Арменией. Для оправдания своих агрессивных намерений автор обвиняет грузинскую сторону в истреблении армянских памятников и провокационно заявляет, что наличие армянских памятников в Грузии считается опасным, по той причине, что если в Картли,

⁵ В. Нозадзе, Борьба за Месхети ради восстановления Грузии, Тбилиси, 1989, с. 60.

⁶ Указанный армянский сборник, с. 83.

Кахети и Имерети армяне, являются пришельцами, то якобы в Южной Грузии они были аборигенами. И поэтому «в течение последних десяти лет армянские исторические памятники испытали полномасштабное и целенаправленное истребление и присвоение»⁷. При этом, для усиления впечатления он клеветнически заявляет, что якобы вместе с памятниками, удостоверяющими армянскую цивилизацию, в Грузии целенаправленно уничтожаются также и греческие, русские и немецкие памятники⁸. Но фактически весь гнев С. Карапетяна направлен против «разрушения и повреждения» армянских памятников в Тбилиси, несмотря на то, что столица Грузии вроде бы должна была находиться за пределами «исторической армянской территории».

Тактический ход составителя сборника не так трудно разгадать. С. Карапетян намерен одновременно поймать двух зайцев. Кроме присвоения Квемо (Нижней) Картли он пытается отвести внимание от Джавахети, где более столетия целенаправленно и систематически уничтожаются многочисленные грузинские памятники, свидетельствующие о позднейшем появлении здесь армян. Посредством клеветнических обвинений и лжесвидетельств члены группы С. Карапетяна стараются направить против грузин всеобщее возмущение, вызванное гибелью исторических памятников. Однако правда просачивается даже из некоторых статей, помещенных в этом сборнике. Например, член общества «Армения-Грузия» Армен Тер-Саркисян в своей статье признает, что после падения Российской империи в советизированной стране начались повсеместные разрушения культовых сооружений. С лица земли безжалостно стирались соборы, церкви, мечети, минареты, синагоги. Этот процесс охватил и Закавказье. Число разрушенных в Тбилиси армянских церквей превысило десятков⁹. Далее перечислены уничтоженные за этот период почти все те здания, по поводу которых на страницах книги быют в набат.

⁷ Там же, с. 7.

⁸ Там же.

⁹ Указанный армянский сборник, с. 80-81.

Авторам книги необходимо напомнить, что в те недоброй памяти 30-е годы, памятники грузинской культуры пострадали значительно больше, чем армянские, и «грузинская государственная политика» тут ни при чем, тем более лишены основания его претензии к правительству независимой Грузии.

Особое возмущение представителей РАА вызвало возведение на горе Элиа в Тбилиси грандиозного в закавказских масштабах грузинского собора Св. Троицы, поскольку они сочли это за оскорбление территории, почему-то воспринимаемой ими в качестве собственной, из-за чего строителей Троицы назвали «варварами»¹⁰ и при этом провокационно заявили, что якобы волна возмущения прошла по армянскому и русскому населению Грузии и грозили, что «возведенные на крови, костях и лжи грузинские церкви обязательно рухнут»¹¹. Несмотря на то, что Троицкий собор был возведен на месте древнего грузинского культового памятника и его строительство было вполне законным, грузинский католикос-патриарх Илия II в знак уважения согласовал это решение с католикосом всех армян, который даже приветствовал это «угодное Богу» дело¹².

Примеров показа фактов в кривом зеркале в книге довольно много. Вредная тенденция говорит о политической близорукости авторов книги и она не может принести взаимоотношениям народов-соседей ничего, кроме вреда. Обилие недостойных выражений (грузинские вандалы, варвары, хулиганы, бандитствующие грузинские священники, вандалы Грузинской патриархии и пр.) применено для того, чтобы вызвать у простодушной части армянского населения Грузии ненависть к грузинскому государству, грузинскому священству и вообще к так называемым «безалаберным грузинам», что, похоже, делается в чьих-то интересах.

Но все же в этой книге наиболее неприемлемы открыто заявленные территориальные претензии. Критикуя напечатанную

¹⁰ Там же, с. 51.

¹¹ Там же, с. 52.

¹² Там же, сс. 51-52.

в журнале «Артануджи» уже упомянутую нами высокопрофессиональную, выполненную на научном уровне, критическую статью Дэви Бердзенишвили, которая касается также и других до неприличия вредных высказываний РАА, С. Карапетян без единого аргумента и доказательства заявляет, что у статьи нет, мол, никакой связи с наукой только лишь потому, что грузинский ученый якобы избегает (в ней) широко распространенного в средние века названия «Сомхити» и «для обозначения северных районов Гугаркской области исторической Армении использует топоним «Нижняя Картли». Этим, по мнению С. Карапетяна, Дэви Бердзенишвили пытается скрыть реальность, которую отражает термин «Сомхити» то есть Армения¹³. И в этом случае С. Карапетян, подобно другим армянским авторам, лукавит. Он умалчивает о том, что армянские источники называют эту же территорию «Врац дашт»-ом, то есть «Долиной грузин», древние армянские источники в лучшем для него случае подразумевают «смешанное население» в Гугарке и там они не имеют в виду армян. А термин «Сомхити» возникает в X веке, когда на захваченной армянами территории Квемо Картли образовалось маленькое царство Кюрикидов. Примечательно, что современники и после этого воспринимали этот район как Грузию. Епископ Мхитар Айриванеци следующим образом излагает возникновение царства Кюрикидов на территории Квемо Картли: «В 981 году началось царствование Багратуниев над грузинами, так как Гурген воцарился в Грузии, а его брат Смбат – в Армении»¹⁴. Очевидно, что этот край, названный армянами Гугарком, армянский епископ считает по этническому и культурному признаку Грузией. Думаем, комментарии излишни. Также лишена оснований настойчивое упоминание названия Джавахети в армянской форме «Джавахк», что в свою очередь, воспринимается как заявка на определенные территориальные притязания. Хорошо известно,

¹³ Указанный армянский сборник, с. 84.

¹⁴ Мхитар Айриванеци. Хронографическая история, издание Л. Давлианидзе, Тбилиси, 1990, с. 74 (на груз. языке).

что природно-исторические границы Грузии простирались гораздо южнее и в течение веков были настолько прочными, что при административном устройении Закавказья правительство России было вынуждено поместить Тифлисскую губернию в прежних (исторических) границах. Напротив, этнический состав населения приграничных районов механическим и насильственным образом был изменен в ущерб грузинам. По этому пути неотступно следовала как «белая», так и красная Россия. Выдвигать подобные вопросы и устраивать дискуссии по ним, издавая политически непригодные серийные издания с враждебным настроем против соседних народов, в особенности сейчас, когда взаимоотношения между Грузией и Арменией успешно развиваются под знаком сотрудничества, осознания взаимных интересов и взаимопонимания, просто вредно и противоречит общим интересам соседних народов.

В ходе этих, довольно предосудительных, процессов, особой активностью отличился упомянутый выше Самвел Карапетян. С его именем связано издание РАА в 1995 году на армянском языке карты-справочника «Армянские церкви в Грузии», которая продается за пределами Армении, в том числе и в тбилисских армянских церквях.

Автор, по его словам, описал 650 армянских церквей, из которых большая часть в действительности является грузинскими и к тому же среди них чрезвычайно невелико число памятников, представляющих историко-культурную ценность. Но это не волнует С. Карапетяна, для него главное – количество, которое должно полностью покрыть населенные пункты Восточной и Южной Грузии, чтобы там не осталось места даже для обозначения грузинских церквей. Именно такова его карта-справочник, назначение которой совершенно понятно, думаю, даже для самого наивного читателя. Постепенно С. Карапетян расширяет географический ареал своей деятельности и к 2002 году уже в Бейруте под эгидой РАА публикует карту-справочник «Исторические памятники Джавахети». И на сей раз он не изменяет своим привычкам

и в своей карте-справочнике фиксирует только армянские памятники, независимо от того, имеют они или нет историческую или культурную ценность. Цель остается неизменной: любым путем убедить читателя в армянском прошлом Джавахети, несмотря на то, что большая часть представленных памятников относится к XIX-XX векам¹⁵. В том же 2002 году в Бейруте вышел в свет объемистый сборник научных трудов и статей на армянском языке «Родной Джавахети».

С. Карапетяну в этом сборнике принадлежат три статьи, написанные в хорошо уже нам известном духе, где довольно щедро представлены ложь и клевета.

Тематически новой является его статья «Грузинская политика в связи с вопросом мусульманского населения Ахалцихе-Ахалкалаки». Проблема вызывает не обосновательную тревогу С. Карапетяна, так как ему хорошо известно, что большую часть населения, выселенного в 1944 году из Самцхе-Джавахети в Среднюю Азию, составляло коренное население этого края – омусульманенные месхи (грузины-мусульмане) и в случае возвращения встреча с ними, естественно, оживит неприглядное прошлое, когда в 30-е годы XIX столетия на местожительства предков этих насильственно изгнанных месхов тогдашнее российское правительство поселило привезенных из Эрзерума армян¹⁶. Поэтому-то начиная с этих пор, и по сей день армянское население Джавахети, по наущению С. Карапетяна и ему подобных, целенаправленно уничтожает следы грузин на этой исконно грузинской земле.

По существу подстрекательской и явно агрессивной является статья научного сотрудника Института истории Армянской Академии наук и политолога Александра Кананяна, опубликованная в армянской русскоязычной газете «Новое время» (5 ноября 2002 года), которая, по пояснению редакции, якобы развязывает узел противостояния, завязавшийся вокруг Джавахка. К

¹⁵ См. «Литературная Грузия», 18-24 октября 2002 г. (газета, на груз. языке).

¹⁶ См. «Литературная Грузия», 2-8 мая 2003 г. (газета, на груз. языке).

сожалению, вместо научного обоснования, документированности и соблюдения этики, статья полна примеров лукавства, клеветы и искажения сведений источников, в ней допущено немало фактических ошибок.

Одной из крупнейших ошибок или ложью, или и той и другой вместе, думаем, является использованное Ал. Кананяном в данной статье положение, будто бы «Джавахк» входил в ареал генезиса армянской нации. О правильности этого положения, по его словам, свидетельствует: этимология топонимов «Джавахка», так же, как древнейшие культурные пласты, открытые в ходе археологических раскопок, единство ранне-средневековых традиций края, его тесная связь с общекультурным ареалом Армянского Нагорья и исторические источники. Вообще, проблема этногенеза настолько сложна, что даже при реальном существовании перечисленных факторов возможно, будет затруднительно ответить на поставленные вопросы. Но в данном случае, когда названные факторы находятся под большим сомнением, тем более, что ни один из них вообще не сопровождается конкретным примером или справкой, и весь набор этих факторов настолько расплывчатый и ничего не говорящий, что с таким же «успехом» может подойти к этногенезу любого другого народа. Если бы Ал. Кананян ради доказательства своих положений смог бы назвать хотя бы одно серьезное исследование, можно было бы принять его в расчет, так как то, что он не является специалистом по древней истории и, по всей видимости, и по средним векам тоже, ясно видно из его статьи. Во всем тексте чередуются переполненные противоречиями взаимоисключающие положения, целью которых является доказательство принадлежности Джавахети к армянскому миру, однако, вопреки желанию автора, они больше свидетельствуют о противоположном. Например, по утверждению Ал. Кананяна, вторжение грузинского этнического элемента в Джавахети происходило с древнейших времен и этот процесс носил постоянный характер, но тут же заметим, что для нашего автора источником подобного заключения послужила пресса XIX

века. «Начиная с IX века, – продолжает автор статьи, – Джавахк попадает под влияние Артануджской династии Багратионов и испытывает сильное халкидонское давление». В результате немалая часть населения этого края Армении, подобно своим политическим правителям, имеет соприкосновение с халкидонитской Грузией, принимает православие и огрузинивается. Исповедующие халкидонскую веру феодалы строят церкви, где богослужение по своему обряду было чисто греческим, но совершалось по-грузински. По замечанию Ал. Кананяна, грузинская эпиграфика в Джавахети появилась в IX веке и в XIV веке прекратилась (тут автор либо намеренно лжет, либо – и вправду не знаком с реальным историческим материалом). С XIV века там, мол, встречаем только армянскую эпиграфику (в действительности, армянская эпиграфика здесь до XIV века вообще не видна) и продолжает: многовековое политическое владычество грузин не смогло извратить этническое лицо Джавахка.

Последователи халкидонизма и огрузинившиеся армяне уже в самом начале турецкого владычества приняли ислам. А армянское население из-за тяжелейшего гнета постепенно уменьшилось. Таким образом, переселение в 1830 году армянского населения в Джавахети надо рассматривать не как «колонизацию» грузинской территории, а как миграцию армянского населения из одного своего региона в другой.

Если по наблюдению того же Ал. Кананяна, вторжение грузинского этнического элемента (в основном, скотоводов) происходило с древнейших времен и этот процесс имел постоянный характер, значит, «грузинский элемент» там обосновался прочно, и если начиная с XI века там царствовали грузинские Багратионы, и они даже огрузинили «не столь малую часть населения этого края Армении», а следы армянской эпиграфики появляются только в XIV веке, то как он из этого делает вывод, что многовековое политическое владычество грузин не смогло поколебать этническое лицо «Джаввахка»? Или же если многовековое политическое владычество грузин, которое, по Ал. Кананяну, сменилось осман-

нским владычеством, в силу чего армянское население сильно сократилось, где же тогда место на такой политической картине для «Джавахака»? Разумеется, эта окраина Картли, или, по грузинским источникам, Верхняя Картли, в древности и в средние века всегда воспринималась как Джавахети, если не принимать в расчет несколько незначительных эпизодов армянского завоевания. Что касается факторов, названных Ал. Кананяном в связи с этногенезом, надо отметить, что так же, как во всей Юго-Восточной Грузии, в топонимах Джавахети заметны следы занского языка. Думают, что в названиях – Чобарети, Голоши, Дадеши, Орхопиа, Мирашхани, Корушети, Кварша, Бурнашети, Салошети, Арешти, Баралети, Джанджга, Орджа, Чунчха, Олдани, Олода, Эшти и во множестве других, сохранились древнейшие занские наименования. В археологических материалах также хорошо видны следы колхской бронзы, в Джавахети обнаружены бронзовые предметы, характерные как для западногрузинской, так и для восточногрузинской культуры¹⁷. Большая часть топонимов Джавахети, естественно, грузинская, хотя, как предполагает Д. Бердзенишвили, в покоряемое время от времени армянами Джавахети издавна могло быть и армянское население. Несмотря на это, продолжает грузинский ученый, в Джавахети не сохранились древние армянские надписи, таковыми здесь являются только грузинские¹⁸, что должно указывать на эпизодический и незначительный характер упомянутых завоеваний.

Таким образом, главнейшее открытие Ал. Кананяна, по поводу того, якобы «переселение в 1830 году армянского населения в Джавахети мы должны рассматривать не как «колонизацию» грузинской территории, а как миграцию армянского населения из одного своего региона в другой», лишено научного и исторического обоснования.

Разумеется, вполне допустимо, а иногда – и необходимо,

¹⁷См. Д. Бердзенишвили. Очерки из исторической географии Грузии. Тбилиси, 1985, с. 125 (на груз. языке).

¹⁸См. Д. Бердзенишвили. Очерки ... с. 126 (на груз. языке).

вести спор о научных проблемах и даже политических вопросах, но только достойно, честно, объективно, с привлечением аргументов и документальных материалов. А когда вместо этого претендующий на звание ученого человек прибегает к клевете, и таких великих ученых, подлинных эталонов научной добросовестности и принципиальности, какими были Иванэ Джавахишвили и Нико Бердзенишвили, упоминает пренебрежительно, в уничижительном тоне, то он в первую очередь роняет собственное достоинство. Очевидно, что Ал. Кананян действительно не читал «Археологических дневников» Н. Бердзенишвили (так армянский автор называет отчетный доклад экспедиции 1933 года в Джавахети), и опирается на устную передачу, ибо ничего антиармянского он там не мог бы обнаружить. В этих «Дневниках» речь идет о тех больших трудностях и препятствиях, которые создавали работе экспедиции недоверие к грузинам, посеянное в армянском населении Джавахети. Так было до Н. Бердзенишвили, и таким остается положение и сегодня¹⁹, – грузинские памятники материальной культуры и имеющиеся на них надписи целенаправленно и последовательно уничтожаются и сегодня. Это факт, и причиной этого не являются только время и природные стихии.

Ал. Кананян клянется, что оспаривается не вся Грузия, а только населенная армянами Джавахети (видимо, надеется за это на благодарность с нашей стороны) и в то же время потихоньку протягивает руки также и к Болнисскому, Дманисскому, Тетрицкаройскому, Марнеульскому районам сегодняшней Грузии. По его утверждению, то обстоятельство, что у Армении в течение многих веков отсутствовала государственность и некоторые области Северной Армении входили в состав наполовину самостоятельных грузинских политических образований, не дает Грузии право объявлять эти территории своей исторической принадлежностью – и продолжает – неисповедимы пути истории – поэтому, наверное, Джавахк, армянский образ которого заметно ослаб в средние века, в XIX веке вновь восстал как чисто армянский

¹⁹ См. «Артануджи», № 7, 1998, с. 32-34.

регион, в то время как северо-восточный Гугарк – Болнофор, Квешафор, Цобофор, Колбофор, Манглеацфор – практически населен тюркскими этническими элементами (как видно, и в этом он винит нас). Раз Ал. Кананян смотрит на грузинских ученых и их труды подозрительным взглядом, приведу воззрение известного армянского ученого Леона Меликсет-Бека на этноисторию Квемо (Нижней) Картли, названном армянами «Гугарком». Он тоже был патриотом Армении и поэтому в известной мере проявлял субъективное отношение при рассмотрении острых вопросов, но не настолько, чтобы явно отступить от совести ученого. Вот что писал заслуженный армянский исследователь о прошлом так называемого Гугарка: «Эта область если не в доисторическую эпоху, во всяком случае, в первые века до Р. Х., как выясняется из кратких сведений Страбона, и вдобавок сама топонимика области это подтверждает, была местом обитания родственных иберам (верам) или картвелам племен»²⁰. Сегодня ученым известно, что названием этого древнегрузинского племени было «гогары», откуда и возникло название их места расселения – греческое «Гогарене» и армянское «Гугарк». Это название до последнего времени сохранялось за селением «Гогарани» в верховьях реки Дебеда-чая, которое переделали на «Гугарк»²¹. Древнегрузинская провинция Гугарети (армянск. «Гугарк») после II в. до Р.Х. раз пять переходила из рук в руки при пограничных спорах между Иверией и Арменией, пока со второй половины IV в. окончательно не присоединилась к Картли. По свидетельству армянских же источников, коренное население «Гугарка», было грузинским²².

В последнее время умножение в армянской историографии

²⁰ Л. Меликсет-Бек, «Армянские наставники северных краев» и их личности, Тбилиси, 1928, с. 22 (на груз. языке).

²¹ Д. Л. Мухелишвили. Из исторической географии Восточной Грузии, Тбилиси, 1982, сс. 11-15.

²² Там же, сс. 6-15, а также Д. Бердзенишвили. Очерки из исторической географии Грузии, Квемо Картли. Часть I, Тбилиси, 1979, с. 21-23 (на груз. языке).

низкосортных, далеких от науки трудов, вызвало возмущение и нашего постоянного оппонента г-на П. Мурадяна и после того, как на издание серии буклетов об армянских исторических поселениях и карты-справочника С. Карапетяна грузинская общественность ответила острой реакцией, он тоже присоединился к критике незрелого автора. В выходящей в Ереване газете «Хзор Хайреник» была опубликована его статья под названием «На перекрестке совести и долга», которую в последствии Русудан Чубабриа и Бондо Купатадзе перевели на грузинский и опубликовали в газете «Ахали эпока» («Новая эпоха») от 27 апреля – 4 мая 2001 г.. Критика П. Мурадяна в основном направлена в адрес С. Карапетяна и сотрудников РАА, которые из-за недостатка знаний будто-то бы «нечаянно» фальсифицируют совершенно очевидные факты. Для иллюстрации он приводит довольно обильный и разоблачающий материал. О методе С. Карапетяна для определения этнокультурной принадлежности церквей П. Мурадян пишет: «Неясно, почему в противовес «армянским церквям» неармянские мы называем «православными», «церквями греческого обряда» (Абули, Азаврети, Аластани, Бавра, Эхтила, Хорения и др.), когда это – грузинские церкви и так их и следует называть. Как мог бы назвать армянский читатель работу, где «армянская церковь» была бы заменена термином «монофизитская» или «якобито-сирийского обряда»? Каждый народ заслуживает свое творение и незнание этого никому не прощается». П. Мурадян вынужден прочитать лекцию С. Карапетяну и напомнить элементарную истину, что внимание ученого должны привлекать памятники историко-культурного значения, а не любое строение. «Допустим условно, – продолжает г-н Мурадян, – что в Грузии действительно есть 650 армянских церквей, как в этом убежден С. Карапетян, но сколько из них представляют историко-культурную ценность и достойны внимания? В Джавахети, например, среди десятков построенных после переселения каринских армян культовых сооружений я выделил бы церкви в селениях Аракова и Гандза. Остальные в основном построены во

второй половине XIX века или превращены в молельни, какие есть везде, в том числе и в Армении, и вовсе не являются предметом изучения».

Искусственным и неоправданным считает П. Мурадян прием, использованный С. Карапетяном для различения грузинских и армянских церквей. По его словам, армяне совершают свое богослужение в Кельне, в церкви, арендованной у протестантов за символическую плату. Разве это дает нам право с историко-культурной точки зрения объявить эту церковь в Кельне армянской? – спрашивает г-н П. Мурадян, и сам же дает ответ на поставленный вопрос: «Разумеется, нет». В таком случае, по какому научному и моральному праву вносим, например, находящуюся в селе Хоспия (X-XIII вв.) «церковь греческого обряда» в список армянских церквей? Только лишь потому что, после 1829 года ее освятили во имя Двенадцати апостолов как «церковь армянского обряда»? Прежде всего отмечу, что эта церковь не «греческого обряда», а грузинская, каких множество в Джавахети. Во-вторых, как случилось, что построенное грузинами и служившее им в течение 7 – 8 веков, вплоть до соглашения 1829 года, здание перестало принадлежать своему истинному владельцу? Разве десятки лет назад превращенные в исламские молельни многие армянские церкви теперь уже не являются армянскими? Разве константинопольский храм Айа София в настоящее время уже не является памятником византийского зодчества? После привлечения других, не менее впечатляющих примеров подобного искажения истины, г-н П. Мурадян делает вывод: пренебрежение этноконфессиональным прошлым и окрещение грузинских церквей армянскими вовсе не подобает нашей культуре и истории, и не имеет ничего общего с наукой. На сей раз мы можем только приветствовать абсолютно правильную во всех отношениях позицию г-на П. Мурадяна: армянская культура достаточно богата, и поистине не нуждается в «помощи» С. Карапетяна и ему подобных.

Безусловно, новый подход г-на П. Мурадяна к грузино-армянским культурно-историческим взаимосвязям следует воспри-

нимать как приятное новшество, так как значительная часть его трудов, пользуясь его же выражением, как раз всегда была направлена к «расширению собственных владений за счет соседа и присвоению плодов его виноградника», но в отличие от С. Карапетяна, он действовал со знанием дела и, главное, – с соблюдением научного такта. Причину теперешней перемены в г-не П. Мурадяне, думаю, не так трудно угадать. В течение десятков лет, подобные его усилия, (разумеется, при содействии других его коллег), породили С. Карапетянов, Ал. Кананянов, С. Мамуловых и им подобных, чья откровенная агрессия и примитивизм, особенно в последнее время, приобрели курьезный характер. Возмущенный этим «учитель» старается сейчас исправить положение и призывает распоясавшихся учеников и теперешних своих молодых коллег вернуться «в русло академизма».

Несмотря на такое «перевоплощение», в указанной статье г-н П. Мурадян все же дал повод для упрека. Кому, кому, но прекрасному знатоку грузинской литературы не приличествует поминать в недоброжелательном аспекте великого грузинского писателя и общественного деятеля Илью Чавчавадзе (между прочим, признанного отцом нации и причисленного Церковью к лику святых).

И хотя нашему оппоненту Илья Чавчавадзе не по душе, я все же осмелюсь напомнить ему несколько строк из его творчества: «Мы хорошо знаем, что бессилие прежней Грузии началось в тот злополучный день, когда пала ниц Армения – это наше давнее заграждение с Юга. Мы защищали Армению с Севера, а Армения нас охраняла с Юга. Пока Армения сохраняла государственность, для нападения на Грузию мусульмане (татары) должны были сперва преодолеть ее границы. Поэтому наши великие цари и государственные мужи ни перед чем не останавливались, чтобы незамедлительно оказать помощь Армении, когда в этом возникала нужда»²³. Так убежденно проповедывал великий Илья

²³ Илья Чавчавадзе. Избранные сочинения, т. 5, Тбилиси, 1987, с. 110 (На груз. языке).

об исторической необходимости взаимопомощи и сотрудничества грузин и армян, в то время когда под влиянием и при подстрекательстве внешних сил, или по другим каким-то причинам, некоторая часть армянской интеллигенции разжигала антигрузинскую пропаганду в самой Грузии, оспаривая историческое прошлое Грузии и ее территориальную целостность. Благодаря мудрости Ильи Чавчавадзе подобный, безусловно предсудительный, настрой этой части правящей бюрократии и ученой интеллигенции не передался большей части армянского населения.

Примечательно, что в этой статье критики г-на П. Мурадяна не избежали и грузинские историки. Он особенно раздражен выходом в свет монографии Бондо Арвеладзе (на русском языке), где сказано, что армянская надпись в мцхетском Джвари «нацарапана», «носит (имеет) случайный характер», неравноценна грузинской надписи и нельзя ее признавать ктиторской надписью. Единственная неточность, допущенная Б. Арвеладзе – это то, что местом расположения армянской надписи вместо постамента он называет «цоколь»²⁴. Шумом, поднятым по поводу этой незначительной мелкой ошибки, г-н П. Мурадян пытается перекрыть основную часть вопроса, и для этого ссылается даже на Г. Чубинашвили, хотя у последнего ничего в его пользу не сказано. В своем исследовании «Памятники типа Джвари», г-н Георгий Чубинашвили пишет: «На задней широкой грани сверху (речь идет о постаменте мцхетского Джвари – Г. М.) имеются три строки армянской надписи (?) или граффити, очень неясно резаной»²⁵ (с. 83). Как видим, из-за блеклости и неясности армянской «надписи», он ставит ее под вопрос и больше склоняется скорее к граффити. А на опубликованных фотографиях (с. 31) настолько очевидна разница между грузинской надписью на постаменте мцхетского Джвари и рядом с ней – на грани, бледно высеченной армянской надписью, что даже неспециалисту совершенно понятно, хотя бы

²⁴ Бондо Арвеладзе. «Армянские» или грузинские церкви в Грузии?!, Тбилиси, 1996, с. 4- 5.

²⁵ Георгий Чубинашвили. «Памятники типа Джвари», Тбилиси, 1948, с. 83.

графически, их неравное значение. Видимо, поэтому, автор исследования на этот раз уже без колебаний причисляет эту армянскую «надпись» к разряду граффити. А в квалификации и научной добросовестности Г. Чубинашвили, я думаю, не сомневается и сам П. Мурадян. Так что если Бондо Арвеладзе называет армянскую «надпись» на постаменте мцхетского Джвари «нацарапанной», то это вовсе не является его «проступком». Он опирается на мнение авторитетных специалистов и только. А что касается обвинения, высказанного в статье П. Мурадяна в мой адрес, о том, что якобы я с националистических позиций рассматриваю вопросы, связанные с живущими в Грузии армянами, то пусть это будет на его совести. И еще одно, не думаю, чтобы менторский тон этой статьи прибавлял бы достоинства ее автору.

Среди созданных в последнее время несерьезных работ о грузино-армянских исторических взаимоотношениях оригинальностью жанра выделяются две книги Сергея Мамулова с одинаковым заглавием «Армяне в Грузии». Первая издана в Москве в 1995 году тиражом в 5000 экз., вторая (всего 800 экз.) там же в 2002 году.

Защищая известную тенденцию об особом историко-культурном преимуществе армян на Кавказе, С. Мамулов всеми силами старается обрисовать читателю всю Грузию Арменией. Показателем уровня его компетентности для решения столь значительной проблемы, думаю, пригодится изданное в Москве в 1993 году большим тиражом (20 000 экз.) его же сочинение «Удивительные люди из страны чудес (Армения и армяне – уникальный феномен цивилизованного мира)». Приведу всего несколько характерных строк из этого сочинения и дальше пусть читатель судит, насколько подвластно его автору научное суждение на серьезные вопросы... При перечислении достоинств Армении и армянского народа он пишет: «Армения это колыбель человечества... Адам и Ева жили в раю, который находился на Армянском Нагорье»²⁶ (с. 24),

²⁶ Мамулов С. С. Армяне в Грузии, Москва, 1995, с. 24.

«По преданию, Адам и Ной говорили по-армянски»²⁷ (с. 18). «Армения и армянский народ – это палитра красноречивых фактов, которая в большей степени выявляет все первейшее, лучшее, неповторимое; Армения является родиной пшеницы, виноградной лозы, абрикоса, пива и т. д.»²⁸ (с. 24-25). «Армения единственная страна в мире, где никогда не существовало каст, рабов, крепостных»²⁹ (с. 27). «Самое разрушительное землетрясение в XX веке также было в Армении в 1988 году»³⁰ (с. 29). Неужели и это следует приписать достоинствам армянского народа? И еще, «армяне занимали первое место среди государственных деятелей Вавилона и Египта, арабские халифы Багдада и Марокко очень многие страны завоевали руками армян»³¹ (с. 36). «Македонская, или армянская династия несколько веков стояла во главе государства в Византийской империи. На тамошнем троне сидело не менее 15 армянских императоров и армянский наряду с греческим был государственным языком»³² (с. 37). И т. д. и т. п. После этого читатель, вряд ли должен удивляться тому, что при изложении истории армянского населения Грузии С. Мамулов придает значение источника доведенным почти до анекдотичной формы рассказам и устаревшей, крайне тенденциозной литературе³³, благодаря чему просветительница грузин св. Нино в его книге (имеется в виду издание 1995 года) превратилась в одну из армянских святых³⁴. А мы-то думали, что св. Нино была грекоязычной каппадокийской римлянкой, как об этом свидетельствуют

²⁷ Там же, с. 18.

²⁸ Мамулов С. С. Армяне в Грузии, Москва, 1995, с. 24-25.

²⁹ там же, с. 27.

³⁰ там же, с. 29.

³¹ там же, с. 36.

³² там же, с. 37.

³³ Подробнее об этом см. мою рецензию «Несколько замечаний о книге Серго Мамулова «Армяне в Грузии» в газете «7 дней» от 24-26 июля 1998 г.

³⁴ Там же.

грузинские и иностранные источники³⁵, которая, видимо, знала и армянский язык.

Его же, т. е. С. Мамулова усилиями, царица Гванца, – дочь эристава Рачи Кахаберисдзе и супруга царя Давида Улу перевоплотилась в армянку Вартуш. Илью Чавчавадзе он также превратил в армянина наполовину, так как мать Ильи Мариам Бебуришвили объявил армянкой Бебурян, и разумеется, все это – без каких-либо оснований. Как видно, и на сей раз опираясь на сплетни, распространенные в некоторых кругах. Однако при этом достоверно известно, что Бебуришвили были кахетинские князья. Эта фамилия происходит от грузинского собственного имени Бебури, довольно широко распространенного в средневековой Грузии. Еще в XIV веке базиертухуцеси (сокольничего) кахетинского царя Александра звали Бебури³⁶. Это имя часто встречалось в княжеском роду Вачнадзе. Так называется в настоящее время одно из сел Лагодехского района. От этого имени происходят фамилии Бебуришвили, Бебуриа, Бебуридзе³⁷. Понятно, что чужой антропоним не смог бы так глубоко укорениться в грузинской ономастике и не смог бы так широко охватить все его сферы.

В книге немало и других случаев арменизации грузинских деятелей и исторических лиц безо всякой документированности и изучения, почему и видно, что автор тщится представить Восточную Грузию, по его же собственному выражению, поприщем «армянского духа» и творчества, и тем самым превратить историю Грузии позднего средневековья в часть истории Армении. Согласно утверждению автора, в Грузии с особой силой и наиболее полно раскрылся и выявился многосторонний талант армянского народа, а армянский национальный дух, прирожденная сообразительность и огромный творческий дар именно здесь нашли

³⁵ Картлис Цховреба, 1, сс. 72-93.

³⁶ Памятники грузинского права», II, Тбилиси, 1965, с. 196. (На груз. языке).

³⁷ Илья Маисурадзе, Грузинские имена и фамилии, Тбилиси, 1981, с. 35. (На груз. языке).

наиболее благоприятную почву для своего развития³⁸. Но взор автора все же блуждает вокруг Тбилиси, поскольку по его же заявлению: «Тбилиси долго был местом выражения армянского духа»³⁹. Заострение внимания на «армянском духе» и «армянской крови» в работе встречается многократно и попыткам доказательства его проявления посвящена большая часть книги. Помимо того, что в большинстве случаев такие поиски лишены реального основания, они резко расходятся с современным пониманием общечеловеческих ценностей и на их фоне могут вызывать лишь улыбку. Характерный для книги дилетантизм сослужил дурную службу заявленным автором во вступительной части благородным целям. Поверхностная интерпретация фактов и преувеличение их значения делает сомнительным в глазах читателя вклад армянского населения Грузии перед страной.

Своеобразную попытку улучшения и «облагораживания» собственного творения предпринял С. Мамулов во второй книге с тем же заголовком, которую он называет заключительной частью, хотя по объему она на 170 страниц превосходит первую. А улучшение выразилось в том, что здесь не только сохранена, но даже развита та нездоровая тенденция, которая так была характерна для первой книги. И здесь тоже отдельный параграф отводится общему обзору истории Грузии средних веков, хотя этот обзор ограничивается XII-XIII веками и полностью выстроен на основе научно-популярных статей С. Еремяна. «Творчески осмысливая» положения авторитетного ученого, автор попутно допускает грубые ошибки. По утверждению С. Мамулова, на стыке XII-XIII веков Грузинское государство имело федеративное устройство. Оно состояло из «семи царств», в числе которых была и Северная Армения. По его словам, даже по мнению Иванэ Джавахишвили Грузинское государство той эпохи было в основном объединением двух народов – грузин и армян и носило характер грузино-ар-

³⁸ Мамулов С. С. Армяне в Грузии, Москва, 1995, с. 229. Указ. соч., с. 5.

³⁹ Там же, с. 16.

мянского федеративного государства⁴⁰. На что опирается С. Мамулов, ссылаясь на эту справку, непонятно, так как Иванэ Джавахишвили ни в одном из своих трудов не высказывал подобного соображения. С. Мамулов не отрицает, что Грузия в это время была централизованной феодальной монархией и армянский народ кровно был заинтересован в ее дальнейшем усилении⁴¹, однако он не считается с тем, насколько могла сочетаться централизованность государства с его федеративным устройством. По его же мнению, и титулатура грузинских царей (Царь абхазов и картвелов, ранов, кахов и армян, шарванша и шаханша...) лишний раз подтверждает федеративный характер содержащего семь царств средневекового Грузинского государства. Такой вывод принципиально противоречит политической структуре централизованной грузинской феодальной монархии. Власть царя Грузии в подвластных ему вышеперечисленных странах, в том числе и в Армении, опиралась на державность, а не на вассальные отношения, из-за чего упоминание их «царствами» является лишь символическим и отзвуком прошлого. Грузинские источники того времени поясняли, что эти «царства» были ни чем иным, как «семью общинами» Восточной и Западной Грузии (Амер-Имери), составными частями собственно Грузии. Вспомним хотя бы слова Давида Строителя (Агмашенебели) о средствах создания великой грузинской централизованной феодальной монархии: «Лукаво преступил пределы и приложил дом к дому и поле к полю, и у слабейших исхитил долю их, и стремился к совершенному бесседию, как бы да одному мне житьствовать на земле»⁴². Эта самодержавная природа царской власти полностью была сохранена и при царице Тамар и ее преемниках.

⁴⁰ Мамулов С. С. Армяне в Грузии, Москва, 2000, с. 10.

⁴¹ Там же, сс. 11-15.

⁴² Давид Строитель. Канон покаянный, Хрестоматия древнегрузинской литературы, 1, Сост. Сол. Кубанейшвили, Тбилиси, 1946, с. 375 (на груз. языке) (В русском переводе протоиерея Иосифа Зетеишвили. журн. «Символ» (Париж), № 41, июль 1999, с. 347.

Для убеждения читателя в автономности армянской части централизованной грузинской феодальной монархии С. Мамулов прибегает к проверенному способу и повторяет легенды своих предшественников об армянском происхождении рода Мхаргрдзели, преувеличивая при этом значение их деятельности. Об этих вопросах уже достаточно было сказано и на сей раз не вижу смысла в возврате к ним. Также без комментариев оставляю проявленное С. Мамуловым увлечение арменизацией исторических лиц, поскольку в этом он повторяет других, по поводу которых наше отношение мы уже выразили.

Говоря об общем происхождении грузинских и армянских Багратидов, С. Мамулов особо подчеркивает, что этот влиятельный аристократический род Армении впоследствии появился и в Грузии, – как будто они сначала царствовали в Армении, а потом продолжили в Грузии, в то время как, по его же сообщению, их царствование в этих странах (каждой из ветвей в своей стране) началось примерно одновременно. Царствование армянских Багратидов началось в 886 г. и в 1044 г. прекратилось, а царствование грузинских Багратидов продлилось с 888 года по 1801 год. Хотя бы поэтому грузинские Багратионы не могут считаться продолжателями традиций государственной политики армянских Багратидов, что так усердно пытается доказать С. Мамулов⁴³. В централизованной грузинской феодальной монархии, в которую входил почти весь Кавказ, где доминировала грузинская социально-политическая система и грузинская феодальная культура, «собственно Грузинским царством» С. Мамулов признает лишь одну небольшую часть Восточной Грузии, которой дает совершенно неподходящее и непонятное для этого времени (XII-XIII вв.) название «Картли-Кахетское царство», где к тому же под покровительством правящей династии якобы господствовало армянское население. Получается, что даже и эта, признанная С. Мамуловым «собственно Грузинским царством» страна также не была грузинской!

⁴³ Мамулов С. С. Армяне в Грузии, Москва, 2000, сс. 21-22.

Излагая историю XIX и первых десятилетий XX столетий, С. Мамулов, как и в первой книге, в основном опирается на устаревшую и тенденциозную литературу. Для создания видимости многочисленности армянского населения в грузинских городах обычно обращается к сомнительным сведениям, опубликованным в газете «Кавказ», в то время как по истории интересующих его городов (Гори, Телави, Сигнахи и др.) изданы научные исследования и монографии. В результате непрофессионального подхода, в его сочинении встречаем заметное количество фактических ошибок. Например, опираясь на газету «Кавказ» (1867, № 89), С. Мамулов сообщает нам, что, оказывается, Телави основал в 1010 году Квирике III, в действительности же г. Телави был известен еще авторам античного периода. Просто, царь Кахети и Эрети Квирике перенес престол в Телави. С. Мамулов там же допускает другую грубую ошибку (?), когда в скобках поясняет, будто Квирике был представителем армянской династии. Неправ он и тогда, когда утверждает, что якобы «в Ахалкалаки всегда превалировало армянское население»⁴⁴. До того как генерал Паскевич переселил в этот район 30 тысяч армян из Эрзерума, грузинское население тут составляло 90 процентов.

Здесь, как и в первой книге, немалое место занимает явно вредоносная тенденция всеобщей безоговорочной арменизации сколько-нибудь известных лиц другой национальности. Определение национальной принадлежности по фамилии очень сложное дело, тем более в Грузии, где, по инерции, идущей из средневековья традиции, общественное мнение вплоть до XIX века, в основном, определяло этническую принадлежность по конфессиональной принадлежности, вдобавок, то же общественное мнение вкладывало в понятие «армянин» также и социальное содержание и следовательно, весь торгово-ремесленный люд целиком воспринимало как армян. Из-за сходства грузино-армянских параллельных форм, возникших из традиционно широко распространенных в Грузии восточных и библейских собственных имен (напри-

⁴⁴ Мамулов С. С. Москва, 2002, с. 53.

мер, Аслан-и-швили – Аслан-ян, Шагкул-а-швили – Шагкул-ян, Исака-дзе – Исаак-ян, Саак-а-дзе – Саак-а-швили – Саак-ян, Туман-и-швили – Туман-ян; также библейско-христианские Абрамишвили – Абрамян; Иакобашвили – Акопян; Азариашвили – Азарян; Петриашвили – Петросян; Павлиашвили – Погосян; Иванишвили – Овганесян; Маркозашвили – Маркосян; Лукашвили – Гукасян и множество других) без учета конкретных обстоятельств по этим фамилиям почти невозможно угадать национальную принадлежность. Поэтому-то без специального исследования отдельных фамилий нельзя установить ни происхождение фамилии, ни национальную принадлежность отдельной личности. А С. Мамулов без какого-либо усилия, одним махом приписывает армянское происхождение, в том числе деятелям, носящим фамилий, возникшие из безусловно грузинских собственных имен (например, Мамула-швили, Мама-сахлиси, Орбели и др.). Между прочим, корень-производитель обеих приведенных здесь фамилий «мама», является, наверное, одним из самых древних грузинских имен, из-за чего и лежит в основе множества грузинских имен и фамилий, в том числе и корнепроизводных: Мамулашвили, Мамулашвили, Мамулиа, Мамулидзе, Мамукадзе и др. А также у сложнокорневых имен: Мамасахлисашвили, Мамагулашвили, Мамиствалишвили и другие⁴⁵. Классик армянской историографии Николай Адонц признавал древность этого грузинского слова и предполагал, что это слово эпохи родового строя, которое также легло в основу возникновения известной фамилии Мамиконянов. По его же мнению, главная составляющая этой фамилии, коренное слово Мамик-Мамак ничто иное как арменизированная форма грузинского «мама» (отец)⁴⁶. Однако, С. Мамулов без всякого основания разом объявляет все переданные в русской форме грузинские и армянские фамилии армянскими. Увлеченный арменизацией всех более или менее значительных

⁴⁵ Илья Маисурадзе, Грузинские имена и фамилии, Тбилиси, 1981, сс. 100-101 (на груз. языке).

⁴⁶ Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, Ереван, 1971, сс. 402-403.

деятелей, С. Мамулов не способен объяснить, почему же многие «армяне», жившие в XIX веке, носили грузинские фамилии в то время, когда в условиях антигрузинской политики правительства ношение армянской фамилии было значительно более выгодным, чем грузинской.

В обеих книгах немало и других случаев непрофессионального, иногда примитивного подхода к вопросам. На все из них отвечать, наверное, и нет надобности. Думаю, и представленного выше, вполне достаточно, чтобы убедиться во вредоносном характере печальной тенденции.

Наконец, отметим еще несколько трудов, которые даже оставаясь на позициях «академизма», крайне тенденциозно освещают целый ряд вопросов грузино-армянских исторических взаимосвязей. Это отдельные статьи, посвященные термину «Армения», опубликованные в 3-м томе изданной в Москве в 2001 году «Православной Энциклопедии», и предлагающие читателю сведения о различных вопросах армянской истории. Первая статья начинается с историко-географического обзора страны, где среди исторических областей Армении названы две грузинские исторические провинции – Гугарети, или Квемо (Нижняя) Картли и Тао, конечно, в армянской форме этих топонимов («Гугарк» и «Тайк»). По разъяснению автора географического обзора, первая из них охватывает Бамбакские горы и северо-западные районы озера Севан, а вторая – реку Чорохи и ущелья ее притоков. Открывать полемику и приводить собственные аргументы в энциклопедической статье, может быть, и неуместно, но необходимо было хотя бы отметить, что кроме мнения армянской историографии об указанных исторических провинциях существует аргументированный противоположный ему взгляд.

При изложении политической истории Армении автор статьи искусственно увеличивает хронологические рамки существования возникшего в начале 80-х годов X века на территории Квемо Картли армянского Ташир-Дзорагетского царства, и определяет их с 979-го по 1256 год. Еще в 1065 году Баграт IV отоб-

рал Самшвилде у царя Ташир-Дзорагета, а страну подчинил под контроль своей власти, после чего, по выражению грузинского летописца, «рабствовали армяне»⁴⁷. Вскоре армянское царство Кюрикидов переходит в руки турок-сельджуков. В 1110 году Давид Строитель отбирает у турок Самшвилде, а в 1118 году города-крепости Лоре и Агарани, чем завершает-таки присоединение Квемо Картли. Таким образом, принимая во внимание датировку более надежного и достоверного источника – Мхитара Айриванеци, – создатель упомянутого царства, первый Кюрикидов, воцарился в 981 году, но в таком случае оно (т.е. царство) просуществовало не 277 лет, как считает автор статьи (1256-979=277), а 137 лет (1118-981=137), т.е. на целых 140 лет меньше, тем более, что с наступлением «Великой туретчины» (с 1080 г.) власть Кюрикидов здесь представляется весьма сомнительной.

Вошедшие в состав Грузии XII-XIV вв. армянские области и их правителей грузинских чиновников Мхаргрдзели, авторы энциклопедической статьи, согласно традиции армянской историографии, рассматривают как армянские владения, находящиеся в составе могущественного в тот период Грузинского царства и имеющие «определенную самостоятельность», а род Мхаргрдзели как Захарянов. Однако при изложении фактов истории Армении поневоле проявляется постоянная и неразрывная, органическая связь так наз. «армянских владений Захаридов», или «северных районов Армении» с остальной Грузией, из-за чего ни для монголов, включивших в «Гурджистанский вилайет» всю Квемо Картли, ни для русских, присоединивших в 1801 году Восточную Грузию вместе с Лоре-Бамбаком и Шамшадином, не была спорной принадлежность этих территорий Грузии.

Мастерством искажения фактов в этом издании особо выделяется статья «Искусство армян-халкидонитов», автор которой, подобно своим предшественникам Н. Токарскому и Т. Марутяну, помещает грузинские храмы Тао (Ошки, Хахули, Ишхани, Бана, Пархали, «Отхта экклезиа» (церковь Четырех) и другие) в круг

⁴⁷ Картлис цховреба, I, с. 307 (на груз. языке).

армянских памятников. И для него главной опорой в этом деле служит универсальная формула этно-культурного большинства армян-халкидонитов в Квемо Картли, с помощью которой армянские авторы обычно легко решают любую культурно-политическую проблему грузино-армянских взаимоотношений. В свое время подобные попытки Н. Токарского и Т. Марутяна осуждали и обличали во лжи академики Симон Джанашиа и Вахтанг Беридзе. Последний напоминал Т. Марутяну, что тот мало внимания уделяет рассмотрению собственно архитектурно-художественных особенностей, то есть проникновению в суть памятников, в чем непосредственно проявляется их национальное своеобразие. Видно, автор энциклопедической статьи хорошо запомнил это замечание грузинского искусствоведа и в противовес этому, особенности стиля и росписи грузинских памятников в Тао и Квемо Картли, которые он посчитал плодами творчества армян-халкидонитов, лицемерно объяснил связью с грузинским искусством и его влиянием. Кроме этого, он расширил поле строительной деятельности армян-халкидонитов, приписав им строительство Петрицонского монастыря и объявив принадлежащей им также и седьмой церкви Саберееби в монастырском комплексе Давид-Гареджи и т. д.⁴⁸. Знаменательно, что подобные предположения и умозаключения делаются при обстоятельствах, когда в Тао-Кларджети в названных памятниках имеется множество высеченных грузинских надписей, с конкретным указанием грузинских ктиторов, зодчих, руководителей строительства (например, грузинские цари и владетельные князья: царь картвелов Адарнасе II, Баграт эриставт-эристави, Давид магистр и впоследствии прославленный правитель Тао Давид Великий куропалат, зодчий Иванэ Морчаисдзе в Ишхани, Григол Ошкели и др.). В таком контексте невольно вспоминается справедливая критика со стороны П. Мурадяна относительно нескольких конкретных случаев пренебрежения источниками и с помощью этого искажения истории, которые он привел в споре с Самвелом Карапетяном в

⁴⁸ Православная Энциклопедия., т. 3, с. 316.

своей статье «На перекрестке совести и долга». По его словам, есть случаи, когда в надписях, имеющихся на стенах памятника, указаны дата и личность ктитора, тогда как Карапетян тщится предполагать какие-то века и выдвигать гипотезы. В качестве примера он приводит надпись на воздвигнутой в центре селения Гртила церкви, где сказано: «Исполнено супругой Липарита Квешели и дочерью Тмогвели Русудан, господи помилуй. Хр. 528 (1308 г.). Чорманис-дзе Иоанэ господи помилуй». По справедливому замечанию П. Мурадяна, дочь Тмогвских князей и супруга правителя Квешели Липарита, разумеется, возвела бы грузинскую церковь. Если авторы энциклопедических статей отнеслись бы к рассмотрению вопросов подобным же образом, то вероятно, и мы не имели бы к ним никаких претензий.

Заявление П. Мурадяна в связи с критикой Самвела Карапетяна о том, что «искажение прошлого не приличествует нашей культуре и истории и с наукой не имеет ничего общего», - совершенно своевременный и востребованный призыв не только для защиты достоинства армянской историографии, но и для нормального и объективного развития на Кавказе исторической мысли, свободной от таких тенденций, как чрезмерная идеализация прошлого и идея «национальной исключительности». Рождение таких настроений, хотя бы в зачаточном состоянии, само по себе положительное явление и внушает надежду на большее взаимопонимание между соседями-историографами.

Великий Иванэ Джавахишвили, еще будучи студентом 3-го курса Петербургского университета, писал: «Древним эпохам и древним людям можно простить сочинение легенд, но мы, со своей стороны, обязаны отличать легенды от исторической истины»⁴⁹. Очевидно, что из поддельных фактов можно получить только ошибочные выводы. Оттого и необходимо, чтобы каждый народ знал свою «правдивую, истинную историю, а не сочинен-

⁴⁹ Серго Джорбенадзе, Жизнь и подвиг Иванэ Джавахишвили, Тбилиси, 1981, с. 43 (На груз. языке).

ную, фальшивую»⁵⁰. Только в случае соблюдения этого принципа историография может принести пользу народу, которому она служит.

«Из истории грузино-армянских отношений», 2008

Перевод: Л. Дуларидзе, Л. Микиашвили

Гурам Майсурадзе

**О статусе Армении в составе Грузинской
средневековой централизованной монархии (XII-XIV вв.)**

*«Лукаво преступил пределы и приложил
дом к дому и поле к полю, и у слабейших исхи-
тил долю их, и стремился к совершенному
бессоседию, как бы да одному мне житель-
ствовать на земле»*

Св.царь Давид Строитель. «Канон покаянный»

Свидетельство великого деятеля рассматриваемой эпохи о самодержавной природе его царской власти, которая сохранялась и во времена царицы Тамар и ее наследников, делает излишним суждения о политическом статусе Армении, вошедшей в состав Грузинской централизованной монархии, которые нередко можно встретить в армянской историографии. Но, поскольку в ряду общих проблем истории Грузии и Армении, к вопросу «статуса Армении» армянских историков привели попытки пересмотра этнического

⁵⁰ Иванэ Джавахишвили, Патриотизм и наука. Сочинения, т. XII, Тбилиси, с. 68 (На груз. языке).

происхождения Мхаргрдзели и преувеличенные оценки исторического значения их роли в Грузинском государстве, мы вынуждены, первым делом, рассмотреть историю этого славного рода.

Царевич Вахушти в списке древних грузинских князей называет Мхаргрдзели на девятом месте¹, и следовательно считает их принадлежащими истории грузинских феодальных родов. На основании данных грузинских и армянских источников, М. Броссе специально изучил историю рода Мхаргрдзели и связал их с общим прошлым самоотверженных деятелей и служителей Грузинского царства. При этом примечательно, что назвал этот род «Мхаргрдзелидзе». После этого долгое время воспроизводились данные и выводы М. Броссе. Вопрос о Мхаргрдзели не стоял перед грузинской и армянской историографией и в начале XX века, поскольку существующие источники и исследования делали совершенно явной принадлежность Мхаргрдзели, с культурно-исторической точки зрения, грузинскому миру и государственности.²

Лишь в 40-х гг. XX в., когда изыскания по поводу этнической принадлежности Мхаргрдзели в армянской историографии были положены в основу определения статуса Армении, вошедшей в состав Грузии, распространение высказанных по этому поводу соображений получило широкий характер и появились ненаучные утверждения, тогда и в грузинской историографии естественно возникла проблема Мхаргрдзели.

На развивавшиеся в тогдашней советской историографии негативные явления «исторического ликвидаторства» первым в 1947 г. откликнулся акад. С. Джанашиа своим известным научно-критическим исследованием «Об одном примере искажения исторической правды». Его поддержали И. Цинцадзе и В. Дондуа.

¹ Царевич Вахушти. Описание Грузинского царства, Картлис цховреба, т. IV. Текст установлен С. Каухчишвили по всем основным рукописям. Тбилиси, 1973, с. 27 (на груз. языке).

² Ш. Мехиа. Внутриполитическая обстановка и государственное устройство в Грузии в XII в. Тб., 1979, с. 186 (на груз. языке).

После опубликованной в 1953 г. критической рецензии В. Дондуа (см. «Мимомхилвели», № 3), вопроса о Мхаргрдзели из грузинских исследователей уже никто не касался. Лишь к началу 70-х годов, в ответ на искажение фактов и тенденциозной литературы, в нескольких газетных и журнальных статьях прозвучал голос протеста (Ш. Месхиа, М. Лордкипанидзе, А. Бакрадзе). А в 1979 г. вышла солидная работа Ш. Месхиа, в которой на основании скрупулезного и всестороннего рассмотрения исторических первоисточников, автор ответил на все главные вопросы, связанные с историей рода Мхаргрдзели. Эта работа и сегодня остается одной из основных опор в научном споре по указанному вопросу. А выдвижение новых аргументов и попытки модернизации старых концепций все продолжают.

Исследователи истории Закавказья с самого начала не связывали историю рода Мхаргрдзели с вопросом определения статуса Армении, вошедшей в состав единой феодальной Грузинской монархии. Исследования производились с целью установления генеалогии Мхаргрдзели, поскольку представители этого рода непосредственно олицетворяли собой высшую администрацию Грузинского царства в этой части исторической Армении. Многие представители старшего поколения армянских историков (М. Чамчян, М. Алишан, Е. Лалаян, Ас. Шахназарян и др.) не настаивали собственно на армянском происхождении рода Мхаргрдзели. Даже Яков Манандян, у которого, кажется, впервые встречаем термин «Захаряны», считал его курдским по происхождению.

Армянская историография 30-х гг. XX в. уделяет сравнительно меньше внимания выяснению происхождения Мхаргрдзели, нежели определению значения их деятельности в истории Армении, что естественно вызывало потребность во всестороннем изучении юридического или фактического политического положения находившейся под контролем Мхаргрдзели части Армении. Тем более, что своеобразное восприятие грузино-армянских взаимоотношений армянскими источниками XII-XIII веков, пронизанными ностальгией по государственной жизни, в значи-

тельной мере способствовало созданию желательной исторической картины в обход реального состояния.

Первым, кто увязал деятельность Мхаргрдзели с политическим статусом армянской части Грузии, был, по-видимому, известный историк Лео (Аракел Бабахаян). Подобный подход к проблеме он проявил в работе «История епархиальных духовных училищ Карабаха», изданной на армянском языке в Тбилиси в 1915 г., где высказано соображение о создании Мхаргрдзелами в северной Армении «сети княжеской федерации». По его словам, опиравшаяся на родственные взаимоотношения общность и связи спасалара Захария с сильным грузинским царством позволили ему занять всю Араратскую область с городом Ани (Аниси), а также – множество других армянских земель и тем «как бы возродить армянскую независимость в более широком в этом случае измерении, нежели в эпоху Багратуниев» (с. 45-46). Таким образом ясно, что отношения Мхаргрдзели и вверенной им для управления грузинской провинции с центральной властью Лео сводит к союзу Армении с Грузией.

Проф. Л. Меликсет-Бек, по понятным причинам (по роду своей деятельности он фактически одинаково принадлежал к обеим историографиям), выбирает между двумя точками зрения несколько половинчатую, компромиссную позицию. По его мнению, «в конце XII – в начале XIII вв., т. е. примерно в эпоху царствования Тamar и ее наследников, Мхаргрдзели были фактическими хозяевами всей Армении в целом и т. н. «северных краев» в частности. Во всяком случае, сами Мхаргрдзели считали себя наследниками армянских царей, хотя в действительности они были наместниками грузинских царей в «Северной Армении».¹ Леон Меликсет-Бек, с одной стороны, признает политическую гегемонию Грузии в Армении, а с другой стороны, чрезмерно преувеличивает возможности грузинских высокородных сановников в присоединенной стране. Впоследствии эту точку зрения не раз-

¹ Л. Меликсет-Бек. «Армянские наставники северных краев» и их личности. Тбилиси, 1928, с. 39 (на груз. языке).

деляла ни одна из спорящих сторон.

Наиболее четко, по сравнению с предшественниками, выразил свою позицию один из самых авторитетных представителей армянской историографии Я. Манандян, когда в своем трехтомном «Критическом обзоре истории армянского народа» главу, специально посвященную Мхаргрдзели, назвал «Восстановление Армении под суверенитетом Грузии». В данной главе получила дальнейшее развитие ранее, в 1930 г., им же высказанная мысль о том, что в эпоху царицы Тамар «...почти вся Армения была покорена ее полководцами Захарией и Иванэ Мхаргрдзели и под властью этого нового княжеского рода феодальная Армения была вновь восстановлена как вассальная область Грузии».¹

Думается, все-таки, что решающее влияние на формирование армянского взгляда на происхождение и роль Мхаргрдзели в истории Грузии и Армении оказали труды Сурена Еремяна. Свой взгляд на вопрос С. Еремян представил еще в изданном в 1944 г. научно-популярном очерке «Амирспасалар Захария Эркайнабазук». Свое отношение к происхождению Мхаргрдзели автор высказывает уже в заглавии, когда переводит на армянский грузинское родовое имя и тем самым придает вельможе грузинского царя облик армянского властителя. Выдвинутые в этом очерке основные положения позднее он повторил в более обобщенном виде и в других работах, в том числе, изданных в Ереване в 1951 г. учебных пособиях. А в отдельных статьях в закавказских и всесоюзных изданиях развил еще более радикально.²

¹ Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. М., 1930, сс. 177-178.

² Помимо указанного, см. его же: Агарцинская надпись 1184 г.: Сборник в честь акад. И. А. Орбели, 1965; Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам. Научные труды ЕГУ, XXIII, 1946; Армения в IX – первой четверти XIII в. Очерки истории СССР, период феодализма, IX-XV вв., I, М., 1959; История армянского народа, Ереван, 1951; Основные проблемы периодизации истории народов Закавказья, Сборник, Труды объединенной научной сессии по общественным наукам, Баку, 1957.

Обойдя стороной сведения армянских же историков – Киракоса Гандзакечи и Вардана о курдском происхождении Мхаргрдзели, С. Еремян, не указывая источников, заявляет, что их фамилия – Захарян и происходит она от имени вассала амирспасалара царя Давида Строителя и правителя Ташир-Дзорагета Иванэ Орбели – Захарии старшего, владельца Хожорны. Исходя из этого, он считает армянскими и другие ответвления рода Мхаргрдзели, в частности, Гагели и Тмогвели. Подобным этническим преобразованием Мхаргрдзели и безмерным преувеличением политического значения их деятельности в грузинской и армянской истории автор постепенно подготавливает читателя к убеждению в возможности особого статуса армянской части Грузии.

По утверждению С. Еремяна, амирспасалар царицы Тамар Захария заправлял не только внутренними военными делами, но от имени Тамар проводил и внешнюю политику, одним словом, был фактическим правителем царства. Более того, Тамар якобы оказалась под властью всесильных братьев – Захарии и Иванэ «Долгоруких» (т. е. Мхаргрдзели). Основываясь на подобных утверждениях, автор думает убедить читателя в достоверности своего основного положения, согласно которому армянские территории, вошедшие в состав Грузии в XII в., оказались в руках «Захарянов» и были настолько независимы от центральных властей, что грузинские цари даже не собирали с этих территорий податей. При этом автор обходит молчанием сведения грузинских источников, ничего не говорит о том, на каких условиях владения были отданы эти земли Мхаргрдзели.

При обсуждении политической роли Мхаргрдзели и статуса северной Армении в армянской историографии прослеживается примечательная особенность: отсутствие четко сформулированной единой точки зрения по этому вопросу. *Idée fixe* «независимости» претерпевает качественные изменения от работы к работе и от автора к автору. То же самое наблюдается и в работах С. Еремяна. В 1951 г. он писал: «Освобожденные Грузией при активном участии армян территории вошли в состав Грузинского государства,

пользуясь полным внутренним самоуправлением и налоговым иммунитетом»¹. А два года спустя, он превратил эти армянские провинции Грузии в вассальные государства, а Мхаргрдзели, кроме налогового, приписал и судебный иммунитет и объявил их «наследственными верховными правителями» этого края. Таким образом сформировалась, по его мнению, целая сеть вассальных армянских княжеств Грузии, у истоков которых стояли т. н. Захаряны. К сожалению, эволюцию своих взглядов он (С. Еремян) не подкрепил новыми материалами или исследованиями. А в изданной в 1957 г. работе он писал: «В Закавказье в XII в. устанавливается период политической гегемонии феодальной Грузии, с которой была объединена Северная Армения»². Несмотря на неясность высказывания, думаем, эта точка зрения в определенной мере противоречит прежним постулатам автора.

Так называемую «независимость» армянских провинций, вошедших в состав Грузии, возводят на значительно более высокий уровень А. Арутюнян и С. Погосян в школьных учебниках истории. Армения здесь не является ни составной частью Грузинского государства, ни его вассалом. По утверждению А. Арутюняна, роль Грузии была ограничена лишь поддержкой восстановления политического существования Армении. Подчинение «Армении Захаридов» Грузии было номинальным и выражалось только в обязательстве в случае необходимости выделять вспомогательное войско и бороться против внешних врагов Грузии. Эта точка зрения воспроизводится и в книге Н. Токарского.

Вопрос о Мхаргрдзели и связанная с ним проблема статуса «Северной Армении» более или менее исчерпывающе рассматривается в изданной в 1964 и 1969 гг. на армянском и русском языках книге Л. Бабаяна «Социально-экономическая и полити-

¹ С. Еремян. История армянского народа, Ереван, 1951, сс. 159-165.

² С. Еремян. Основные проблемы периодизации истории народов Закавказья, в сб.: Труды объединенной научной сессии по общественным наукам, Баку, 1957, сс. 103-105.

ческая история Армении в XIII-XIV вв.». Непосредственно рассматриваемому вопросу в книге посвящены две главы, но разговор на эту тему продолжается местами и в последующих главах. Автор пытается подкрепить свою мысль новыми аргументами, сведениями из грузинских источников и мнениями, высказанными некоторыми грузинскими историками.

В отличие от своих предшественников, Л. Бабаян предлагает иную редакцию возникновения «Захаридской Армении». По его словам, во время «наместничества» (автор в данном случае путает «порубежничество» с «наместничеством») Мхаргрдзели якобы объединили армянские феодальные силы и создали армянские военные подразделения в системе грузинской армии, что, как оказывается, определялось их собственными большими политическими планами. А согласно этим планам, они должны были при покровительстве Грузии и непосредственном участии ее вооруженных сил освободить территорию Армении от турок-сельджуков и восстановить ее политическую независимость, добиться централизации феодальных сил Армении и создать автономное Армянское государство, которое находилось бы в вассальной зависимости от Грузинского царства.¹ Двадцатипятилетняя борьба Захарянов ради воплощения этих планов, – по заявлению Бабаяна, – увенчалась успехом: Северная и Центральная Армения была освобождена и, кроме г. Кари и прилегающих к нему земель, была передана Захарянам. На основании некоторых неправильно или намеренно в желательном смысле понятых сведений Второго историка Тамары, Бабаян заключает, что переданные «Захаридам» земли современники уже не считали грузинскими и рассматривали их только как независимые владения «Захаридов». При этом Л. Бабаян пытается представить существующее положение дел таким образом, якобы не Мхаргрдзели были на службе у Грузинского царства, а напротив, вооруженные силы Грузинского царства служили их политическим интересам.

¹ Л. О. Бабаян. Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII-XIV веках. Москва, 1969.

Такова поистине уникальная теория Л. Бабаяна о восстановлении Армянского государства при содействии и в рамках Грузии¹.

Перечисленным здесь положениям, выдвинутым в армянской историографии относительно Мхаргрдзели и связанного с ними статуса «Северной Армении», Ш. Месхиа в уже упомянутой работе, изданной в 1979 г., противопоставил следующие аргументы:

1. Согласно почти всем исследователям истории Армении и Грузии (М. Чамчян, М. Броссе, А. Эрицов, Е. Лалаян, Г. Ачарян, Я. Манандян, И. Орбели, В. Аллен, В. Минорский, Ив. Джавахишвили, С. Джанашиа и др.), сведения Киракоса и Вардана о курдском происхождении предков Мхаргрдзели отражают вполне реальную ситуацию, верность сведений армянских историков XIII в. в данном случае не вызывает сомнений.

2. Грузинские нарративные источники, данные армянской и грузинской эпиграфики единогласно указывают, что Мхаргрдзели было фамильным именем, а не личным прозвищем. Ясно, что в противном случае, прозвище Саргиса амирспасалара не перешло бы на его сыновей и внуков, а тем более, на представителей другой ветви Мхаргрдзели, на потомков Варама, подобно тому, как личное прозвище Андрея Боголюбского не перешло на его сына Юрия (Георгия) – супруга царицы Тамар, или Георгия Блистательного – на его потомство и т. д.

3. Предки Мхаргрдзели еще на месте своего первоначального проживания приняли христианство – монофизитство. Поэтому оказались вынуждены отделиться от среды курдских племен и укрыться в Армянской монофизитской Церкви. Так предки Мхаргрдзели стали «армянами по вере». Но их переселение в Закавказье совпало с тем временем (середина XI в.), когда армянские политические единицы или распались, или шли к своему падению. Дзоракертское, Лоре-Таширское царство, где предки Мхаргрдзели нашли первое пристанище, вскоре (в нач. XII в.) присоединилось к Грузии, вследствие чего они сразу же оказались на службе у грузинского государства и в среде грузинских

¹ Там же, с. 16-17

феодалов, и «армянству» Мхаргрдзели по вере не довелось дойти до армянства по языку и культуре. Грузинская государственность и их окружение превратили фамилию курдского происхождения в грузинский род Мхаргрдзели. Только под этим грузинским наименованием «Мхаргрдзели» известен этот род грузинским и армянским источникам того времени. Вскоре исчез и единственный признак их «армянства» – религиозная принадлежность. Сначала вторая ветвь Мхаргрдзели, а затем, с конца XII в., первая ветвь с последующим потомством, совершенно огрузинились и церковно.

Род, какого бы ни был он происхождения, у которого государственным, книжным и церковным языком стал грузинский язык и который со времени своего выдвижения действовал в согласии с интересами грузинской феодальной государственности, служил делу ее строительства, и, таким образом, целиком принадлежал грузинскому феодальному миру, как он может быть назван иначе, если не грузинским феодальным родом?

4. Грузинский чиновничий уклад абсолютно исключал возвышение амирспасалара до первого уровня власти. Со времен Давида Строителя первейшим лицом в государстве, после царя, был мцигнобарт-ухуцеси Чкондидели, под управлением которого находилось и военное ведомство. По свидетельству Второго летописца Тамары, именно ему поручалось издавать и рассылать приказ о «скором собрании воинства». Без разрешения царя, амираспасалар грузинских войск не мог иметь в своем непосредственном распоряжении даже «малого ополчения».

5. Характерная для феодальных стран иерархия, вассалитет не указывает на независимость, автономию того или иного феодального владения.

6. Устройство чиновничьего аппарата феодального дома по аналогии с аппаратом грузинского царского двора было обычным явлением и для других крупных феодальных родов Грузии: это лишний раз подчеркивает, что феодальный дом Мхаргрдзели по своей организации ничем не отличался от других родовитых домов Грузии.

7. В армянских провинциях, которыми правили Мхаргрдзели, так же как и в других провинциях Грузии, высшая судебная власть была в руках государственного везира – мцигнобарт-ухуцеси Чкондидели.

8. Захария Мхаргрдзели, как амирспасалар царства и мандатуртухуцеси, внес большой вклад в укрепление Грузинской феодальной монархии, в освобождение захваченных турками-сельджуками армянских территорий и в их присоединении к Грузинскому царству. Он был верным слугой грузинского царя и поэтому, естественно, грузинские, а также армянские источники воздают ему хвалу. Важнейшим условием выдвижения Мхаргрдзели на арене грузинской государственности и основой их положения как феодальных владетелей была их верность Грузии.

В том же 1979 г. в Ереване выходит на русском языке интересный сборник «Кавказ и Византия, I», в котором опубликована обзорная статья С. Еремяна «Общность судеб и культурно-политическое содружество народов Закавказья в IX-XIII вв.».

В ней изложены выработанные в результате продолжительных исследований основные взгляды ученого на проходившие в то время в Закавказье исторические процессы. Представленная в статье историческая картина явным образом не сходится с им же ранее высказанной точкой зрения о том, что из себя представляла часть Армении, вошедшая в состав Грузии. Именно поэтому он пытается найти оправдание взаимоисключающим положениям в самой грузинской действительности.

С одной стороны С. Еремян признает, что Грузия в XI-XIII вв. была централизованной феодальной монархией, в состав которой вошла Северная Армения, а с другой стороны – он отмечает возникновение армянского государственного образования на территории этой монархии, что, якобы, совершалось руками грузинского правительства. Он пишет: объединенное централизованное государство грузинских Багратидов само было заинтересовано в создании армянских феодальных княжеств, которые, в качестве «порубежников» («монапире»), должны были защищать тыл

страны с юга. Заинтересованность в совместной борьбе с пришлыми врагами предопределила возникновение армянских государственных образований, в рамках грузинской государственности, на бывшей территории царства армянских Багратидов... На протяжении XII в. и в начале XIII в. таким образом сформировались вассально зависимые владения новых феодальных родов – Захарянов (груз. Мхаргрдзели), Махканабердских Арцрунидов (груз. Манкабердели), Вачутянов, Прошянов, Орбелянов, Хасан-Джалалянов и др. (с. 5, 8-9). Дело в том, что эти новые феодальные дома, как отмечал Ш. Месхиа, были ничем иным, как обычными грузинскими феодальными единицами, феодальными родовыми домами.¹ Зерно истины здесь лишь в том, что Давид Строитель и его наследники нередко назначали управителями освобожденных и присоединенных армянских территорий лиц, которые по происхождению или вероисповеданию были близки к населению этих областей. Но их феодальное владение осуществлялось на условиях служения по принятому в том мире общему правилу, что по сути исключало даже возможность появления «вассального государственного образования».

Обстоятельства, отмеченные в упомянутой статье самим же С. Еремянном, полностью исключали развитие феодальных домов путем сепаратизма. По его словам, избавлению территорий Северной Армении от сельджуков в значительной степени способствовали армянские общины крупных городов (Аниси, Двина, Карса), представители новой торговой и ростовщической аристократии и ремесленные объединения, которые были заинтересованы в укреплении централизованной феодальной монархии грузинских Багратидов. Политика широкой веротерпимости и покровительства грузинских царей в отношении армянских и мусульманских городских общин способствовали дальнейшей консолидации государства.²

В этой части своей статьи С. Еремян приводит весьма впе-

¹ Ш. Месхиа. Внутриполитическая обстановка..., с. 166.

² Кавказ и Византия, № 1, с. 9.

чатляющие аргументы, удостоверяющие централизацию и государственную консолидацию единой Грузинской феодальной монархии, после которых трудно поверить в возникновение внутри этого государства еще каких-то новых государственных образований. Как видим, в статье позиция С. Еремяна относительно «независимости» армянской части Грузии значительно смягчена, и «независимость» сведена до уровня вассальной зависимости отдельных армянских феодальных княжеств от центральной власти, и таким образом фактически уравнивается с повсеместно характерным для феодальных государств понятием вассалитета. Подобный подход к проблеме, по-видимому, был вызван рассмотрением положения «Северной Армении» в русле общеисторических процессов в Закавказье. Подобное, несколько смягченное отношение к статусу Армении, вошедшей в состав Грузии, прослеживается и в некоторых работах армянского исследователя истории Грузии А. Маргаряна, посвященных исследованию вопросов внутриклассовой борьбы и социальных взаимоотношений.¹ По его определению, Северная Армения в XI-XIII вв. была включена в сферу грузинской государственности. Рассуждая о слабости национальной политической власти, он пытается размежевать функции местных и центральных властей. При этом отмечает неразвитость судебно-административного иммунитета на местах. По его разъяснению, ни в армянских, ни в грузинских документах пока еще не обнаружено прямых указаний о том, что имунистам в их владениях было дозволено назначать собственных административно-полицейских чиновников.²

По Мхитару Гошу смертная казнь также относилась исключительно к юрисдикции царя, без царского дозволения князь не имели права на исполнение такого приговора.

¹ А. Г. Маргарян. К истории и хронологии внутриклассовой борьбы в Грузии и Северной Армении в 30-50 гг. XII в., Кавказ и Византия, I, 1979; Феодальный иммунитет и процесс закрепощения крестьянства в Армении и Грузии в XI-XIII вв., Кавказ и Византия, 4, Ереван, 1984.

² Феодальный иммунитет... сс. 18-19

И по мнению П. Мурадяна, в XII-XIII вв. Грузия и Армения были политически объединены под скипетром грузинской ветви Багратидов. Он рассуждает о наличии общей налоговой системы и денежного обращения в Грузии и Армении того времени, отмечает также официальный статус грузинского языка в армянской части Грузии.¹

Проблема Мхаргрдзели и связанный с ним вопрос о статусе Армении в XII-XIII вв. все еще остается предметом пристального внимания армянской историографии. Несведущие в вопросах истории Грузии и незнакомые с грузинским языком авторы, при освещении проблемы в основном ограничиваются радикальными фразами. Большинство же лучше информированных относительно грузинских источников и более или менее знающих грузинский язык авторов, как будто учитывает и грузинский материал, но в их дефинициях армянская государственность по-прежнему рассматривается в рамках единой феодальной грузинской монархии, хотя радикальный подход нередко встречается и в трудах авторов подобного рода. В этом отношении типичны труды, созданные в 80-90-х гг.: «Сюник Орбелянов (XI-XIII вв.)» Григора Григоряна (на армянском языке), «Суд и процесс в Армении X-XIII вв.» Хосро Торосяна (на русском языке), «Княжество Вахрамянов» Арташеса Шахназаряна (на армянском языке) и др. Несмотря на различное осмысление или формулирование статуса Армении в XII-XIII вв., в этих работах принципиально одинаково отношение к личности Мхаргрдзели. Без каких-либо доказательств, как об азбучной истине, твердят они об «армянстве» Мхаргрдзели, об «армянском феодальном доме Захарянов» и его особой роли в истории Грузии и Армении. Более того, Х. Торосян открыто высказывает возмущение в отношении «некоторых грузинских ученых» (Ш. Месхиа, М. Лордкипанидзе и др.), которые, по его мнению, без всякого на то основания, только из-за того, что Захаряны некоторое время (примерно в 1120-1185 гг.) были вассалами то грузинского царя, то Орбели,

¹ Паруйр Мурадян. Грузинская эпиграфика Армении, Ереван, 1977, сс. 283, 286, 288 (на арм. языке).

считают, что они и впредь оставались в подобной зависимости и, вопреки фактам утверждают, что они были грузинскими князьями.¹

Исходя из представления о Мхаргрдзели, как об армянском феодальном роде, они осмысливают пестрое, в этническом отношении, по составу грузинское феодальное ополчение, как грузино-армянские войска, что, со своей стороны, дает основания для того, чтобы грузинские и армянские части войска представлять самостоятельными военными силами. Так, например, Г. Григорян в своей докторской диссертации² т. н. грузино-армянское ополчение именуется союзническим войском. Основываясь на этой дефиниции, А. Х. Торосян рассуждает даже об армяно-грузинском военно-политическом содружестве.³

В отличие от них, А. Шахназарян считает «армянский феодальный дом Захарянов» в то же время одним из сильных аристократических родов Грузинского государства, однако участвующее в походе под их началом грузинское войско все-таки объявляет «грузино-армянским» войском.⁴ Автор относительно умерен в определении политического статуса вошедшей в состав Грузии Армении. По его словам, освобожденная грузино-армянскими войсками под началом Захарянов от турок-сельджуков Северная Армения вошла в состав Грузинского государства на началах феодальной субординации,⁵ следовательно, этим он фактически становится на сторону идеи вассальной зависимости Армении от Грузинского государства. Подход Х. Торосяна к данному вопросу предельно радикален: по его утверждению, вследствие успеха армянского войска в национально-освободительной борьбе против сельджуков, в сознании армянского народа и Захарянов растет естественное стремление к территориальному

¹ Хосров Торосян. Суд и процесс в Армении X-XIII вв. Ереван, 1985, с. 24.

² Григорян Г.М. Общественно-политическая и социально-экономическая история Сюника в XIII-XIV веках. Автореферат. Ереван, 1984, с. 13.

³ Х. Торосян, Суд и процесс..., с. 23.

⁴ А. И. Шахназарян. Княжество Вахрамянов. Ереван, 1990, сс. 39-62 (на арм. языке).

⁵ Ibidem, сс. 41-62, 192.

обособлению и восстановлению государственности. Можно даже назвать, продолжает Х. Торосян, дату начала независимости – 1185 г. В этом году царица Тамара пожаловала Саргису Захаряну Лори «во владение и княжение». Этим актом Грузинское государство признало независимость Северо-Восточной Армении под главенством Захарянов.¹ Даже для автора, хотя бы немного знакомого с историей Грузии, думаем, ясна совершенная необоснованность подобного вывода. пожалование земель «во владение и княжение» было обычной формой феодального жалования в средневековой Грузии и его содержание отнюдь не подразумевало отказ государства от своих прав относительно пожалованного. Видно, Х. Торосян, осознав слабость своей радикальной позиции в спорах с другими авторами, для нейтрализации создавшегося впечатления завершает свои рассуждения по этому вопросу следующим заявлением: независимо от политико-правового статуса Захарянов и положения Северо-Восточной Армении, в историографии безусловно признано, что Армения Захарянов была независима в своих внутренних делах.

К сожалению, это заявление не отличается особой точностью. Ни одно феодальное княжество не было в Грузинском государстве XII-XIII вв. полностью независимым хотя бы во внутренних делах. Это признают и сами армянские историки, когда ведут речь о возможности судебно-административного иммунитета во владениях Мхаргрдзели.

В армянской историографии, по-видимому, доминирует разработанная С. Еремянном концепция о возникновении в освобожденной от сельджуков Армении сети вассальных армянских княжеств в качестве своеобразной формы армянской государственности. Подтверждению этой концепции служат монографические разработки истории существовавших в XII-XIII вв. в Армении отдельных феодальных домов и попытки определения степени вассальной зависимости их владений от центральных властей Грузии и выявления в этих владениях признаков независимых государственных образо-

¹ Х. Торосян, Суд и процесс..., с. 23.

ваний. «История Хоченского княжества» Б. Улубабяна, «Сюникское княжество Орбелянов» Г. Григоряна, «Княжество Вахрамянов» А. Шахназаряна и др. – явное свидетельство подобного направления исследований. Б. Улубабян еще в 1973 г. писал: «Политическое положение Нижнего Хочена резко отличалось от вассалитета Захарянских княжеств и он обладал своеобразным суверенитетом. В источниках конца XII и начала XIII вв. ничего не говорится о зависимости княжества Нижнего Хочена от кого-либо, в особенности же от Грузинского царства или Захарянов»¹.

Г. Григорян, со своей стороны, приписывает сюникским Орбелянам попытки восстановления армянской государственности. По его разъяснению, Сумбат Орбелян до самой кончины сохранял титул «царя», хотя по свидетельству первоисточников, продолжает Г. Григорян, этот титул приравнялся к титулу наместника и он не имел гражданского признания за пределами Сюникского нагорья. Таким образом, все попытки создания Орбелянами суверенного армянского государства закончились полным крахом. Орбеляны могли достичь своих целей в союзе с другими правящими феодальными домами и при непосредственной поддержке грузинского царского двора.²

После Сумбата правителем Сюника становится его младший брат Тарсаич Орбелян, который по свидетельству источников прилагал все усилия для укрепления грузинского трона, за что Деметрэ II назначил его атабагом. Как видим, ни один приведенный Г. Григоряном факт, ни один аргумент не способствует стремлению исследователя приписать сюникским Орбелянам попытки восстановления армянской государственности.

Монография А. Шахназаряна посвящена изучению истории княжества Гагели и она полностью построена согласно упомянутой концепции С. Еремяна. Поэтому он называет Гагели

¹ Б. А. Улубабян. История Хоченского княжества (X-XVI вв.). Автореферат докторской диссертации. Ереван, 1973, с. 30.

² Григорян Г. М. Общественно-политическая и социально-экономическая история Сюника в XIII-XV веках, с. 15.

Вахрамьянами, также как Тмогвели – Тмогвечи, т. е. представляет нам фамилии Мхаргрдзели и их ветвей в арменизированной форме (значительной части представителей армянской историографии обычно свойственно предлагать грузинские фамилии в арменизированной форме). Т. н. «княжество Вахрамьянов» он рассматривает в рамках института «монапирэ» («порубежников», пограничных областей) и проводит параллель с древнеармянскими бдэхшствами (приграничными княжествами в древней Армении), чем, как видно, желает подыскать армянские корни для грузинского института «монапирэ». По его определению, «княжество Вахрамьянов» по своей территории, экономическому и военно-политическому весу было третьим среди политических образований «Северной Армении», которые были призваны к защите юго-восточных границ Грузии. Административные границы этого княжества не соответствовали историко-географическим границам, что было обусловлено политикой грузинских Багратидов в отношении Северной Армении и интересами обороны Грузии.

Суждения автора не дают основания для размежевания по какому-либо признаку независимости княжества Гагели из общепринятых в феодальном мире взаимоотношений центра и местных властей, для представления его вассальным Грузии княжеством, поскольку по разъяснению самого А. Шахназаряна, важнейшей функцией этого княжества было обеспечение безопасности и защита границ Грузинского государства.

Проблема источников

Грузинские и армянские источники вообще не затрагивают статус Армении, вошедшей в состав единой Грузинской феодальной монархии. Этот вопрос, видно, остался вне сферы их интересов. Представленная в сведениях этих источников Грузия XII-XIII вв. – многонациональное кавказское христианское государство с едиными институтами, функционирование которых свободно и неограничено на всей территории страны. Единствен-

ным источником, в котором содержится определенное суждение о тогдашнем политическом положении Армении и допускается возможность восстановления армянской государственности в некий неопределенный период, является несанкционированный «Армянский судебник» Мхитара Гоша. Автор памятника заранее сообщает читателю о реальном положении дел. Он пишет: «Люди, занимающиеся чтением настоящих моих законов (т. е. законов о царском суде), будут высмеивать их, уподобляя меня человеку, которому во сне мерещится царство и много другого приятного; пробужденный уже от сна, он оказывается лишенным всего. Но пусть знают они, что мы не забываем, как преходяще и изменчиво всякое царство земное, тем более наше царство, ведь бывшего нет больше среди нас и настоящего нет у нас, видеть же его в будущем – не доведется нам...».¹

В условиях таких реалий, понятно, говорить о «статусе Армении» было бы неуместно и совершенно неоправданно. Именно поэтому в сочинениях армянских авторов того времени нигде не встречаются даже единичные указания на существование армянского суверенитета обособленно от грузинского царского двора, тогда как сведения, отражающие функционирование грузинской царской власти в Армении, представлены довольно внушительно. Рядом с прямыми показаниями источников, например, Давид «управлял всеми делами Картли, Сомхити и Ани» («Картлис Цховреба», I, сс. 345-346) и других подобных («Картлис Цховреба», II, сс. 99-100) встречаются и факты участия центральной власти даже в спорных вопросах крайне частного значения, что указывает на крупномасштабное распространение юрисдикции этой власти в Армении. Такого рода сведением представляется нам повествование Степаноса Орбеляна о состоявшемся в Армении, в городе Двине, на первый взгляд, странном суде. По сообщению армянского историка, во время царствования Тамар, оказывается, возник спор между двумя сюнйскими епископами о принадлежности драгоценного креста. Каждый из спорщиков

¹ Армянский судебник Мхитара Гоша. Ереван, 1954, с. 149.

стоял на своем, и спор никак не удавалось разрешить. Поэтому по инициативе Иванэ Мхаргрдзели, во главе с первым везирем Грузии и главой судебного ведомства Чкондидели было составлено судилище из богословов (законоучителей), представлявших все имеющиеся в стране конфессии. Среди членов этого чрезвычайного суда армянский историк называет Иване Тбели, Мемна Джакели, настоятеля Вардзии, настоятеля Плиндзаханка, великих патриархов Гареджийского, Гагского и Мацнаберда и представителей знати. Кроме них, кадиев Тбилиси, Ани и Двина, именитого шейха Сурмарииского и архиепископа Ани и епископов Биджни и Ахпата.

Вопрос, который, казалось бы, должен был быть разрешен в самой Армянской церкви, становится предметом широкого обсуждения в присутствии представителей всех имеющихся в стране конфессий и влиятельных светских лиц. Чем подчеркивается политически единый, цельный характер страны, приоритет общих интересов, выразителем чего, в данном случае, является один из высших представителей власти – первый визирь Грузии Чкондидели, посланный специально из царского двора, как это подчеркнуто в источнике! Более четкую картину функционирования грузинской царской власти в Армении, наверное, трудно было бы обрисовать.

Похожее впечатление оставляет изданный в 1218 году в Ани указ грузинского католикаса Этифанэ (Епифания) об уменьшении приходских податей, что запечатлено сделанной на грузинском храме в Ани надписью (См.: Н. Я. Марр. Надпись Епифания, католикаса Грузии. Издательство Академии наук, 1910). Правда, этот указ грузинского католикаса обращен к грузинской и армянской халкидонитской пастве Ани, но сохранившаяся в конце текста часть надписи армянского епископа Григора и городского эмира Ваграма («Я, епископ Григор, я, эмир этого города Ваграм, удостоверяем, что указ католикаса...») заставляет думать, что этот указ должен был распространяться также и на армянскую монофизитскую паству, подобно всей пастве Грузии (Ив. Джавахишвили, Сочинения, т. VI, Тбилиси, 1982, с. 352), в

особенности, если учесть довольно высокий уровень централизации тогдашнего (в средние века) Грузинского государства.

Вместе с тем, в сознании армянских писателей весьма прочно укоренено понятие историко-географической Армении, благодаря чему, на фоне ностальгии по армянской государственности (так явственно проявившейся в приведенном отрывке из судебника Мхитара Гоша), по-видимому особенно большое значение приобретало для них соучастие этой Армении в грандиозных деяниях большого христианского государства. Показателем такого отношения к явлениям могут служить известные формулировки армянских источников: «царь грузин и армян», «войска грузин и армян» или «армян и грузин», «полководец армян и грузин» и др. Видимо по этой причине, в сочинениях указанных писателей достаточно случаев идеализации армянских феодалов и правителей армянской части Грузии и преувеличения значения их заслуг перед страной. По наблюдению С. Джанашиа, идеологическая и психологическая сторона данного вопроса заключалась в том, что армянское население воспринимало грузинскую государственность со всем ее аппаратом власти, как собственную, родную государственность с общими государственными институтами.¹ Такое двойственное отношение (ко всему грузинскому и общему) к фактам и событиям явным образом характеризует армянские источники, в то время как отношение грузинских источников в этом смысле, по понятным причинам, вполне однозначно. Так, например, «земли» и «вотчины» феодальных домов, где бы они не располагались – внутри страны или на территории исторической Армении, – согласно грузинским источникам предполагаются исключительно в Грузии. Жамтаагмцерели (Анонимный автор «Столетней летописи») пишет об Аваге амирспасаларе: «...И так прибыл к хану Уло. Он же с почестями приласкал и отпустил в Грузию, в вотчину свою».² Это сообще-

¹ С. Джанашиа. Об одном примере искажения исторической правды. Тбилиси, 1947, с. 47.

² Картлис цховреба, II, с. 225 (на груз. языке).

ние тем более примечательно, что даже в условиях монгольского владычества вотчина Авага, которая включала и земли исторической Армении, и самим ханом признавалась Грузией.

В отличие от грузинских, армянские источники всегда стараются отличать армянские земли от грузинских, владельцев и чиновников армянского вероисповедания от грузинских, армянское население от грузинского и т.д. Но при этом, никогда не забывают упомянуть о наличии грузинской власти в Армении. Наглядный материал богато представлен у Киракоса Гандзакеци, Григора Акнерци, Степаноса Орбеляна и в сочинениях других авторов. Приведем некоторые примеры из каждого из них; Киракос Гандзакеци пишет: «Притесняемый иноплеменниками, он (агванский владетель Ованес) задумал перебраться в Армению к великим ишханам Закарэ и брату его Иванэ. И те с большими почестями приняли его. Иванэ поселил его в гаваре Миафор, в монастыре, который называется Хамши. И он начал строить там большую и дивную церковь; [строительство ее] еще до завершения было приостановлено, ибо пришел султан Хорасана, именуемый Джелал-ад-дином, ударил по Грузинскому царству и предвозвестил нашествие войска иноплеменников и разорение Армении, Агванка и Грузии».¹ Здесь прямо сказано, что и Армения и Агвания политически являются Грузией, поскольку нападение на эти страны означают удар по Грузинскому государству. А место Мхаргрдзели в государственной структуре Киракос Гандзакеци разъясняет таким образом: «Захарэ был военачальником грузинского и армянского войска, подвластного грузинскому царю, а Иванэ был в должности атабега».²

В другом месте он же именует Захарию Мхаргрдзели «грузинским военачальником»³, хотя не забывает указать о его принадлежности к армянскому вероисповеданию. Так что, и по толкованию Киракоса, владетель армянских областей и приверженец

¹ Киракос Гандзакеци. История Армении. М., 1976, с. 127.

² Ibidem, с. 118.

³ Ibidem, сс. 141.

армянского вероисповедания, Захария Мхаргрдзели был тем не менее грузинским полководцем.

Та же картина представлена в «Истории племени лучников» Григора Акнерци. Здесь среди захваченных монголами грузинских земель названы: Шамхор, Сагам, Кархердз, Теревен, Гардман, Ергеванк, Мацнаберд, Тавуш, Терунакан, Норберд и др.¹ А о происхождении Мхаргрдзели и т. н. «армянском войске» сказано следующее: «Грузинский князь, владетель Гаги, сын великого Варама, внук косоязычного Захарии, именем Агбуга, который мужественно сразился с войском султана, оттеснил назад правое крыло султанского войска».²

Похожее разъяснение национальной принадлежности Мхаргрдзели встречается в других местах этого сочинения. Например, «сын грузинского великого князя атабага Иванэ, именем Аваг»³ и др. Так же часто упоминаются вместе грузинские и армянские князья, грузинское и армянское войско и т. д. Согласно и этому источнику, Мхаргрдзели являются грузинскими князьями и полководцами, а армянское войско и армянские князья вместе с грузинами и в условиях монгольского владычества являются равными субъектами, находящимися на службе единого грузинского государства.

В сочинении Степаноса Орбеляна четко отображено правовое положение армянских земель и их владетелей, характер и формы их отношений с центральной грузинской властью, что в конечном итоге не оставляет никакого повода рассуждать о возможном статусе Армении в составе Грузинского государства, ради чего так ревностно подвизаются представители нынешней армянской историографии. Речь идет о конфессионально арменизированных выдающихся представителях рода сюнникских Орбелянов – Сумбате и Тарсаиче. О взаимоотношениях грузинского

¹ Григор Акнерци (Григол Аканели). История племени лучников. Под ред. Н. Шошиашвили. Тбилиси, 1961, сс. 11-12 (на груз. языке).

² Ibidem, с. 21.

³ Ibidem, с. 30.

царя Давида – сына Георгия-Лаша и Сумбата летописец сообщает: «Сумбат же со всей преданностью подчинился ему (т. е. Давиду VII) ... Пригласил царь Сумбата в Тбилиси, чтобы взаимно воздать ему, спросил его и сказал: «Чего желаешь, чтобы я даровал тебе дары великие?» Сумбат отвечает: «О царь, что имеем, все твое и предков твоих, и того довольно для нас». В данном отрывке сочинения вполне понятным образом показано, что верховным владельцем всех земель, находившихся в рамках грузинской государственности, были грузинский царь и его предки, несмотря на тогдашнее владычество монголов над страной. Подтверждением распространения юрисдикции грузинского государства на присоединенные армянские земли служат также и хранившиеся в царском архиве Грузии книги податей, о которых подробно говорит летописец. Для демонстрации особой заботы Тарсаича Орбеляна об армянских церквях Степанос Орбелян сообщает весьма примечательные сведения: «Сей (имеется в виду Тарсаич Орбелян) отправился в Тбилиси, велел принести царские грамоты и прочитал все книги, где написаны были названия монастырей армянских, как бывших под податью (согласно другой рукописи, «бывших под правосудием и податью»). Тогда повелел привести книжника одного и заставил его заменить книгу ту и исключил названия более ста пятидесяти монастырей и старую книгу сжег и так освободил все церкви».¹

Главное в этом отрывке не то, насколько соответствует действительности масштаб отображенного здесь, лишенного правдоподобия, невероятного личного влияния Тарсаича Орбеляна, но то, что в Грузии времен монгольского владычества существовали и функционировали старые и новые грузинские книги податей и внесенные туда расположенные в Армении объекты никак не могли избежать исполнения возложенных на них обязанностей, если только не были бы исключены из этих книг. Однако

¹ Древнегрузинский переводы «Истории Орбелянов» Стефаноса Орбеляна, под ред. Е. Цагареишвили, Тбилиси, 1978, сс. 97-98, 104-105 (на груз. языке).

решение столь важного государственного вопроса, что Стефанос Орбелиани с легкой руки приписал своему отцу, было во власти только грузинского царя, а не какого-нибудь, пусть даже самого влиятельного, вельможи.

Грузинская государственность и суверенитет также четко отображены и в лапидарных памятниках присоединенных областей Армении XII-XIII вв. Еще С. Джанашиа отмечал, что политические формулировки армянских лапидарных надписей XII-XIV вв. несомненно свидетельствуют о статусе Армении в качестве составной части Грузии; по их же сведениям, армянским царем был царь Грузии и сами монголы в 20-х гг. XIV в. рассматривали Ани и Армению как одну из областей Грузии.¹

Политическими формулами армянских надписей, привлекаемых С. Джанашиа, являются: «Самодержавный царь Давид, государь этого края и народа» (Ахпат, 1121 г.), «Грузинский царь Георгий, также и наш государь» (Кечарук, 1181-1183 гг.), «В царствование Лаши и в амирспасаларство Захарии» (Мармет, 1206 г.), «В память о нашей царице Русудан...» (Карс, 1234 г.), «В царствование над грузинами и армянами Давида (Давида Нарина)» (Оромос, 1246 г.), «В падишахство хана Аргуна, в царствование Деметрэ, в паронство амирспасалара Мхаргрдзели» (Аруч, 1285 г.) и т. п. В этой связи весьма выразительна армянская надпись на средних воротах первой стены г. Ани, где читается и такая строка: «...В царствование грузин в этой стране, когда столица Ани получила хасинджу». Т. е., заключает С. Джанашиа, анийские армяне все еще считали свой город и страну в целом составной частью Грузинского государства даже в позднемонгольский период, когда Ани находилась под непосредственным контролем хана, что и отмечено известным термином «хасинджу».²

Рассмотренные сведения армянских нарративных источников и лапидарных надписей, и тем более – сведения грузинских источников, не дают основания видеть какой-либо особый статус

¹ С. Джанашиа, Об одном..., сс. 43-46.

² С. Джанашиа, Об одном..., с. 47.

Армении, вошедшей в состав Грузии в XII-XIII вв., поскольку они не содержат никаких элементов политической независимости на указанных территориях.

Политическая структура единой Грузинской феодальной монархии

Одновременно с процессом политического объединения Грузии, который завершился объединением всего христианского Кавказа, стала формироваться качественно новая система управления. Начало ей положил Баграт III, беспощадно истребив привыкших к независимости кларджетских властителей, – своих собственных двоюродных братьев. «Непокорных себе лишил он славы и на их местах поставил верных и ревностно послушных приказам его».¹

Борьбу, начатую Багратом III против древней системы удельных земель («сауплисуло») и усобных воевод («эристави»), завершил Давид Строитель, который создал приличествующий единой Грузинской феодальной монархии новый управленческий аппарат централизованного государства.

Окончательно объединенная Давидом Строителем и расширившаяся за свои этнические пределы Грузия требовала единой системы управления и чиновничьего уклада. Централизация управления стала уже требованием времени и, естественно, число ее сторонников и их политическая сила несомненно превосходила возможности противников, что служило гарантией успеха реформ Давида. Несмотря на это, оппозиция все еще обладала достаточной силой. Их сопротивление могло нанести стране значительный вред. Поэтому Давид Строитель приступил к дальнейшему расширению своей опорной социальной базы. Системе вотчин он противопоставил систему ведомственного пользования («сакаргави»). На почве чего «эриставство» сменялось временными обладателями вверенных территорий – «сакаргави». По разъяснению Ш. Месхиа, это оз-

¹ Картлис цховреба (Грузинские летописи), I, с. 278 (на груз. языке).

начало, с одной стороны, превращение самих «эристави» (воевод) в обладателей «сакаргави», т. е. всего лишь временно управляющих вверенными им территориями. С другой же стороны, передачу земель не в условное владение, как прежде, а в качестве управленческой единицы, «сакаргави».¹

Подобный, владеющий «сакаргави», дворянин («азнаур») находился в полной зависимости от царской власти и волей или неволей становился «верным и ревностно послушным» ей. И Давид энергично принялся возвышать верных себе. Преданность стала главнейшим условием продвижения на политическом поприще и социальной лестнице. «Принцип преданности» неуклонно соблюдали и преемники Давида, что также имело большое значение для сохранения стабильности в многонациональном государстве.

Из самых верных Давиду людей состояла им же созданная одна из основных опорных военных сил – царская гвардия – т. н. «монаспа». Воины из этого корпуса царских стражей были «избранные и проверенные в подвиге, этак тысяч пять человек, обращенные все в христианство, благонадежные и испытанные мужеством».²

По мнению К. Чхатарашвили, большинство состоящих в гвардии ополченцев были, по-видимому, негрузинского происхождения, поскольку летописец считает их «обращенными в христианство», т. е. недавно принявшими христианство. По его же наблюдению, отец Захарии и Иванэ Мхаргрдзели – Саргис, который так внезапно возник на исторической арене, выдвинулся, надо думать, из гвардейцев.³ И по мнению Н. Бердзенишвили, в деле укрепления и усиления центральной власти роль грузинской гвардии – «монаспа» по своей значительности приравнивалась к

¹ Ш. Месхиа. Исторические изыскания. Т. III, Т., 1986, с. 29.

² Картлис цховреба. I, с. 337.

³ К. Чхатарашвили. Чужеземцы в грузинских войсках в XII в. Грузия в эпоху Руставели. Тб., 1966, сс. 163–164 (на груз. языке).

роли опричнины времен Ивана Грозного.¹

С точки зрения зависимости от царской власти, Н. Бердзенишвили особенно выделяет институт т. н. Порубежников («монапирэ»), который подразумевает мощную централизованную власть и служит ее дальнейшему усилению. Институт, имеющий такую функцию, по его мнению, мог быть создан только при Давиде и в условиях проводимого им политического курса; по мнению ученого, именно поэтому он и был введен Давидом. По его же разъяснению, Абулетисдзе, Орбели или Бешкен Джакели, вскользь упоминаемые в царствование Давида в качестве боевых служителей, являются именно такими порубежниками («монапирэ»), которые «с ловкостью захватывают» города и крепости неприятеля, разоряют вражеские территории, погибают в битве с врагами, это те самые «монапирэ», благодаря разведывательной деятельности которых Давид всегда знает, где расположена вражеская орда, знает и то, какие политические настроения в той или иной стране, захваченной врагами (в Армении, Ширване, Ране...). Разумеется, эти хранители границ являются не потомственными вотчинниками-воеводами, но доверенными выдвинутыми царя, преданными ему и скоропослушными, военными и административными царскими служителями в приграничных областях, нуждающихся в поддержке против врагов². В результате реформ Давида Строителя многие недостойные лица были устранены с высоких должностей и вместо них выдвинуты другие из низшего и среднего дворянского слоя, отличавшиеся личными достоинствами, знанием дела и верностью царю.

По справедливому замечанию Ш. Месхиа, само по себе назначение вместо недостойных представителей высшей знати людей по их личным достоинствам уже было по существу большой реформой в феодальном государстве. Оппозиционные царской власти силы постепенно отступали, а царская власть усиливалась

¹ Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии. VII, с. 29 (на груз. языке).

² Ibidem, сс. 29–31.

и укреплялась.¹

По мере успехов в борьбе с оппозицией и внешними врагами намечается увеличение фонда государственных земель, поскольку отобранные у крупных враждебных феодалов и присоединенные недавно территории числились государственными, что, в свою очередь, способствовало умножению земель, отданных в ведомственное пользование («сакаргави») и расширению слоя преданных и послушных царю служителей и воинов. В таких условиях усилия, направленные на централизацию власти, беспрепятственно приводили к желаемому результату.

Для централизации власти величайшее значение имело введение Давидом Строителем должности визиря, объединяющей в себе мирские (мцигнобартухуцеси т. е. Старшего царского писаря) и церковные (Чкондидского епископа) функции, с подчинением также и других основных ведомств государственного правления. Мцигнобартухуцесами в Грузии обычно назначались монахи и они изначально были известны своей верностью царю, что было обусловлено самой природой этой должности: в отличие от других чиновников царского двора, стремящихся превратить должности и связанные с ними привилегии и владения в наследственную собственность, мцигнобартухуцеси были свободны от подобных стремлений, так как, будучи монахами, не имели наследников и не могли иметь земли в качестве собственности или источника доходов. Следовательно, как поясняет Н. Бердзенишвили, «мцигнобартухуцеси полностью зависел от центральной власти. Между этой должностью и мощностью царской власти была установлена связь прямой пропорциональности: чем сильнее был царь (и царский двор), тем сильнее и значительнее становилась должность мцигнобартухуцеси и наоборот. Поэтому естественно, что быть самоотверженным и деятельным сторонником усиления и возвышения царской власти входило в интересы самого мцигнобартухуцеси».²

¹ Ш. Месхиа. Исторические изыскания, III, с. 30.

² Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, VII, с. 32.

В противовес влиянию греческой Церкви, Чкондидский епископ также отличался особой преданностью царской власти, и ко времени реформ Давида Строителя эта преданность уже имела двухвековую традицию.¹ Мцигнобартухуцеси, как монах, а Чкондидели, как епископ, могли заниматься церковными делами. С объединением этих двух должностей, влияние Мцигнобартухуцеси-Чкондидели на Церковь значительно возросло, что дало возможность царю подчинить Церковь влиянию своей власти и получать от нее большую поддержку в государственных делах. Помимо церковных дел, Давид Строитель наделил мцигнобартухуцеси высшей властью управлять судебным ведомством; кроме того, в его ведении, как первого в иерархии чиновника, находились все внутренние и внешние государственные вопросы. Этот могущественный властью предержавший назывался визирем. Как первое лицо при царском дворе, он осуществлял контроль над всеми ведомствами центрального аппарата и при получении соответствующей санкции проводил от имени царя мероприятия государственного значения.²

Примечательно, что на протяжении существования единой Грузинской феодальной монархии эта должность сохранялась почти неизменно и принятый Давидом Строителем порядок, за редкими исключениями, почти не нарушался.³ Среди мероприятий, предпринятых для централизации власти, одним из важнейших было создание института «мстовари» («лазутчиков»), который царь Давид превратил в мощное орудие подавления феодальной оппозиции. Это был искусно отлаженный разведывательный аппарат, посредством которого царь бывал в курсе всего, что только происходило в войсках, монастырях или в домах крупных феодалов. По словам историка царя Давида, даже «помыслы» его

¹ Ibidem, сс. 55–56.

² Ш. Месхиа. Исторические изыскания, III, сс. 31–32. И. Антелава. Государственное и местное управление в Грузии XI–XII вв. Тб., 1983, сс. 100–121 (на груз. языке).

³ Очерки истории Грузии, III. Тб., 1979, с. 218 (На груз. языке).

подданных доходили до царя. «И это твердо знал каждый человек, что уже при исходе слова из уст без сомнения известно становилось оно царю».¹ Высказано предположение, что разведывательный аппарат, возможно, действовал и за пределами страны и поставлял царю Давиду нужную информацию о действиях его соседей и врагов.² Этот разведывательный аппарат входил в ведомство внутренних дел, которого возглавлял мандатуртухуцеси.

Мандатуртухуцеси (начальник служащих внутренней полиции – мандатуров) был, после визирия, первым должностным лицом при царском дворе, он упоминался перед занимавшим введенную в это же время должность амирспасалара. Примечательно, что, согласно правилу, принятому со времени Давида Строителя, мандатуртухуцеси, даже после возвышения звания амирспасалара (во времена Георгия III и Тамары), всегда упоминался перед амирспасаларом.

В процессе создания полноценного центрального чиновничьего аппарата во время царствования Давида Строителя, как выясняется, сформировалось отдельное царское финансовое ведомство во главе с мечурчлетухуцеси.³

В соответствии с интересами централизации управления произошла реорганизация войска. Новые виды войска отличались высоким профессионализмом и верностью царской власти. Ополчение, выводимое воеводами, имевшими условные владения (т. н. «моса-каргаве»), служили исполнению царской воли. С воеводством они совмещали также и должности при царском дворе, и следовательно, – являлись чиновниками, подчинявшимися центральному аппарату. Кроме пятитысячной личной гвардии «монаспа», Давид обзавелся и 60-тысячным постоянным войском. В случае необходимости он использовал также и наемное войско («Рокис спа»). Для оперативного руководства многочисленной армией было создано специальное военное ведомство во главе с амирспасаларом.

Ведомства, которые охватывали практически все сферы руко-

¹ Картлис цховреба, I, с. 335.

² Очерки истории Грузии, III, с. 224.

³ Ш. Мехиа. Исторические изыскания, III, с. 33.

водства страной, сосредотачивались в одном общем управлении, во главе которого стоял царский визирь – Мцигнобартухуцеси-Чкондидели. Так произошла концентрация государственного управления при царском дворе. Как отмечал Н. Бердзенишвили, в эпоху царя Давида, «из государства, как из центрального фокуса, исходит все: административное управление страной, судебное дело, военное дело («монапирэ, мосакаргаве»), даже дело управления Церковью... Централизовано также и таможенное дело».¹

Весьма примечательно, что созданный Давидом Строителем центральный чиновничий аппарат оставался по существу неизменным и в период царствования его наследников (Деметрэ I, Георгий III, Тамар). Вплоть до монгольского владычества самодержавность царя в Грузии ни разу не подвергалась сомнению. Монархия была политической системой, которая соответствовала условиям объединенной Грузии и служила ее дальнейшему развитию и укреплению, что полностью исключало одновременное сосуществование этно-территориального принципа в условиях централизации власти. Источником благополучия знати уже выступал царский двор и представители знати боролись за власть при царском дворе. Поэтому со времен Давида Строителя ни один воевода не предпринимал попыток для восстановления былой независимости своих владений, ни одно бывшее царство не приложило усилий для достижения независимости и даже в тяжкую пору монгольского владычества страна сохраняла единство.²

Правовое положение армянских княжеств в политической организации единой Грузинской феодальной монархии

В начале этой работы уже было сказано, что постановка вопроса о «статусе Армении», вошедшей в состав единой Грузинской феодальной монархии, принадлежит армянской историографии. Уже сама постановка этого вопроса фактически подра-

¹ Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, VII, с. 33.

² Ibidem, с. 100.

зумевают признание Армении в составе Грузии; однако ряд армянских авторов в своих трудах отрицают что-либо подобное, или же – выказывают неистребимое желание к опровержению данного предположения. Думается, историографический обзор убеждает в беспочвенности утверждения о какой-либо форме независимости армянских областей Грузии. Источники не содержат сведений о существовании каких-либо элементов, выражающих суверенитет «армянских княжеств», объединенных в составе Грузии, а исследовательские методы большинства представителей современной армянской историографии и основанная на них историческая картина мало согласуются с реальной обстановкой, которую рисуют научные способы исследования. При поисках следов суверенности армянских областей в Грузии XII-XIII вв. основные аргументы упомянутых авторов, как мы уже видели, основываются на предвзятой идее этнического и культурно-политического армянства Мхаргрдзели и на безмерном преувеличении их роли в политической жизни Грузии XII в., а также – на неверном понимании форм феодального землевладения в Грузии XII-XIII вв. и непонимании социальных или политических формулировок грузинских источников (как, например, пожалование страны во владение, понятие семи царств и т. п.), а в отдельных случаях, – произвольном сотворении фактов. Например, «династия Захарянов», «государство Захарянов» и др.

Вхождение армянских областей в состав единой Грузинской феодальной монархии и их слияние с грузинской государственностью не было конъюнктурно обусловленным единовременным актом. Объединение большей части Закавказья в единое государство имело гораздо более глубокие корни социально-экономического и политического характера и исходящие из них долговременные политические процессы реализовались лишь в удобных для этого внутренних и внешних условиях.

Расположение на важном торговом и военно-стратегическом перекрестке придало Закавказью весьма выгодную роль золотого моста, связывающего восточные и западные цивилизации,

но вместе с тем его постигла нелегкая участь спорной для великих империй земли. Поэтому грузинские и армянские государства, вместе с соседними большими странами, оказались изначально втянутыми в долгую и ожесточенную борьбу за гегемонию в Закавказье. Эта борьба имела одну примечательную специфику: соперники ставили целью завладение всем Закавказьем, а точнее, всем Кавказом и не довольствовались контролем над какой-то его частью. Это, в основном, было вызвано естественными условиями Кавказа, которые превращают этот регион в одну целостную хозяйственно-экономическую и военно-стратегическую общность. Большие войны периодически вызывали перемещение связывающих Восток и Запад торговых артерий то с Юга на Север, то с Севера на Юг, в соответствии с чем проходящие через Грузию и Армению международные трассы попеременно активизировались на ближневосточной арене. Необходимостью доступа к стратегическим коммуникациям друг друга отчасти объясняется стремление соседних армянского и грузинского государств к расширению своих границ до берегов Куры и Аракса, чтобы свести до минимума зависимость функционирования коммуникационных систем от внешних условий, что довольно рельефно отразилось в истории Закавказья. Соседи также сильно зависели друг от друга с точки зрения обороны. Возвышавшиеся в северной и южной части Закавказья горные системы представляли естественную преграду против врагов, и их эффективность при условии общего контроля неизмеримо возрастала. Общие интересы обороны нередко смягчали остроту борьбы за собственные территориальные претензии и придавали возникавшим между соседями противоречиям и противостоянию несколько локальный и внутренний характер.

Характерно, что «Картлис цховреба» («История Грузии») четко отличает друг от друга два вида войн – внутренние и внешние. По ее представлениям, внутренняя война – это борьба кавказских народов за объединение их стран под главенством одной из них, а внешняя война – борьба для самозащиты против вне-

шних поработителей.¹ Идея объединения Закавказья, по-видимому, была рождена главным образом геополитическими условиями этого региона и ее отображение в сознании политиков было обусловлено жизненными закономерностями. Борьба за материализацию этой идеи с древнейших времен прослеживается в деяниях политических деятелей Закавказья (попытки Тиграна Великого, Фарсмана Великого, Вахтанга Горгасала и др.).

Наиболее ясные и реальные сведения о борьбе за политическое объединение Закавказья сохранились в отображающих историю этой земли в IX-XII вв. грузинских и армянских источниках, согласно которым возникшие в условиях ослабления арабского владычества и боровшиеся с ним грузинские и армянские политические образования обнаруживают неудержимую тенденцию к укрупнению. Преодолев старые этнические границы, процесс объединения постепенно охватывает все Закавказье. По утверждению С. Еремяна, в правящих кругах Ширакской ветви армянских Багратидов вырабатывается политическая доктрина об объединении христианских народов Закавказья в единое государство, которое якобы должно было образоваться под эгидой ширакских Багратидов.²

В качестве своей родовой вотчины рассматривали христианский Кавказ и грузинские династы. Теория, связывающая потомство Багратионов с пророком Давидом и тем самым – с Господом Иисусом Христом, литературно была зафиксирована в сочинении Гиорги Мерчуле в середине X в., что придавало публичный характер притязаниям грузинских властителей на весь христианский Кавказ.³

Примечательно, что силы, вовлеченные в процесс борьбы за воплощение этого политического идеала Багратидов, для зав-

¹ Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, III, с. 329.

² С. Еремян. Общность судеб и культурно-политическое содружество народов Закавказья в IX-XIII вв., «Кавказ и Византия», I, с. 6.

³ Ср. М. Лордкипанидзе. Легенда о происхождении Багратиони. Сб. «Вопросы истории народов Кавказа». Тб., 1966, сс. 145-149 (на груз. языке).

ладения военно-стратегическими позициями (шла ли речь о Картли или албанских землях, о Гугарети или «вратах аланов») группировались под знаком неэтнических, а политических интересов. Поэтому главные противоборствующие силы – грузинские и армянские цари и князья нередко оказывались в одном лагере. Национальная принадлежность Адарнасэ, царя грузин (888-923) не помешала ему попытаться с помощью армян изменить в Армении политическую ситуацию, как только разошлись интересы его и Смбата I. По свидетельству Иоанна Драсханакертского, группа армянских нахараров, под руководством Хасана, предложила Адарнасэ армянский престол и попросила помощи для свержения Смбата I. Адарнасэ с большим войском вторгся в Ширакскую область и захватил Аниискую крепость.¹

Общее происхождение грузинских и армянских Багратидов, вероятно, играло определенную роль в предложении Адарнасэ армянского престола, но перед лицом большой политической задачи, которая подразумевала в будущем политическое и культурное слияние христианских народов Закавказья, этническая принадлежность, в известной мере, теряла свое значение, особенно для высших слоев общества. В этом же направлении действовало и развитие близких, родственных отношений между представителями грузинской и армянской династий и феодальной аристократии, принявшее особенно широкий характер именно в эту эпоху.

В условиях близости агрессивных государств и мусульманского культурного давления наилучшей перспективой представлялось объединение христиан в одном государстве, что на основе существующего в Закавказье расклада основных сил могло быть воплощено только в качестве объединения «в Армению» или «в Грузию».² Борьба армянских Багратидов за реализацию политического идеала в IX-X вв. опиралась в основном на сотрудничество с центральной властью халифата. С угасанием его власти в Закавказье, освободившаяся от арабской зависимости Армения

¹ Иоаннес Драсханакертци, История Армении, Ер. 1986, сс. 155, 156.

² Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, VII, с. 305.

распалась на отдельные царства и княжества; процесс дальнейшего раздробления еще более углубился, благодаря чему большие планы армянских политиков затуманились и превратились в химеру. Более того, начавшаяся с середины X в. византийская агрессия поставила под сомнение само будущее существование армянских политических образований. В этих условиях влияние грузинских представителей власти все более возрастало. По сообщению Иоанна Драсханакертского, «сына [царя] Смбата, Ашота... воцарил над армянами царь Вирка»¹ т. е. Грузии.

Во второй половине X в. этот процесс становится гораздо более глубоким и последовательным. По свидетельству армянских источников, прославленный властитель Тао Давид III куропалат не только активно вмешивается в споры армянских династий и по своему усмотрению улаживает их взаимоотношения, но и при участии армян освобождает армянские земли от владычества арабских эмиратов и затем присоединяет их к своему царству. Успех объединительного движения в Грузии, для развития которого, в отличие от Армении, здесь образовалась гораздо более широкая социально-экономическая и политическая база, обеспечивает последующий рост влияния грузинских правителей (Баграта III, Георгия I, Баграта IV) в Армении. Отныне борьбу за воплощение политического идеала Багратидов продолжают только грузинские правители. К середине XI в. в результате крупной агрессии византийцев и набегов турок-сельджуков в Армении до основания была разрушена национальная государственность, и спасение христианства в Закавказье и его будущее увязалось с возможностями Грузии.

В это кризисное для истории Закавказья время, когда орды кочевников-сельджуков грозили полным уничтожением феодального хозяйства, по заданию грузинских правящих слоев вырабатывалась концепция Леонтия Мровели об общем происхождении, родстве и братстве кавказских народов, которая фактически представляла собой дальнейшее развитие уже ранее сформировав-

¹ Иоаннес Драсханакертци, с. 189.

шегося в высших правящих кругах Грузии и Армении воззрения, поскольку она подготавливала идеологическую основу для распространения грузинской государственности не только на христианскую часть Закавказья, но и на весь Кавказ. Время для выдвижения этой концепции, по нашему мнению, было выбрано исключительно точно. Только общая опасность могла ускорить длительный процесс объединения народов этнически и конфессионально пестрой земли. И поскольку организатором борьбы против общего врага могла выступить только объединенная Грузия, постольку в случае победы могли воплотиться многовековые попытки распространения грузинской государственности на весь Кавказ, что с успехом и завершил Давид Строитель.¹

В основу политики Грузинского государства в отношении освобожденных от сельджуков территорий был положен религиозный принцип. Те территории, в которых преобладало христианское население (Западный Ширван и Северная Армения), были включены непосредственно в состав Грузинского государства, а отношения с остальными были установлены на условиях вассальной зависимости, что вполне отвечало старинной общей грузино-армянской доктрине создания в Закавказье единого христианского государства. Как видно, по этой причине, армяне ощущали себя соучастниками зарождения нового большого грузинского государства и его структур. Такой настрой, думается, нашел отражение в соответствующих формулировках армянских источников, в которых весь государственный аппарат воспринимается, как грузино-армянский: «царь грузин и армян», «полководец грузин и армян», «грузинско-армянское войско» и т. д. Синонимы этих высказываний – «царь христиан», «христианское войско», «христианская страна» и др., в которых выражается культурно-политическое содержание единого, общего государства. По-видимому, укреплению подобной уверенности в армянском обществе в значительной мере способствовала знаменательная формула,

¹ Д. Мухелишвили. Кавказская политика средневековой Грузии (до

относящаяся к грузинским царям – «меч Мессии», обозначающая избавителя и покровителя христиан и подразумевавшая, наверное, в том числе и армянское христианское население. Примечательно, что и армянские авторы позднего средневековья при разговоре о Грузии обращаются к старым формулировкам: «христианская страна», «христианский царь», и др. Вместе с тем, названные армянские авторы хорошо понимают, что эта «общее христианское государство» все-таки является Грузией. Те же «грузинско-армянские» войско, царь или полководец попеременно названы грузинскими. Видно, поэтому нередко их повествования проникнуты ностальгией (напр., у Мхитара Гоша). Грузинский характер «общего государства» христиан в Закавказье объясняет исторической закономерностью следующее предание, сохранившееся в сочинении Киракоса Гандзакеци: «...великолепный, бесценный трон, дивную корону, подобной которой не было ни у кого из царей, которая, говорят, принадлежала Хосрову, отцу армянского царя Трдата Великого, и, спрятанная там, сохранилась благодаря неприступности места [затем] досталась царям грузинским (подразумевается, что по воле Божьей) и там и оставалась по сей день».¹

Этим преданием признаются права грузинских царей не только на часть Армении, вошедшую в состав Грузинского царства, но и на всю историческую, Великую Армению, и следовательно, они признаны законными наследниками армянских царей. Литературное фиксирование этих преданий в армянской части Грузии, разумеется, создавала благоприятную идеологическую среду для властей и способствовала слиянию этих областей с остальной частью страны.

Благодаря своему географическому расположению, с присоединением к Грузии армянские области административно оказались в ряду порубежных областей, которые в отличие от других были более зависимы от центральной власти. Армянские адми-

XIII в.). «Caucasica», v, V, Tbilisi, 1998, сс. 165-166.

нистративные единицы для управления вверялись только самым надежным, с точки зрения царя и государства, представителям знати, среди которых в этом смысле выделялись Мхаргрдзели. Их вклад в укрепление феодальной монархии довольно широко отображен в грузинских и армянских источниках.

Подтверждением полного вхождения Армении в единое Грузинское феодальное государство является также социальная структура и культурный облик этой части Грузии в XIII-XIV вв. Наряду с политическим вхождением в грузинские границы, Армения оказалась в общем пространстве феодального развития Грузии, благодаря чему она и социально и культурно сблизилась с Грузией. В параграфах Судебника Мхитара Гоша совершенно ясно просвечивают характерные для грузинского общественного строя взаимоотношения, что свидетельствует и о том, что ко времени создания упомянутого армянского светского судебника на присоединенной армянской территории уже воцарился грузинский тип феодализма и она не только политически, но и социально стала органической частью Грузии,² что само собой исключало наличие в этой части страны какого-либо независимого социально-политического института.³ А общая социально-политическая среда была тем главным условием, которое давало возможность равного пользования государственным благом всем его членам, поэтому, по всей вероятности, разобщение с ним никого не устраивало, тем более, что на фоне армянских земель, попавших под мусульманское владычество, еще более явно вырисовывалось преимущество грузинской социально-политической системы, служившей основой для развития и расцвета Армении в составе Грузии. Это социально-политическое единство оказалось столь прочным, что при административном устройстве подвластной им страны монголы с

¹ Киракос Гандзакечи, История Армении, с. 195.

² См. З. Ратиани. Вопль источников. Политические и социальные отношения Грузии и Армении согласно Судебнику Мхитара Гоша. Тб., 1989, сс. 15, 33 и др. (на груз. языке).

³ Ibidem, с. 16.

самого начала были вынуждены причислить к Грузии (Гурджистанскому вилайету) и Армении. И как предполагал Н. Бердзенишвили, такое решение было принято ими в результате активных действий армянских политических деятелей. Потому-то, отмечал Н. Бердзенишвили, феодальная Грузия не знала никакой борьбы за племенную независимость, феодалы были олицетворением «Грузии», были равными творческими создателями грузинского феодального общества. Если феодал был настроен сепаратистски, он исходил не из факта культурного (племенного) своеобразия своей вотчины, но из собственных феодальных, хозяйственных, политических интересов.¹

В период владычества монголов, когда власть грузинского царя была крайне ограничена, а каждое проявление сепаратизма феодалов и попытку нарушения целостности страны поддерживали всеми способами, политическое единство армянских общин с Грузией и впрямь обеспечивала, в первую очередь, заинтересованность самого армянского феодального общества в этом единстве, где для него открывалось гораздо более обширное поле деятельности, нежели она могла иметь в небольшом княжестве, находящемся в отсталом окружении. В этом отношении весьма примечательна судьба Орбели – арменизированных грузинских владетелей области Сивниети (Сюника). Элигум и его наследники с помощью монголов за счет земель соседних феодалов создают обширную вотчину и утверждают ее за собой на основании монгольского права, после чего их княжество лишь формально остается в составе Грузии. Но вскоре Орбели опять возвращаются в сонмище грузинской знати и после 1258 г. их дом все-таки включен в податные книги Грузии. Монгольская социально-экономическая система не уживалась с вотчинным владением. Поэтому ради закрепления и неоспоримости вотчины, за что и боролись Орбели, нужно было привлечь грузинское феодальное право и обретенную на основании местной законности легальность.²

¹ Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, VIII, с. 416.

² Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии, III, с. 102.

Социальные интересы армянского населения в эту эпоху, особенно в его верхних слоях, тесно увязывались с грузинским государственным сознанием, что, породило, как об этом писал И. Орбели, стремление армянских светских феодалов ко все более растущему нивелированию с грузинскими светскими феодалами.¹

Н. Марр также отмечал: «Армянская аристократия уже в это время (в XII в.) стояла на последней ступени полной денационализации и ее национализм, как кажется, исчерпывался лишь официальной принадлежностью к Армянской Церкви. С разрывом этой слабой связующей нити старинная армянская аристократия должна была исчезнуть в основной Армении, слившись с чужеземными культурными слоями, грузинскими или мусульманскими, с которыми ее уже давно связывали не только политические и экономические интересы, но также и духовные, в частности, художественный вкус и идеалы».²

Распространение грузинской культуры и грузинского языка на территории бывших армянских царств сопутствовало проникновению и утверждению в Армении грузинской государственности, что в значительной мере ускоряло интеграционные процессы в пределах закавказского христианского мира. Даже когда развившийся в XIII-XV вв. процесс децентрализации вызвал разрушение административно-территориального деления Грузинского государства и постепенное утверждение вместо него сеньорального принципа,³ в армянских областях не изменилось грузинское социально-политическое содержание существующих феодальных княжеств и они не обособлялись от грузинской государственности, до тех пор пока в начале XV в. туркмены силой не оторвали их от Грузии и не утвердили там необратимо восточные варварско-феодальные отношения. Консолидирующую роль грузинской государственности и ее способность оказывать большое влияние

¹ И. А. Орбели. Избранные труды. I. Москва, 1968, с. 236.

² Н. Я. Марр. Ани. Л.-М., 1934, с. 44.

³ Илья Антелава. Центральное и местное управление в Грузии в IX-XIII вв. Тб., 1983, с. 177 (на груз. языке).

на армянское общество не отрицает и С. Еремян, когда на основе анализа происходивших в IX-XIII вв. в Закавказье социально-политических и культурных процессов заключает, что «период, когда армянские земли находились в составе феодальной монархии Грузии, и в дальнейшем (в XVIII в.) воздействовал на сознание последующих поколений. Когда в политических кругах армянского народа дебатировался вопрос об освобождении армянских земель с помощью русского оружия и вооссоздания армянского государства, то оно осмысливалось только в рамках объединенного армяно-грузинского государства».¹

Таким образом, точка зрения армянской историографии относительно совершенно особого, в отличие от других частей страны, политического статуса Армении в составе средневековой централизованной Грузинской монархии, как видим, не подтверждается данными исторических источников и противоречит реальным факторам социально-экономического, политического и культурного характера, из которых выделим несколько основных:

Интеграционный характер протекавших на протяжении IX-XIII вв. в Закавказье социально-экономических, политических и культурных процессов, которые, в первую очередь, подразумевали объединение христианских стран в одно государство и опирались на объективные условия геополитического положения страны, а также, политическое устройство единой Грузинской феодальной монархии во главе с самодержавным царем – «мечом Мессии», фактически исключал возможность существования в рамках этого централизованного государства любой формы политической независимости отдельных его частей, в том числе, и армянских областей.

Перелом, происшедший в XII-XIII вв. в сознании армянского населения, находившегося под покровительством и под влиянием богатого и могучего христианского государства и приобщившегося к социально-политической и культурной жизни Гру-

¹ С. Т. Еремян. Общность судеб и культурно-политическое содружество народов Закавказья в IX-XIII вв. «Кавказ и Византия», I, с. 9.

зии, способствовал усвоению им идеи грузинской государственности и порождал стремление, особенно в высших слоях, к слиянию с грузинским обществом.

В условиях подобного развития исторических явлений, армянские феодальные дома становятся еще более зависимыми от центральной власти. Более того, даже когда в результате переплетения внутренних и внешних факторов (углубление феодализации и установление монгольского владычества в Грузии) центральная власть ослабла, и получили развитие тенденции к распаду Грузии, и как будто ничто не препятствовало формированию владений армянской знати в качестве обособленных политических образований, они все же не проявляли подобного стремления, поскольку их независимое существование, видимо, все же зависело от наличия ослабленного, но все еще единого Грузинского феодального государства. Примечательный факт – как только туркмены в начале XV в. отделили Армению от Грузии, большинство армянских феодальных домов исчезло.

Таким образом, поиски отличного от остальной части страны статуса для вошедшей в состав единой Грузинской феодальной монархии и слившейся с грузинской государственностью Армении, что воочию противоречит общей картине исторического развития Закавказья в средние века, полностью лишены серьезного научного основания.

**«Очерки из истории взаимоотношений
Грузии и Армении в IV-XII вв.», 2002.**

Перевод: Л. Дуларидзе, Л. Микиашили

Нодар Ломоури

**К истории грузинского Петрицонского монастыря
(Бачковский монастырь в Болгарии)**

В 1083 г. крупный византийский феодал, великий domestik Запада Византийской империи Григорий Бакурианис-дзе основал в местечке Петрицос во Фракии (ныне с. Бачково в 30 км от болгарского города Пловдив) монастырь, называемый Петрицонским (ныне Бачковский).

Григорий Бакурианис-дзе, как это явствует из составленного им устава («типика») Петрицонского монастыря, а также из других источников, принадлежал к знатному грузинскому роду из области Тао. Отец его Бакуриани был эриставт-эриставом («князем князей»), скончался он рано и его наследство жена раздала дочерям в приданое. Поэтому Григорию и его брату Абазу пришлось своими силами приобрести богатство и положение; они поступили на службу Византийской империи и достигли, особенно Григорий, больших успехов и высоких должностей. По словам самого Григория, он служил в Армении, Грузии, Сирии и Византийской империи и приобрел в результате «имения, деньги

и звания»¹.

Уже к 1064 г. Григорий занимает довольно высокое положение и пользуется особым доверием императора Константина X Дуки, а в 70-е годы XI в. становится дукой Феодосиополя и военачальником (доместиком) Востока. Когда восточные области Византийской империи были захвачены турками-сельчуками, Григорий переносит свою деятельность на Балканы. В 1081 г. он активно способствует воцарению Алексея I Комнина, а в дальнейшем деятельно участвует в борьбе против норманов Роберта Гвискара, а затем печенегов и половцев². В это время Григорий Бакурианис-дзе был особенно близок к Алексею Комнину, относившемуся к нему с особым доверием и высоко ценившему его военные таланты³.

В 1086 г. Григорий погиб в битве против восставших павликиан и примкнувших к ним печенегов. В результате своей добросовестной службы византийским императорам Григорий Бакурианис-дзе стал одним из крупнейших магнатов империи, владевшим множеством земель и угодий, достиг высоких чинов – он был «севастом» и «великим доместиком Запада». Большого успеха достиг и его брат Абаз, получивший звание «великого магистра». По словам Григория, все его родственники благодаря ему были также удостоены почета и облагодетельствованы⁴.

Примерно за три года до гибели, в 1083 г., Григорий Бакурианис-дзе основал Петрицонский монастырь, получивший от Алексея Комнина привилегии и значительную самостоятельность. В усыпальницу монастыря были перенесены останки Абазы Бакурианис-дзе не дожившего до основания обители. Там же был похоронен и сам ктитор.

В средние века в Грузии, как и в других христианских стра-

¹ Типик Петрицонского монастыря, изд. С. Г. Каухчишвили, Георгика, т. V, 1963, с. 203.

² См. Анна Комнина, Алексиада, изд. Я. Н. Любарского, М., 1965.

³ Анна Комнина, т. II, кн. VI, с. 83.

⁴ Георгика, V, с. 203.

нах, монастыри являлись центрами просвещения и культуры. Грузинские деятели создавали такие центры как в самой Грузии, так и за ее пределами. Петрицонский монастырь сыграл видную роль в развитии грузинского просвещения, литературы и общественной мысли став в ряд таких значительных очагов грузинской Культуры, как Иверский монастырь на Афоне, обитель св. Симеона на Черной горе близ Антиохии, Крестовый монастырь в Палестине и др. Сам ктитор монастыря основал при нем своеобразную семинарию, где должны были готовиться к священническому сану отроки. В Петрицонском монастыре протекала весьма активная научно-богословская и переводческая деятельность – известен ряд произведений, переведенных здесь с греческого на грузинский. В этой обители разрабатывались актуальные проблемы духовной жизни грузинского общества XI-XII вв. Виднейшим представителем Петрицонской школы был грузинский философ-неоплатоник Иоанн Петрици. Посредством Петрицонского монастыря осуществлялись тесные культурные связи между Грузией и Византией.

И после гибели Григория Бакурианис-дзе Петрицонский монастырь оставался грузинским культурным центром в Византийской империи. Таковым считал его, к примеру, царь Давид IV Строитель, который, по словам его историка, «одарил щедро лавры, общины и монастыри не только своего царства, но и Греции, Святой горы, Болгарии («Боргалетисани»), кроме того – Ассирии (Сирии – Н. Л.) и Кипра, Черной горы и Палестины...»⁵.

Ясно, что под монастырем в Болгарии подразумевается именно Петрицонский монастырь, откуда тот же Давид IV перевел в основанную им Гелатскую академию Иоанна Петрици.

Таким образом, изучение истории Петрицонского монастыря имеет большое значение для исследования истории грузинской средневековой культуры. Вместе с тем монастырь этот, благодаря Григорию Бакурианис-дзе, с самого же начала стал крупной фео-

⁵ Картлис цховреба («История Грузии»), т. I, изд. С. Г. Каухчишвили, Тбилиси, 1955, с. 352-353 (на груз. яз.).

дальной вотчиной и изучение его истории имеет немалый интерес для выяснения многих вопросов феодализма в Византии, одним из значительных источников для истории которого является устав Петрицонского монастыря, а что касается грузинского списка этого устава, то и он проливает свет на сущность феодальных институтов Грузии.

В эпоху Крестовых походов Петрицонский монастырь находился под контролем то Византии, то латинян. В 1189 г., во время III крестового похода, крестоносцы захватили крепость Стенимах (Асеновград) и окрестности Петрицонского монастыря; настоятеля монастыря вызвали в Филиппополь и представили Фридриху Барбароссе; император с почетом принял грузинского монаха и после душевной беседы отпустил его обратно⁶.

В 1205 г. болгарский царь Калоян разбил при Адрианополе крестоносцев (латынян) и Петрицонский монастырь оказался в пределах Болгарского царства. Большое покровительство ему оказывал болгарский царь Иван Александр (1331-1371), восстановивший церковь-усыпальницу и украсивший ее новыми фресками. В то время монастырь оставался еще грузинским.

В 1363 г. турки-османы захватили Филиппополь и Петрицонский монастырь потерял свою независимость. В 1393 г. он служил местом заточения патриарха Болгарии Ефимия, а вскоре обитель была разграблена и разорена; из древних строений осталась лишь полуразрушенная церковь св. Архангела, возведенная, по распоряжению Алексея Комнина, уже после смерти Григория Бакурианис-дзе и церковь-усыпальница (костница), а из многочисленной утвари и греческих и грузинских книг до наших дней сохранились лишь икона «Грузинской Божьей матери» и копии монастырского типика. С конца XVI в., когда господство турок несколько смягчилось, монастырь был восстановлен и им овладело греческое духовенство, переименовавшее его в монастырь «Святой троицы».

⁶ Йорд. Иванов, Асеновата крепост на Станимака и Бачковският манастир, «Известия на българското археологическо дружество», II, София, 1912, с. 209.

В 1604 г. на развалинах главного храма, построенного еще Григорием Бакурианис-дзе, был воздвигнут новый храм «Успения Богородицы» и обновлена трапезная. В 1892 г. константинопольский патриарх назначил игуменом Петрицонского монастыря, архимандрита Макария, распродавшего монастырские земли. Полагают, что именно в это время пропал из монастыря греческо-грузинский список устава, позднее обнаруженный на о. Хиос, в библиотеке им Караиса. В 1894 г., по постановлению Святейшего синода, монастырь был передан болгарской православной церкви, восстановившей его древнее наименование⁷.

Что представлял из себя монастырский ансамбль в архитектурном отношении и какие строения входили в него, мы, к сожалению, не знаем. Григорий Бакурианис-дзе в уставе монастыря пишет, что им воздвигнуты «святые церкви с укрепленным монастырем около них» (гл. I, §5). Тут же упоминается построенный им храм «Пресвятой богородицы Петрицонитисы», а также церковь – усыпальница (koimhthvriou), где был погребен брат Григория Абаз (гл. II, §9 и 11). О других строениях конкретных данных не сохранилось. Известно лишь, что, как было отмечено выше, сохранившаяся поныне церковь св. Архангела была воздвигнута уже после смерти ктитора Алексеем Комнином. Главный храм Богородицы Петрицонитисы ныне не существует, однако в усыпальнице имеется фреска с изображением ктитора и его брата, на которой Григорий держит в руках модель храма. Не вызывает сомнения, что это изображение именно и есть главный храм монастыря, что дает возможность хотя бы приблизительно представить архитектурный облик этой церкви. Болгарская исследовательница Э. Бакалова, специально изучившая костницу Петрицонского монастыря, пришла к выводу, что «если исходить из ктиторской модели, эта первоначальная церковь воспроизводила кавказские, точнее, грузинские образцы. Декоративные аркады по фасадам распространяются повсеместно в грузинской архитекту-

⁷ А. В. Урушадзе. Очаг грузинской культуры в Болгарии, Тбилиси. 1969, с. 31-32 (на груз. яз.).

ре в XI и XII вв. как в купольных, так и в т. н. зальных церквах...»⁸.

Другое строение, сохранившееся от XI в., хотя и в реставрированном виде, это вышеупомянутая церковь-усыпальница (костница). Она представляет собой двухэтажное здание, верхний этаж которого «является однефной церковью» с притвором, а нижний – собственно усыпальницей – криптой. Церковь была расписана; сохранились фрески XI в., а также поздняя роспись, относящаяся к XIV в., ко времени болгарского царя Ивана Александра. Росписи Бачковской костницы давно привлекли внимание искусствоведов (А. Грабарь, Н. Мавродинов, А. Васильев, И. Гошев и др.). За последние же годы им посвятила ряд исследований Э. Бакалова, выпустившая в 1977 г. монументальный труд, в котором дано всестороннее исследование Бачковской костницы, выявлены художественные и идейные своеобразия ее росписи.

Находя много общих черт в художественном стиле и художественных приемах бачковской росписи и грузинских фресок, Э. Бакалова обращает особое внимание на тот факт, что эти фрески были по идейному содержанию тесно связаны «с духовными проблемами средневековой Грузии» и «принадлежат истории как Византийского, так и древнегрузинского искусства»⁹.

Все это позволяет сделать вывод, что Григорий Бакурианис-дзе, основывая монастырь для грузин, постарался и внешне придать ему грузинский облик и, надо полагать, привлек при его строительстве грузинских зодчих и художников. Об одном таком мастере – грузине у нас имеется документальное свидетельство: в нарфике крипты сохранилась надпись упоминающая художника Иоанна Ивиropула: «Расписан благой сей храм вверху и внизу рукой Иоанна художника Ивиropула, прочитавший, помолись за меня господу»¹⁰.

⁸ Е. Бакалова, Бачковската костница, София, 1977, с. 219.

⁹ Е. Бакалова, Бачковската костница, с. 219; ср. ее же, Изображения на грузинский светцы в Бачковската костница, ИИИБ. т. XVI, 1973, с. 99-105.

¹⁰ А. В. Урушадзе, Очаг грузинской культуры в Болгарии, с. 63; ср.

Интересно, что в костнице в 1898 в. была сохранена фреска, изображающая св. Георгия с грузинской надписью. В указанном году надпись скопировал болгарский ученый Д. Ласков и переслал копию Н. Я. Марру, который датировал ее XI в. Надпись гласила: «Святой Георгий Кашоэцкий»¹¹. К сожалению, надпись эта ныне не существует.

В 1949 г. Бачковский монастырь посетили грузинские ученые А. Г. Шанидзе, Н. А. Бердзенишвили и О. И. Гигинейшвили. На кресте, венчающем один из куполов главного храма, ими была обнаружена грузинская надпись заглавными буквами (асо-мтаврული), состоящая из одного слова – «победа» (ყდევი – «дзлеваи») и одной неясной буквы, скрытой цементным раствором¹². Позднее, при ремонте купола, крест очистили и надпись выявилась целиком; она гласит: «Иисуса Христа победа» (იესუს ქრისტის ღებვა) и является точным соответствием распространенной формулы jhsou" Cristov" nika'/¹³.

Надо полагать, что этот крест принадлежал еще древнему храму, поскольку строители нового храма в XVII в. не сделали бы на нем грузинской надписи.

В Бачковском монастыре по сей день хранится икона Божьей матери с пространной грузинской надписью на окладе. Надпись точно датируется 1311 годом и в ней сказано, что икона была украшена окладом, созданным двумя братьями из грузинской провинции Тао Афанасием и Окропиром, сыновьями Эгнате¹⁴. Не так давно грузинская надпись была обнаружена на фреске Иоанна Богослова, относящейся к XIV в. и расположенной в притворе Бачковской костницы, рядом с фресковым изображе-

Э. Бакалова, Стенная роспись в церкви-гробнице Бачковского монастыря, София, 1967, с. 25.

¹¹ Н. А. Бердзенишвили, «Дзлеваи», из путешествия в Румынию и Болгарию. Тбилиси, 1949, с. 30-31 (на груз. яз.).

¹² Там же, с. 35.

¹³ А. В. Урушадзе, указ. соч. с. 51-52.

¹⁴ А. В. Урушадзе, указ. соч., с. 36-37; Н. А. Бердзенишвили, Дзлеваи, с. 33.

нием болгарского царя Ивана Александра. На этой фреске под слоем середины XIV в. сохранилась надпись грузинскими заглавными буквами: იიდჳი ოეინე იიადომიეჴააად («Святой Иоанн Богослов»). Обе эти надписи свидетельствуют, что Петрицонский монастырь и в первой половине XIV в. все еще принадлежал грузинам¹⁵.

Вот и все, что осталось в Бачкове от тех времен, когда Петрицонский монастырь был цветущей и богатой обителью, одним из значительных центров грузинской культуры.

Небезынтересен и тот факт, что по сей день в Бачковском монастыре сохранилась устойчивая традиция о грузинском происхождении основателей обители и о принадлежности ее первоначально грузинам. Это свидетельствуют и пояснительные надписи на монастырских строениях и монахи монастыря, прекрасно знающие его историю. Во время нашего посещения монастыря в 1969 г. настоятель монастыря епископ Герасим, с особым почетом принявший нас как соотечественников основателей обители, и ведающий монастырской библиотекой архимандрит Ефимий и другие монахи довольно подробно говорили нам и о братьях «грузинцах» Григории и Абазе, и о различных устных преданиях относительно грузинских реалий монастыря. Так, например, сопровождающий нас монах уверял, что главные ворота монастыря относятся ко времени самого Григория Бакурианис-дзе и изготовлены были грузинским мастером. Кроме того, нам сообщили, что на стене трапезной имеется фреска, на которой изображено лицо, которое изобрело грузинский алфавит. Трапезная была в реставрационных лесах и нам не удалось увидеть саму фреску, но в 1968 г. ее показали С. Г. Каухчишвили и А. В. Урушадзе, дав такое же объяснение, причем утверждал это уже не простой монах, а архимандрит Климент Рыльский, ведающий научными делами Бачковского монастыря¹⁶.

¹⁵ Е. Бакалова, Р. Сирадзе, Новооткрыт старогрузински надпис в Бачковската костница, ж. «Музей и паметници на култура», 3, 1975.

¹⁶ А. В. Урушадзе, указ. соч., с. 54-55.

Но наиболее основной и драгоценной реалией Петрицонского монастыря, дошедшей до нас, является устав, или типик, составленный Григорием и сохранившийся как в греческом, так и в грузинском списках.

Греческая редакция впервые была издана Г. Мусеосом в 1888 г., однако это был новогреческий перевод, выполненный в XVIII в. и содержащий ряд неточностей¹⁷. В 1904 г. Луи Пти издал уже среднегреческий текст типика, хранящийся в библиотеке Академии в Бухаресте¹⁸. Правда, рукопись также относилась к поздней эпохе – к тому же XVIII в. но все же это копия с подлинника, а не перевод.

Сразу же после того, как устав Петрицонского монастыря вошел в научный обиход, ученые обратили внимание на ряд противоречий, связанных с личностью великого доместика. Дело в том, что в уставе Григорий называет себя происходящим из «блестящего грузинского рода», неоднократно подчеркивает, что он основал монастырь исключительно для грузин; с другой же стороны, Византийская писательница XII в., дочь Алексея I Комнина Анна Комнина определенно называет Бакуриана армянином, да и в самом уставе как будто содержатся указания, несовместимые с грузинским происхождением ктитора Петрицонского монастыря.

Устранить эти противоречия попытался Н. Я. Марр. Полностью доверяя Анне Комниной и не сомневаясь в подлинности тех мест греческого текста типика, где речь идет о существовании армянской версии устава и об армянской подписи Григория, Н. Я. Марр объявил Григория армянином по крови, но халкидонитом по вероисповеданию. Согласно его концепции, армяне-халкидониты называли себя «грузинами» (ивирами), поскольку грузины, подобно ромеям (византийским грекам), являлись при-

¹⁷ *Dissertationes jenenses*, IV, Leipzig, 1888.

¹⁸ L. Petit, *Typicon de Crégoire Pacurianos pour le monastère de Pétritzos (Bačkovo) en Bulgarie*, «Византийский временник», приложение к XI т., №1.

верженцами халкидонитского толка православия. Именно таким армянином-халкидонитом, по Марру, являлся Григорий Бакуриан; поэтому-то он, по его мнению и называл себя «виром», а монастырь «вирским», хотя последний и предназначался для армян-халкидонитов¹⁹.

Эта концепция Н. Я. Марра оказала определенное влияние на некоторых ученых (например, на Н. Соколова, И. Гошева, Г. Г. Бека), хотя ряд исследователей продолжали считать Григория Бакуриана грузином (А. Протич, Э. Хонигманн, В. Лазарев, М. Иванов, Г. Острогорский и др.).

Грузинские исследователи не приняли точку зрения Н. Я. Марра и, опираясь на соответствующие указания типика Петрицонского монастыря, а также на данные некоторых грузинских источников и армянского историка Матфея Эдесского (об этом ниже), продолжали признавать несомненное грузинское происхождение Григория Бакурианис-дзе, а его монастырь считать грузинской обителью.

Эта позиция грузинских специалистов нашла первое подтверждение во время поездки в 1949 году грузинских ученых, в том числе А. Г. Шанидзе, в Болгарию²⁰. Здесь, в Софийской национальной библиотеке, они обнаружили грузинскую редакцию типика Петрицонского монастыря. Правда, эта рукопись оказалась очень поздней копией, сделанной человеком, не сведущим в грузинском языке и письменности и буквально перерисовавшим текст с какого-то грузинского подлинника, вероятно, не раньше 2-й половины XIX в., и допустившим множество ошибок и искажений²¹.

Как выяснилось позже, подлинником для вышеназванной софийской рукописи служила рукопись XIII в., хранящаяся в библиотеке им. Караиса на о. Хиос, раньше находившаяся в Петри-

¹⁹ Н. Я. Марр, Аркаун, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах, СПб., 1905 (отгиск из XII т. ВВ, № 1 и 2).

²⁰ Н. А. Бердзенишвили, Дзлеваи..., с. 30 сл.

²¹ Текст издал в 1954 г. М. Тархнишвили: *Typicon Georgi Pacuriani*, ed. M. Tarchnišvili, CSCO, vol. 143, *Scriptores Iberici*, t. 3, Louvain, 1954.

цонском монастыре²². Грузинская редакция сказалась переплетенной вместе со списком греческой редакции, современным грузинскому или несколько более ранним (XI-XII вв.)²³.

Обнаружение грузинского текста, причем довольно древнего, отсутствие здесь указаний о составлении типика на армянском языке и об армянской подписи ктитора, неоднократное повторение того, что Григорий Бакурианис-дзе был грузином («картвели»), что иноки монастыря были «родом грузины», что монастырь был грузинским («картвелтай») окончательно утвердили грузинских ученых в том, что Григорий Бакурианис-дзе был грузином именно по происхождению, а основанный им монастырь являлся грузинским монастырем и культурно-просветительным центром.

Казалось, вопрос был окончательно решен, однако в конце 60-х годов концепция Н. Я. Марра была вновь возрождена в ряде работ В. А. Арутюновой (она же В. А. Арутюнова-Фиданян), которая попыталась развить эту концепцию, подкрепив ее новыми аргументами. В ряде статей и в своей кандидатской диссертации²⁴ А. Арутюнова вновь утверждала, что Петрицонский монастырь был основан главным образом для армян-халкидонитов, его ктитор был по происхождению армянином, но по вероисповеданию «ивиром», т. е. халкидонитом «грузинского толка» (?), а термин «ивир» в византийских источниках зачастую обозначал именно армянина-халкидонита, также как и армянский термин «враци» (грузин)²⁵.

²² Издал в 1971 г. А. Шанидзе: Грузинский монастырь в Болгарии и его типик, с. 60-129 (груз. текст.), с. 281-329 (русс. текст).

²³ Греческий текст издал в 1963 г. С. Г. Каухчишвили, Георгика, т. V, 1963, с. 83-301.

²⁴ В. А. Арутюнова, Типик Григория Бакуриана и некоторые вопросы истории Византийской империи, Автореферат, Ереван, 1968, «Ивер» в византийских источниках XI в., «Сообщения Матанадерана», № 11, 1979, с. 46-66.

²⁵ П. М. Мурадян, К вопросу об оценке греческой и грузинской редакций «типика» Григория Бакуриана (Историко-филол. журнал, Ереван, 1968, на арм. яз., с русск. резюме) придерживается фактически той же

Но вот в 1971 г. А. Г. Шанидзе издает книгу, содержащую научную публикацию грузинской редакции типика Петрицонского монастыря по Хиосскому списку и русский перевод текста. Во введении (на грузинском и русском языках) А. Г. Шанидзе дал подробный анализ типика и всесторонне рассмотрел концепцию Н. Я. Марра, все ее аргументы и вполне убедительно показал несостоятельность этой концепции, также как и «новых» аргументов В. А. Арутюновой и П. М. Мурадяна.

Казалось, что после выхода в свет труда маститого ученого все сомнения о негрузинском происхождении Григория Бакурианис-дзе рассеивались, а противоположная концепция теряла всякую почву.

Однако случилось иначе. Перед нами изданная в 1978 г. издательством АН Армянской ССР книга: «Типик Григория Пакуриана», введение, перевод и комментарий В. А. Арутюновой-Фиданян²⁶. В этой работе фактически основой всех рассуждений автора вновь продолжает оставаться аргументация, которую использовал еще Н. Я. Марр.

Нельзя не отметить, что в принципе можно было бы только приветствовать тот факт, что В. А. Арутюнова взялась за перевод и исследование типика Петрицонского монастыря. Книга В. А. Арутюновой несомненно вносит определенный вклад в дело изучения этого важного документального источника по истории Византии. В ней дан на сегодняшней день единственный и в основном точный перевод текста греческой версии типика на русский язык, в комментариях представлена интерпретация всех основных социально-экономических реалий устава; правда, в данном случае В. А. Арутюнова опирается на исследования других специалистов, но все это собрано воедино, систематизировано, а нередко автор высказывает свои собственные соображения. В этом

точки зрения, повторяя в основном аргументацию Н. Я. Марра, лишь дополняя ее некоторыми новыми данными и рассуждениями.

²⁶ Для краткости мы ниже всюду пишем только девичью фамилию исследовательницы, за что приносим ей свои извинения.

аспекте комментариев В. А. Арутюновой выглядит значительно полнее и точнее, чем соответствующие объяснения С. Г. Кухчишвили и А. Г. Шанидзе. Наиболее полно, в смысле фактического материала, воспроизведен и «Сиггiculum vitae» Григория Бакурианис-дзе, причем установлены новые детали его биографии в связи с войнами Византии и на Балканах, и в Малой Азии.

Но, несмотря на эти положительные стороны работы В. А. Арутюновой, мы заранее должны заявить, что даем ее книге в целом отрицательную оценку. На первый взгляд может показаться, что наши несогласия с автором касаются лишь одного частного вопроса, занимающего в книге, по сравнению с ее общим объемом, незначительное количество страниц и мы не правомочны, исходя лишь из этого спорного вопроса, оценивать всю работу.

Но, во-первых, та концепция В. А. Арутюновой, против которой направлена наша критика, **пронизывает всю книгу**, затрагивая, в определенной мере, даже перевод самого текста. Во-вторых, если пассажи, непосредственно касающиеся вопроса этнического происхождения Григория Бакурианис-дзе, формально занимают ограниченное число страниц, то точка зрения автора по этому вопросу **рассеяна по всей книге**, влияя на определение национальной направленности деятельности и Петрицонского монастыря, и ряда других подобных центров, на определение этнической принадлежности ряда исторических личностей, на выяснение географических и политико-этнических единиц. В третьих, разбирая соответствующие положения В. А. Арутюновой, мы высказываем несогласие с ней не только в сущности спорных вопросов, но **и в методах ее аргументации, в методологических ее позициях.**

И наконец, концепция В. А. Арутюновой, критикуемая нами, касается весьма важных и принципиальных проблем, выходящих за рамки определения этнической принадлежности самого Григория и братии основанного им монастыря, затрагивая более общие вопросы (такие, например, как значение этника «ивир», удельный вес и роль армян-халкидонитов в грузинских провин-

циях Тао, Кларджети, Кола, или в грузинских монастырских центрах и т. д.).

Правомочность нашего подхода доказывается и тем, что сама В. А. Арутюнова признает, что при исследований типака Петрицонского монастыря главным являются два вопроса: «загадочность» этнической принадлежности Григория, его родственников и «людей», а также данные по аграрной истории Болгарии и Византии²⁷. То что для нее наиболее значительным и основным является именно первый вопрос, явствует хотя бы из того, что она касается особенно подробно этого вопроса и во введении своей книги, и в комментариях, и в ряде других своих работ. Ни один вопрос не нашел здесь такого тщательного и всестороннего разбора, как вопрос об этнической принадлежности Григория и непосредственно связанные с ним проблемы.

Само по себе ничего невероятного нет в том, что основатель Петрицонского монастыря мог быть по происхождению армянином. В ту эпоху армяне и грузины были столь тесно связаны, в особенности в юго-западных областях Закавказья, откуда был родом Григорий Бакурианис-дзе, что огрузинивание отдельных армян или даже армянских фамилий, тем более последователей диофизитства, отнюдь не исключено. Однако в нашем конкретном случае это не подтверждается ни данными источников о самом Григорие, ни анализом его деятельности, ни изучением истории Петрицонского монастыря. Главное же то, что работа В. А. Арутюновой содержит столь несовершенные аргументации, что с их помощью ничего нельзя доказать. Справедливости ради должны отметить, что большинство аргументов привлекалось и другими исследователями, в первую очередь Н. Я. Марром, но то, что В. А. Арутюнова сегодня, спустя 75 лет, повторяет эти аргументы и опирается на них, делают ее ответственной за эти доводы.

Каковы же те аргументы, на основании которых В. А. Арутюнова продолжает утверждать, что Григорий Бакуриани был армянином-халкидонитом, а основанный им монастырь предназ-

²⁷ В. А. Арутюнова, Типик Григория Пакуриана, с. 14 (ниже – Типик...).

начался для армян-диофизитов?

В первую очередь В. А. Арутюнова пытается проследить родственные связи Григория и, поставив под сомнение высказанное в литературе мнение о происхождении Григория от некоего Баграта, а также предположив, что Бакуриан, упоминаемой армянским историком Асохиком под 998 г., как и Пакуриан, называемый византийским историком Скилицей в 1001 г., не может быть отцом Григория. В. А. Арутюнова высказывает мысль, что отцом Григория должен был быть правитель гаваров Цахкоти и Коговит и великого авана Ангехтун **Алуза**, упоминаемый продолжателем Фомы Арцруни²⁸.

Мы еще можем согласиться с В. А. Арутюновой, что Бакуриан Асохика и Скилицы вряд ли был отцом Григория, а скорее его дедом, но то, что отцом его был князь князей Алуза, **это абсолютно исключено**. Как же устанавливает В. А. Арутюнова, что Алуза был отцом Григория Бакурианис-дзе?

Продолжатель Фомы Арцруни, рассказывая об одном из представителей семьи Арцруни – владельце гавара и крепости Амюк Абдаль-Мсеха, отмечает, что он был женат на Мариам, дочери «Григора, дуки Востока и внучке славного владельца ишханац ишхана Алуза...». Установив, что правление Абдель-Мсеха приходится на отрезок времени между 1057 и 1097 гг. и отметив, что после 1072 г. дук Востока уже не было, В. А. Арутюнова делает вывод, что время женитьбы Абдель-Мсеха приходится на время между 1057 и 1072 гг. «А с 1057 по 1072 гг., – заключает она, – единственным дукой Востока (из известных нам) с именем Григорий был – Григорий Пакуриан»²⁹. Так и получается, что отцом жены Абдель-Мсеха – Мариам был Григорий Бакуриан, а отцом последнего – Алуза.

Во-первых, время женитьбы Абдель-Мсеха вовсе не обязательно должно приходиться на время, когда отец Мариам был дукой Востока; то, что историк называет ее отца этим титулом, не

²⁸ Типик..., с. 41.

²⁹ Там же, с. 41-12.

обязательно значит, что она не могла выйти за Абдель-Мсеха до того, как ее отец стал дукой, или после того, как эта должность была упразднена. Это означает лишь, что историк знает о том, что отец Мариам носил титул дуки Востока. Следовательно, время женитьбы Абдель-Мсеха никак не может дать точную дату бытности Григора сына Алуза дукой Востока. Во-вторых, мы ведь не знаем достоверно всех дук Востока и, в частности в данном промежутке времени, так что вполне возможно, что между 1057-1072 гг. дукой Востока был какой-то другой Григорий. Но самое главное, что мы прекрасно знаем, как звали в действительности отца великого domestика Григория. Ведь сам он неоднократно называет имя своего отца:

Уже в начале же устава, в §2 он называет себя сыном «Блаженного мтавара эриставов **Бакуриана**» (груз. текст), или «сыном блаженной памяти **Бакуриана**, архонта архонтов» (греч. текст). Григорий и в других местах типика называет своим отцом Бакуриана: §9 и 11, гл. XXI, §2, гл. XXXI, §1, гл. XXXV и §16, гл. XXXVII.

Это известно и В. А. Арутюновой; поэтому она отмечает, что «отца Григория звали Алуз Пакуриани. Пакуриан – имя деда Григория, начиная с отца Григория – Алуза, становится, следовательно, родовым именем»³⁰.

Оставим в стороне то обстоятельство, что другие источники (Историк Давида Строителя, синодик Ивирской лавры на Афоне, Меццетская Постная триодь) Григория называют сыном Бакуриана (Бакурианис-дзе)³¹, сам Григорий шесть раз называет своего отца Бакурианом. Так что же В. А. Арутюнова полагает, что Григорий не знал точно имя своего отца или почему-то скрывал его, называя его только родовым именем?

Вопрос, как нам кажется, ясен: **Алуз никак не может быть отцом Григория, это абсолютно исключено** и нет никаких оснований для того, чтобы высказывать подобное предположение.

³⁰ Типик..., с. 42.

³¹ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 273-275.

Но кто-либо может спросить, такое ли уж большое значение имеет вопрос, как звали отца Григория, и почему может быть заинтересована В. А. Арутюнова в том, чтобы непременно превратить князя князей Алуза в его отца? Ответ очень прост. Те гавары (области), которыми правил Алуз, были армянскими, расположенными в Васпуракане, и Алуза с большой долей вероятности можно считать армянином, что дает В. А. Арутюновой добавочный аргумент для утверждения, что Григорий был по происхождению армянином.

Но Алуз не «прошел» в отцы Григория, и попытка В. А. Арутюновой подкрепить теорию об армянском происхождении Григория Бакурианис-дзе в данном случае потерпела полную неудачу.

Пытаясь найти и добавочные аргументы в пользу вышеозначенной теории, В. А. Арутюнова отмечает: «Тесная связь Григория Пакуриана с Васпураканом находит подтверждение и в том факте, что первый настоятель Петрицонского монастыря был **васпураканский монах** Григорий Ванский (см. пинак гл. 30)»³².

Почему именно «васпураканский монах»? Разве в Грузии нет населенных пунктов с названием «Вани»? Таких пунктов можно назвать несколько, в том числе и в Юго-западной Грузии; в Самцхе, недалеко от древнегрузинского города Одзрхе, находился Ванский монастырь, известный своими пещерными келиями (Ванис квабеби, Ванис-кваби)³³.

Почему же не мог быть первый игумен Петрицонского монастыря из какого-нибудь из этих Вани? Какие есть основания у В. А. Арутюновой, считать первого игумена непременно «васпураканским монахом»? Думаем, что абсолютно никаких³⁴.

³² Типик..., с. 36.

³³ Е. Такайшвили, Три исторические хроники, Тбилиси, 1890, с. 90-91; Вахушти Багратиони, История царства Грузинского, перевод Н. Т. Накашидзе, Тбилиси, 1976, с. 202, 204.

³⁴ Мы лично полагаем, что первый настоятель Петрицонского монастыря был не из Вани, а из Бана – широко известного епископского цен-

В этой части своего исследования В. А. Арутюнова допускает и некоторые другие ошибки и неточности. Так, рассматривая сведения источников о деятелях, носящих имя **Джоджик** и несомненно связанных с семьей Григория Бакурианис-дзе, В. А. Арутюнова утверждает, что «в «Житии св. Иоанна и Евфимия» упоминается Ферс, сын Цоцикия, зять **сестры Василия**, сына Баграта, **того Василия, сына Баграта, который был братом Цоцикия, архонта архонтов**»³⁵.

Во-первых, в «Житии Иоанна и Евфимия» **ни слова нет ни о Ферсе «сыне Цоцикия», ни о других упомянутых здесь лицах. О них речь идет в совершенно другом памятнике – в «Житии Георгия Афонского или Святогорца»**³⁵. Во-вторых, Почему имя «Джоджик» дано в греческой транскрипции? Ведь это грузинский источник. В-третьих, Джоджик был не «зять сестры Василия», а зять самого Василия, т. е. **муж его сестры** – в издании П. Петерса здесь допущена неточность, которую слепо повторяет наш автор. И наконец, в тексте источника нигде не сказано, что «Василий, сын Баграта, бил братом Джоджика, архонта архонтов» – таковой здесь вообще не упоминается. В. А. Арутюнова просто спутала основной текст и примечание издателя: на стр. 85 издания П. Петерса, где в тексте «Жития» упомянут «Василий сын Баграта», в примечании высказывается предположение, что Василий может быть братом Джоджика³⁷. В. А. Арутюнова это примечание приняла за часть текста самого «Жития».

тра в провинции Тао. В грузинских источниках известны деятели из этого пункта, носящие имя «Банели», полностью соответствующее имени «Григория Банели» в типике Петрицонского монастыря; то, что здесь мы имеем «Ванели» вместо «Банели» могло произойти под влиянием греческого языка.

³⁵ Типик..., с. 36 (подчеркнуто нами – Н. Л.).

³⁵ В цитированном В. А. Арутюновой латинском издании этих памятников – *Analecta Bollandiana*, t. 36-37, первое «Житие» оканчивается на с. 68 и затем начинается «Житие Георгия Афонского», так что с. 87, на которой упоминается Ферс (Ферис), никак не может относиться к «Житию Иоанна и Евфемия».

Спрашивается, как же может вести исследование происхождения Григория Бакурианис-дзе или истории основанного им монастыря, столь тесно связанного с грузинским миром, человек, настолько несведущий в грузинских источниках, что он не в состоянии отличить один памятник от другого, путает текст источника с примечанием издателя и не может понять, о чем идет речь в этих источниках. При этом, как увидим ниже, это не единственный случай в рассматриваемой книге.

Раз уж речь зашла о родственниках Григория Бакурианис-дзе, остановимся тут же на аргументе, который сторонники армянского происхождения Григория считают «одним из веских доводов в свою пользу».

В списке хрисовулов, пожалованных Григорию, упоминается документ о том, что он имеет право передать свои имения по желанию «родственникам моим и моим людям, даже если бы они оказались армянами по вероисповеданию» (Типик, гл. XXXVI греч. текста, гл. XXXV В, §11, груз. текста).

П. М. Мурадян, а вслед за ним В. А. Арутюнова, считают, что раз Григорий имел родственников армянского происхождения, он тоже был армянином, а выражения «грузин», «родом грузин» и др. прежде всего означают грузинское вероисповедание³⁸.

Такой вывод нам не совсем понятен. Разве человек, имеющий родственников армян, непременно должен быть армянином? Или наоборот, человек, имеющий родственников грузин, непременно должен быть грузином? Ведь у каждого по разным причинам могут быть родственники других национальностей и непонятно, каким образом наличие родственников той или иной национальности может определять национальную принадлежность данного лица?

У Григория, несомненно, были и родственники армяне. Поскольку у него не было детей³⁹, а из братьев известен лишь

³⁷ *Analecta Bollandiana*, 36-37, с. 85, примеч.

³⁸ П. М. Мурадян, *К вопросу об оценке...*, с. 10; Типик..., с. 135-138.

³⁹ Г. Г. Литаврин, *Относительные размеры и состав имущества провин-*

Абаз, также умерший, как видно, бездетным, то ближайшими родственниками Григория могли быть сестры, зятя (мужья сестер), племянники (дети сестер), а также какие-либо двоюродные братья и сестры, если у него были тетки. Зятя, племянники, двоюродные братья и сестры, не говоря уже о более дальних родственниках, вполне могли быть армянами, в том числе и монофизитами; более того, даже его родные сестры, если они вышли замуж за армян-монофизитов, приняли, конечно, веру мужей. Следовательно, армянами и по национальности, и по вероисповеданию могли быть самые близкие, даже «кровные» родственники Григория и за них-то он и хлопотал, испрашивая право завещать им свое имущество, а их близкое родство являлось **веским основанием** для получения соответствующего хрисовула. Но все это никак не определяет национальную принадлежность Григория; имея таких родственников – армян, Григорий мог оставаться и грузином, и греком, и. представителем любой другой национальности.

Теперь о ссылке на право завещания имущества вассалам армянам. Нам совершенно непонятно, какое это может иметь отношение к вопросу о национальной или конфессиональной принадлежности Григория? Разве национальная или конфессиональная принадлежность вассала может определять национальную принадлежность сюзерена? Общеизвестно, что представители византийской знати, в том числе и императоры, предпочитали иметь вассалов, ипаспистов, слуг-оруженосцев, вооруженную свиту из своих земляков, из этнически родственной им среды, но эти случаи нельзя абсолютизировать; конечно, не все представители византийской знати имели всех вассалов только из соотечественников. А если это так, значит, нельзя из этнической принадлежности вассала выводить этническую принадлежность сеньора – это **методологически неверно**. Из типика мы знаем, что у Григория были вассалы («люди») и грузины, и армяне, так как же

циональной византийской аристократии во второй половине XI в., ВО, 1971, с.157.

определить по этому признаку, кем был он – армянином или грузином. Более того, поскольку Григорий имел поместья в различных районах империи, в числе его вассалов можно предполагать и греков, и болгар, и представителей других национальностей: ведь нельзя думать, что все свои многочисленные имения он населил исключительно грузинами и армянами. Как же определить в данном случае по вассалам его национальность? Ясно, что такой метод абсолютно неприемлем.

Мне могут возразить, что для получения права завещать свое имущество инаковерующим вассалам, Григорий должен был иметь «веские» основания так как в обычных условиях это было запрещено. Но разве таким «веским основанием» могло служить только этническое родство сюзерена и вассала? Среди вассалов совершенно различных национальностей могли быть близкие, верные Григорию люди, имевшие перед ним достаточные заслуги для того, чтобы он хлопотал за них. А император, давая соответствующий хрисовул, мог посчитать вполне резонным такое ходатайство, исходя к тому же из заслуг и большого авторитета самого великого доместика, удовлетворить это ходатайство. Таким образом, подобный аргумент **неверен по существу и неоправдан методологически**.

Одним из доводов, подкрепляющих версию армянского происхождения Григория, В. А. Арутюнова считает то обстоятельство, что родственники и «люди» Григория носят якобы «армянские имена», и перечисляет: Абас, Вардан, Ахсартан⁴⁰. Это тоже в корне неверно. Во-первых, все три имени не армянского происхождения: Абас (вернее Аббас) – арабское имя⁴¹, Вардан и Ахсартан – иранские⁴². Во-вторых, эти имена, хоть и бытовали в Армении, но были широко распространены и в Грузии.

⁴⁰ Типик..., с. 136.

⁴¹ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 339.

⁴² Р. Ачарян, Словарь армянских личных имен, т. V, Ереван, 1962, с. 74; М. К. Андроникашвили, Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям, Тбилиси, 1966, с. 464-465, 512-515.

Так, в грузинской летописи назван феодальный род Абазас-дзени, один из представителей которого Иване Абазас-дзе (вариант-Абасас-дзе) был эриставом Картли при царе Баграте IV⁴³. В Грузии известен Вардан Дадиани, владетель Иване сын Вардана, сванский эристав Вардан и целый род Варданис-дзени⁴⁴. В источниках упоминаются кахетинские цари Ахсартаны⁴⁵, а древняя форма этого североиранско-скифского имени Хсартан засвидетельствована в «Мученичестве святого Або»⁴⁶.

Раз уж речь зашла о родственниках Григория Бакурианис-дзе, считаем нужным отметить, что в 1974 г. Р. Г. Сирадзе опубликовал специальную статью, посвященную родственникам Григория Бакурианис-дзе – Сумбату Бакуриану, его брату Сергию и супруге первого – Кали Бакуриани. Р. Г. Сирадзе убедительно показал, что все они были тесно связаны с грузинским монастырем на Афоне с «Ивироном», оказывали ему щедрую экономическую помощь. Сумбат завещает, чтобы его похоронили в этом монастыре, Кали платит большие деньги за право похоронить своего мужа в «Ивироне», передает этому монастырю свои владения в Родоливе; такая тесная связь Сумбата и Кали Бакуриани с «Ивироном» самым значительным и почитаемым из грузинских монастырских центров за рубежом, является лишним доказательством именно грузинского происхождения семьи Бакуриани⁴⁷. Во всяком случае, В. А. Арутюнова, специально исследующая историю Петрицонского монастыря, составившая «Curticulum vitae» Григория Бакурианис-дзе и посвятившая отдельную главу его семейным связям, обязана была знать одну из новейших работ, специально касающуюся родственников Григория. Кстати, этого

⁴³ Матиане Картлиса, пер., введен. и примеч. М. Д. Лордкипанидзе, Тбилиси, 1976, с. 47-48

⁴⁴ Там же, с. 48, 59-60.

⁴⁵ Картлис цховреба, т. I, с. 308, 309, 311-312, 316-317, 322, 326-327.

⁴⁶ Мученичество св. Або Тпилели, изд. К. С. Кекелидзе, Тбилиси, 1935, с. 174-178.

⁴⁷ Р. Г. Сирадзе, Из истории болгаро-грузино-византийских взаимоотношений, журн. «Цискари», 1974, № 1, с. 107-120.

вопроса довольно подробно касается и болгарская исследовательница Г. Цанкова-Петкова, на работу которой В. А. Арутюнова ссылается лишь для того, чтобы указать на завещание Сумбата Бакуриани и его жены Кали⁴⁸, умалчивая о том, что Г. Цанкова-Петкова неоднократно подчеркивает грузинское происхождение и Григория Бакуриана и Абасия («братья Абасий и Григорий Бакуриани... грузинци по происход») ⁴⁹, а также Сумбата Бакуриани (Родливо «било притежание на грузинеца Симватий Бакуриани...»), объясняя его желание быть погребенным в «Ивиране» именно его грузинским происхождением: отметив, что Кали постриглась в монахини и поступила в монастырь Ивирон, Г. Цанкова-Петкова пишет: «където (т. е. в Ивиране, Н.Л.) нейният мъж като грузинец, пожелал да бъде погребан»⁵⁰.

Столь же неубедительным является, по нашему мнению, и следующий аргумент, выдвинутый П. М. Мурадяном и отстаиваемый В. А. Арутюновой: ссылаясь на грузинского историка, описавшего царствование Давида Строителя, который именуется Григория Бакурианис-дзе «зораваром Востока», П. М. Мурадян делает такой вывод: раз Григорий Бакуриан назван армянским титулом полководца «зораваром», а не грузинским «мхедартмтавари», значит, он был армянином по происхождению. А. Г. Шанидзе совершенно справедливо указал, что этот факт обозначает лишь то, что термин «зоравар» употреблялся и в юго-западных областях Грузии и он мог обозначать там любого воеводу; Григорий же получил это звание во время службы в тех частях Византийской империи, где преимущественно было армянское население⁵¹. В. А. Арутюнова требует от А. Г. Шанидзе примеров⁵². Но применение этого термина историком царя Давида само по се-

⁴⁸ Типик..., с. 44.

⁴⁹ Г. Цанкова-Петкова, За аграрите отношения в средновековна България XI-XII вв., София, 1964, с. 26. ср. 201.

⁵⁰ Там же, с. 43-44

⁵¹ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 274.

⁵² Типик..., с. 138.

бе уже является примером. Кроме того, интересно, что в грузинском списке типика среди пожалованного Петрицонскому монастырю имущества упоминается серебряный крест «зораварский» («сазолаврой») ⁵³. Название явно происходит от титула «зоравар», следовательно, для грузин этот термин не был чуждым и непонятным. На это указывает и тот факт, что термин «зоравар» употребляется и в других грузинских источниках, в частности, – в «Мученичестве св. Вардана и братьев его» и «Мученичестве св. Нерсе архиепископа Армении» ⁵⁴. Правда, оба эти памятника И. В. Абуладзе считает переведенными с армянского языка, но примечателен тот факт, что переводчик не счел нужным переводить этот термин; это означает, что слово это было понятно грузинскому читателю и, следовательно, оно бытовало и в грузинском языке. Особое значение имеет то обстоятельство, что термин «зоравар» упоминается и в известном колофоне Торнике Эристави, приписанном к тексту грузинской рукописи 977 г. Здесь среди племянников Торнике, т. е. среди сыновей известного грузинского деятеля Иоанна-Варазваче, назван Чордванел зоравар ⁵⁵.

Но безотносительно к этому, разве наименование должности того или иного лица каким-либо иноземным титулом непременно означает, что это лицо обязательно принадлежит к тому народу, на языке которого назван его титул? Ведь в той же Грузии, наряду с грузинским термином «мхедартмтавари», для обозначения воеводы применялись и такие термины, как «спаспети», «спасалари», «амирспасалари»; так что же, все те, кто носили эти звания, были по происхождению персы? Думаем, таким образом, что упоминание Григория Бакурианис-дзе «зораваром» ни в какой мере не может быть «веским аргументом» в пользу армянского происхождения великого доместика.

⁵³ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 121.

⁵⁴ И. В. Абуладзе, Грузино-армянские Литературные связи в IX-X вв., Тбилиси, 1944, с. 77 (на груз. яз.).

⁵⁵ А. Цагарели, Сведения о памятниках грузинской письменности, I, 3, СПб., 1894, с. 90; Л. В. Менабде, Очаги древнегрузинской литературы, Тбилиси, 1980, с. 191-193 (на груз. яз.).

Сложнее ответить на другие аргументы, приводимые сторонниками армянского происхождения Григория Бакурианис-дзе. В первую очередь, это указание греческой редакции типика о том, что устав Петрицонского монастыря составлен не только на греческом и грузинском языках, но и на армянском. Этому указанию придавал решающее значение Н. Я. Марр. Для П. М. Мурадяна это один из основных аргументов, повторяет его и В. А. Арутюнова⁵⁶.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что армянская редакция типика не упоминается в грузинской редакции, о чем, кстати сказать, не знал Н. Я. Марр. Какой же редакции отдать предпочтение, опущено ли указание о существовании армянской версии в грузинской редакции, или, наоборот, в греческую редакцию это указание добавлено позже, а грузинская отображает первоначальный текст типика?

Вопрос этот довольно сложный и не случайно он вызвал наиболее оживленный обмен мнениями. А. Г. Шанидзе то место греческой редакции типика, где речь идет о существовании его армянского варианта, считает позднейшей фальсификацией⁵⁷. С. Г. Каухчишвили также полагает, что это место не является органической частью данного параграфа устава и было добавлено позже, когда в связи с тем, что в монастырь стали принимать и православных армян, понадобился и армянский перевод типика⁵⁸. П. Лемерль полагает, что Григорий, хоть и являлся грузином, но

⁵⁶ Отметим, что этот аргумент считают весьма важным и другие исследователи. Так, А. П. Каждан, считая нерешенной проблему о национальной принадлежности Григория, в числе доводов, делающих сомнительным его грузинское происхождение, приводит и этот факт, при этом он, отметив, что в грузинском тексте устава нет упоминания об армянской подписи Григория, умалчивает о том, что в грузинском тексте нет и упоминания армянской версии; см. А. П. Каждан, *Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI-XII вв.*, Ереван, 1975, с. 61.

⁵⁷ А. Г. Шанидзе, *Грузинский монастырь...*, с. 267-273.

⁵⁸ С. Г. Каухчишвили, *Георгика*, V, с. 273-275. P. Lemerle. *Cinq etudes*

вырос в армянской среде, потому собирался перевести свой типик на армянский язык, но этот перевод так и не увидел света⁵⁹.

Во всяком случае, изначальность указания типика о наличии армянской версии вызывает серьезные сомнения. Наши сомнения основаны, в первую очередь, на анализе соответствующего параграфа типика. Мы считаем вполне резонным рассуждение С. Г. Каухчишвили, сопоставившего грузинский и греческие тексты данных параграфов и обратившего внимание на полную логичность грузинской версии и нелогичность греческой.

Действительно, в грузинском тексте все вполне логично: в §1, гл. XXXVI сказано, что устав написан «письмом греческим и грузинским...», в §2 указано, что все эти типики (два греческих и один грузинский – Н. Л.) подписаны рукой Григория, сына Бакуриана, но оба греческих текста подписаны еще патриархом иерусалимским Евфимием; § 3 имеет следующий вид:

«Вот почему он (т. е. типик – Н. Л.) написан по-гречески. А по-грузински написано потому, что иноки моего монастыря – родом грузины («гуарад картвелни ариан») и не умеют читать по-гречески, а нужно, чтобы они читали грузинский список и понимали изложенные определения сего типика»⁶⁰.

Таким образом, здесь объясняется и то, для чего нужно было составлять типик по-гречески, и то, почему нужно было составлять его и на грузинском языке.

А вот в греческом тексте логика изложения явно нарушена; здесь в § 2, гл. XXXVI сказано, что «типик написан на греческом, грузинском и армянском языках, потому что монахи этого монастыря являются грузинами (ивирами) и не знают греческого языка, необходимо поэтому, чтобы этот устав был изложен на грузинском и армянском языках»⁶¹.

Таким образом здесь, как и в грузинской версии, дается

sur le X, siècle Byzantin, Paris, 1977, с.158.

⁵⁹ P. Lemerle, *Cenq études sur le XI^e siècle Byzantin*, Paris, 1977, с.158.

⁶⁰ А. Г. Шанидзе, *Грузинский монастырь...*, с. 327, ср. груз. текст, с. 126.

⁶¹ Типик..., с. 136-137.

объяснение, почему было необходимо составлять типик и на грузинском языке, но ничего не сказано о том, почему же было составлять его и на армянском языке. Если бы слова «и на армянском» принадлежали первоначальному тексту, логично было бы объяснить и необходимость составления типика и на армянском языке; закономерен был бы такой текст: «...потому, что монахи этого монастыря являются грузинами и **армянами** и не знают греческого языка».

Это противоречие попытался устранить П. М. Мурадян; он полагает, что не было необходимости объяснять причину составления армянской версии, так как слова текста «монахи этого монастыря являются ивирами» подразумевали и грузин и армян, ибо термин «ивир» обозначал и армян-халкидонитов⁶².

Это можно было бы утверждать, если бы было доказано, что термин «ивир» действительно обозначал и армян-халкидонитов. А это пока что не доказано и, как увидим ниже, вряд ли может быть доказано. А без этого получается, что одним недоказанным утверждением доказывается другое, одним неизвестным пытаются найти другое. В данном же конкретном случае против такого понимания термина «ивир» говорит соответствующий грузинский текст, где сказано, что иноки этого монастыря «родом грузины» («гуарад картвелни ариан»). Думаем, что и П. М. Мурадян согласится с тем, что «гуарад картвелни» исключает понимание этого термина иначе, как «грузины», грузины, по этническому, а не конфессиональному значению.

Еще один момент. Какова могла быть причина составления типика и на армянском языке? Очевидно, та, что в Петрицонском монастыре сначала же были и армяне-халкидониты, не знающие грузинского языка, или, во всяком случае, грузинской грамоты. Но ведь в типике прямо указано, что Григорием в монастыре «собраны все монахи, **владеющие грузинским письмом и языком...**»⁶³. Если все монахи монастыря владели грузинским пись-

⁶² П. М. Мурадян, указ. соч., с. 103-119.

⁶³ Типик..., с. 68.

мом и языком, для чего же нужно было составлять типик еще и на армянском языке? Этот момент тоже следует принимать во внимание при рассуждении о трех версиях устава. Мы полагаем, что несоответствие между § 1-2, гл. XXXVI, где упоминается армянская версия устава, и вводной частью, где сказано, что все монахи знают грузинские письмо и язык, также позволяет сомневаться в существовании первоначально же армянской версии.

Как же могло случиться, что в греческой версии появилось упоминание армянской версии? Конечно, это не намеренное искажение, не фальсификация и объяснить этот факт можно различными причинами: можно предположить, вслед за С. Г. Каухчишвили, что в Петрицонский монастырь позже стали принимать и армян-халкидонитов, не владеющих грузинским языком и письмом и для них пришлось переводить устав на армянский язык; первоначально надобности в армянской версии не было, поскольку все монахи владели грузинским письмом и языком. Не исключено, что в армянском тексте устава появилась необходимость из-за окружения монастыря: ведь известно, что в его окрестностях были армянские поселения, с которыми у монастыря могли быть конфликты и тяжбы; петрицонским монахам мог понадобиться доступный для окружающих армян документ, удостоверяющий их права. Возможна, наконец, и простая ошибка: переписчик греческого текста видел в монастыре, помимо греческого, грузинский текст устава, принял его за армянский и от себя вписал в текст слова «и на армянском». Такие ошибки имели место (об этом ниже), а в окрестностях Петрицонского монастыря, надо полагать, чаще встречали образцы армянских текстов, что и могло спровоцировать ошибку переписчика. Мы понимаем, что все эти версии представляют собой лишь произвольные домыслы, но они возможны, допустимы, тогда как изъятие данного места из грузинского текста ничем нельзя объяснить.

Так или иначе, ясно одно: составление Григорием Бакурианис-дзе типика своего монастыря и на армянском языке **является весьма сомнительным**, а использование **такого сомнительного**

факта как одного из основных аргументов для той или иной концепции научно и методологически не оправдано.

Теперь коснемся вопроса «армянской подписи» Григория. В греческой версии типика (§ 1, гл. XXXVI) сказано, что типик «подписан мной самим, севастом и великим domestikом Запада Григорием Бакурианом армянскими буквами (dia; a;gmenikw'p grammavtwn)». Конечно, если бы мы были уверены, что типик монастыря был действительно подписан по-армянски, это явилось бы весьма веским аргументом в пользу армянского происхождения Григория, но дело именно в том, что факт армянской подписи ктитора вызывает сомнения.

Во-первых, в грузинском списке типика ничего не сказано о том, что документ был подписан «армянскими буквами». В соответствующем параграфе значится: «Все эти типики ниже подписаны моей, вышеназванного Григория, рукой, но для подтверждения и удостоверения всего, что здесь изложено, оба греческих текста после моей подписи подписаны рукой присутствующего у нас благочестивого патриарха иерусалимского достойного Евфимия...» (с. 127 груз. текста, с. 327 русск. текста).

Как видим, и в грузинской редакции достаточно подробно указано, как и кем подписан устав, но ни слова нет о том, какими буквами выполнена была подпись. Как полагают А. Г. Шанидзе и С. Г. Каухчишвили, грузинский текст следует признать первичным и на это, по нашему мнению, указывает и то обстоятельство, что грузинский текст и в данном случае несколько более подробный: здесь точно указано, какие именно версии устава подписал сам Григорий, а какие еще и патриарх Евфимий – Григорий подписал все три версии – две греческих и одну грузинскую, патриарх же – лишь обе греческие. В греческом же списке тот же пассаж дан более сокращенно, просто указано, что устав подписали и Григорий и патриарх.

Во-вторых, Григорий во всех остальных местах типика, как в греческом, так и в грузинском списке себя называет только

исключительно Григорием, а Бакурианом именуется своего отца⁶⁴. И лишь в двух местах он совершенно неожиданно именуется Григорием Бакурианом: это как раз те два параграфа греческого текста, где речь идет о подписи и о том, на каких языках написан был устав⁶⁵. Что же произошло? Неужели Григорий лишь в конце устава вспомнил, что Бакуриан не только имя его отца, но и его собственный патроним? В то же время в грузинской версии, в том параграфе, где речь идет о языках устава, в полном соответствии со всем текстом типика Григорий опять назван «сыном Бакуриана» (ძობს ბაკურიანობისათვის)⁶⁶. Все это заставляет с недоверием относиться именно к этим местам греческого текста типика и подозревать здесь позднейшие изменения, относящиеся уже к тому времени, когда «Бакуриан» стал патронимом для родственников Григория и когда его самого стали тоже именовать Григорием Бакурианом или просто Бакурианом (Анна Комнина).

В-третьих, мы просмотрели все грузинские официальные документы XI-XII вв. (изданные Ф. Жордания, С. Какабадзе, А. Шанидзе и др.), а также ряд византийских типиков⁶⁷, документы архива Ивилона и других афонских монастырей⁶⁸ и **не нашли ни одного случая, чтобы составитель или кто-либо другой из подписывающих документ отмечал, какими буквами он подписывается**. Вообще такое определение («армянскими буквами») кажется довольно странным и искусственным, тем более в тексте типика, где неоднократно подчеркивается грузинское происхождение самого ктитора, его отца Бакуриана, всей братии монастыря, где подчеркивается необходимость знания всеми мона-

⁶⁴ Типик..., с. 67, 68, 107, 114.

⁶⁵ Там же..., с. 120 и 121.

⁶⁶ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 125.

⁶⁷ А. Дмитриевский, Описание литургических рукописей..., Киев, 1895, т. I; L. Petit, Tipicon de monastère de la Kosmosotira pres d'Aenos, ИРАИК, т. XIII, София, 1908; его же, Le monastère de Notre-Dame de Pitiè, ИРАИК, т. I-III, № 6, 1900.

⁶⁸ Георгика, т. VIII, с. 193 сл., Actes de Lavra, I, édit. par P. Lemerle, A. Guillou..., Paris, 1970.

хами грузинского языка и т. д. Все это наводит на «мысль, что указание на армянскую подпись Григория является простым недоразумением: несведущий в грузинской и армянской письменностях переписчик греческого текста, увидев грузинскую подпись Григория, принял грузинские буквы за армянские и от себя добавил определение – «армянскими буквами». Что подобная ошибка вполне возможна, подтверждается хотя бы тем фактом, что в каталоге библиотеки на Хиосе грузино-греческая рукопись типика (№ 1598) значилась как армяно-греческая, а грузинская рукопись Софийской библиотеки в списке рукописей, изданном В. Йордановым, была обозначена как «армянская церковная книга»⁶⁹.

То, что наше предположение имеет определенное основание, на наш взгляд, доказывается одним примером. Среди документов архива Ивилона наше внимание привлекли два документа – это «Акт о разделе» от 1000 или 1012 г. и договор 1016 г. между игуменами Николаем (монастырь св. Ильи) и Симеоном. Среди подписавших оба акта священнослужителей находятся и представители Ивилона: в первом случае – это Евфимий, а во втором – Георгий; и вот оба они ставят свою подпись по-грузински, грузинскими буквами, и хотя их подписи выделяются из остальных греческих подписей, они сами не считают нужным как-то объяснить это. Но вот как поступает переписчик, снявший копию с этих документов: в обоих случаях он передает формулу подписи по-гречески: 1. „Εὐθύμιος ὁ ἐλάχιστος μοναχὸς καὶ πρεσβύτερος", 2. „Γεώργιος μοναχὸς ὁ Ἰβηρ ὑπέγραψα ἰδιοχείρας" (в подлиннике здесь была грузинская подпись), но в обоих случаях он делает приписку: 1. „εἰς δι ἰβηρικῶν γραμμάτων", 2. „εἰ δι ἰβηρικῶν γραμμάτων», т. е. «единственный (или один) [подписал] грузинскими буквами»*. Следовательно, объяснительную приписку – какими буквами был подписан документ-делает переписчик, копиист, но афонские акты переписывали лица, разбирающиеся в грузинском письме, узнающие грузинские буквы (надо полагать, они часто

⁶⁹ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 40-41, 50.

* Георгика, т. VIII, с. 193-194, 202-204.

встречались с ними на Афоне), тогда как переписчик петрицонского типика не разобрался в подписи Григория и принял грузинские буквы за армянские. Во всяком случае, подобная приписка вполне понятна от переписчика, но ее вряд ли можно ожидать от самого подписавшегося лица.

Еще один пример: среди документов Эсфигменского монастыря есть дарственный акт 1037 г. игумена монастыря и прота Афонской горы Феоктиста. Являясь армянином-халкидонитом, он подписывает акт армянскими буквами, но не пишет там, что вот, мол, я подписался именно «армянскими буквами»⁷⁰.

Следовательно, версия о том, что сам Григорий подписал свой типик по-армянски также **весьма сомнительна** и тоже не может служить **веским аргументом** в пользу армянского происхождения ктитора Петрицонского монастыря.

И наконец, самый основной аргумент в пользу этой концепции, в свое время явившийся исходной точкой для Н. Я. Марра и заставивший его выдвинуть гипотезу о том, что Григорий был армянином-халкидонитом⁷¹. Это прямое указание Анны Комниной, что Григорий Бакуриани (она называет его просто Бакурианом) «происходил из знатного армянского рода»⁷². Это указание является главным доводом также для П. М. Мурадяна⁷³, повторяет его и В. А. Арутюнова.

А. Г. Шанидзе полагает, что Анна Комнина в данном случае ошибалась и противопоставляет ее указанию свидетельство армянского историка, современника Григория Бакурианис-дзе, Матфея Эдесского, называвшего Григория «родом грузном»⁷⁴.

В ответ на это, В. А. Арутюнова ссылается на Я. Н. Любарского, исследователя «Алексиады», который отмечает несомнен-

⁷⁰ Actes de Lavra, с. 186, ср. с. 374.

⁷¹ Н. Я. Марр, Аркаун..., с.23-24; его же, Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI-XII веков, ЗВО, т. XIX, с. 53-113.

⁷² Анна Комнина, Алексиада, с. 97.

⁷³ П. М. Мурадян, указ. соч., с. 107.

⁷⁴ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 259-260.

ную надежность источников Анны Комниной в той части, где речь идет о политических деятелях Византии ее эпохи⁷⁵.

Никто не сомневается в хорошей осведомленности и надежности Анны как историка, однако это вовсе не означает, что она не могла ошибаться и что всем ее сведениям можно всецело и абсолютно доверять. Тот же Я. Н. Любарский, на авторитет которого опирается В. А. Арутюнова, отмечает целый ряд ошибок, допускаемых Анной, невольных искажений используемых ею источников⁷⁶. Из текста «Алексиады» явствует, что Анна не очень-то соблюдает точность при определении национальной принадлежности того или иного лица. Так, например, нормана Руселя она называет кельтом⁷⁷, турецкий эмир Тутах у нее просто варвар⁷⁸, норманы, завербованные полководцем Григорием Маниаком, у нее именуются «италийцами»⁷⁹, турецкий (сельчукский) султанат она называет «Персидской державой»⁸⁰ и т. д.; подобных примеров можно было бы привести в достаточном количестве.

Подобное несоответствие византийских этниконов подлинному этническому содержанию народов встречается в византийских источниках повсеместно и зачастую является следствием распространенной архаизации этниконов⁸¹. Кроме того, следует иметь в виду, что многие этниконы в XI-XII вв., в результате фемного деления империи, переселения на ее территорию новых племен и народов, создания на ее землях и по-соседству политических единиц со смешанным населением и т. д. усложняются и

⁷⁵ Типик..., с. 138.

⁷⁶ Я. Н. Любарский, Об источниках «Алексиады» Анны Комниной, ВВ, т. 25, с. 107 и сл.; его же, предисловие к русскому изд. «Алексиады», с. 27, ср. с. 447, прим. 76.

⁷⁷ Анна Комнина, Алексиада, с. 57 (1,1) ср. с. 442, прим. 34.

⁷⁸ Там же, с. 58.

⁷⁹ Там же, с. 63, ср. с. 447. прим. 73.

⁸⁰ Там же, с. 58.

⁸¹ Г. Г. Литаврин, Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках, ВЭЭСВР, с. 128-217.

изменяются. Но как бы то ни было, фактическая сторона остается неизменной: и в произведении Анны Комниной, и в других византийских источниках имеют место неточности в определении этнической принадлежности отдельных лиц, несоответствия употребляемых этниконов с реальным этническим обликом того или иного народа или отдельной личности, чем бы эти неточности и несоответствия не были вызваны. Следовательно, даже такой осведомленный и надежный историк, как Анна Комнина, вполне могла не разобраться в действительной этнической принадлежности Григория Бакурианис-дзе. Если, скажем, сложная этническая ситуация на Балканах и во Фракии предопределила многозначность термина «болгары», который в византийских источниках не всегда обозначал именно болгар, то не менее сложная этническая ситуация была и в Закавказье: и деление на фемы, и образование областей со смешанным населением, и другие причины создавали определенную путаницу и затрудняли точное определение этнической принадлежности того или иного лица. Поэтому-то один и тот же человек мог в одном источнике именоваться грузином, а в другом – армянином. Примером этому служит хотя бы Фаресман Апокап, которого Продолжатель Скилицы именует ивиром, а Атталиат – армянином.

Таким образом, отнюдь не исключено, что и в случае с Григорием Бакурианис-дзе Анна Комнина могла допустить ошибку хотя бы по той причине, что кто-то из ее осведомителей поведал ей, что Григорий принадлежал к знатному роду с Востока и долгое время служил в Армении; эти сведения у нее могли преломиться таким образом, что Бакуриани был армянином.

Обратим внимание читателя на один весьма примечательный факт: В. А. Арутюнова хоть и ссылается на Я. Н. Любарского, но утаивает от читателя, что тот же Я. Н. Любарский, комментируя вышеприведенное место «Алексиады» относительно Григория, совершенно категорически утверждает, что **«Анна ошибочно называет его (т. е. Григория, – Н. Л.) армянином. На самом деле Бакуриани происходил из знатного грузинского**

рода»⁸².

Интересно, что и Поль Лемерль, в недавно вышедшем исследовании о типике Григория Бакуриани (*Cinq études sur le XI^e siècle Byzantin*, Paris, 1977, с. 158) считает, что Анна или допустила ляпсус, или она плохо разбиралась в национальном составе тех восточных областей, которые к тому времени уже не входили в состав Византийской империи.

Таким образом, и этот на первый взгляд столь веский аргумент в пользу армянского происхождения Григория оказывается на поверку не столь уж незыблемым.

Мы уже предвидим возмущенные возгласы в наш адрес наших оппонентов, а, возможно и части читателей: вот, мол, обвиняя П. М. Мурадяна и В. А. Арутюнову в тенденциозности, автор также пристрастно отменяет все аргументы противной стороны, любым способом пытаюсь опровергнуть армянское происхождение Григория Бакуриана!

Но у нас была несколько иная цель: рассмотрев подробно все аргументы, приводимые в пользу армянского происхождения ктитора Петрицонского монастыря, показать, что если некоторые из этих доводов (такие, как объявление отцом Григория Алузы, ссылка на наличие у него родственников армян, именование его «зораваром») вообще не выдерживают критики и никак не могут быть признаны аргументами в пользу данной концепции, то остальные (такие как составление типика и на армянском языке, армянская подпись Григория) вызывают столь серьезные сомнения, что, в лучшем случае, могут быть признаны как косвенные доводы, а единственное прямое указание Анны Комниной не исключено считать ошибочным.

Если бы в нашем распоряжении не было никаких других сведений о Григории Бакурианис-дзе, кроме вышеизложенных, то указание на составление типика и на армянском языке, указание на армянскую подпись Григория и сведение Анны Комниной могли бы действительно считаться основанием для пред-

⁸² Анна Комнина, *Алексиада*, с. 465, прим. 202 (подчеркнуто нами – Н. Л.)

положения об армянском происхождении Григория. Но даже и в этом случае все эти аргументы могли бы давать основание для выдвижения подобной **гипотезы, предположения**, но отнюдь не для окончательного утверждения, ибо сомнительность всех этих доводов в любом случае оставалась бы в силе.

Однако мы имеем совершенно иное положение вещей: в противовес всем этим косвенным и сомнительным аргументам имеется совершенно определенные и недвусмысленные утверждения **самого Григория** в составленном **им самим** типике, что он был грузином, а основанный им монастырь – грузинской обителью.

Все эти указания, правда, по одной лишь греческой версии, были известны и Н. Я. Марру, но он доказывал, что в устах Григория слово «грузин» имело... «широкое, чисто культурное значение. Всякий армянин-халкидонит, даже все еще более грамотный в армянском, чем грузинском, по его представлению, есть грузин, наряду с чистокровными грузинами, так как он исповедует грузинскую веру»⁸³.

То же самое повторяют П. М. Мурадян и В. А. Арутюнова. Согласно их утверждению, термин «ивир» в византийских источниках, так же как и армянский термин «враци» в армянских источниках, а иногда и «кართვეли» в грузинских, обозначают не только «грузина», но зачастую и армянина-халкидонита. Поэтому одно лишь упоминание его «ивиром» или «карвелом» в типике Петрицонского монастыря или «враци» армянским историком Матфеем Эдесским не может противоречить всем остальным аргументам, а означает лишь то, что Григорий был «ивиром» по вероисповеданию, т. е. армянином-халкидонитом. Соответственно все те сведения типика, где сказано, что монастырь предназначен для «ивиров», что братия должна состоять из «ивиров», имеют в виду не грузин, а именно армян-халкидонитов «грузинского толка» (?).

Но посмотрим, могут ли конкретные места из типика подразумевать не национальную принадлежность Григория, его

⁸³ Н. Я. Марр, Аркаун..., с. 19.

семьи и петрицонской братии, а лишь конфессиональную. Начнем прежде всего с вводной части типика. В §2 Григорий говорит, что монастырь основан «мною, Григорием... родным сыном... Бакуриана, архонта архонтов, человека выдающегося, происхождением с Востока, из блестящего рода ивиров»⁸⁴.

О каком конфессиональном значении слова «ивир» можно говорить в данном случае? Ведь здесь совершенно недвусмысленно сказано именно о происхождении (th;n gevnnhsin...) отца Григория, о его принадлежности к блестящему роду ивиров. Подтверждается такое понимание данного места и грузинской версией типика, где сказано, что Григорий был сыном Бакуриана, происходящего «с Востока и грузина» („აღმოსავლელისა და ქართველისაგან“ – агмосавлелиса да картвелелисайта)⁸⁵. Весь контекст и формы, примененные здесь, – «агмосавлелиса» и «картвелелисайта» – не оставляют сомнений, что речь идет о происхождении Григория, вернее его отца: в грузинском языке «агмосавлели» и «картвели» могут означать лишь «происходящий с Востока» и «грузин» и ни в коем случае не могут подразумевать конфессиональную принадлежность.

В том же введении Григорий пишет: «Мы, ивиры, приобретшие опыт всякой военной службы и испытанные суровой жизнью»⁸⁶. Думаем, что и здесь контекст не оставляет сомнений в том, что термин «ивиры» подразумевает лишь национальную принадлежность, а не вероисповедание – ведь речь идет об образе жизни, характерном для определенного народа, в данном случае – для ивиров, т. е. грузин. Что именно так и только так можно понимать это место, доказывает грузинская версия; здесь сказано: «Мы грузины – народ доблестный, воспитанный по-воински...»⁸⁷. Так это место переводит А. Г. Шанидзе и по смыслу перевод пра-

⁸⁴ Типик..., с. 68.

⁸⁵ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 61, груз. текст с. 281, русск. перевод.

⁸⁶ Типик..., с. 69.

⁸⁷ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 281.

вильный, но если перевести дословно, точнее будет: «ибо мы картвелы по роду-племени доблестны...» („კინადობაჲ ქართველნი ვართ ნათესავით მკნებნი...)⁸⁸. Употребление здесь слова «натесавит», которое переводится в данном случае именно «по роду-племени», абсолютно исключает понимание в терминах «ивирь» и «кارتвелნი» чего-либо другого, кроме национальной принадлежности. Слово «натесави» в древнегрузинском языке обозначает «род», «племя», «народ», «близких по роду» «родственник»⁸⁹, но ни в коем случае не может указывать на вероисповедание. Если бы составитель типика хотел подчеркнуть конфессиональную принадлежность петрицонской братии, он несомненно применил бы слово «сарцмуноебит» – «по вере», как он это делает в §2, гл. 1, где речь идет «о вере грузин» („სარწმუნოებასა ქართველთასა“ – «сарцмуноебаса картвелтаса»)⁹⁰. А контекст, где применяется слово «натесавит», означает лишь национальную принадлежность. Можно привести множество примеров из древнегрузинской литературы, доказывающих, что это слово обозначает именно национальную принадлежность.

Так, например, в «Житии Иллариона Грузина» (XI в.) сказано, что Илларион был «натесавит картвели», т. е. «родом грузин из страны Кахети»⁹¹. Об Иоанне Афонском в «Житии Иоанна и Евфемия» также указано, что был он «родом грузин» («натесавит картвели»)⁹², то же употреблено и в отношении Григория Святогорца в его жизнеописании⁹³. Тот же термин применяется в синаксарных редакциях «Житий» Прохора, Луки, в «Мученичестве святых Давида и Константина» и др.⁹⁴ При этом авторы этих

⁸⁸ Там же, с. 62.

⁸⁹ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 191, словарь; ср. И. В. Абуладзе, Словарь древнегрузинского языка, Тбилиси, 1973, с. 318-319.

⁹⁰ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 68.

⁹¹ Хрестоматия по древнегрузинской литературе, сост. С. И. Кубанейшвили, Тбилиси, 1964, с. 170 (на груз. яз.).

⁹² Там же, с. 178.

⁹³ Там же, с. 190.

⁹⁴ Памятники древнегрузинской агиографической литературы, кн. IV,

агиографических сочинений отнюдь не скрывают, что тот или иной деятель грузинской церкви не был по происхождению грузином и при определении его национальности пользуются тем же термином «натесавит». Так, например, описывая мученичество св. Раждена, агиограф указывает, что Ражден был родом перс – «натесавит спарси»⁹⁵. В мученичестве св. Николая указано, что он был «родом («натесавит») двал»⁹⁶. В позднейших синаксарных версиях о Шио Мгвимели говорится, что он «родом («натесавит») был ассуром (ассирийцем)»⁹⁷, а Евстафий Мцхетский – «агарянином» (персом)⁹⁸. Таких примеров можно было бы привести во множестве из совершенно различных источников.

Все вышесказанное делает совершенно очевидным, что оборот «картвелни натесавит», употребляемый в типике Петрицонского монастыря, **исключает** предположение о том, что термин «ивиры» гегр. «картвелни» имеет конфессиональное значение. **Вне всякого сомнения, в обоих вышеприведенных случаях речь идет о происхождении, национальной принадлежности как самого Григория, так и братии основанного им монастыря.**

Посмотрим другие случаи упоминания в типике терминов «ивир» – «картвели». В греческом списке типика, в том же §2 введения сказано, что в Петрицонском монастыре «собраны и соединены все монахи, владеющие грузинским письмом и языком»⁹⁹. Как же понимать это место? Если предположить, что Григорий собрал в своем монастыре армян-халкидонитов и грузин, как полагает В. А. Арутюнова¹⁰⁰, то почему же все монахи владели грузинским письмом и языком? Неужели автор думает, что армяне-халкидониты непременно владели грузинской письменнос-

Тбилиси, 1968, с. 354, 346, 359, 365 (на груз. яз.).

⁹⁵ Хрестоматия..., с. 242.

⁹⁶ Хрестоматия..., с. 254; Памятники..., с. 348.

⁹⁷ Памятники..., с. 366.

⁹⁸ Там же, с. 386.

⁹⁹ Типик..., с. 68.

¹⁰⁰ Там же, с. 195.

тью и языком раз они принимали халкидонитство? Если это было так, то тогда какая же была необходимость составлять типик и на армянском языке? Ведь В. А. Арутюнова не сомневается в реальном существовании армянской версии устава. Ясно, что все эти вопросы разрешаются очень просто: это место типика еще раз подтверждает, что монахи Петрицонского монастыря были именно грузины, поэтому-то они и говорили и писали по-грузински.

Глава XXV озаглавлена: «Об ивирах, родственниках и людях наших, которые приняли или примут монашеский чин, как нужно их принять»¹⁰¹. В тексте этой главы речь идет о том, что если кто-либо из родственников Григория, «близких ему по крови», удостоены монашеского сана и достойны его, то при приеме в монастырь им следует отдать предпочтение перед «чужаками и людьми извне» (τοὺς ξένους καὶ τοῖς ἑξωτερικοῦς). В §3 той же главы сказано, что такое же предпочтение следует отдавать и другим «из ивиров, которые постригутся в монахи»¹⁰². В грузинском тексте, там, где в греческом стоит «ивирь», сказано «кართვეли» („თქსთა და ნათესავთა ჩუენთა და ყმათა ჩუენთათუხს ქართველთა...“, „...ვინმე იყვნენ ქართველთაგანბი...“)¹⁰³, так что нет никакого основания подразумевать под «ивирами» кого-либо, кроме грузин. Да и весь текст, противопоставляющий «ивиров» и «чужаков, чужеземцев» (слово «ὁ ξένος» означает чужой, чужеземец, как и грузинское слово «უცხო»), не оставляет сомнений, что слово «ивир» здесь имеет лишь единственное значение – национальную принадлежность родственников и людей Григория.

И наконец, об «ивирах» речь идет в том параграфе типика, который мы уже разбирали в другом аспекте; это §2, гл. XXXVI, где указывается, на каких языках был составлен типик. В. А. Арутюнова считает, что и здесь под «ивирами» подразумеваются, кроме грузин, также армяне, но подобное понимание этого тер-

¹⁰¹ Типик..., с. 72, пинак, ср. с. 109.

¹⁰² Там же, с. 109.

¹⁰³ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 109-110.

мина в данном контексте абсолютно исключается соответствующим местом грузинского списка, где сказано, что монахи этого монастыря «родом грузины» – «гуарад картвелни» (გუარად ქართველნი)¹⁰⁴. А под «родом грузины» невозможно подразумевать их конфессиональную принадлежность.

Следовательно, анализ сведений типика Петрицонского монастыря делает совершенно очевидным, что применяемый в греческом списке термин «ивир», так же как и эквивалентный ему термин грузинской версии «карвели», не имеют другого значения, кроме исконного, используемого с древнейших времен: оба они означают лишь «грузина». Да и не было никаких оснований сомневаться в таком значении этих этнонимов. Ведь абсолютно нелогично предполагать, что, будучи армянином по происхождению, Григорий Бакуриани, являясь византийским феодалом и сановником, живя в Византии, именовал бы себя «ивиром» только потому, что был халкидонитом. Армяне-халкидониты могли себя называть «грузинами» после того, как армянские земли вошли в состав Грузинского царства (после XII в.) и они стали подданными грузинского государства. Но армяне-халкидониты, жившие в Византии, являющиеся подданными Византийской империи, конечно же, не называли себя «ивирами» и в том случае, когда не хотели называть себя армянами, именовались «ромеями». Конкретные места типика и в особенности наличие грузинского текста, где используются такие определения, как «карвели натесавит», «гуарад картвели» и т. д. настолько очевидно показывают истинное значение термина «ивир» (resp. «карвели»), что стала совершенно ясной вся несостоятельность точки зрения Марра-Мурадяна-Арутюновой. Тут же следует отметить, что **Н. Я. Марр не был знаком с грузинской версией типика и, естественно, не мог принимать во внимание ее данные**, нынешним же исследователям непростительно игнорирование столь очевидными и недвусмысленными указаниями этой

¹⁰⁴ Там же, с. 126.

версии, указаниями, которые окончательно упраздняют всякую возможность доказывать, что в типике Петрицонского монастыря этноним «ивир» может иметь какое-либо иное значение, кроме «грузина».

На этом можно было бы закончить разговор о происхождении Григория Бакурианис-дзе, ибо раз снимается понимание термина «ивир» («картвели») как армянин-халкидонит, получается, что **сам Григорий** в составленном **им самим** уставе неоднократно именуется себя, своего отца и всю братию своего монастыря грузинами, а перед подобным свидетельством аннулируются все остальные аргументы, сколь убедительными они ни казались некоторым исследователям. Здесь можно лишь добавить, что в свете всего вышесказанного, следует считать ошибочным сохранение в русском переводе типика термина «ивир» без перевода; В. А. Арутюнова, конечно, должна всюду переводить его как «грузин» или «грузинский», как это делает С. Г. Каухчишвили, передавший термины «ивир», «ивирский» грузинскими словами «картвели» и «картули».

Однако мы вынуждены продолжить наш разбор концепции В. А. Арутюновой, ибо вопрос о значении термина «ивир» вышел за рамки выяснения происхождения Григория Бакурианис-дзе и национальной принадлежности братии основанного им монастыря. Некоторые исследователи, с легкой руки Н. Я. Марра, начали утверждать (или повторять), что этноним «ивир» вообще многозначен и сплошь и рядом обозначает не «грузина», а армянина-халкидонита. При этом такое утверждение мы встречаем и в таких работах, авторы которых стараются сохранить объективность в определении национальной принадлежности того или иного деятеля, например, в книге А. П. Каждана.

И вот, В. А. Арутюнова ставит своей целью показать что в различных источниках (византийских, армянских и даже грузинских) этноним «ивир» и соответствующие ему термины («враци» и «картвели») обозначают армян-халкидонитов. По ее мнению, она приводит целый ряд конкретных примеров для иллюстрации

этого положения. В этом и выражается ее основной «вклад» в обоснование разбираемой концепции. Посмотрим, как же она аргументирует это утверждение¹⁰⁵.

Основной целью В. А. Арутюновой является доказать, что в источниках XI в. этникон «ивир» употреблялся в пяти значениях: «1. ивир – испанец, 2. ивир – грузин, 3. ивир – уроженец византийской фемы Ивирия, 4. ивир – армянин, исповедующий халкидонитство грузинской ориентации, 5. ивир – монах Ивиронского монастыря на Афоне»¹⁰⁶.

Оставим в покое первое значение этого этникона (ивир – испанец) и посмотрим, как доказывает В. Л. Арутюнова остальные четыре значения термина «ивир».

В первую очередь В. А. Арутюнова разбирает сведения византийских источников XI в. и заявляет, что в этих источниках упоминается кроме Испании еще две Ивирии – Грузия и фема Византийской империи; соответственно, ивир из Восточной Ивирии – грузин, а с ивиром – уроженцем фемы Ивирия дело обстоит сложнее: здесь может подразумеваться и грузин и не грузин, а следовательно и армянин, если он халкидонит.

Затем автор приводит данные отдельных византийских историков (Атталиата, Скилицы, Продолжателя Скилицы, Михаила Пселла) и пытается установить, когда он подразумевает фему Ивирию, а когда – Грузию, когда слово «ивир» значит у них «грузин», а когда – уроженец фемы Ивирия¹⁰⁷.

Не подлежит сомнению, что в названных византийских источниках наименование «Ивирия» обозначает и византийскую фему Ивирию. Атталиат десять раз упоминает Ивирию и восемь раз имеет в виду фему, у Скилицы-Кедрина Ивирия названа 20

¹⁰⁵ Этой проблеме В. А. Арутюнова посвятила отдельную статью: «Ивер» в византийских источниках XI века, «Сообщения Матенадарана», №11, 1973, с. 46-66; основные положения повторены ею в рассматриваемой книге.

¹⁰⁶ Типик..., с. 134.

¹⁰⁷ Там же, с. 123-128.

раз и в большинстве случаев это опять-таки византийская фема. Да, В. А. Арутюнова права, что «для византийских авторов XI в. Ивирия – это, в подавляющем большинстве случаев, военно-административный округ Византийской империи». Ну и что же? Причем тут значение этника «ивир»? В. А. Арутюнова исходит, как видно, из такой предпосылки: раз существовала фема Ивирия, значит ее население, безотносительно его национальной принадлежности, именовалось «ивирами», а поскольку фема Ивирия имела смешанное, армяно-грузинское население, термин «ивир», когда он «применялся для обозначения жителей этой фемы, мог подразумевать и грузина, и армянина, и любого другого жителя этой фемы. Подобная постановка вопроса, на первый взгляд, не лишена основания, поскольку в византийских источниках действительно часто встречаются факты, когда жителей фемы называют по имени самой фемы. Так жители фемы Анатолик именуются «анатоликами», фемы Далмации – «далматинами», фемы Пелопоннес – «пелопоннесцами» и т. д. На фоне таких сведений не было бы ничего невероятного в том, что и жители фемы Ивирии назывались бы «ивирами». Однако случаи именования жителей фемы по названию самой фемы нельзя все же абсолютизировать. Не имея конкретных фактов, нельзя с полной достоверностью утверждать, что такое обозначение применялось для жителей всех фем. В нашем конкретном случае надо иметь в виду и то обстоятельство, что, наряду с фемой Ивирией, существовала и другая, настоящая Ивирия, «Внутренняя Ивирия», как ее называют иногда византийские авторы. Жителей этой последней ведь тоже именовали ивирами – такие факты приводит сама В. А. Арутюнова. Как же отличали бы византийцы этих ивиров от жителей фемы Ивирии? Думаем, что в отношении жителей фемы Ивирии византийские писатели не стали бы применять тот же этникон, который имел в то время совершенно определенное, сложившееся веками значение. Конечно, в отдельных случаях было не исключено применение этого этника в общем значении и применительно к феме Ивирия. К примеру, когда Скилица

и Атталиант называют «ивирское войско», распущенное Константином IX, **в этом конкретном случае** здесь, возможно, действительно подразумевается «фемное войско Ивирии». Однако такие случаи было бы неправильно обобщать, не имея конкретных данных о таком понимании термина «ивир». Тем более это неоправданно, когда речь идет об отдельных конкретных личностях. Для того, чтобы утверждать, что византийские авторы называют ивирами и негрузин, но жителей фемы Ивирия, надо иметь конкретные факты. Хотя бы несколько неопровержимых свидетельств о том, что конкретные лица не являлись **совершенно точно** грузинами, но их называли «ивирами». Необходимость этого в принципе понимает, как видно, и В. А. Арутюнова. Поэтому-то она и пытается найти в византийских источниках такие данные, когда негрузины по происхождению именуются «ивирами». Однако, как увидим ниже, таких данных не существует а раз нет конкретных данных, значит и концепция о том, что «ивир» обозначал и негрузин, оказывается недоказанной. Между прочим, насколько мы смогли проследить данные византийских источников, то же самое подтверждается и в отношении термина «армянин». Мы не смогли найти в византийских источниках ни одного случая, когда этот этникон (Ἄρμένιος) применялся к жителю фемы Армениак безотносительно его национальности, а не к армянам, безотносительно того, в какой феме они живут. Более того, у нас имеется прямое свидетельство Льва Грамматика, что армянин оставался для византийских писателей армянином, даже когда он жил в другой феме: Лев Грамматик называет жителя фемы Халдии – Татчата «очень богатым армянином»¹⁰⁸.

Посмотрим конкретно те данные, которые А. Арутюнова приводит в доказательство своего положения о том, что термин «ивир» в византийских источниках XI в. мог обозначать и негрузина, в частности же – армянина-халкидонита. В. А. Арутюнова говорит, что у Скилицы-Кедрина термин «ивир» встречается 9 раз, из них ивира куропалата и ивиров в составе войск Фомы

¹⁰⁸ Leon. Gramm ... Chronogr... p. 308, 16-20.

Славянина сама она признает грузинами¹⁰⁹, этническую принадлежность Григория Ивирицы и Пинемия Ивира, по мнению В. А. Арутюновой, определить затруднительно¹¹⁰. Нам, наоборот, кажется что национальная принадлежность и Ивириц и Пинемия совершенно точно определяется их патронимами, но пусть будет так. Одно во всяком случае ясно – В. А. Арутюнова ничем не может доказать и их негрузинское происхождение.

Для нас несомненным является грузинское происхождение и братьев Февдата и Ферса, и Варазваче, которых Скилица называет – ивирами. В. А. Арутюнова же, вместе с Бакурианом, считает их, как видно, армянами. В частности, Ферс хорошо известен из грузинских источников под именем «Фериса Джоджикис-дзе» и он, несомненно, является грузином, следовательно, таковым был и его брат Февдат¹¹¹.

То же самое можно сказать и о Варазваче, который, согласно грузинским источникам, теснейшим образом связан с основателями грузинского монастыря на Афоне. В ряде приписок к различным грузинским рукописям он под именем Иоанна-Варазваче назван братом Торнике Эристави – известного грузинского политического и монастырского деятеля и победителя Варды Склира¹¹²; в то же время в двух приписках к рукописям конца X в. он же назван отцом Евфимия Афонского¹¹³, следовательно, «Варазваче» было мирским именем Иоанна Афонского, основателя и первого игумена монастыря Ивирон¹¹⁴. С этим выводом хорошо

¹⁰⁹ Типик..., с. 126.

¹¹⁰ Типик..., с. 126.

¹¹¹ Житие Георгия Святогорца, Хрестоматия..., с. 192; Матиане Картлиса, с. 44, ср. с. 80; Сумбат Давитисдзе, Жизнь и известия о Багратидах, пер. Е. С. Такайшвили, СМОМПК, XXVIII. 1900, с. 165..

¹¹² А. Цагарели, Сведения..., I, с. 82, 83. 90.

¹¹³ Там же, с. 82.

¹¹⁴ К. С. Кекелидзе, Некоторые вопросы о жизни и деятельности Евфимия Грузина, Этюды, т. I, с. 163-167; его же, История грузинской литературы, т. I, 1941, с. 164; Л. В. Менабде, Очаги древнегрузинской литературы, с. 198.

согласуется указание Скилицы, который называет Варзваче не только Ивиром, но и основателем Ивирского монастыря на Афонской горе¹¹⁵. А в чисто грузинском происхождении основателей Ивирона, надеемся, даже у В. А. Арутюновой не может быть сомнений.

Но В. А. Арутюнова может возразить, что в научной литературе высказано мнение, что вышеназванный Торнике сам был по происхождению армянин, хотя и халкидонитского вероисповедания, следовательно, и его брат становится армянином. Она об этом прямо пишет в своей книге, объявляя его одним из представителей «семьи тайкских Торникянов»¹¹⁶.

Справедливости ради отметим, что в данном случае В. А. Арутюнова лишь повторяет ранее высказанные положения, восходящие к Н. Акиняну, Р. Ачаряну, Н. Адонцу¹¹⁷ и повторяемые также А. П. Кажданом¹¹⁸. Однако, эта точка зрения является подлинным недоразумением: дело в том, что все эти исследователи совершенно произвольно принимают собственное имя Торнике за родовое (за патроним) и причисляют Торнике к армянскому роду Ториникиев, происходящих из Таронской области и столь же необоснованно выделяют несуществующую «тайкскую ветвь Торникянов». Однако мы имеем совершенно определенные данные, которые делают абсолютно беспочвенной эту точку зрения. Имеются документальные свидетельства, что имя Торнике являлось мирским именем, а Иоанн иноческим именем этого бывшего военачальника Давида Куропалата: это, в первую очередь, колофон самого Торнике, где он прямо пишет: «Я Иоване, бывший Торник (տորնիկեացոց զօղման) и брат наш Иоване Варзваче, сыновья благословенного Чордванела... написали эту книгу».. Чуть ниже вновь

¹¹⁵ Cedren., 2, с. 488, 2-3.

¹¹⁶ Типик..., с. 134.

¹¹⁷ Н. Акинян, Филологические разыскания, 4, Вена, 1938, с. 49-88, на арм. яз.; Р. Ачарян, Словарь армянских личных имен, т. IV. с. 320-321; N. Adontz, Thornik le moine, Byzantion, XIII, 1938, с. 156-164; его же, Etudes armeno-byzantines, Lisbonne, 1965, с. 310-318.

повторяется: «...для моления в первую очередь об Иоване, бывшем Торнике а ныне милостью святых царей Иоване Сингелле...»¹¹⁹, Определение «Иоване, бывший Торнике» употребляется в целом ряде приписок к различным рукописям, выполненным по заказу Иоанна-Торнике¹²⁰. Ясно, что имя Торнике являлось не патронимом, а преноменом того же Иоанна Синкелла, его личным именем в миру. Это хорошо доказывают и поминальные акты афонского Ивирского монастыря, где параллельно встречаются упоминания и синкелла Иоанна и синкелла Торнике¹²¹.

Таким образом, снимается единственный аргумент в пользу армянского происхождения Торнике и его брата Варазваче.

Следовательно, во всех случаях, когда Скилица именуется кого-либо «ивиром», совершенно определенно можно сказать, что это грузины или с большой долей вероятности предполагать их грузинское происхождение.

Одно единственное место Продолжателя Скилицы вызывает сомнения: это упоминание Фаресмана Апокапа «из рода ивиров»¹²², которого Атталиат считает «из рода армянского»¹²³. Чем вызвано это противоречие, определить трудно. Возможно, Продолжатель Скилицы допускает здесь ошибку, если, конечно, считать твердо установленным, что Апокапы (Апухапы) были армянским родом. Однако мнение об армянском происхождении этих Апокапов опирается лишь на тот факт, что Апухап и его сын Василий были дуками Эдессы, а последний оборонял от турок Манцикерт; при этом Матфей Эдесский прямо называет Василия сына Апухапа «ромеем»¹²⁴. Одним словом, национальная принадлежность известных Апухапов не вполне ясна и трудно сказать, кто ошибается в случае с Фаресманом Апокапом – Продолжатель

¹¹⁸ А. П. Каждан, указ. соч., с. 48-49.

¹¹⁹ А. Цагарели, Сведения..., с. 90.

¹²⁰ Л. В. Менабде, Очаги..., с. 191-192, там же ссылка на источники.

¹²¹ Георгика, т. VIII., с. 183-184.

¹²² Георгика, т. VI, с. 167.

¹²³ Attal., с. 116, 10-11.

¹²⁴ Матфей Эдесский, с. 64, 119, 151; А. П. Каждан, указ. соч., с. 67-71.

Скилицы или Атталиат. Таким образом, и в этом единственном случае у нас нет совершенно бесспорного указания на то, что армянин по национальности именуется ивиром.

Посмотрим, как обстоит дело у остальных авторов: у Иоанна Зонары вообще нет упоминания кого-либо из ивиров, так что даже не понятно, для чего понадобилась В. А. Арутюновой ссылка на него. То, что у Зонары под термином «Ивирия» иногда подразумевается византийская фема, ничего не дает для выяснения истинного смысла этнонима «ивир».

У Михаила Пселла, как это видно из выписок самой же В. А. Арутюновой, «ивиры» упоминаются лишь однажды и в данном случае, согласно ее же признанию, это – грузины¹²⁵. Кроме того, Пселл упоминает «ивирскую армию» Давида Куропалата, т. е. фактически грузинское войско. Лишь в одном случае связывает Пселл армянина с Ивирией: он называет Льва Торника, который прежде правил Ивирей, т. е. фемой Ивирией¹²⁶. Но разве – здесь где-нибудь сказано, что Лев Торникий был ивиром? Неужели В. А. Арутюнова не видит разницы между правителем той или иной фемы и уроженцам этой фемы.

Так, где же примеры того, что византийские писатели под термином «ивир» подразумевают кроме грузин и негрузин, но жителей фемы Ивирия? Все примеры, приведенные самой же исследовательницей, показывают совсем иную картину; во всех этих примерах этноним «ивир» относится именно к грузинам.

Мы можем с полной ответственностью заявить, что в византийских источниках нет ни одного, буквально ни одного примера, чтобы «ивиром» назывался какой-нибудь негрузин лишь потому, что он являлся жителем фемы Ивирия.

Здесь же считаем нужным привести один пример явного искажения источника: желая доказать, что то или иное лицо может именоваться по своему месту жительства безотносительно к его реальному национальному происхождению, В. А. Арутюнова

¹²⁵ Типик..., с. 127.

¹²⁶ Там же, с. 127.

в виде примера ссылается на одно место из «Хронографии» Льва Грамматика, где якобы названы «халд Адриаи и халд Татчат (армянин)»¹²⁷. Получается, что Татчат именуется халдом, так как он был жителем фемы Халдии, хотя и являлся армянином. В действительности у Льва Грамматика нет ничего подобного, он вообще не упоминает «халда Татчата», у него сказано: «Некий халд Адриан и очень богатый армянин Татчат... устроили восстание против царя Романа...» (!Adriano;" de; ti" Cavldo", pro;" de; kai; Tatzavth" !Armevni" plouvsio" pavnu...)¹²⁸. Думаем, комментарии излишни.

Далее В. А. Арутюнова утверждает, что и армянские источники под этниконом «грузин» («враци») зачастую подразумевают армян-халкидонитов. Отметив, что Павел Таронский и Мхитар Апаранский армян-халкидонитов, т. е. «цатов», называют греками, В. А. Арутюнова пишет, что для Аристакэса Ластивертци, Матфея Эдесского и Степаноса Таронского (Асохика) халкидониты-армяне либо «ромеи», либо «грузины» (vra%i) и приводит ряд примеров для иллюстрации этого положения.

Так, она приводит сведение Асохика, что «фанатиками грузинами в Басенской области «был убит толкователь священных книг Иоанн» и далее заявляет: «Разумеется, имеются в виду не грузины по национальности, **которые не могли жить в этом районе**, а армяне, исповедовавшие грузинскую веру, т. е. армяне-халкидониты»¹²⁹.

На каком основании считает В. А. Арутюнова, что в Басенской области (по грузинским источникам – Басиани) не могли жить грузины? Эта область, где издревле проживали грузинские племена (халибы, саспейры и др.), которая при Давиде Куропалате входила в состав его царства, несомненно имела и грузинское население и поэтому грузинами, убившими Иоанна, вполне могли быть местные грузины, грузины именно по националь-

¹²⁷ Там же, с. 128.

¹²⁸ Leon. Gramm., Chronogr., p. 308, 16-20.

¹²⁹ Типик..., с. 130 (подчеркнуто нами – Н. Л.).

ности.

Абсолютно ничем не доказано, что епископ Валашкертский Захарий, который был посредником между грузинским царем Георгием I и византийским императором Василием II, был по происхождению армянином. В Валашкерте вполне мог в то время быть епископом и грузин. Захария сам Аристакес называет «**родом грузин**»¹³⁰, что исключает видеть в термине «враци» (*vra%oi*) конфессиональное значение. Перед тем, как стать епископом Валашкертским, Захарий был сингеллом в Бана – одной из **грузинских** епархий в Тао¹³¹; до нас дошли 6 рукописей, заказчиком которых он являлся¹³²; в одной из этих рукописей, в греческой приписке, представляющей собой двенадцатистрочный трохаический тетрамерт, он назван «Захарий иверийский инок» (**Ζαχαρίου κσαλογήρου του' #Ιβηρο**)¹³³. Весьма красноречив тот факт, что последние годы своей жизни Захарий Валашкертский подвизался в грузинском монастыре на Афоне¹³⁴. Не случайно, что Валашкертская епархия, согласно несколько более поздним документам, входила в подчинение Картлийского католикоса¹³⁵. Так,

¹³⁰ Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци, изд. К.Н. Юзбашяна, М., 1968. с. 60, ср. с. 66.

¹³¹ Е. М. Мачавариани, К вопросу о разделении труда между переписчиком и художником при создании художественной композиции рукописи, Мравалтави, т. IV, 1975, с. 25, табл. I (на груз. яз.).

¹³² Там же, с. 24-29.

¹³³ Т. С. Каухчишвили, Греческие приписки некоторых грузинских рукописей, Мимомхилвели, т. II, 1951, с. 142; К. С. Кекелидзе, Иерусалимский Канонарь, 1912, с. 297-310.

¹³⁴ Е. М. Мачавариани, указ. соч., с. 24-29; П. М. Мурадян, Грузинская эпиграфика в Армении, Арменоведческие исследования, т. I, 1974, с. 61-82 (на арм. яз.).

¹³⁵ Памятники грузинского права, под ред. И. С. Долидзе, т. II, 1965, с. 49; т. III, 1970, с. 245-246. Рукописи, выполненные по заказу Захария, имеют пометы на грузинском языке, не оставляющие сомнений в его грузинском происхождении, см. Е. М. Мачавариани, Афонский-Иверский монастырь и грузинские украшенные рукописи X-XI вв., журн. «Сабчота хеловнеба» («Советское искусство»), №11, 1980, с. 52-60 (на

что же мешает видеть в нем грузина?

Ничего не дает В. А. Арутюновой и ссылка на то место Асохика, где речь идет о владельце Гагской крепости Деметре. Она неверно передает сведения Асохика: армянский автор нигде не говорит, что Деметре перешел в «грузинскую веру» или стал «грузином», как это утверждает В. А. Арутюнова¹³⁶. Он пишет: «Марзпан Деметре... оставил родную армянскую веру, обратился за помощью к грузинам и совершил омовение в их дважды мертвой воде»¹³⁷, т. е. крестился. Так, где же сказано, что он стал «грузином»?

Одним словом, В. А. Арутюнова не смогла привести ни одного убедительного примера для доказательства того утверждения, что армянские источники под этниконом «враци» могли подразумевать не грузина, а армянина-халкидонита.

Единственную сложность, как будто, представляет определение национальной принадлежности Баграта Вихкаци. С одной стороны, если считать, что он принадлежал к роду патрикия Григория, который оставил в с. Эгрек надпись 1006-1007 гг., то последний здесь, по мнению издателей, назван «ивиром»; следовательно, и Баграт Вихкаци должен быть «ивиром». Однако Атталиат и Продолжатель Скилицы именуют его армянином, а Матфей Эдесский его сына Смбата называет также армянином.

Таким образом получается, что одно и то же лицо выступает в источниках то ивиром, то армянином; этот случай, вполне естественно, привлекается последователями марровской концепции как один из основных аргументов: ясно, что в первом случае он назван «ивиром» по вероисповеданию, в другом – армянином по национальной принадлежности.

Однако принадлежность Баграта Вихкаци к роду патрикия Григория эгрекской надписи весьма гипотетична. Дело в том, что в надписи назван патрикий Григорий, стратиг Лариссы и Македонии, сын Смбата патрикия, который имеет прозвище или пат-

груз. яз).

¹³⁶ Типик..., с. 130.

¹³⁷ AsoĀik. 257.

роним (родовое имя) КНХКАТЗИ. Далее в надписи идет ТΟΥ ΙΚΗ..., а дальше какие-то неясные очертания букв, похожих на иоту и две сигмы¹³⁸. Значение слова КНХКАТЗИ получило в научной литературе различные объяснения: его читали как **κισκάτζι**, сопоставляя с прозвищем владельца Артануджской крепости Ашотом Кискаси (**κισκάσης**), упоминаемом Константином Порфирородным¹³⁹. М. Броссе, опубликовавший факсимиле эгрекской надписи, читал это слово как **Κηχάτζι** а Ж. Гарит сближал с этой формой причастие от армянского глагола «сжигать», что дало основание П. Лемерлю видеть здесь армянский вариант прозвища известного византийского деятеля Кекавмена («Обожженного»)¹⁴⁰. Г. Г. Литаврин и А. П. Каждан именуют патрикия Григория «Кахадзе»¹⁴¹. Однако все эти толкования являются сомнительными гипотезами. И вот совершенно новое осмысление родового имени Смбата и Григория предложил К. Н. Юзбашян. Обратив внимание на то обстоятельство, что в эгрекской надписи отсутствует буква «В» (бета), даже в тех словах, где она несомненно должна быть, например в словах «Василий» (**Βασίλειος**) и «царях» (**Βασιλαίων**), и на то, что в факсимиле надписи в этих случаях «бету» заменяет отчетливое «К» (каппа), К. Н. Юзбашян счел возможным исправить КНХКАТЗИ на ВНХКАТЗИ и увидел здесь родовое имя Вихкаци. Тем самым патрикий Григорий и его отец Смбат эгрекской надписи оказались родственниками выше-

¹³⁸ М. Bposset, *Inscriptions géorgiennes et autres recueillies par. le père Nersès Sargisian*. MAIS VII^e serie, t. VIII, N10, 1864, ee. 12-14, табл. II, №3а; N E. Такайшвили, *Археологическая экспедиция 1917 г. в южные провинции Грузии, Тбилиси, 1952, с. 77.*

¹³⁹ М. Brosset, *Inscriptions...*, с. 13; такого же мнения придерживался и Н. Саргисян, как это видно из ссылки М. Броссе.

¹⁴⁰ P. Lemerle, *Prolégomènes a une édition critique et commentée des «Conseilset Récits» de Kékaumenos*, Bruxelles, 1960. с. 36-37.

¹⁴¹ Рецензия на книгу П. Лемерля, ВВ, т. XXI, 1960, с. 281; в дальнейшем они приняли конъектуру К. Н. Юзбашяна.

названного Баграта Вихкаци¹⁴². А поскольку, начиная с М. Броссе, все специалисты ТОУІКН... восстанавливают как **τοῦ Ἰβηρος** получается, что Вихкаци здесь названы ивирами, хотя, по другим источникам, они армяне. Отсюда закономерный вывод: если в эгрекской надписи Смбат Вихкаци назван ивиром, «то здесь имеется в виду не национальная, а конфессиональная принадлежность»¹⁴³. А отсюда столь же закономерный вывод уже В. А. Арутюновой: термин «ивир» может обозначать и армянина, если он халкидонит.

Такие выводы были бы закономерными, если бы мы были уверены, что конъектура К. Н. Юзбашяна абсолютно верна, но, к сожалению, такой уверенности не может быть. Дело в том, что эгрекская надпись ныне утрачена и нам она известна лишь по факсимиле, сделанном ученым-мхитаристом Нерсесом Саргисяном, плохо владевшим греческим языком; поэтому в факсимиле прокрались ошибки, которые пришлось исправлять П. Лемерлю¹⁴⁴. К. Н. Юзбашян тоже не отрицает возможности допущения некоторых ошибок Н. Саргисяном¹⁴⁵. Следовательно, трудно с полной уверенностью утверждать, что всюду, где в надписи стоит «К», должна быть «В». Таким образом, исправление КНХКАТЗИ в ВНХКАТЗИ возможно, но не обязательно. Это лишь гипотеза, по сравнению с другими более правдоподобная, но все же гипотеза и она останется таковой, пока не будет точно установлено, что стратигом Лариссы и Македонии в 1006-1007 г. был Григорий Вихкаци.

Не менее сомнительно и чтение слова «ивир» (Ἰβηρος). Да, если и здесь вместо «каппы» следует читать «бету», если за тремя первыми буквами идут буквы РОС, то данное слово действительно будет ИВНРОС, но это же опять-таки предположение, основан-

¹⁴² К. Н. Юзбашян, Греческая надпись патрикия Григория КНХКАТЗИ (1006-1007 гг.) и проблема авторства «Стратегикона», ЭБВВИ с. 115-118.

¹⁴³ Там же, с. 119, прим. 40.

¹⁴⁴ P. Lemerle, *Prolégomènes...*, с. 32.

¹⁴⁵ К. Н. Юзбашян, Греческая надпись..., с. 117.

ное на нескольких «если». Ведь мы не можем быть полностью уверены, что Н. Саргисян правильно воспроизвел и первые три буквы – здесь текст был, как видно, испорчен, на что указывает неясность хотя бы последующих букв. Кроме того, ведь не всюду же следует вместо «каппы» читать «бету». И наконец, не существует абсолютно веских оснований читать последние неясные буквы обязательно как РОС. Таким образом, и восстановление слова ИВНРОС вызывает сомнения. Следовательно, в эгрекской надписи сомнительны чтение и «Вихкаци», и «ивир», а на основании столь сомнительных указаний, думаем, что вряд ли можно говорить о родстве Баграта Вихкаци с патрикием Григорием и об их «ивирстве». Таким образом, мы не имеем никаких серьезных и бесспорных данных, которые можно было бы противопоставлять сведениям Атталиата, Продолжателя Скилицы и Матфея Эдесского. Кстати, у Матфея Эдесского имеется сведение не только о Смбате Вихкаци, но и о самом Баграте. По его рассказу, в 1064 г. обороной Ани от сельджуков руководили два человека: Григор, сын Бакуриана и Багра́т, отец Смбата, причем о Григории он специально говорит – «грузин по племени» (*vra%i tzgaw*), не отмечая национальной принадлежности Баграта¹⁴⁶; ясно, что Матфей видит в нем армянина¹⁴⁷.

Следовательно, нет никаких оснований видеть в представителях рода Вихкаци непременно армян-халкидонитов, иногда именуемых «ивирами» именно из-за их конфессиональной принадлежности. Думаем, что этническая принадлежность Вихкаци освещается в источниках однозначно: они были армяне и их никто никогда не именовал «ивирами», так что их пример ни в чем не может помочь В. А. Арутюновой.

Тут же считаем нужным отметить, что версию о том, что с XI в. армяне-халкидониты именовались «грузинами», поддерживает и П. М. Мурадян в своей недавно вышедшей книге¹⁴⁸. Это,

¹⁴⁶ Matthieu, с.123.

¹⁴⁷ А. П. Каждан, Армяне в составе..., с. 66,

¹⁴⁸ П. М. Мурадян, Грузинская эпиграфика Армении, Ереван, 1977 (на

по его мнению, подтверждается особенно грузинской надписью католикоса Етифания от 1218 года в Ани. Ссылаясь на мнение Н.Я. Марра, что, под «грузинами» этой надписи подразумеваются и армяне-халкидониты¹⁴⁹, П. М. Мурадян, фактически лишь на этом основании, также считает, что под этнонимом «грузин» в данной надписи следует понимать именно армян-халкидонитов¹⁵⁰.

Однако ссылка на мнение Н. Я. Марра не может быть достаточно веским аргументом, поскольку оно само требует доказательств, а контекст надписи вовсе не дает оснований для подобного утверждения. В надписи этноним «грузин» встречается лишь один раз, в том месте, где католикос обращается к своей пастве: «Жители сего города грузины!» („...მკვდრხო ამის ქალაქისაზნო ქართველნი!“)¹⁵¹.

На каком основании мы должны предполагать, что католикос Грузии, употребляя термин «грузины» („ქართველნი“), имел в виду не своих соотечественников, а армян-халкидонитов, просто непонятно. Ведь город Ани неоднократно входил в состав грузинского государства начиная с 40-х годов XI в., а при Георгии III в 1161 г. был окончательно присоединен к Грузинскому царству¹⁵².

Правда, и после этого город не раз переходил в руки мусульман-шеддадидов на условиях вассальной зависимости от царя Грузии, но зачастую находился и в непосредственном подчинении грузинской царской власти, которая назначала здесь правителями грузинских феодалов. Таким образом, с середины XII в. г. Ани так или иначе находился в подчинении Грузинского царства, а с конца XII в., с 1199 г. он окончательно вошел в его состав¹⁵³.

арм. яз., с. русск. резюме).

¹⁴⁹ Н. Я. Марр, Ани, 1934, с. 131.

¹⁵⁰ П. М. Мурадян, Грузинская эпиграфика Армении, с. 285.

¹⁵¹ Там же, с. 295.

¹⁵² И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, т. II, Тбилиси, 1965, с. 143, 207, 232.

¹⁵³ М. Д. Лордкипанидзе, Из истории борьбы за г. Ани в XII в. «Вопросы

Следовательно, наличие среди его жителей грузин не только не исключается, но само собой подразумевается; кстати, это признает и Н. Я. Марр¹⁵⁴.

Таким образом, надпись католикоса Грузии Етифания не содержит никаких указаний, позволяющих утверждать, что термин «грузин» мог означать армян-халкидонитов. Надпись эта является прямым и несомненным доказательством лишь того, что в Ани в начале XIII в. грузинское население было в таком количестве, что имело собственную церковь.

П. М. Мурадян считает, что марровское заключение о том, что термин «грузин» означал и армян-халкидонитов, подтверждается «многочисленными новыми данными, но прежде всего сводом грузинской эпиграфики в Армении; примером являются надписи в Чангли, Карсе, Ани и Алашкерте, а также в Ванан-ванке»¹⁵⁵.

Мы не знаем какими «новыми данными» подтверждается «марровское заключение», но что свод грузинской эпиграфики в Армении ничем не подтверждает это положение, это не подлежит сомнению. Да, в Чангли, Карсе, Ани, Алашкерте и Ванан-ванке имеются грузинские надписи и часть из них, возможно, действительно составлена армянами-халкидонитами, но, спрашивается, какая из этих надписей подтверждает положение о том, что термин «грузин» обозначает армян-халкидонитов? Ни в одной из них нет ничего подобного, нет даже намек на это утверждение.

Таким образом, вся концепция о том, что в армянских источниках начиная с XI в. термин «грузин» («враци») мог означать и армян-халкидонитов, повисает в воздухе, **поскольку нет ни одного прямого свидетельства, подтверждающего это положение.**

И наконец, совершенно непонятным является утверждение В. А. Арутюновой, что той же точки зрения держались грузинские авторы средневековья. Чем же доказывает она это свое

истории феодальной Грузии», кн. I, 1970, с. 104-119 (на груз. яз., здесь см. всю литературу).

¹⁵⁴ Н. Я. Марр, Ани, с. 131.

¹⁵⁵ П. М. Мурадян, Грузинская эпиграфика Армении, с. 285.

утверждение?

В. А. Арутюнова уверяет читателя, что в «Житии св. Иоанна и Евфимия» есть эпизод из догматической борьбы между греками и грузинами, якобы показывающий, что в монастыре св. Симеона (в Сирии) были и армяне-халкидониты, именовавшие себя «ивирами» в силу своей конфессиональной принадлежности. Она приводит тот эпизод, где рассказывается, что к антиохийскому патриарху Феодосию пришли монахи-греки из монастыря св. Симеона и пожаловались ему на находящихся в их монастыре 60 человек, называющих себя «ивирами», о вере которых никто ничего не знает. На вопрос патриарха; «Как может случиться, что ивиры не обладают истинной верой?» – последовал ответ: «Ивиры они или армяне, мы не знаем, но никакой их священник в нашем монастыре не может служить службу» (делается ссылка на *Apalecta Bolndiana*, 36-37, p. 113, 4-29). И вот на этом основании В. А. Арутюнова заключает, что среди «ивиров» этого монастыря были и армяне-халкидониты, которые именовали себя «ивирами»¹⁵⁶.

Даже если бы все было так, как это приведено у В. А. Арутюновой, непонятно, откуда делается подобный вывод. Разве то, что греки монастыря св. Симеона, желая очернить здешних монахов-грузин, говорят, что не знают, кто они – армяне или грузины, может служить доказательством присутствия среди монахов этой обители армян-халкидонитов, именовавших себя «ивирами»?

Но самое основное то, что В. А. Арутюнова не совсем правильно поняла суть всех тех событий, о которых идет речь в данном источнике. Во-первых, она вновь спутала различные источники: данный эпизод излагается не в «Житии св. Иоанна и Евфимия», а в «Житии Георгия Афонского». Во-вторых, в источнике нет упоминания «ивиров», здесь речь идет о «грузинах» (картвеллах), причем автор этого «Жития», сам вне всякого сомнения грузин, так начинает этот эпизод: «Ибо некие люди из обители святого Свимона возымели дьявольскую зависть против нас

¹⁵⁶ Типик..., с. 131.

грузин (ჩუენ ქართველთა ზედა), пожелали племя наше искоренить из обители святого Свимона...»¹⁵⁷. Ясно, что дело касается именно грузин, а не «ивиров», среди которых могли быть якобы и армяне-халкидониты. В-третьих, здесь абсолютно ни при чем дело «о неправославии армян-халкидонитов» или «догматическая борьба между греками и грузинами». Если бы В. А. Арутюнова не вырвала искусственно часть рассказа из «Жития Георгия Афонского», а проследила весь этот эпизод, она сама убедилась бы, что здесь в дальнейшем спор идет не о «неправославии армян-халкидонитов», а об автокефалии грузинской церкви, о праве грузин избирать католикоса и епископов, о зависимости грузинской церкви от антиохийского патриарха, и Георгий Святогорец доказывает именно права грузинской церкви на самостоятельность¹⁵⁸.

Абсолютно непонятной является и ссылка на «Житие св. Григория Хандзтийского», на одно «чрезвычайно выразительное высказывание», которое, по мнению В. А. Арутюновой, подтверждает ее концепцию. Речь идет о том месте «Жития», где сказано, что «Грузией считается обширная страна, именно вся та, в которой службы совершают и молитвы творят на грузинском языке»¹⁵⁹.

Это место неоднократно комментировалось в научной литературе и поэтому хорошо известно, о чем идет здесь речь, и какие процессы, происходившие в Грузии того времени отображает автор «Жития». Как это выяснено, указанное место из «Жития» отображает определенный этап в борьбе за объединение Грузии; процессу политического объединения предшествовала (вернее сопутствовала) определенная идеологическая подготовка, ставившая своей целью постулирование религиозно-церковного и язы-

¹⁵⁷ «Житие Георгия Афонского», Хрестоматия..., с. 201; *Apalecta Bollandiana*, с. 114.

¹⁵⁸ Там же, с. 201-203; *Apalecta Bollandiana*, с. 114-117; критика этого места книги В. А. Арутюновой дана в статье Т. Геленава, Из истории грузинской литературной культуры, «Мацне», СЯЛ, 1.979, № 4, с. 145-155 (на груз. яз).

¹⁵⁹ Типик..., с. 132, здесь перевод дан по изданию Н. Я. Марра: Георгий Мерчул, Житие св. Григория Хандзтийского, СПб., 1911, с. 123.

кового единства всей Грузии. Именно в силу этого идеологического постулата происходит расширение понятия «Картли»¹⁶⁰ возникновение термина «вся Картли» (ყოველი ქართლი), ставшего основной для выработки и дальнейшем (с начала XI в.) понятия «Сакартвело». В то время было необходимо доказать, что «Картли» – это не только собственно Восточная Грузия (Иберия), но также и Западная и Юго-западная Грузия. И вот Георгий Мерчуле в вышеприведенном месте обосновывает правомочность употребления термина «Картли» по «отношению и к другим грузинским областям, в первую очередь по отношению к Западной Грузии»¹⁶¹.

Следовательно, здесь абсолютно ни при чем армяне-халкидониты. Прежде чем использовать данные того или иного источника для подтверждения своих концепций, необходимо полностью разобраться в характере самого источника, понять идеологическую его направленность, идейную позицию его автора, уяснить соответствующую историческую ситуацию и ознакомиться хотя бы с основной научной литературой по данному вопросу.

Наконец, В. А. Арутюнова пытается доказать, что термин «ивир» имеет еще одно значение – монах Ивирского монастыря на Афоне. Для этого она выписывает довольно большое количество примеров из документов Афона, где представлены надписи различных деятелей этого монастыря, называемых «Ивирами» и считает, что здесь этот термин обозначает «монаха монастыря Ивирон»¹⁶². Опять-таки неверный вывод. Во-первых, исследовательница должна была обратить внимание на тот факт, что «Ивирами» названы в актах и в манускриптах «Варлаама и Иосафа» совершенно определен-

¹⁶⁰ В вышеприведенном переводе Н. Я. Марра здесь некоторая неточность; в тексте сказано, что «Картли считается обширная страна...», см. Хрестоматия..., с. 132.

¹⁶¹ Н. А. Бердзенишвили, Вазират в феодальной Грузии, «Вестник ИЯИМК», т. X, 1941, с. 297-298 (на груз. яз.); подробно см. М. Д. Лордкипанидзе, Политическое объединение феодальной Грузии, Тбилиси, 1963, с. 258 сл., особенно с. 282-285.

¹⁶² Типик..., с. 133-134.

ные лица, а не любые монахи Ивирона – это Иоанн, Евфимий и Георгий – ктитория и первые игумены Иверского монастыря. Во-вторых, общеизвестно, что «Ивирами» («Грузинами») именовались и церковные деятели, ничего общего не имевшие с Ивироном: Петр Ивер, Илларион Грузин, Антимий Ивериец. В третьих, в научной литературе указано, что из числа многих грузинских монастырских деятелей, лишь за единичными закрепилось наименование «Картвели» («Ивир»), являвшееся как-бы почетным званием и «этой чести достаивались они за их деятельность за границей и большие заслуги перед национальной культурой»¹⁶³. И, наконец, все названные в афонских актах лица и по национальности были грузинами; мы не имеем ни одного случая упоминания «ивиром» какого-либо ивиронского монаха, который бы в то же самое время не был грузином по происхождению. Таким образом, приводимые примеры вовсе не пригодны для подтверждения точки зрения В. А. Арутюновой относительно значения термина «ивир».

Из всего вышеизложенного становится совершенно очевидным, что В. А. Арутюнова не смогла привести **ни одного** примера, подтверждающего многозначность этникона «ивир». Она не смогла привести также **ни одного, буквально ни одного** факта, когда бы то или иное лицо, **бесспорно, несомненно** являясь по происхождению армянином, именовалось бы «ивиром» (или «враци», или «картвели») только потому, что оно приняло халкидонитство. Она и не могла привести подобные примеры, поскольку таковых не существует. **Термин «ивир» (так же как и соответствующие ему армянский и грузинский термины) употреблялся лишь в одном единственном значении – он всегда и везде обозначал грузина.**

Следовательно, когда Григорий Бакурианис-дзе в составленном им типике называет себя «ивиром» («картвелом»), а основанный им монастырь «ивирским» («картвелта»), то здесь исключено другое объяснение, кроме того, что сам он был **грузином**, а его монастырь **грузинским**, предназначенным для **грузинской братии**.

¹⁶³ М. Ш. Долакидзе, Древние редакции «Жития Иллариона Грузина», Тбилиси, 1974, с. 3-4 (на груз. яз.).

Такой вывод целиком подтверждается и историей Петрицонского монастыря, его ролью как монастырского и культурно-просветительского центра. Кстати, этот круг вопросов остался совершенно вне внимания В. А. Арутюновой и это вполне понятно, поскольку вся деятельность, протекавшая в Петрицонском монастыре, полностью опровергает концепцию о том, что монастырь этот предназначался для армян-халкидонитов. В научной литературе общеизвестно, что Петрицонский монастырь был одним из значительных центров именно грузинской культуры, где велась интенсивная переводческая и научно-творческая деятельность. Одним из выдающихся представителей Петрицонской философско-литературной школы являлся **грузинский философ Иоанн Петрици**, осуществивший здесь перевод на грузинский язык «Богословских начал» Прокла с комментариями¹⁶⁴. Здесь был выполнен грузинский перевод текста Евфимия Зигавина «Паноплия»¹⁶⁵. По заказу петрицонского монаха Давида известный грузинский ученый-богослов Арсен Икалтоели перевел «Догматикон» Никиты Монаха¹⁶⁶, здесь были переработаны и обновлены «Святцы» Давида Гареджийского¹⁶⁷. В Петрицонском монастыре было обязательно знание **грузинского языка** и **грузинской письменности**, при нем функционировала семинария для обучения грузинской молодежи¹⁶⁸. Среди книг, хранимых в Петрицонском монастыре, кроме греческих, упомянуты лишь **грузинские книги**; в монастыре, хоть и не много, но все же

¹⁶⁴ Иоанн Петрици, Труды, т. II, Тбилиси. 1937, с. 219; С. Г. Каухчишвили, История византийской литературы, Тбилиси, 1963, с. 261-262, там же литература (обе - на груз. яз.).

¹⁶⁵ А. Г. Шанидзе, Великий доместик Запада Григорий Бакурианис-дзе и грузинский монастырь, основанный им в Болгарии, Тбилиси, 1970, 25; П. М. Мурадян, Древнегрузинский перевод *Panopliva dogmatikhv* Евфимия Зигавина, Сб. «Марр и вопросы арменистики», Ереван, 1968, с. 296-305 (на арм. яз.).

¹⁶⁶ К. С. Кекелидзе, История грузинской литературы, т. I, с. 258-259.

¹⁶⁷ Там же, с. 139-144; Г. Н. Чубинашвили, Пещерный монастырь Давида Гареджи, Тбилиси, 1948, с. 24.

¹⁶⁸ Типик..., с. 68.

сохранились **грузинские надписи и ни одной строчки, ни одной буквы на армянском языке**¹⁶⁹.

Что же все это значит? Несомненно лишь то, что этот монастырь являлся монастырско-культурным центром, неразрывно и органически связанным с грузинским культурным миром, одним из важнейших зарубежных центров грузинской средневековой культуры. Кстати, отметим, что даже те исследователи, которые под давлением авторитета Н. Я. Марра считали Григория Бакурианис-дзе армянином, не могут отрицать, что монастырь был грузинским. Так, например, И. Соколов, ссылаясь на Н. Я. Марра, отмечал, что Григорий происходил из «огрузинившихся армян-халкидонитов», но тут же заявлял, что «монастырь в честь Богородицы Петрицонитиссы основали исключительно для грузинских монахов»¹⁷⁰. А Г. Г. Бек, также считавший самого Григория армянином, монастырь признавал «центром греческо-грузинского культурного обмена»¹⁷¹. Тут же отметим, что ряд ученых безоговорочно признает Григория Бакурианис-дзе грузином, а основанный им монастырь – грузинским, хотя им были прекрасно известны и сведения Анны Комниной и другие данные, якобы указывающие на армянское происхождение Григория¹⁷².

На этом можно было бы закончить разбор работы В. А.

¹⁶⁹ А. Г. Шанидзе, *Грузинский монастырь...*, с. 354-368. Интересно, что еще одна грузинская реалия была обнаружена недавно М. В. Бибиковым в синодальном собрании Софии, среди рукописей Бачковского монастыря; это фрагмент пометы на рукописи №812: „გბჟ ჴოგბო ლობცღობ...» (эта книга синода...); по мнению М. В. Бибикова, она может быть датирована XVI-XVII вв., см. ВВ, т. 41, 1980, с. 256.

¹⁷⁰ И. Соколов, *Грузинский монастырь в Византии*, Х Ч, 1906, апрель, с. 554-555.

¹⁷¹ Н. G. Beck, *Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich*, München, 1959, с. 646.

¹⁷² А. Protitch. *Guide à travers la Bulgarie*, Sofia, 1923, стр. 17; E. Honigmann, *Ostgrenze des Byzantinischen Reiches*, Bruxelles 1935, с. 222; P. Lemerle, *Cinq études...*, с. 158. Извори за българската история, т. VII, състав. Стр. Лишев. П. Тивчев, В.Тънкова-Заимова, Т. Цанкова-Петкова, София, 1968, с. 39, ср. с. 67.

Арутюновой, ибо основные вопросы нами были уже рассмотрены и думаем, для непредвзято настроенного читателя стало ясно сколь ненаучны и тенденциозны положения рассматриваемой книги. Однако в книге В. А. Арутюновой есть еще целый ряд вопросов, столь же тенденциозно и необоснованно поставленных и разрешенных; при этом во многих случаях она отнюдь не одинока и ее положения поддерживаются и некоторыми другими армянистами. Поэтому мы вынуждены коснуться тут некоторых из этих вопросов и показать истинную цену того решения, которое предлагает исследовательница.

1. Пытаясь доказать, что этникон «ивир» имеет, между прочим, и значение «монах монастыря Ивирон», В. А. Арутюнова тем самым хочет доказать нечто большее. Поскольку она считает, что тот же термин обозначает и армянина-халкидонита, вывод ее ясен: раз термин «ивир» прибавляется к имени того или иного ивиронского монаха не потому, что он грузин, а потому лишь, что он монах Ивирона, и поскольку под тем же термином можно подразумевать и армянина-халкидонита, следовательно, среди монахов Ивирского монастыря на Афоне были и армяне-халкидониты.

В. А. Арутюнова пытается использовать некоторые другие данные, которые, по ее мнению, доказывают, что армяне-халкидониты были частью братии в Ивирском монастыре на Афоне и в других грузинских обителях. Для доказательства этого вывода она приводит два факта. Первый – это упоминание среди монахов Ивирона некоего Квирпела. Действительно, в «Житии Иоанна и Евфимия» назван Квирпел, «старейшина хранителей богатств» Джоджика, который прибыл в монастырь и был крещен, «ибо был армянин», он принял имя Арсения¹⁷³. Уже сам факт, что автор «Жития» специально отмечает армянское происхождение Квирпела, доказывает, что присутствие в монастыре армянина, хоть и крещеного (т. е. халкидонита), было не ординарным явле-

¹⁷³ Памятники древнегрузинской агиографической литературы, кн. II, Тбилиси, 1967, с. 80 (на груз. яз.).

нием, а лишь исключением. Кроме того, пример Квирпела не дает оснований для обобщений еще и потому, что, во-первых, он не был постоянным иноком монастыря, – он вскоре покинул его, а во-вторых, он не был случайным лицом для монахов и руководителей Ивиронского монастыря: являясь вассалом Джоджика, соратника Торнике Эристави, он имел здесь своеобразную «протекцию», а в семье его сюзерена монастырь Ивирон, несомненно, пользовался почитанием. Следовательно, этот единственный пример никак не может служить доказательством того, что армяне-халкидониты составляли часть братии Ивирона.

И уж простым недоразумением следует считать второй пример, привлекаемый В. А. Арутюновой для подтверждения своего тезиса о том, что в грузинских монастырях часть состава братии были армяне-халкидониты. «На знаменитой Черной горе, – пишет она, – находилась грузинская обитель, где велось богослужение на грузинском языке, а стены покрывали грузинские надписи, и одна из этих надписей гласила, что церковь эта предназначена для «сомхури», т. е. для армян. Эта обитель именуется Сурутма – арм. *Sowrq* [овма, св. Фомы]¹⁷⁴. Ссылка делается на работу П. Петерса¹⁷⁵.

Действительно, П. Петерс, посетивший в 1935 г. в местечке Сурутма развалины монастыря, обнаружил здесь камень, одна сторона которого орнаментирована, а на противоположной стороне находится надпись грузинским письмом, которую он прочел как «экелеци арс сомхурт» (ეკელეცი არს სომხურთ), т. е., по его переводу, «церковь есть для армян» («L' église est aux Somkhurs»). Тут же, ссылаясь на П. Мессеряна, он счел название Сурутма искаженным армянским «Сурб Тома», т. е. «Святой Тома». Хотя П. Петерс не привел в своей работе ни фоторепродукции, ни факсимиле надписи, по его статье можно предположить, что в третьем слове буквы «о» (ო) и «у» (უ) восстановлены им самим –

¹⁷⁴ Типик..., с. 133.

¹⁷⁵ P. Peeters, *Le Tréfonds oriental de l'hagiographie Byzantine* Brxelles. 1950.

они даны в квадратных скобках – и это слово в подлиннике было написано сокращенно – «смхрт» (სმხრთ)¹⁷⁶.

С самого же начала чтение и перевод надписи, предложенные П. Петерсом, вызывали сомнения, поскольку построение фразы было совершенно неправильным и не соответствовало правилам грузинского языка: форма «сомхурт» явно здесь совершенно неуместна, если надпись означала – «церковь есть для армян», то должна была быть форма «сомехта» или «сомхури». Уже это ставило под сомнение правильность чтения надписи П. Петерсом.

Отметим тут же, что эту надпись привлекает и П. М. Мурадян для подтверждения того же тезиса, что и В. А. Арутюнова, однако, зная грузинский язык, он почувствовал неправильность формы «сомхурт» и исправил чтение П. Петерса; он предлагает следующее чтение надписи: „ეკლესია არს სომეხთა“¹⁷⁷. Грамматическое несоответствие здесь исправлено, но исправлено самовольно, поскольку в последнем слове опущена буква «Р» (რ), а «смхрт» (სმხრთ) никак не расшифровывается как «сомехта».

Все сомнения были сняты после того, как в 1965 г. В. Дjobадзе опубликовал итоги своих раскопок в окрестностях Антиохии на Оронте¹⁷⁸ и дал подробный анализ грузинских надписей названной обители, в том числе и интересующей нас надписи, снабдив свое исследование факсимиле этого графитти¹⁷⁹. Теперь стало ясно, что чтение П. Петерса является целиком ошибочным. Во-первых, ясно читается «ეკლესია...» а не «ეკელეცო»; во-вторых, в надписи нет глагола „არს“ («есть»), в-третьих, последнее слово четко читается как «სმხრთ», что исключает его прочтение как «სომეხთა» и единственным вариантом раскрытия титла яв-

¹⁷⁶ Там же, с. 162.

¹⁷⁷ П. М. Мурадян, Грузинская эпиграфика Армении, с. 23-24, ср. с. 286.

¹⁷⁸ W. Djobadze, Vorläufiger Bericht über Grabungen und Untersuchungen in der Gegend von Antiochia am Orontes, «Istambuler Mitteilungen», Bd. 15, 1965, с. 218-242.

¹⁷⁹ W. Djobadze, Medieval Inscriptions in the Vicinity of Antioch on-the-Orontes, «Oriens Christianus», t. 49, 1965. с. 125-127.

ляется «სამხრეთ», т. е. «к югу», или «с южной стороны», а вся надпись читается: «ეკლესიაჲო სამხრეთ», т. е. «в церкви с южной стороны»¹⁸⁰. Таким образом, **в надписи вообще нет упоминания армян**. В. Джобадзе весьма убедительно доказал, что надпись эта не что иное, как своеобразная «маркировка» камня каменотесом, указывающая место, где эта архитектурная деталь должна была быть вставлена¹⁸¹.

В. Джобадзе доказал также, что данная церковь именовалась не церковью «Святого Фомы», а была посвящена Божьей Матери, точнее «Животворящему кресту» («ძელო ცხოვრებობას») ¹⁸². Как выясняется, это тот самый монастырь «Животворящего креста», который примерно в 50-х годах XI в. был основан грузинским монастырским деятелем Давидом Джибис-дзе¹⁸³. Таким образом, снимается и расшифровка топонима Сурутма, как «Сурб Тома».

Думаем, что комментарии излишни. В. А. Арутюновой (да и П. М. Мурадяну) следовало бы ознакомиться с новейшей литературой по данному вопросу, разобраться в неправильности чтения надписи, прежде чем привлекать такой ошибочный материал для доказательства своей концепции.

2. Еще один пример, тенденциозности В. А. Арутюновой: описывая церковь-усыпальницу Петрицонского монастыря и указав, что на фреске, изображающей ктитора, Григорий держит в руках модель храма, имевшего определенные формы, В. А. Арутюнова приводит слова болгарской исследовательницы Э. Бака-

¹⁸⁰ Там же, с. 125. Е. П. Метревели поделилась с нами предположением, что первое слово правильное было бы читать «ეკლესია[ახ]ს შობას» но в любом случае второе слово может быть только «სამხრეთ».

¹⁸¹ Там же, с. 125-127.

¹⁸² W. Djobadze, Vorläufige Bericht..., с. 240.

¹⁸³ Е. П. Метревели, К истории грузинских культурных очагов на Черной Горе в первой половине XI в., «Вестник Госмузея Грузии», т. XX-V, 1959, с. 85-104, особ. 99-104; W. D jobadze, Materials for the Study of Georgian Monasteries in the Western Environs of Antioch on the Orontes, Louvain, 1976, с. 96-97.

ловой, что постройки такого типа характерны «главным образом для армянских церквей после освобождения от арабского владычества, времен Багратидов». Ссылка делается на работу Э. Бакаловой «Стенная роспись в церкви-гробнице Бачковского монастыря», изданную в 1967 г.¹⁸⁴ В первую очередь, считаем нужным отметить неточность при цитировании данного места из работы Э. Бакаловой: описав модель церкви и отметив, что постройки такого типа не известны в византийской архитектуре, Э. Бакалова пишет: «Однако они характерны для грузинских и, главным образом, для армянских церквей...» далее так, как приведено у В. А. Арутюновой. Таким образом, она опустила слово «для грузинских» и представила дело таким образом, что якобы Э. Бакалова находит аналогии для данной церкви лишь в армянской архитектуре. Но главное не в этом. В указанной работе Э. Бакалова так или иначе все же находит для Петрицонского храма аналогии в армянской архитектуре; более того, здесь она пишет и о «грузино-армянских» традициях, заметных в костнице Бачковского монастыря, и о том, что сам Григорий «происходил из знатного армянского огрузинившегося рода»¹⁸⁵, но это не единственная работа Э. Бакаловой о Бачковском монастыре, более того, это одна из самых ранних работ исследовательницы; после этой книжки она выпустила в свет несколько статей, а также автореферат своей кандидатской диссертации, специально посвященных изучению костницы Петрицонского монастыря, и вот об этих работах В. А. Арутюнова почему-то умалчивает. А умалчивает она о них по той простой причине, что эти работы ее не устраивают. Дело в том, что в этих работах болгарская исследовательница неоднократно отмечает, что Бачковский монастырь был **грузинским**, что при нем была семинария для **грузинской** молодежи, что этот монастырь был тем культурным центром, где осуществлялись идейно-философские связи **Грузии** и Византии, что виднейшем представителем Петрицонской школы был **грузинский** философ-

¹⁸⁴ Типик..., с. 157.

¹⁸⁵ Е. Бакалова, Стенная роспись..., с. 11, 14 (подчеркнуто нами – Н. Л.).

неоплатоник Иоанн Петрици¹⁸⁶. Э. Бакалова подчеркивает, что в Петрицонском монастыре разрабатывались те же актуальные проблемы духовной жизни **грузинского** общества XI-XII вв., которые решались и в самой **Грузии**; следовательно, этот монастырь нужно рассматривать, прежде всего, как один из важных и особенно значительных заграничных центров **грузинской** средневековой культуры¹⁸⁷.

Особенный интерес представляет та часть работ Э. Бакаловой, где она дает анализ фресок костницы Бачковского монастыря и идентифицирует изображенных здесь святых. Э. Бакалова показала, что здесь не случайно изображены грузинские церковные деятели Евфимий и Георгий Святогорцы и Илларион Грузин. «Строго обдуманное распределение образов, – пишет Э. Бакалова, – показывает грузинских святых монахов как прямых наследников великих основателей православного монашества. Тем самым подчеркивается преемственность грузинских монашеских традиций». Исходя из той главы типика, в которой Григорий запрещает принимать в монастырь греков, желая уберечь его от аннексии греками, Э. Бакалова приходит к выводу, что не случайно «создатели идейной программы стенописи в костнице Бачковского монастыря включают изображения тех национальных святых, которые... известны своей борьбой за сохранение независимости грузинской церкви и грузинских монастырей»¹⁸⁸.

В этих работах уже нет ни слова о «грузино-армянских традициях» или об армянском происхождении Григория; и Петрицонский монастырь и его основатель безоговорочно причисляются к грузинскому культурно-этническому миру. Пусть теперь читатель сам сделает соответствующий вывод.

¹⁸⁶ Е. Г. Бакалова, Стенописи в костнице на Бачковския монастыр, Автореферат, София, 1973, с. 10.

¹⁸⁷ Там же, с. 11.

¹⁸⁸ Е. Бакалова, Изображения на грузински светци в Бачковската костница, Изв. на Института за искусствознание Болг. АН, т. XVI, 1973, с. 99-105, ср. русск. резюме, с. 106.

Раз уж речь зашла о работах Э. Бакаловой, отметим, что в 1977 г. вышла в свет ее монография «Бачковская костница», в которой собраны воедино все ее исследования в этой области и вышеназванные оценки деятельности Григория и национальной направленности основанного им монастыря представлены в еще более полном и научно-аргументированном виде¹⁸⁹. Эту работу болгарской исследовательницы В. А. Арутюнова могла еще не знать, поэтому мы не упрекаем ее в том, что она не называет ее, но хотим все же отметить, что в этой книге Э. Бакалова снова коснулась ктиторских портретов и модели, которую они держат в руках, но здесь сказано уже совсем другое: «Если исходить из ктиторской модели, эта первоначальная церковь воспроизводила **кавказские, точнее грузинские образцы**. Декоративные аркады по фасадам распространяются повсеместно в грузинской архитектуре от второй половины X в. и особенно в XI и XII вв. как в купольных, так и в т. н. зальных церквях...»¹⁹⁰. Ясно, что работа 1967 г. является для исследовательницы прошедшим этапом; после более подробного знакомства с архитектурой закавказских стран Э. Бакалова пришла к выводу, что модель храма на ктиторской фреске находит параллели именно в грузинской архитектуре.

Весьма интересен также вывод Э. Бакаловой относительно самой росписи и костницы Бачковского монастыря: «Тесно связанные с духовными проблемами средневековой Грузии, с одной стороны, и с художественными концепциями Константинополя – с другой, фрески церкви-гробницы Бачковского монастыря принадлежат истории как византийского, так и древнегрузинского искусства»¹⁹¹. Этот вывод, основанный на всестороннем исследовании росписи усыпальницы Петрицонского монастыря, подтверждает вышеуказанный тезис о теснейшей связи Петрицонского монастыря именно с грузинским миром и дает новые веские обо-

¹⁸⁹ Е. Бакалова, Бачковската костница. София, 1977, с.с. 27-33, 101-118, 172, ср. русск. резюме, с. 216-219.

¹⁹⁰ А. Бакалова, Бачковската костница, с. 219.

¹⁹¹ Там же, с. 219.

снования этого тезиса¹⁹².

3. В. А. Арутюнова явно искажает реальные данные типика, когда утверждает, что в монастырь якобы принимали новых братьев, «непременно исповедующих православие **не греческой, а грузинской ориентации**». Между прочим, то же самое она повторяет неоднократно, говоря о «Православии грузинского толка», о «диофизитстве грузинского толка» и т. д., а на с. 15 она пишет: «Григорий в первой главе с гордостью сообщает о том, что он удостоился «истинной и православной веры христиан по учению рода ивиров», и указывает, что в монастырь могут быть приняты только **последователи ивирской церкви**. Он запрещает прием **представителей греческой ортодоксии**: ни ромейский пресвитер, ни монах не могут быть зачислены в Петрицонскую обитель» (ссылка на гл. XXIV типика)¹⁹².

В первую очередь отметим, что ничего подобного в типике Григория Бакурианис-дзе нет. Он запрещает прием в монастырь не представителей «греческой ортодоксии», а греческих монахов, причем он объясняет, чем вызван этот запрет: греческие монахи – ромеи, по его словам, насильники, пустословы и корыстолюбцы, всегда стремящиеся нанести ущерб монастырю или захватить его, как это часто случалось с «нашим племенем из-за простоты и добродушия»¹⁹⁴.

Мы вообще не понимаем, что значит «православие не греческой, а грузинской ориентации» или «диофизитство грузинского толка»? Насколько нам известно, между грузинским и греческим православием, между грузинским и греческим диофизитством нет никаких догматических различий, позволяющих противопоставлять их друг другу. Думаем, что не знал этих различий и Григорий Бакурианис-дзе, поскольку он неоднократно подчеркивает их единство. Так, в том же параграфе типика, где Григорий запрещает прием в монастырь греков и объясняет причины зап-

¹⁹² Типик..., с. 139 (подчеркнуто нами – Н. Л.).

¹⁹² Там же, с. 15 (подчеркнуто нами – Н. Л.).

¹⁹⁴ Типик..., с. 108-109.

рета, он пишет: «Вот только это (т. е. отрицательные качества греческих монахов, – Н. Л.), **в вере же мы следуем за ними, как за учителями, и доверяем их учению**»¹⁹⁵. А в том месте, где он говорит о том, что удостоился «истинной веры христиан по преданиям рода сих грузин», он продолжает: **«рода, который единоклубен и согласен во всех установлениях догмы с самым православным и самым набожным родом ромеев и с их великой божьей церковью»**¹⁹⁶.

Для чего же понадобилось В. А. Арутюновой утверждать существование какой-то «грузинской церкви», отличной от греческой, какого-то «православия грузинского толка», противопоставляемого «греческой ортодоксии»? Все очень просто: пытаюсь во что бы то ни стало доказать, что термином «ивирь» обозначались и армяне-халкидониты, В. А. Арутюнова должна была показать, что ивирская церковь, грузинское халкидонитство являлись чем-то особым, отличным от византийского ортодоксального вероисповедания, иначе мог возникнуть вопрос, почему армяне, принявшие халкидонитство, именовались «ивирами», а не «ромеями». Ведь было бы логичнее, если бы таких армян, во всяком случае византийские источники, именовали бы именно «ромеями», если уж нельзя было называть их армянами¹⁹⁷. И вот, чтобы предотвратить подобный вопрос, В. А. Арутюнова вводит в обиход (мы вынуждены применить это слово) несуществующее «православие грузинского толка».

4. Выше мы отмечали, что в Петрицонском монастыре нет ни строчки по-армянски. Чтобы нас не упрекнули в неточности и тенденциозности, отметим, что на Хиосской грузинской рукописи устава Петрицонского монастыря, на его первой странице имеется приписка на армянском языке. Эту надпись прочел и перевел А. Г. Шанидзе, отметив, что приписка сделана письмом

¹⁹⁵ Там же, с. 109.

¹⁹⁶ Там же, с. 74 (подчеркнуто нами – Н. Л.).

¹⁹⁷ По признанию самой же В. А. Арутюновой, армянские источники часто именовали армян-халкидонитов «греками» (Павел Таронский, Мхитар Апаранский) «или ромеями» (Аристокэс, Матфей, Асохик), см. Типик..., с. 130.

позднейшего времени, предположительно XVII-XVIII веков. Он считает, что приписку сделал неизвестный, прибывший, по всей вероятности, в монастырь молиться¹⁹⁸.

Недавно этой приписки специально коснулся Рач Бартикян¹⁹⁹. Приведя мнение А. Г. Шанидзе, полностью отрицающего существование армян-монахов в Петрицонском монастыре, Р. М. Бартикян считает излишним приводить «серьезные аргументы Н. Я. Марра и его последователей», опровергающих, по его мнению, точку зрения А. Г. Шанидзе и, по его словам, ставит перед собой весьма скромную цель: «вести в научный оборот» вышеупомянутую армянскую памятную запись²⁰⁰. Несмотря на такое скромное заявление, целенаправленность статьи вполне ясна: автор пытается «вести в научный оборот» еще один аргумент в пользу того положения, что в Петрицонской обители с начала же его существования были армяне.

В первую очередь Р. М. Бартикян считает расшифровку надписи А. Г. Шанидзе и ее перевод неудовлетворительными и предлагает свой вариант: «Я, Кыртикиарутюн. Я есмь сын Хачума»²⁰¹. У А. Г. Шанидзе перевод выглядит иначе: «Я куриели (?) Арутюн гессем (?) сын Хачума»²⁰², Мы не будем касаться вопроса, насколько правильно читается первая часть надписи, т. к. она не имеет для нашего вопроса особого значения²⁰³; ясно одно, не-

¹⁹⁸ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 49.

¹⁹⁹ Рач Бартикян, Об армянской памятной записи в грузинской рукописи, содержащей типик Григория Пакуриана, «Вестник общественных наук АН Арм. ССР», № 7, 1978, с. 97-101.

²⁰⁰ Там же, с. 98.

²⁰¹ Р. Бартикян, указ. статья, с. 98.

²⁰² А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 49.

²⁰³ Упрекая А. Г. Шанидзе в неудовлетворительности расшифровки надписи, Р. М. Бартикян предлагает, на наш взгляд, тоже не совсем точное ее чтение: по изданному им самим факсимиле надписи, в первом слове третья и четвертые буквы имеют совершенно одинаковое начертание и обе они явно являются буквами «р» – **rr** четвертую букву никак нельзя читать как «т» – «**t**»

кий «сын Хачума» сделал эту памятную надпись на уставе монастыря. Р. М. Бартикян не соглашается с А. Г. Шанидзе, что запись сделана кем-то прибывшим сюда молиться, и заявляет, что Кыртикиарутюн был членом братии Петрицонского монастыря, человеком, имевшим свободный доступ к уставу, полагая, что «запись могла быть сделана, скорее всего, тогда, когда монастырь был иверским, а не греческим. И если во времена Хачума в монастыре были армяне, то они тем более могли быть там уже в начале его основания, а также в последующие десятилетия»²⁰⁴.

Чем же обосновывает Р. М. Бартикян свои выводы? Абсолютно ничем.

Ведь само по себе несерьезно доказывать что-либо по одной единственной приписке, сделанной, по всей вероятности, намного позже основания монастыря. Даже если не признавать мнение А. Г. Шанидзе, что памятная запись «сына Хачума» сделана в XVII-XVIII веках, ясно, что приписка сделана не ранее XIII-XIV веков, т. к. сама рукопись, устава датируется этим временем. Следовательно, нет никаких оснований считать, что «сын Хачума» был в Петрицонском монастыре раньше конца XIII в., так на основании чего же можно утверждать, что армяне были в составе братии этой обители уже в начале ее основания? Само по себе наличие одного единственного армянина в монастыре не дает никаких оснований для утверждения наличия и других его соотечественников в монастыре; и тем более наличие этого единственного монаха-армянина в монастыре в поздние времена никак не доказывает наличие других монахов-армян в обители уже ко времени ее основания. Думаем, что это совершенно ясно.

Но посмотрим, как все же обосновывает свои выводы Р. М. Бартикян? Он пишет: «Устав монастыря не книга отзывов и пожеланий, в которой экскурсанты записывают свои имена» и этим доказывает, что «сын Хачума» не мог быть случайным гостем и молящимся. «Разве за столько столетий в монастырь пришел молиться лишь один армянин? – спрашивает Р. М. Бартикян, – И чем

²⁰⁴ Р. Бартикян, указ. статья, с. 101.

объяснить то, что в числе тысяч и тысяч молящихся братия позволила ему расписаться в главной книге монастыря?». Отсюда вывод, «сын Хачума» был член братии, имевший доступ к уставу²⁰⁵.

Но хотелось бы задать такой же вопрос Р. М. Бартикяну: Чем объяснить, что из многих, если не тысяч, то хотя бы сотен монахов этого монастыря, лишь «сын Хачума» удостоился чести расписаться в «главной книге» обители? Неужели за несколько веков существования Петрицонского монастыря ни один его игумен или другое должностное лицо, ни один монах не расписался на уставе, если на нем вообще можно было расписываться?! Кто же был этот «сын Хачума», чем он заслужил подобную честь? Все эти вопросы возникают сами по себе, если считать, что «сын Хачума» был членом братии, и требуют ответа.

Или откуда взял Р. М. Бартикян, что запись могла быть сделана тогда, когда монастырь был ивирским, а не греческим?! Ведь он не приводит никакого аргумента. Может быть он считает, что греки не допустили бы армянина, скорее всего армянина-халкидонита, в свой монастырь. Но допустили же они расписаться на том же уставе монаха-грузина Иоване сына Маркоза из Ахалцихе, побывавшего в Петрицонском монастыре в 1702 г.²⁰⁶, почему же отказали бы они армянину-халкидониту?

Единственное объяснение этого может быть лишь то, что «сын Хачума», так же как и Иоване сын Маркоза, посетил монастырь после того, как он стал греческим и грузинская версия устава перестала быть «главной книгой», неприкосновенным документом и он стал доступен для посещавших монастырь посторонних монахов. Такое же мизерное количество приписок объясняется тем, что негреки (грузины, армяне) перестали посещать в это позднее время Петрицонский монастырь, переставший быть их святыней.

Следовательно, А. Г. Шанидзе был, по всей вероятности, прав, относя запись «сына Хачума» к XVII-XVIII векам. Приме-

²⁰⁵ Там же, с. 101.

²⁰⁶ А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь..., с. 48-49.

чительно, что приводимые Р. М. Бартикяном данные Р. Ачаряна о том, что имя Хачум упоминается в армянских рукописях с начала лишь XVI в.²⁰⁷, подтверждает именно позднюю дату данной приписки. Определенный интерес в этом отношении представляет тот факт, что именно с XVII в. в Бачковском монастыре появляются в большом количестве армянские надписи-графитти. Фрески костницы буквально испещрены этими надписями, причем это наблюдается в целом ряде церквей и монастырей древней Фракии и специалистами увязывается с появлением с XVII в. на той территории переселенцев-колонистов из Восточной Армении²⁰⁸. В этой связи становится понятным и появление приписки «сына Хачума» на уставе Петрицонского монастыря.

Таким образом, попытка Р. М. Бартикяна найти еще один аргумент в пользу пребывания в Петрицонском монастыре армян окончилась неудачей.

Нас могут спросить, отрицаем ли мы в принципе возможность наличия в грузинских монастырях армян-халкидонитов? Конечно, нет. Более того, можно с достаточной уверенностью предполагать, что именно грузинские монастыри представляли собой, в первую очередь, место пристанища для армян-халкидонитов, желающих постричься в монахи. Поэтому отнюдь не исключено, что и в Ивироне, и на Черной Горе, и тем более в Петрицоне среди монахов были и православные армяне. Поскольку среди родственников и вассалов Григория Бакурианис-дзе были и армяне, те из них, кто желал принять иноческий сан, надо полагать, принимались именно в Петрицонский монастырь. Но, во-первых, – это лишь допущение, логическое предположение, а не подтвержденное фактами утверждение, поскольку **из истории всех грузинских зарубежних монастырских центров у нас имеется один единственный факт** пребывания в грузинском монастыре армянина: это выше упомянутый Квирпел. Как бы мы

²⁰⁷ Р. Бартикян, указ. статья, с. 101.

²⁰⁸ Ара Маргос, Армянские надписи в български средновековни църкви, «Музеи и пометници на културата» 2, 1968, София, с. 9-12.

не обобщали этот факт, сущность дела остается неизменной – факт только один.

Во-вторых, количество армян-халкидонитов в грузинских центрах было, как видно, весьма незначительным, поскольку их пребывание здесь не оставило никакого следа ни в источниках, ни в конкретной деятельности этих монастырей. В-третьих, зная, так или иначе, историю грузинских монастырских центров и протекавшую в них научно-просветительную и переводческую работу, мы можем совершенно определенно утверждать, что эти монастыри являлись, целиком и полностью, центрами **именно грузинской культуры**, так что, если в этих монастырях и были армяне, то они должны были владеть грузинским языком и письменностью (для Петрицонского монастыря это предписывается типиком), они приобщались к грузинской деятельности этих обитателей и теряли всякую связь со своей этнической средой, превращаясь в грузин не только по вероисповеданию, но и в этнокультурном смысле. Мы полагаем, что в грузинские монастыри принимали только тех армян-диофизитов, которые уже раньше приобщались к грузинскому языку, письменности и культуре, т.е. прошли процесс «огрузинивания», который довольно верно показан в рецензии К. Н. Юзбашяна на книгу А. П. Каждана²⁰⁹. В этой рецензии он пишет: «...в Тайке мы имеем дело действительно с **переливом части-аристократии из армянского общества в грузинское. Армяно-грузинские семьи мыслимы в границах только грузинского общества...** Их специфика задавалась армянским началом – иное дело, в какой мере это начало удерживалось в реалиях или в сознании. **Движение происходило от армян к грузинам, а не наоборот. При этом приобщение к грузинам происходило не только в вероисповедных вопросах, это приобщение и к этносу** (смешанные браки не были чем-то нео-

²⁰⁹ К. Н. Юзбашян, Рецензия на книгу А. П. Каждан «Армяне в составе господствующего класса Византийской империи, в XI-X. II вв.» ВВ. т. 39, 1978.

бычным) и к культуре»²¹⁰.

Не со всем здесь сказанным можно согласиться, но основное направление процесса «огрузинивания», т. е. приобщение к грузинскому «не только в вероисповедных вопросах», но и «к этносу и культуре», передано верно. Отдельные армяне, приняв халкидонитство, возможно, действительно тесно сближались с грузинским обществом, приобщались к грузинскому этносу и грузинской культуре, утрачивали постепенно свое «армянское начало» и в реалиях, и в сознании, и превращались в грузин как по культуре, так и по самосознанию. Подобные, полностью «огрузинившиеся» бывшие армяне, действительно могли именовать себя (и именоваться) «грузинами», или «ивирами», но ведь они действительно по всем статьям были грузинами. Однако мы не знаем ни одного случая, чтобы лицо, полностью сохранившее свое «армянское начало» и лишь приобщившееся к халкидонитству, называло себя (или называлось) «грузином», или «ивиром».

Следовательно, среди «ивиров» могли быть и отдельные лица, происходившие генетически из армян, но это не значит, что сам термин, этникон «ивир» изменил значение и стал включать и понятие «армянин-халкидонит». То, что отдельные огрузинившиеся армяне назывались «ивирами» (грузинами) не могло повлиять на изменение сущности, значения термина «ивир». **Этот этникон по-прежнему означал исключительно грузин.** Для иллюстрации вышесказанного может послужить и такой пример из современной этнической ситуации Грузии. В Грузии, как известно, проживает много армян, большинство из них полностью сохраняет свое армянское начало (фамилия, язык, национальное самосознание) и, конечно, именуется армянами. Но в некоторых местах часть бывших армян потеряла полностью свое армянское начало, целиком превратилась в грузин и именуется грузинами. В Западной Грузии встречаются люди, сохранившие русские или украинские фамилии – Ивановы, Минаевы, Гоголи, Циомы, но целиком утратившие всякую связь с русско-украинской средой – их

²¹⁰ Там же, с. 238 (подчеркнуто нами – Н. Л.).

родным языком является грузинский, себя они считают по-национальности грузинами, их самосознание целиком грузинское. Так что же, можно ли на основании этих фактов утверждать, что этникон «грузин» сегодня многозначен, что он кроме грузин обозначает и армян, и русских, и украинцев? Думаем, что ответ ясен.

Нас могут спросить: такое ли уж большое значение имеет вопрос национальной принадлежности Григория Бакурианис-дзе и стоит ли столько «спорить об этом? Конечно, нет. Здесь вопрос, по существу, стоит примерно так, как в отношении некоторых других исторических личностей. Скажем, герой Отечественной войны 1812 г. Петр Багратиони, кем он был? По происхождению грузином, но можно ли его считать грузинским полководцем? Конечно, нет. Хотя он и сохранил некоторые грузинские реалии (есть сведения, что он знал грузинский язык), но по характеру своей деятельности, по своему самосознанию он, несомненно, являлся **русским деятелем, русским полководцем**. Или возьмем композитора А. П. Бородин. Ведь было бы смешным провинциализмом, если бы мы стали утверждать, что раз его подлинная фамилия была Гедеванишвили, он был грузинским композитором, или что на его музыку повлияло его грузинское происхождение.

Точно также надо подходить и к вопросу этнической принадлежности Григория Бакурианис-дзе. Допустим на минуту, что он по происхождению действительно был армянин, разве на фоне того, что мы знаем о нем, это может иметь какое-либо значение для оценки его деятельности? Главным в данном случае будет являться его деятельность, его «культурная принадлежность», национальное самосознание, национальная направленность основанного им монастыря. Нам кажется, что совершенно права Э. Бакалова, которая, характеризуя деятельность Григория и основанного им монастыря, отмечает: «...независимо от этнического его происхождения, которое в данном случае не имеет существенного значения, Григорий Бакуриани представитель ясно вы-

раженного грузинского народного самосознания...»²¹¹. Действительно, поскольку не вызывает сомнений, что Петрицонский монастырь являлся чисто грузинской обителью (даже если среди его монахов и были отдельные армяне-халкидониты), поскольку он являлся именно грузинским культурно-просветительным центром, поскольку сам Григорий неоднократно называет себя грузином, а его деятельность тесно связана с грузинским миром: он основывает грузинский монастырь, он печется о грузинском монастыре на Афоне, он передает грузинскому царю принадлежавшие ему крепость Карс и прилегающие к ней территории, его поминают среди грузинских политических и культурных деятелей в Мециетской Постной Триады, поскольку даже армянский историк Матфей Эдесский считает его грузином, то теряет всякое значение его этническое происхождение. Ведь нас, в первую очередь, **интересует не этническая принадлежность Григория, а его общественно-политическая и культурная деятельность и результаты его деятельности**, нас интересует не то, кто по этническому происхождению был основатель Петрицонского монастыря, а этот монастырь **как культурно-просветительный центр**, а для исследования этих вопросов поистине второстепенное значение имеет вопрос, кем по происхождению был Григорий Бакурианис-дзе, текла в его жилах грузинская или армянская кровь.

Заканчивая рассмотрение вышеизложенных вопросов, мы отнюдь не считаем, что все они до конца исчерпаны и не требуют дальнейшего исследования. Следует, конечно, продолжить изучение, в первую очередь типика Григория Бакурианис-дзе; необходимо, в частности, более тщательное и углубленное сличение и сопоставление греческого и грузинского списков. Необходимо исследование политических и этнокультурных взаимоотношений грузин и армян и особенно в тех регионах, где они жили совместно, где их контакты были наиболее тесными и активными. Наконец, следует изучать и весьма важную проблему халкидо-

²¹¹ Е. Бакалова, Бачковската костница, с. 33.

нитства в Армении, поскольку как совершенно правильно отметил П. М. Мурадян, проблема эта содержит комплекс вопросов историко-культурного характера, а не догматические споры вокруг естества Христа»²¹².

Проблема армян-халкидонитов, проживающих в грузинских областях или смежных с Грузией районах, их взаимоотношения с грузинами, вообще история тех регионов Закавказья, где было смешанное армяно-грузинское население (Тао, Кларджети, Кола, Басиани и т. д.), где происходили постоянные политические, культурные, религиозные и другие контакты грузин и армян – все эти вопросы весьма сложны и многообразны и их исследование, несомненно, требует совместных усилий, сотрудничества армянских и грузинских ученых – историков, литературоведов, палеографов-эпиграфистов, историков искусств и др. Без систематической координации на подлинно научной основе подобных исследований, одинаково интересных и важных для изучения истории обоих братских народов, эти проблемы не будут разрешены. Но делать это надо с позиции строго научной объективности. Это в равной мере относится и к грузинским и к армянским ученым.

Когда исторические судьбы двух соседних народов столь тесно связаны и переплетены, как судьбы грузинского и армянского народов, вполне естественно возникновение спорных вопросов при изучении их истории. Но эти споры не должны выходить за рамки чисто научной полемики. Многовековая дружба наших народов, скрепленная совместно пролитой кровью, наше нынешнее братское единение должны направлять наших ученых на путь особо бережного отношения к спорным между нами вопросам. Необычайно важно также, чтобы за исследование подобных проблем брались достаточно подготовленные и компетентные ученые.

Подходя именно с этих позиций к работе В. А. Арутюно-

²¹² П. М. Мурадян, Культурная деятельность армян-халкидонитов в XI-XIII веках, с. 12-13.

вой, мы вынуждены отметить, что она, к сожалению, оказалась совсем подготовленной к исследованию той проблемы, за которую взялась, хотя бы потому, что не зная грузинского языка, она не может использовать грузинские источники, в первую очередь, грузинский список типика Григория Бакурианис-дзе, а также исследования грузинских историков и литературоведов. А при исследовании вопросов, связанных с деятельностью Григория Бакурианис-дзе и основанного им монастыря, просто немислимо незнание грузинских материалов. В этом и заключается основная слабость позиций В. А. Арутюновой. В этом смысле не мог ей помочь и ее редактор Г. Г. Литаврин, для которого грузинские материалы также оказались недоступными.

Подобные проблемы необходимо изучать совместными усилиями арменоведов, грузиноведов и византинистов, на основе тесного научного сотрудничества, постоянной координации работ, широко применяя совместные разработки отдельных вопросов, создания коллективных исследований и тематических сборников, обоюдного рецензирования и редактирования работ и т. д. Только таким путем могут быть разрешены проблемы, одинаково интересные и важные для истории как Армении, так и Грузии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Анналы-Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили
Груз. ФАН СССР.

ВВ – Византийский временник.

Вестник ИЯИМК – Вестник Института языка, истории и материальной культуры АН Груз. ССР.

ВЭЭСВР – Сборник: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев, М., 1976.

Георгика – Сведения византийских писателей о Грузии, гречес-

- кие тексты с груз переводом изд. С. Г. Каухчишвили.
- ЗВО – Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества.
- ИИИБ – Известия на Института за искусствознание Бълг. АН.
- Мацне, СИАЭИИ – Известия АН Груз. ССР, серия истории, археологии, этнографии, истории искусств.
- Мимомхилвели – Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН. Груз. ССР
- Мравалтави – Историко-филологические разыскания Института рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Груз. ССР.
- СМОМПК – Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа.
- ХЧ – Христианское чтение.
- ЭБВВИ – Сборник: Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран, М., 1967.
- CSCO – Corpus scriptorum christianorum orientalium.
- MAIS – Mémoires de l'Academie imperiale de sciences de St.-Pétersburg.

«Мецниереба», 1981

Елена Цагарейшвили

Термины обозначающие халкидонитское вероисповедание и халкидонитов в армянских письменных источниках

В армянских письменных источниках встречаются специальные термины для обозначения халкидонитского вероисповедания (диофизитства) и халкидонита (диофизита): «qaukedoni hawat», «dawanow]iwn qaukedoni» («халкидонитское вероисповедание»), «erkabnow]iwn» («двустественность»), «erkabnak krĵnq» («двустественная вера»), «xostovanow]iwn qaukedoni» («халкидонитская вера»), «qaukedonakanān erkabnak xostovanow]iwn» («двустественная вера халкидонцев»), «auand qaukedoni» («халкидонитская ересь»), «hawat anĵr&n qaukedoni» («халкидонское неверное исповедание»), «krĵnq vra%» («вера грузин»), «erkabnak auand qaukedoni» («халкидонская двустественная ересь»), «dawanow]iwn Ho'omoĭ» («исповедание ромеев»), «noroga>ewow]iwn hawatoy» («возобновленный образ вероисповедания»), «erkabnak», («двустественный», «двуприродный»), «qaukedonit, qaukedonakan, qaukedonik» («халкидонит»), «k%ordaki% §ar auandwoyn qaukedoni» («со-

общник коварной халкидонитской ереси»), «hawaneal \ouovoyu qaukedoni» («приверженец Халкидонского собора»), «stoyp qaukedonit» («истинный халкидонит»), «kifat Yoyn» («несовершенный грек»), «Hay-Но'om» («армянин-римлянин»), «cau]-Hay» («несовершенный, ущербный армянин, армянин-еретик»).

В армянских исторических источниках халкидонитское вероисповедание впервые упоминается в сочинении армянского историка VII века Себеоса¹, где друг от друга четко отделены термины, обозначающие монофизитство (которое называется «армянским вероисповеданием») и диофизитство.

В «Книге посланий» халкидонитское вероисповедание зовется также «возобновленным образом вероисповедания»². Армянский историк X века Ухтанес также несколько раз упоминает халкидонитское вероисповедание, а его последователей называет «двуестественными и отступниками»³.

Почти в каждом памятнике древнеармянской письменности с большей или меньшей полнотой отражены обостренные противоречия и противостояние между халкидонитами и монофизитами. Армянский историк X века, предводитель Армянской церкви, апологет монофизитской веры Ованнес Драсханакертци в своей «Истории Армении» не раз выказывает враждебное отношение к халкидонитскому вероисповеданию и обвиняет его последователей. Он пишет: «Во время [Авраама] Картли отступилась от единства с армянами и сочла за благо быть сообщником коварной веры халкидонитов и изменить границы святых отцов.

¹ Себеос. История. Вступление, комментарии С. Малхасянца, Ереван, 1939, с. 125. (на армянском языке).

² «Книга посланий». Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1968, с. 39. (на грузинском языке).

³ Ухтанес. История отделения грузин от армян. Армянский текст с грузинским переводом и исследованием издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1975, сс. 26, 92-93, 208-209. (на грузинском языке).

[Они] забыли заповедь Божью»¹. Армянский историк X века Мовсес Каланкатуаци² также не раз упоминает церковный разрыв между грузинами и армянами и факт признания грузинами халкидонитского вероисповедания. Армянский историк XII века Маттеос Урхайеци для обозначения халкидонского вероисповедания помимо «неверного халкидонитского исповедания» использует также «веру племени ромеев». Армянский историк XIII века Киракос Гандзакеци называет халкидонитство также и «грузинской верой», а ее последователей – помимо «халкидонитов» – «двуестественными». Халкидонитство «грузинской верой» названо также в сочинении некоего анонима Себастиа, летописца XIII века³. Армянский историк того же века Григор Аканеци называет ромеев-халкидонитов «порочными и ромеями-отступниками», «лже-христианами» и «истинными халкидонитами»⁴. Армянский историк XIII-XIV века Степанос Орбелян в своей «Истории дома Сисаканского» называет халкидонитов «еретиками» и отмечает: «Порочных несторианцев, халкидонитов и других еретиков с проклятьем прогнали из нашей церкви»⁵.

Изучение армянских письменных памятников, как ранних, так и более позднего периода выявило, что армянские историки определенными терминами называют последователей разных религиозно-конфессиональных учений (будь то православное христианство, халкидонитство, армянское, греческое или гру-

¹ Ованнес Драсханакертци, Хронология армянских католикосов. См. Иоанэ Драсханакерели. Перевод с примечаниями и указателем Ильи Абуладзе, Тбилиси, 1937, с. 73-74 (на грузинском языке).

² Мовсес Каланкатуаци, История Албанской страны, Тифлис, 1912, сс. 311-312. (на армянском языке).

³ Анонимный летописец Себастиа, Летопись, См., «Письменные хроники» (XIII-XVIII вв.) т. I, составитель В. Хакобян, Ереван, 1956 г. с. 138 (на армянском языке).

⁴ Григорий Аканский. История народа стрельцов. Армянский текст с грузинским переводом и комментариями издал Н. Шошиашвили, Тбилиси, 1961, с. 71. (на грузинском языке).

⁵ История Сисаканского дома Степаноса Орбеляна. Тифлис, 1910, сс. 97-98. (на армянском языке).

зинское вероисповедание). Очевидно и то, что при наличии такого множества религиозно-конфессиональных терминов необходимость или надобность в использовании этнических терминов в значении вероисповедания в тех же источниках не подтверждается (скажем, «племенем, родом армянин» всегда означает армянина по происхождению, а не исповедующего армянскую веру, также как «племенем, родом грек» – грека, а не последователя греческого вероисповедания, или же «родством, родом грузин» подразумевает грузина по происхождению, а не армянина-халкидонита, или имеющего грузинское вероисповедание армянина).

Аналогичная ситуация наблюдается в армянских эпиграфических, переводных, агиографических памятниках, в памятных записях, в эпистолярных источниках. Такая же картина прослеживается и в грузинских письменных памятниках.

Для окончательного прояснения данного вопроса интересно вспомнить, как называются в армянских письменных памятниках по происхождению армянские и по вероисповеданию халкидонитские деятели. Халкидонитство Ованнеса Коговитечи, епископа Гардмани Бакура (впоследствии названного католикосом Нерсесом), армянина по происхождению, армянские историки Ухтанес, Мовсес Каланкатуаци и Степанос Орбелян обозначают термином «двуестественность» (*erkabnak*).

По поводу одного армянского правителя в сочинении Маттэоса Урхайеци читаем следующее: «В это время убили правителя армян Эпихта, (...) которого греческий царь крестил в ромейскую веру, но он тайно служил своей родной вере святого Григория»¹. В приведенном сведении передается история крещения армянского правителя Эпихта халкидонитом, но автор поминает его без осуждения, так как он тайно все же сохраняет армянское вероучение, монофизитство. Совершенно иная ситуация в другом месте сочинения Маттэоса Урхайеци, где историк проявляет особо враждебное отношение к последователю греческого веро-

¹ Маттэос Урхайеци, История, Вагаршапат, 1898, с. 214. (на армянском языке).

исповедания (то есть диофизиту) армянскому правителю Филарету: из-за признания им греческого вероучения и жизненного уклада Маттэос Урхайеци пишет с укоризной: «В это время властвовал неверный и злейший правитель Филарет... Он начал бороться с верующими во Христа, поскольку сам был отрицателем Христа. Его ни армяне, ни ромеи [своим] не признавали. Уклад [жизни] и учение у него были ромейскими, а по отцу и матери был армянином»¹.

Вышеуказанное сообщение Маттэоса Урхайеци служит источником для армянского историка XIII века Смбата Спарапета, или возможно, у обоих имелся третий общий источник. Смбат Спарапет прямо пишет о Филарете: «Родом был из армян», а на его халкидонитство указывает следующим образом: «Истинную веру не соблюдал».

Таким образом, ни Маттэос Урхайеци, ни Смбат Спарапет для обозначения халкидонитства Филарета не пользуются термином «ромей», или «грузин», «родом ромей» или «родом грузин». Согласно Маттэосу Урхайеци, Филарет Варажнуни принимал также и мусульманство, но под конец вновь вернулся к христианской вере².

Как видим, неоднократное перемещение этого армянского деятеля-диофизита из монофизитства в халкидонитство, затем в мусульманство и наконец, вновь возвращение к христианской вере в армянских письменных памятниках указаны в религиозно-конфессиональных терминах, и никакой надобности или необходимости определения этнически терминами («родом ромей», «родом грузин», «родом мусульманин») принятых им различных вероисповеданий из армянских письменных памятников не видно. Здесь же хотим отметить, что положение В. Арутюновой-Фиданян, будто бы «для средневековых армянских историков... армяне-халкидониты либо «ромей», либо «иверы» («враци»)), не подтверждается.

¹ Ibidem, с. 206.

² Ibidem, сс. 233-234.

В армянской научной литературе последнего времени как Филарет, так и Григол Бакурианис-дзе объявлены по происхождению армянами и по вероисповеданию халкидонитскими деятелями.

Однако по данным основного источника описания их жизни и деятельности «Летописи» Маттэоса Урхайеци, а также и других источников, предстает такая картина: как Григол Бакурианис-дзе, так и Филарет Варажнуни (Васпураканеци), византийские вассалы второй половины XI века, являются военными политическими деятелями: Филарет – правитель фемы Антиохия (1048 – 1084 гг.), а Григол Бакурианис-дзе – правитель фемы Иверия (1071 – 1074 гг.), оба халкидониты, Филарет армянин по происхождению («был армянином по отцу и по матери»), а Григол Бакурианис-дзе – грузин по племени, по роду. По мнению армянских исследователей этот этнический термин <vra%i azgaw> – (родом грузин) отражает именно конфессиональную принадлежность (в данном случае халкидонитскую) Григола Бакурианис-дзе и считают его армянином-халкидонитом. Указанное положение непонятно: каким образом могла возникнуть необходимость обозначить этническим термином «родом грузин» халкидонита только в случае Григола Бакурианис-дзе в то время, когда халкидонитство деятеля того же периода, армянина по происхождению Филарета совершенно четко определено конфессиональным термином «верой ромей».

В. Арутюнова-Фиданян считает допустимым обозначение этническим термином «родом грузин» армян-халкидонитов, так как, по ее мнению, «это восприятие этнической принадлежности сквозь призму вероисповедных понятий, присущее сознанию вообще, выражалось у их противников монофизитов, как иной, отличный от армян «azg» (род, племя, народность)»¹.

Мы же настаиваем на том, что, как выявило изучение

¹ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980. с. 67.

материалов армянских письменных источников разных времен и характера, средневековые армянские историки-монофизиты, как правило, обозначают вероисповедание своих соплеменников армян-халкидонитов не термином, определяющим происхождение, а четко называют их халкидонитом, двуприродным, верою грузином, верою ромеем и в большинстве случаев ругают их за отрицание армянской веры и признание халкидонитства.

Кроме того, хотим заметить, что в связи с религиозно-конфессиональными терминами В. Арутюнова-Фиданян в вышеупомянутом труде, на 174 странице отмечает следующее: «Гийом Тирский сообщает, что Габриел был греком по вероисповеданию, но армянином по языку, письму и обычаям. Это классическая формулировка для определения армянина-халкидонита, часто встречающаяся и в греческих, и в армянских источниках».

Из вышеприведенного отрывка явствует, что В. Арутюнова считает допустимой приведенную формулировку с разграничением этнического и конфессионального для определения армянина-халкидонита. Тут же следует вспомнить, что не менее точной, чем приведенное выше верное определение армян-халкидонитов, последователей греческого вероисповедания, которое В. Арутюнова называет «классической формулировкой», является II редакция одного сообщения, сохраненного в труде армянского историка XVII века Акоба Карнеци, где речь идет о жителях одного региона Тао: «Были в ущелье большие грузинские монастыри в Хахули, Ошки и Ишхани. Похожего и подобного им не существует... Жители этой страны были частью родом армяне, частью грузины верой, но говорили на армянском языке... а в Тортоми жили грузины»¹. Согласно этому сообщению в означенном крае жителями были: частично армяне по происхождению, монофизиты по исповеданию, отчасти те же армяне, но халкидониты, то есть «верой грузины», чей разговорный язык армянский. Там же живут грузины (<vra%iq>). И в этом сведении армяне-

¹ Яков Карнеци, «Письменные хроники» (XIII-XVIII вв.), т. 1, Состави-

халкидониты называются «верой грузинами», а не этническим термином <vra%î azgaw> («родом грузин»). В своей вышеуказанной книге В. Арутюнова приводит I редакцию справки Акоба Карнеци, смысл которой неясен: «часть жителей была родом и верой грузины». В таком случае, надо полагать, подразумеваются родом и верой грузины, но в этом же сообщении грузин по происхождению историк называет прямо грузинами <vra%îq>. В. Арутюновой понадобилось привести эту неправильную I редакцию сведения Акоба Карнеци («часть жителей была родом и верой грузины») для доказательства того, что здесь якобы термин «родом грузин», так же, как и во всех трудах средневековых армянских историков, имеет конфессиональное значение и подразумевает «верой грузина». Если это так, то, значит, в этом случае «родом» и «верой» являются синонимами, и тогда указанный отрывок надо перевести следующим образом: «часть верой и верой грузины». А это полная бессмыслица.

Следует отметить, что названные В. Арутюновой армянами-халкидонитами деятели, в указанных ею же источниках нигде не называются ни «родом грузинами», ни «родом ромеями».

В современной армянской историографии, в 60-е годы XX в. укоренилась традиция понимать «родом грузин» <vra%î azgaw> и «грузин» <vra%î> в конфессиональном значении (армянин-халкидонит).

Как известно¹, этническим термином «родом грузин» в армянских письменных памятниках упомянуты известные грузинские деятели: картлийский католикос Кирион, Иоанэ Торникэ, епископ Захария Валашкертеци, Липарит и его братья Рати и Звиад, Григол Бакурианис-дзе, Вахтанг V (Шахнаваз) и другие лица, в грузинском происхождении которых никто не может усом-

тель В. Хакобян, Ереван, 1956, с. 554 (на армянском языке).

¹ Е. Цагарейшвили. О значении <vra%î azgaw> «враци азгав» (родом грузин) в армянских письменных памятниках. См. «Мравалтави», №16, Тбилиси, 1991 (на груз. языке).

мниться, но так как в армянской историографии эта проблема превращена в спорную, мы на этот раз сочли необходимым остановиться на нескольких вопросах.

Из упомянутых как <Վրացի azgaw> («родом грузин») деятелей нужно особо выделить католикоса Картли Кириона (599 – 614 гг.), который, правда, в армянских письменных памятниках называется и «родом грузином», но в отличие от других названных «родом грузином» грузин в трудах армянских ученых не упоминается халкидонитом. При разговоре об армянах-халкидонитах о нем вообще ничего не сказано. Для большего прояснения вопроса обратимся к самим армянским источникам, где упоминается Кирион. В труде Ухтанеса отмечено: «Кирион был из страны (грузин) и родом грузин из Джавахского региона, из села, которое называли Скутри, и знал грузинскую и армянскую письменность»¹.

В указанном сообщении речь идет о грузинском происхождении Кириона и то, что это именно так и что в данном определении никоим образом не подразумевается вероисповедание, халкидонитство, еще яснее видно в следующем сообщении армянского историка XIII века Вардана Восточного: «Кирион, который был родом грузин, из села Скутри Джавахетского региона и знал грузинскую и армянскую письменность, был возведен в католикосы грузин. Затем он стал халкидонитом, так как в отрочестве отправился в Грецию... и обосновался в селении Никополе,... где обучился греческой письменности»².

В указанном отрывке четко разграничены происхождение (грузинское) и вероисповедание (халкидонитство) Кириона. Такое же положение прослеживается также в «Летописи» анонимного хронографа XIII века Себастици: «В 613 году грузины отделились от

¹ Ухтанес, История отделения грузин от армян, Армянский текст с грузинским переводом и исследованием издал Заза Алексидзе, Тб., 1975, сс. 20-21 (на груз. языке).

² Вардан Аревелци. Всемирная история. Изд. М. Эммина, Москва, 1861 г., с. 81 (на арм. языке).

армянского единства. Но когда скончался грузинский епископ, они пришли к владыке Мовсесу католикосу, чтобы дал им епископа. Он назначил католикосом грузин церковного ключаря (канделаки) Кирона, который был родом грузин... Этот Кирон после преставления Мовсеса отошел от истинной веры и признал халкидонитское исповедание»¹. Вполне понятно, что и здесь этнический термин «родом грузин» не означает вероисповедания (халкидонитское кредо); в противном случае историк не называл бы Кириона в той же справке халкидонитом.

По поводу католикоса Кириона есть указания и у других армянских историков. Так, Степанос Орбелян передает следующее: «Кирон, католикос грузин... отделился от армян и стал халкидонитом»².

Таким образом, как видим, в армянских письменных памятниках Кирион, католикос Картли, представлен халкидонитским деятелем грузинского происхождения; известно и то, что ранее, подвизаясь в Армении, он поддерживал монофизитство, но, переехав в Картли, признал халкидонитскую веру. Он признан таковым и в армянской историографии³.

Поэтому в связи с католикосом Кирионом, точнее с его происхождением, с армянскими исследователями нет ничего спорного и невыясненного. Но нас интересует одно: почему в то

¹ Анонимный летописец Себастиа, Летопись, См., «Письменные хроники» (XIII-XVIII вв.) т. II, составитель В. Хакобян, Ереван, 1956 г. с. 125 (на арм. языке).

² История Сисаканского дома Степаноса Орбеляна. Тифлис, 1910, с. 279. (на арм. языке).

³ Н. Акинян. Католикос Грузии Кирион. Вена, 1910 (на арм. языке); И. Джавахов. История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII века. Известия императорской Академии наук, VI, №5, 1908; «Книга посланий». Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1968, (на груз. языке), Ухтанес. История отделения грузин от армян. Армянский текст с грузинским переводом и исследованием издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1975, (на груз. языке). Арсен Сапарели. Об разделении Картли и Сомхити. Издания Зазы Алексидзе (на груз. языке).

время, как названные «родом грузинами» другие лица признаются в трудах армянских ученых армянскими халкидонитами, Кирион называется грузинским халкидонитом? На это армянские исследователи, возможно, ответят, что надобность (или необходимость) упоминания армянских халкидонитов термином «родом грузинами» возникла после XI века, а Кирион – деятель VI-VII веков. Но в таком случае, как объяснить тот факт, что происходящий «из рода грузин» (как его упоминает армянский историк X-XI веков Степанос Таронечи) Торникэ Эристави (Иоанэ Торникэ) был деятелем X века, а не последующего XI века, и все равно армянской историографией причислен к армянам-халкидонитам? И в этом случае также хорошо видна противоречивая суть выработанной армянскими исследователями концепции. В связи с картлийским католикосом Кирионом вырисовывается такая ситуация: если бы армянские ученые объявили Кириона армянинном-халкидонитом, то мы имели бы дело с откровенной фальсификацией исторической действительности, так как его грузинское происхождение и вообще деятельность для Грузинской церкви ясно видны из посланий деятелей армянской церкви¹. Но Вардан Великий, Самвел Анеци и Степанос Орбелян (деятели последующего за XI веком периода), которые признают Кириона грузином, должны были бы знать о необходимости упоминания армян-халкидонитов «родом грузинами», если это действительно возникло к этому времени, и во избежание запутывания положения уже не должны были бы называть Кириона, католикоса Картли, «родом грузином». Но дело в том, что, как явствует из армянских источников, надобности обозначать вероисповедание этническим термином ни в ранний, ни в последующий период в армянских письменных памятниках не возникало.

Аналогичную ситуацию упоминания католикоса Кириона

¹ См. Ухтанес, «Книга посланий». Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1968, (на груз. языке) См. «Книгу посланий», Ухтанес, издание Зазы Алексидзе.

термином «родом грузин» встречаем в одном сообщении из «Дневника» армянского летописца XVII века Захарии Агулеци, где царь Картли Вахтанг V (Шахнаваз) также упоминается этническим термином «родом грузин»: «15 августа 1676 года. Шахнаваз хана, который был родом грузин, шах Аббас рано увез в Исфаган, омусульманил и сделал его ханом Тбилиси»¹.

В указанной справке, подобно Кириону, католикусу Картли, царь Шахнаваз, правда, называется «родом грузином», но в трудах армянских исследователей вообще не упоминается как армянин-халкидонит. Конечно, было бы слишком абсурдным, объявлять армянином-диофизитом потомка Теймураза Мухранбатони – известного грузинского царя Вахтанга V (Шахнаваза). Именно поэтому в армянской историографии нет места не только спорам, но и простому упоминанию Шахнаваза, как и Кириона, когда речь идет о лицах, упоминаемых термином «родом грузин».

Если о католикосе Кирионе в армянских источниках указано, что он был «племенем, происхождением грузин», который затем стал халкидонитом, то о Вахтанге V сказано, что он, то есть Шахнаваз хан был «родом грузин», который впоследствии омусульманился. В обоих случаях обозначающий этническую принадлежность термин отличается от термина, выражающего вероисповедание.

В связи с интересующим нас вопросом считаем нужным вспомнить деятельность армянина-халкидонита Симеона Пгндзаганеци (XIII в.), который вел переводческую деятельность в грузинском окружении, в восстановленном и возобновленном Иванэ Мхаргрдзели халкидонитском монастыре Пгндзаганк.

Сведения о Симеоне Пгндзаганеци сохранились только в колофонах (памятных записях) переведенных им же памятников. Более всего сведений о Симеоне Пгндзаганеци содержатся в памятной записи, снабженного комментариями Иоанна Петрици, перевода «Первооснов теологии» Прокла Диадоха (XIII в.): «Пе-

¹ Захария Агулеци. Дневник редактор С. Тер-Аветисян. Ереван, 1938 г. с. 140 (на арм. языке).

реведена книга эта... иеромонахом Симеоном с грузинского языка на армянский, в армянской стране, в грузинской обители («ванк врац»), которая называется Пгндзаганк»¹.

Из отмеченной памятной записи видно, что Симеон был родом армянин, вероисповеданием халкидонит, который вел переводческую деятельность «в грузинском монастыре» Пгндзаганк. В этом случае под «грузинским монастырем» подразумевается халкидонитский монастырь.

Таким образом, Симеон нигде не указывает, что он «из грузинского рода» или «племенем грузин», как на это указывает, например, грузинский халкидонитский деятель Григол Бакурианис-дзе, говоря, «происхожу из блистательного иверского рода». По нашему мнению, если бы у средневековых армянских историков, трудившихся в грузинской среде, стало бы традицией поминать армян-халкидонитов «родом грузин», то и Симеон Пгндзаганец был бы назван «родом грузин»-ом, как им самим в его собственной памятной записи, так и другими.

В XII-XIII веках существовало два Пгндзаганка, один в Биджниси, другой в Лоре. Оба из них в означенную эпоху входили во владения Мхаргрдзели. По замечанию Ильи Абуладзе: «Каким бы из них не был бы он, ясно одно, там был монастырь «грузин», состоящий из грузинской братии или из армян грузинского исповедания, это одно и то же. Думаем, скорее всего, из представителей обоих народов, тех, кто были диофизитами... Среди мероприятий для приобщения армян в то время было строительство грузинских и грузинского исповедания церквей и монастырей во владениях Мхаргрдзели. Через эти очаги происходило проникновение грузинских диофизитских идей в армянские круги. В них находились благожелатели, хотя бы в лице того же самого иеромонаха Симеона, который не чурался даже переводов диофизитских трудов... Наверное, таких, как Симеон, имеет в виду Мхитар

¹ И. Абуладзе. Памятники древнеармянской письменности эпохи Руставели (Предварительный очерк). См. Труды И. Абуладзе. т. IV, Тбилиси, 1985, с. 36. (на груз. языке).

(Мхитар Гош), когда говорит: «Ныне ясно, что кто из армян становится греком или грузином, тот поступает так для славы и удовольствия собственной плоти». Итак, «Симеон из тех армянских монахов, – заключает Ил. Абуладзе, – который, несмотря на такую оценку, стал учеником грузинской церкви, изучил тогдашнюю грузинскую письменность и перевел с грузинского замечательные памятники, большей частью философско-морального содержания»¹.

Хотим обратить внимание еще на одно обстоятельство: В. Арутюнова-Фиданян хочет доказать, будто бы средневековые армянские авторы армян-халкидонитов «в большинстве случаев и не называют армянами. Для Аристахэса Ластивертци, Матфея Эдесского, и в особенности Степаноса Таронского (Асохика), ученого вардапета и яркого противника халкидонитов, эти армяне либо «ромей», либо «иверы» – «врацы» – *<vra%i>*². Что касается армянских историков Аристахэса Ластивертци, Маттэоса Урхайэци и Степаноса Таронеци, в их произведениях этнические термины «ромей» и «грузин» ни в одном случае не подразумевают «армянина-халкидонита». В. Арутюновой-Фиданян следовало привести хотя бы несколько примеров из сочинений перечисленных историков для подтверждения своих голословных заявлений.

Что касается этнических терминов «ромей», (Horom), «грузин» (*<vra%i>*), они часто встречаются в сочинениях и других армянских историков, однако столь подчеркнутое указание Аристахэса Ластивертци, Маттэоса Урхайэци и Степаноса Таронеци, В. Арутюновой-Фиданян понадобилось, видимо, для того, чтобы оправдать якобы необходимость обозначения термином «родом грузин» (*<vra%i azgaw>*) армян-

¹ И. Абуладзе. Памятники древнеармянской письменности эпохи Руставели (Предварительный очерк). См. Труды И. Абуладзе. т. IV, Тбилиси, 1985, сс. 38 – 39. (на груз. языке).

² Арутюнова-Фиданян В.А. «Иверы» в византийских источниках XI в. См. арм. *Ban ber Matenadarani*, № 11, 1973, с. 56.

халкидонитов.

У Степаноса Таронеци «родом грузином» упоминается Торникэ Эристави (Иоанэ Торникэ), у Аристакаэса Ластивертци – Закария Валашкертеци, а у Маттэоса Урхайэци – Григол Бакурианис-дзе. Для полного представления о личности Иоанэ Торникэ (в особенности о его грузинском происхождении), если оставить в стороне все другие источники и памятные записи, совершенно достаточно принять во внимание такое значительное и во всех отношениях надежное произведение, каким является «Житие Иоанна и Евфимия» Георгия Святогорца. К сожалению, этот важнейший памятник или совсем не принимается в расчет в армянской историографии, или же приведенный в нем материал неверно интерпретирован при рассмотрении целого ряда вопросов.

Что касается грузинского происхождения Григола Бакурианис-дзе, оно явствует из содержащихся в составленном им же «Петрицонском типике» сведений, разумеется, с учетом данных других источников... Неужели не должны быть достаточными и достойными доверия слова самого Григола: «По происхождению я из восточных краев, из блестящего рода иверов», или «Те, кто живем в монастыре этом... являемся грузинами родом, храбрыми и воинственно воспитанными».

Итак, после изучения рассмотренных выше материалов, на наш взгляд, ясно, что в армянских письменных памятниках четко размежеваны термины, обозначающие этнические и религиозно-конфессиональные понятия и что надобность и необходимость обозначения этническими терминами конфессиональной принадлежности, в данном случае халкидонитства, в армянских письменных памятниках не прослеживается.

«Мравалтави», т. XIX, Тб., 2001

Перевод: Л. Дуларидзе, Л. Микиашвили

Елена Цагарейшвили

**Культурно-конфессиональное значение
термина «враци» («грузин») в армянских письменных
источниках**

Для обозначения названия нашей нации «картвели» (грузин) в армянских письменных источниках встречается несколько терминов: «враци», «враци азгав» и «вериаци». Перечисленные термины многократно подтверждаются как в ранних, так и в позднейших армянских письменных источниках (исторические, агнографические и другие литературные произведения, эпиграфический материал, колофоны, эпистолярное наследие).

В результате изучения армянских письменных источников выяснилось, что термины, обозначающие понятие «грузин» –

«враци азгав» («племенем грузин», «родом грузин», «грузин по родству») и «вериаци» («грузин») – всегда указывают на грузинское происхождение. Термином «враци азгав» упоминаются только грузины, а не армяне-халкидониты, – армянин родом и халкидонит по вероисповеданию, – в противовес принятого в армянской историографии мнения.

Необходимость употребления термина «враци азгав» для обозначения армянина халкидонского вероисповедания не подтверждается в армянских письменных источниках ни для кого-либо из деятелей¹. «Вериацы» также означает «грузина», а не жителя фемы Иверия вообще (будь то грузин, армянин или грек), о чем неоднократно утверждает не один армянский ученый².

В настоящей работе мы хотим обратить внимание на значении термина «враци» в армянских письменных источниках.

Если на сей день содержание армянского термина «враци», соответствующего названию нашего народа «картвели» – («грузин»), так или иначе определено и так называется говорящее на грузинском языке основное, коренное население Грузии, то в прошлом положение было иным.

Как мы уже показали выше, случаи указания на грузинское происхождение через «враци» многократно подтверждаются в армянских письменных источниках. Помимо этнического смысла термин «враци» имел также и другое значение. Он имел как широкое, так и узкое содержание, в частности, наряду с национальным смыслом использовался и в культурно-конфессиональном значении, но, разумеется, не во все времена, а только с тех пор, когда «грузинство» и «халкидонитство» уже заменяют друг друга, когда, как отмечает проф. З. Алексидзе, «дело, начатое Кирио-

¹ Е. Цагарейшвили. К вопросу о значении термина «враци азгав» в армянских письменных памятниках. «Мравалтави». Филолого-исторические разыскания (исследования). XVI, Тбилиси, 1991, сс. 87-118 (на груз. языке).

² Е. Цагарейшвили. К вопросу о значении терминов «Верия», «вериаци» в армянских письменных источниках. Сб.: «Проблемы истории Закавказья». Тбилиси, 1991, сс. 103-114 (на груз. языке).

ном, католикосом Картли, успешно завершилось и когда «Картли считалась большой страной, в которой литургия и все молитвы совершаются на грузинском языке»¹.

Крещенного по-халкидонитски человека называли «огрузинившимся». Случаи употребления «враци» («грузин») в значении халкидонита встречаются, например, в сочинении армянского историка XIII века Киракоса Гандзакеци. Там отмечено: «Когда же он (Мхитар Гош) узнал о том, что случилось в собрании, обвинил военачальника, который был не вправе решать такое дело единолично. Он обратился к участникам собрания: «Вы заботитесь о своем народе, чтобы он подобными обычаями не смешался с грузинами, я же забочусь о военачальнике, чтобы он, подобно своему брату, не заделался грузином («враци»)»².

Высказанные в приведенной справке Мхитаром Гошем опасения по поводу того, чтобы Захария Мхаргрдзели, подобно своему брату Иванэ, не стал бы грузином («враци»), то есть последователем халкидонитского вероисповедания, вытекают из следующих обстоятельств: согласно как грузинским, так и армянским историческим источникам (Историки Тамар, Жамтаагмцерели – анонимный автор «Столетней летописи», Вардан Великий, Киракос Гандзакеци, Григол Аканеци) среди представителей ветви рода Мхаргрдзели атабаг Иванэ первым отверг свое исповедание (монофизитство), принял халкидонитство, а впоследствии еще и активно включился в направленную против антихалкидонской церкви борьбу. Как выясняется, Иванэ Мхаргрдзели вместе с членами своей семьи до конца остался последователем грузинского вероисповедания. По сведениям Вардана Великого, супруга Иванэ Мхаргрдзели Хошак перевела в халкидонитскую веру мало-

¹ «Книга посланий». Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1968, с. 138. (на груз. языке).

² Киракос Гандзакеци. История Армении. Критический текст издал и снабдил предисловием К. Мелик-Оханджян. Ереван, 1961, сс. 176-177 (на арм. языке).

летнего наследника Захария Мхаргрдзели Шаханшаха, что, тот же историк, наряду с другими подобными провинностями, считал причиной поражения атабага Иванэ в Гарнисской битве. Что касается религиозной принадлежности Захарии Мхаргрдзели, как из грузинских, так и из армянских источников известно: Захария был единственным в роду Мхаргрдзели, кто не переменял вероисповедания и до конца остался в «армянской вере» (монофизитстве).

Как указывают Вардан Великий и Киракос Гандзакечи, Захария Мхаргрдзели, правда, не переменял вероисповедания, но предпринял много новых попыток сближения Армянской церкви с Грузинской. Однако, его попытки не имели успеха. На Двинском и Анийском церковных соборах Захария Мхаргрдзели не смог осуществить своих планов, но и сам не огрузинился (то есть не принял халкидонитского вероисповедания).

Достойное внимания сведения по поводу религиозной принадлежности семьи Мхаргрдзели, точнее, по поводу употребления термина «враци» в конфессиональном значении встречается также в сочинении Себастиана (XIII в.) «Летопись». Там указывается: «Во время царствования Левона пришли на Восток два знаменитых князя Захария и Иванэ... Им был оказан почет грузинской («враци») царицей Тамар... Иванэ был восхищен царицей Тамар и стал «враци» («грузином»), Захария же твердо остался в своей вере»¹. В приведенном сведении дважды встречается термин «враци» («грузин»), в первом случае он обозначает этническую принадлежность (грузинская царица Тамар), а во втором он имеет конфессиональное (халкидонитство) значение (Иванэ Мхаргрдзели стал грузином («враци»)).

По указанию акад. Н. Бердзенишвили, «Захария Мхаргрдзели в своей деятельности – грузинский правитель, грузинский князь, он является амирспасаларом грузинского войска, но вероисповеданием он армянин. Видно, два понятия – культурно-

¹ Анонимный летописец Себастиана. Летопись. См. «Письменные хроники», т. II. Составитель В. Хакобян. Ереван, 1956, сс. 136-137 (на арм. языке).

политическое (грузин) и религиозно-конфессиональное (армянин) – противостоят друг другу в определении личности Мхаргрдзели»¹.

Случай употребления термина «враци» («грузин») в профессиональном значении встречается у Киракоса Гандзакеци в связи с одним из эпизодов деятельности Иванэ Мхаргрдзели. Историк сообщает: «Умер и Иванэ, брат Захарии, погребен в Пгндзаганке, у врат церкви, которую сам же выстроил. [Эту церковь Иванэ] отобрал у армян и превратил в грузинский монастырь («враци ванк»)»². В указанном сообщении речь идет о превращении князем Иванэ Мхаргрдзели, бывшего одно время армянским монофизитским, монастыря Пгндзаганк в грузинский, то есть халкидонитский монастырь.

Именно здесь, в грузинской среде вел свою переводческую деятельность армянин-халкидонит Симеон Пгндзаганеци. Помимо труда гимнографического характера – сборника армяно-греческих песнопений – с именем Симеона связаны также переводы философско-теологических трудов с грузинского на армянский. Достойное внимания сведения хранятся в памятных записях (колофонах) XIII в. в откомментированных Иоаном Петрици «Первоосновах теологии» Прокла Диадокха: «Переведена книга сия, – указано там, – Симеоном иеромонахом с грузинского на армянский, в армянской стране, в грузинской обители («ванк врац»), которая называется Пгндзаганк»³. По оценке проф. И. Абуладзе, «Симеон из тех армянских монахов, который стал учеником Грузинской Церкви, изучил тогдашнюю грузинскую письменность и из нее перевел там замечательные памятники, по большей части, философско-морального содержания»⁴.

¹ Бердзенишвили Н. Вопросы истории Грузии, т. VIII. Тбилиси, 1975, с. 389 (на груз. языке).

² Киракос Гандзакеци. История Армении... с. 222.

³ И. Абуладзе. Памятники древнеармянской письменности эпохи Руставели (Предварительный очерк). См. Труды И. Абуладзе. т. IV, Тбилиси, 1985, с. 36. (на груз. языке).

⁴ И. Абуладзе. Там же, с. 38-39.

С любопытным случаем понимания этнического термина «картвели» (грузин) как халкидонита сталкиваемся в исторической Квемо (Нижней) Картли, в ущелье Бануш-чай (Хожорнийское ущелье) в Хандзорецкой надписи 1213 года, которая прочитана акад. Д. Мухелишвили: «Года 1213 именем Господним дети эти Картвели («вордикс Картвелин») Григол и Саргис...». В вышеприведенной надписи «грузин» написан не в форме «враци», но «картвели» армянскими буквами. Это собственное имя отца Григола и Саргиса в то же время означает лицо, являющееся приверженцем халкидонитского вероисповедания»¹.

Из грузино-армянских источников выясняется, что часто тот, кто исповедовал грузинское православие, даже не будучи грузином, назывался грузином, так же как последователь армяно-грегорианской веры не-армянин – армянином. Именно означенное обстоятельство отражено в следующем сведении Захария Агулеци: «В 1667 году живущие в Измире два грузина («враци»), которые были родом армяне («азгав хаи»), из города Тбилиси, именем Шахвердим, и другой, Гаспар, товарищи между собой, объявили себя банкротами».² В приведенном отрывке «враци» означает не грузина по происхождению, а имеет культурно-конфессиональный смысл. Там же указано происхождение этих двух лиц – армянство по роду («азгав хаи»).

Как известно, с XII-XIII веков особенно усилилась тенденция обращения живущих на территории Грузии армян-монофизитов в халкидонитство («в грузинскую веру»), то есть огрузинивание. Именно обратившихся в халкидонитство армян их соплеменники называли «грузинами». Подобное религиозное обращение армян, «огрузинивание», Н. Бердзенишвили объясняет на основании распространения грузинской феодальной культуры, и

¹ Д. Мухелишвили. Результаты историко-географических полевых работ (1956-1958) в Квемо (Нижней) Картли. См.: Сборник исторической географии Грузии. 1. Тбилиси, 1960, сс. 158-159. (на груз. языке).

² Захария Агулеци. Дневник. Редактор С. Тер-Аветисян. Ереван, 1938, с. 72. (на арм. языке).

добавляет: «Особенного внимания заслуживает столь массовый переход в халкидонитство таосских азнауров. Феодалная культура Картли в X-XI вв., по всей видимости, значительно воздействовала на таосских «армян». Если не это, то было бы странно, почему там из соображений вероисповедных халкидонитство должно было связываться с грузинством, а не гречеством. Зачем было таосцу так стараться, чтобы перейти в «грузинство», когда гречество для него могло стать гораздо более перспективным»¹.

Таким образом, в результате изучения и анализа вышерассмотренных источников становится очевидным, что термин «враци» изначально был понятием, означающим этническое происхождение, кровное родство. На протяжении веков в результате культурно-политических перемен, термин наряду с этническим приобрел культурно-конфессиональное значение. Помимо «грузина по происхождению» в целом ряде случаев «враци» называли последователей грузинского халкидонитского вероисповедания, жителя Грузии, человека, участвующего в политической и культурной жизни Грузии.

«Мравалтави», т. XVIII, 1999

Перевод: Л. Дуларидзе, Л. Микиашвили

¹ Н. Бердзенишвили. Вопросы истории Грузии. т. VII, сс. 91-92. (на груз. языке).

Елена Цагарейшвили

**К вопросу о значении термина «враци азгав» в армянских
письменных памятниках**

На современном этапе развития картвелологии и арменологии особое внимание уделяется изучению вопросов общей проблематики этих областей науки. К ряду этих вопросов относится и проблема армян-халкидонитов, которая стала в последнее время одной из основных исследовательских тем армянской историографии.

Правильное представление и научное осмысление этой проблемы имеет большое значение для полноценного изучения истории Грузии и Армении, т. к. с ней связаны не только конфес-

сиональные, но и целый ряд историко-культурных вопросов. К этим вопросам относится и определение интересующего нас термина <vra%i azgaw> в древней армянской письменности.

В последнее время армянские ученые отстаивают мнение о том, что термин <vra%i azgaw> обозначает в точности «армян-халкидонитов», а одним из основных аргументов для его подтверждения считают якобы возникшую с определенных времен необходимость использования термина <vra%i azgaw> в профессиональном значении. Следовательно, согласно их утверждению <vra%i azgaw> (*враци азгав* – племенем грузин, родом грузин, грузин по родству) означает не «родом грузина», а «армянина-халкидонита».

Несмотря на относительную тенденциозность, в общей сложности характерную для всех средневековых источников, известно, что древнеармянские письменные памятники предоставляют возможность изучения и установления целого ряда фактов и явлений из истории не только Армении, но также и других стран, в том числе и Грузии.

С таким же явлением мы имеем дело при выяснении реального значения термина <vra%i azgaw>.

Согласно данным означенных источников <vra%i azgaw> (родом, родством грузин) является этническим термином и означает грузина по происхождению. Однако, некоторые армянские исследователи, необоснованно анализируя сообщения армянских исторических источников, по всей видимости преднамеренно неверно рассматривают факты и события прошлых веков и упоминаемых термином <vra%i azgaw> грузинских деятелей (Иоанна Торникя и его родственников, Григола Бакурианис-дзе, Липарита, Рати, Звиада, Закария Валашкертеца и др.) объявляют армянами-халкидонитами. Это ошибочное мнение укоренилось в армянской историографии и многие важные вопросы грузинской истории и культуры получают неправильную интерпретацию (например, история грузинских монастырей на Афоне и в Петри-

цоне, историческая география Тао-Кларджети, Квемо (Нижней) и Земо (Верхней) Картли, искажение этнического состава, политической обстановки в этих краях).

В настоящее время, когда почти все армянские источники общедоступны для широкой общественности и в научном обращении находятся многочисленные и многообразные исторические, эпиграфические, литературные и лингвистические материалы, отображающие грузино-армянские политико-экономические и культурные взаимоотношения, необходимо уточнить и в надлежащем свете представить целый ряд ненаучно, тенденциозно проанализированных вопросов.

Именно ввиду вышеозначенных обстоятельств мы задумали на основе изученных армянских письменных источников и сопоставления их с другими материалами, с привлечением соответствующего иллюстративного материала, определить реальное содержание <vra%*i* azgaw>, его истинное значение. Что же касается других аргументов, привлеченных армянскими исследователями для подтверждения армянского происхождения лиц, упомянутых как <vra%*i* azgaw>, мы касаемся их в другой работе: «О значении некоторых этнических и религиозно-конфессиональных терминов в армянских и грузинских письменных памятниках».

Как известно из армянской лексикологической литературы, <azg> (род, народ, поколение, племя, происхождение) и его синонимичные слова: *tohm* – племя, род, *se'* – потомок, потомство, <sermn> – семья, начало, происхождение, источник, зародыш, отпрыск, <%eu> – племя, род, потомство, <azn> – племя, род, национальность, <zawak> – потомок, род, племя, потомство, <zarm> – поколение, потомство, род, <groh> – народ, национальность и пр. всегда указывают на происхождение. В своем «Этимологическом словаре армянского языка» Грач Ачарян предлагает термин <azg> с вышеперечисленными толкованиями и называет также его

синонимы¹.

Подобно Гр. Ачаряну, в «Древнеармянско-русском словаре» Александра Худабашяна, в т. н. «Полном армянско-русском словаре» И. Дагбашяна и в составленном мхитаристами словаре «←→_•», производные от него и его синонимичные слова по своему значению связаны с «родством», «народом», «происхождением»². В составленном мхитаристами словаре также предлагаются довольно пространственные разъяснения «azg» со своими родственными словами, также указывающими на «происхождение»³.

Разъяснения «azg»-а в «Армянском толковом словаре» Стефаноса Малхасянца также связаны с происхождением⁴.

Таким образом, в армянских (как в старых, так и новых) этимологических или толковых словарях «←→_•» и его синонимы означают исключительно происхождение и они никогда не понимаются в «религиозном», «конфессиональном» значении. Определение «azg»-ом – вероисповедания, а также случаи обозначения армян-халкидонитов этническим термином «vra%i azgaw» (родом грузин) в армянских письменных источниках не подтверждаются. В данном случае имеем в виду армянские исторические, агиографические и другие литературные источники, эпиграфический материал, колофоны (памятные записи) как ранней (скажем, до грузино-армянского церковного разрыва V-VIII вв.), так и последующей эпохи (грузино-армянский церковный разрыв в 726 году вследствие Манаскертского собора, или хотя бы период после XI века, когда лишившись собственной государственности, определенная часть армянского народа переселилась в Грузию).

¹ Гр. Ачарян. «Этимологический словарь армянского языка», 1971, 1973, 1977, 1978 (на арм. языке).

² Александр Худабашян, «Древнеармянско-русский словарь», 1838; И. Дагбашян, «Полный армянско-русский словарь», 1911.

³ Словарь армянского языка, т. I, II, Венеция, 1836, 1837.

⁴ Степанос Малхасянц. «Армянский толковый словарь», т. I, Ереван, 1944, стр. 8-9.

На этот раз для подтверждения вышесказанного мы представим лишь часть из бесчисленных сведений, сохранившихся в армянских письменных памятниках всех времен.

В сочинениях армянских историков V века (Мовсес Хоренаци, Агатангел, Корюн, Фавстос Бузанд, Лазар Фарпеци, Егише) часто встречается «azg» и его синонимы: «zawak», «zarm», «%eu», «tohm», «azgakan», «azgatohm». Так же обстоит дело в сочинениях армянского историка VII века Себеоса, историка VIII века Левонда.

В «Книге посланий», описывающей армяно-грузинский церковный раскол («Послание Моисея, католикоса армян, Кириону, католикосу Картли») для определения происхождения помимо «azg» и его синонимов использованы следующие слова: «azgaw ew bñakow]eam» («родом и происхождением», или «племенем и жительство»). Моисей, католикос армян, обращается к католикосу Картли Кириону: «Мы же, доверившись твоей жизни и любви, исполнили твою волю и поставили тебя предводителем этой страны, ибо, хотя племенем и жительством (azgaw ew bñakow]eam) ты был из этой страны, но рано ее оставил, отчуждился и жил в стране ромеев»¹.

Такие же синонимичные слова, обозначающие происхождение, встречаются в другом значительном памятнике, отражающем армяно-грузинский церковный разрыв – «История отделения грузин от армян», автором которого является деятель X столетия Ухтанес². Для определения происхождения помимо «azg» и его синонимов, а также «azgaw ew bñakow]eam» (племенем и жительством), он использует еще и «azgaw ew a}xarhaw» (племенем и страной).

¹ «Книга посланий». Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1968, с. 128 (на груз. языке).

² Ухтанес. История отделения грузин от армян. Армянский текст с грузинским переводом и исследованием издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1975, сс. 22-23, 32-33 (на груз. языке).

О Кирионе, католикосе Картли в вышеназванных источниках отмечено: «(Он) Сам племенем и страной (azgaw ew a}xarhaw) был из них»¹. Вместе с «azg» и его синонимами армянский историк Ованнес Драсханакертци для обозначения родства (происхождения) пользуется следующим выражением: «azgaki% harazatow]ean» (кровный и телесный родственник, сродник): «от юности (от отрочества) не только учеником был я святого человека Маштоца, но его кровным и телесным родственником (azgaki% harazatow]ean)».²

Подобно своим предшественникам, армянские историки последующих столетий происхождение в основном обозначали «azg»-ом и его синонимами (Мовсес Каланкатуаци, Степанос Таронечи, Маттэос Урхайеци, Мхитар Анеци, Самвел Анеци, Григол Аканеци, Смбат Спарапет, Киракос Гандзакеци, Вардан Восточный, Степанос Орбелян, Аракел Даврижеци и др.). Например, Степанос Таронечи отмечает: «Кюр-жан (...), когда он воцарился, ему добровольно, с обязательством выплаты дани покорились род таджиков (<azgn Та#ka%>) с юга, род сарматов (<azgn Sarmata%wo%n>) с севера и род грузин (<azgn vra%>) с востока»³.

Мхитар Анеци обозначает «azg»-ом род человеческий: «Адам – основа и начало рода человеческого «azgi mardkow]ean»»⁴.

В результате изучения сообщений вышеперечисленных армянских историков выясняется, что «azg» и его синонимы всегда имеют лишь конкретное, определенное значение – «родство», «нас-

¹ Ibidem, сс. 82-83.

² Ованнес Драсханакертци, История Армении (786-925 гг.). Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и указателями издала Е. Цагарейшвили, Тбилиси, 1965, сс. 87-88 (на груз. языке).

³ Степарос Таронечи, Всемирная история, под редакцией Малхасянца, Петербург, 1885, с. 184 (на арм. языке).

⁴ Мхитар Анеци, история Армении. Изд. Г. Г. Маргарян, Ереван, 1983, с. 63 (на арм. языке).

ледство», «род» и никогда не указывают на что-либо в обобщенном или переносном смысле (скажем, на религию, вероисповедание). Для прояснения того, что термины (<vra%i azgaw> «родом грузин»), <azgaw vra%i> («из рода грузин»), <yazg& vra%i> («из племени грузин»), <i tohm& vra%i> («из рода, колена грузин»), и др., в которых упоминаются грузинские деятели, на самом деле являются исключительно этническими терминами и всегда указывают на происхождение, мы сочли обязательным припомнить другие этнические названия похожих форм. Обратимся вновь к источникам. В сочинении Мовсеса Хоренаци читаем: «Арташир ... вернул обратно беженцев, завладел их крепостями, кроме одного – владения нахарара Ота, который был из племени аматунов (<i tohmen Amatownea%>), зятем рода Слкунов (<azgin Sukownea%>) и был воспитателем дочери Хосрова, Хосровдухт»¹.

То же самое имеется и у Агатангела: «Утверждали, что Христос происходит из рода Давидова <yazg& Dawji>) из селения Вифлеем»².

Весьма любопытно чередование «azg» (род), «town» (дом) и «tohm» (*племя*) в сочинении Егише: при описании известной битвы варданцев историк перечисляет имена тех нахараров, которые прославили себя в бою; при этом он указывает на их происхождение. Они были из родов Сюникских, Арцрунов, Мамиконянов, Камсараканов, Аматунов, Гнунов, Димаксеанов, Андзевелов, Аравелеянов, Таширских. Из племени Арцрунов, Мандакунов и дома Рафсонянов.³

Для обозначения происхождения, родства Фавстос Бузанд,

¹ Мовсес Хоренаци, История Армении, Тифлис, 1913 сс. 215-216 (на арм. языке).

² Агатангел, История Армении, изд. Г. Тер-Мкртчян, и С. Канаянц, Тифлис, 1909 с. 199 (на арм. языке).

³ Егише, О Вардане и армянской войне. Подготовка к печати и предисловие Е. Тер-Минасяна, Ереван, 1957, сс. 193-194 (на арм. языке).

Корюн, Лазар Фарпеци всегда используют «azgaw», «yazg&», «i tohm&n», и такого же рода формы их синонимов: «azgaw Asori» («родом, происхождением ассириец»), «azgaw Yoyn» («родом грек»), «yazg&n Amatownea%» («из рода Аматуни»), «i Mamikonean tohm&n» («из племени Мамиконянов»), «yazg& Jagawora%n Hayo%» («из семьи армянских царей»), «azgaw i hoyakap ew yakanawor tohmen Arcrownea%» («происхождением из могучего и выдающегося племени Арцрунов»).

В армянских исторических источниках более позднего времени также традиционно продолжается использование «azgaw», «yazg&», и их синонимов только-лишь исключительно в смысле происхождения (Ухтанес, Ованнес Драсханакертци, псевдо Шапук Багратуни, Степанос Таронечи, Маттэос Урхайэци, Мхитар Анеци, Вардан Восточный, Смбат Спарапет, Григор Аканечи, Киракос Гандзакечи, Степанос Орбелян, Аноним (некто Себастаци), Фома Мецопеци, Хасан Джалальянц и др.). Подтвержденные в трудах названных армянских историков термины «azgaw», «yazg& », «i tohme», «i zvak&», «i %eu&n» и другие заменяющие их синонимичные слова всегда указывают на происхождение, национальность той или иной личности.

Если оставить в стороне исторические факты и явления, и, вообще, историческую реальность, с точки зрения грамматической будет неправомерно представленное в начальном или исходном склонении этническое название «yazg& vra%» (из грузинского рода), «i tohm& vra%» (из грузинского племени) истолковать и перевести как «грузинской веры». Например, сведение Степаноса Таронечи об Иоанэ Торникий (Торнике Эристави) «[ornik zoravar &r yazg&n vra%» следует понимать и переводить как: «Торникий был военачальник из **рода (племени, колена) грузин**» «yazg&n vra%», а не как: «Торникий был во-

еначальник из **грузинского вероисповедания**». Иное толкование приведенного выше контекста так же недопустимо, как, скажем, невозможно исказить смысл следующего отрывка из сочинения Хетума (армянского историка XIII века): «ew etown nma kin z]aw]awon yazg& Manowil kaysern»¹ – «И дали ему в жены Тотору из рода Мануила кесаря» (yazg& Manowil kaysern). Полагаем, данное сообщение не следует переводить как: «И дали ему в жены Тотору исповедания (веры) Мануила кесаря», т.к. и в этом случае слово «yazg&» означает «род, происхождение», а не «веру».

Как уже отмечалось выше, в армянских письменных памятниках этническими терминами «vra%i azgaw», «yazg& vra%», «i %eu&n vra%», «i tohm& vra%», «i zawak& vra%» и др. упомянуты известные грузинские деятели: католикос Картли Кирион, Иоанэ Торникий, епископ Закария Валаршакертеци, Липарит и его братья Рати и Звиад, Григол Бакурианис-дзе, Вахтанг V (Шахнаваз) и др., в чьем грузинском происхождении никто не может усомниться, но раз этот вопрос стал предметом спора в армянской историографии, мы сочли нужным показать ошибочность одного из главных аргументов концепции армянских ученых – попытки отождествления этнического термина «vra%i azgaw» с якобы «армянином халкидонитом».

Названные этническим термином «vra%i azga» (родством, родом, племенем грузин) личности (католикос Кирион, Иоанэ Торникий, Закария Валаршакертеци, Липарит, Рати, Звиад, Григол Бакурианис-дзе, Вахтанг V (Шахнаваз) своей жизнью и деятельностью столь тесно были связаны со многими политическими и культурными процессами Грузии, так самоотверженно, бескорыстно трудились ради укрепления Грузинского государства,

¹ Гетум, Этнографические труды XIII в., Письменные хроники XIII-XVIII вв., т. II, Составитель В. Хакобян, Ереван, 1956, с. 106 (на арм. языке).

возвышения его культуры, что сколько бы не старались армянские ученые объявить их армянами, это все равно не меняет характер их подвижничества и не отделяет их от грузинского феодального общества. Например, известный армянский историк XIII века Степанос Орбелян был грузином по происхождению, но считался одним из представителей арменизированной ветви Орбели и столь тесно был связан в своей деятельности с армянским обществом (был Сюникским митрополитом) как деятель и историк, что нет никаких оснований объявлять его грузином. То же самое можно сказать и об армянском историке XVII века Закарии Саркаваге, который, подобно Степаносу Орбеляну, был грузином по происхождению. Он принадлежал к знатной грузинской семье, взятой в заложники. Со временем Закария ввиду своей деятельности оказался связан с армянским обществом и стал одним из видных его представителей.

Если Стефанос Орбелян и Закария Саркаваг, несмотря на их грузинское происхождение, арменизировались и поэтому, из-за их деятельности в пользу армянского общества уже не считаются грузинами, тогда с какой стати мы должны считать армянами-халкидонитами, как того желают армянские исследователи, тех грузин по происхождению (упоминаемых термином «*vra%î azgaw*» «родом грузин»), которые и своей деятельностью связаны с грузинским обществом, и служат грузинскому делу.

Из числа названных «*vra%î azgaw*»-ами грузинских деятелей следует особо выделить царя Картли Вахтанга V (Шахнаваза), который, правда, в армянских источниках называется «*vra%î azgaw*», но в отличие от других упомянутых термином «*vra%î azgaw*» грузин, в трудах армянских ученых не указан армянином-халкидонитом. В этом контексте о нем вообще ничего не сказано. Для более ясного представления вопроса обратимся к самим армянским источникам. В «Дневнике» армянского летописца XVII века Закарии Агулеци царь Картли Вахтанг V (Шах-

наваз) назван «vra%î azgaw»: «(1125+551=1676) года 15 августа. Шахнаваз хана, который был **родом грузин** <vra%î azgaw> шах Аббас ранее увез в Исфаган, **обратил в магометанство** и даровал Тбилисское ханство»¹.

Что и говорить, было бы уже чересчур объявить потомка Теймураза Мухранбатони, известного грузинского царя Вахтанга V (Шахнаваза) армянским диофизитом. Именно поэтому в армянской историографии, в тех случаях, когда речь заходит о лицах, упомянутых как «vra%î azgaw» («родом грузин»), как правило, царя Шахнаваза нет и в помине.

Что касается «вероисповедания», «религиозно-конфессиональной принадлежности», для их обозначения в тех же источниках использованы специальные термины: kr̥nq, hawat, owxt, ĵr&n (ĵr&nq), dawanow]iwn, awandow]iwn, xostovanow]iwn. Например, в сочинении Лазара Фарпеци в обращении персидского царя Язкерта к своим придворным авагам указано: «Если же что иное мыслите и действительно идолом захотите сделать эту мысль и ложную веру (<ĵr&ns>), которой армяне, грузины (<vir̥q>) и албанцы до сих пор живете, не посмотрю на всю вашу полезность и труды, и с женами и детьми и всем родом (потомством) <azgaw> уничтожу вас». Грузинские, армянские и албанские азаты же ответили посланием: «От нас требуете сокрушить наше древнейшее и привычное родное вероисповедание (<awandow]ean>) и силой хотите заставить нас исповедать веру (<ĵrina%>), которую ни мы, ни наши отцы никогда не принимали и не любили»².

В своем сочинении Фавстос Бузанд для обозначения «веро-

¹ Захария Агулеци, Дневник, редактор С. Тер-Аветисян, Ереван, 1938, с. 140 (на арм. языке).

² Лазар Фарпеци, История Армении, ред. С. Малхасянц, Тифлис, 1904, сс. 48-49 (на арм. языке).

исповедания, веры» использует (<ɟr&n>) и (<krɟnq>). Там читаем: «Он был в отроческом возрасте и, как поступали с отроками, по обычаю, **соответственно армянской вере** юноше Артавазу обрили голову и оставили только чуб и косицу»¹. В последующие периоды для обозначения «вероисповедания» в армянских источниках наряду с <ɟr&nq> и <krɟnq> часто встречаются слова <hawat>, <dawanow]iwn>, <owxt>, <xostovanow]iwn>, например, у Ухтанеса указано: «Ныне соблюдай веру и исповедание святых отцов, признай ту, что при царе царей Каваде была найдена при выборе веры. Римляне приняли **халкидонскую веру** (<zqadkedonin>)².

Последователь Христовой веры у Маттэоса Урхайеци именуется <hawata%eal qristosi> («верующим во Христа»): «В этом году скончался Дамишман, великий эмир страны ромеев, который **был из рода армян** (<yazg&n hayo%>), человек добрый, строитель страны, он был весьма милостив к верующим во Христа (<hawata%elo%n qristosi>); великое горе охватило верующих, которые были его подчиненными»³. В сочинении Фомы Мецопеци для обозначения «вероисповедания», «веры» встречаются случаи одновременного использования <krɟnq> и <ɟrenq>: «Царь же грузинский (царь Баграт) исполнился мудрости Святого Духа, обманул того (Тимура) и сказал ему: «Дай мне многочисленное войско, чтобы отправиться в Грузию, захватить всю страну и обратить в вашу веру (<i krɟns >er>), ибо племя (страна) это владеет восемью языками и всех тебе покорю и **в твоей вере** (<yɟr&ns>) поставлю. Ими являются: двалы,

¹ Фавстос Бузандаци, История Армении, Петербург, 1883, с. 213 (на арм. языке).

² Ухтанес. История отделения грузин от армян. Армянский текст с грузинским переводом и исследованием издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1975, сс. 30-31 (на груз. языке).

³ Маттэос Урхайеци, История. Вагаршапат, 1898, с. 297 (на арм. языке).

осетины, имеры, мегрелы, абхазы, сваны, картвелы, месхи»¹...

Аракел Даврижеци предоставляет интересное сообщение, в котором этнический и религиозно-конфессиональный термины отделены друг от друга: «И был Мелик Шахназар **из рода армян** (yazg&n hayo%) и **верой христианин** (<hawatov qristoneay>), сильный и знаменитый владетельный князь»².

Подобное же употребление этнических и религиозно-конфессиональных терминов подтверждается, например, в «Истории дома Сисаканского» Степаноса Орбеляна: «Увидев впервые всех вельмож и старейшин царского двора, Сумбат сообщил им причину своего прихода. Его привели и представили великому царю и преподнесли драгоценный камень. Ему было весьма приятно, он похвалил его и спросил: «Из какого ты рода (кто ты по происхождению?) (<zin/ azg es>). Он ответил: **верой я христианин** (<hawatov qristoneay em>) и **родом (племенем, по происхождению) армянин** <azgaw Hay>»³.

Что же касается «халкидонитского вероисповедания» (диофизитства), и самого «халкидонита» (диофизита), для их обозначения в армянских письменных памятниках сохранились специальные термины <qaukedoni hawat>, <dawanow]iwn qaukedoni> – «халкидонское вероисповедание», <orq zqaukedonin > – «последователи Халкидонского собора», <erkabnak> – двуестественники, <qaukedonit>, <qaukedonakan, qaukedonik>, – «халкидонит», <erkabnow-]iwn> – «двуприродность», <k%ordaki% /ar auandwoyn

¹ Фома Мецопеци. Армянский текст с грузинским переводом, предисловием и комментариями издал Л. Меликсет-бек, Тбилиси, 1937, сс. 19-20 (на груз. языке).

² Аракел Даврижеци, История. Вагаршапат, 1896, с. 96 (на арм. языке).

³ История Сисаканского дома Степаноса Орбеляна, Тифлис, 1910, с. 408 (на арм. языке).

qaukedoni» – «приверженец лукавой (вредной) халкидонской ереси», <erkabnak krĭnq> – «двуприродная вера», <xostovanow]iwn qaukedoni> – «халкидонская вера», <hawaneal louovoyn qaukedoni> – исповедник халкидонского собора, <qaukedonakana%n erkabnak xostovanow]iwn> – «двуприродное исповедание халкидонитов», <auand qaukedoni> – халкидонитская ересь», <hawat anĭren qaukedoni> – «халкидонская безбожная вера», <krĭnq vra%> – «вера грузин».

В армянских письменных источниках «халкидонская вера» впервые упоминается в сочинении Себеоса: «Истинной является та вера, которая была исповедана на Никейском соборе, при блаженном Константине с ней согласились Константинопольский и Эфесский [соборы]. С ними же согласилась и **армянская вера** (Hayo% hawat) справедливо. Халкидонская же [вера] (qaukedoni) не соглашалась с ними»¹. В приведенном выше сведении явно отделены друг от друга термины, выражающие монофизитство (которое именуется «армянской верой») и халкидонитскую веру (т.н. «диофизитство»). Указанное обстоятельство с еще большей ясностью представлено в «Книге посланий» и в сочинении Ухтанеса «История отделения грузин от армян». В «Книге посланий» «халкидонскую веру» именуют еще и «новым видом веры» (noroga>ewow]iwn hawatoy): «Написали мы по поводу этих дел этому католикосу и другим главам, что бы не было какого-либо **нового вида веры** (<noroga>ewow]iwn in/ hawatoy>) в этих двух странах»². В подобной форме «халкидонская вера» несколько раз упоминается

¹ Себеос. История. Вступление, комментарии С. Малхасянца, Ереван, 1939, с. 125 (на арм. языке).

² «Книга посланий». Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1968, с. 39 (на груз. языке).

также в сочинении Ухтанеса¹. После обострения церковного несогласия между грузинами и армянами и окончательного отделения грузин от армян отношения между ними стали еще более напряженными, что своеобразно отразилось и в письменных источниках того времени. В этой связи наглядная картина представлена в сочинении Ухтанеса. Историк не скрывает враждебных настроений армянского общества того времени по отношению к последователям халкидонского вероисповедания (в данном случае – к грузинам) и поминает их с еще большим гневом и даже презрением, чем, скажем, «Книга посланий». Вот что мы читаем у Ухтанеса: «Грузины захотели стать причастниками лукавой халкидонской ереси (</ar auandwoyn qaukedoni>), изменили веру святых отцов (<zawr&ns>) и забыли Божественный завет»². У того же Ухтанеса отмечено: «Собравшиеся в Халкидоне не посмели сказать то же самое, узаконили две природы и от святых учителей названы были **двуприродниками** <erkabnakq> и отрекшимися»³.

Существовавшие на протяжении веков соперничество и взаимное противостояние между халкидонитами и монофизитами с относительной полнотой и объемностью отражены во всех памятниках древнеармянской письменности. С этой точки зрения любопытны также и сведения Иоаннеса Драсханакертци. Как архипастырь Армянской церкви, апологет монофизитского символа веры, он подчеркнуто выражает свое враждебное отношение к халкидонскому исповеданию. Иоаннес пишет: «Хотя и часто [приходил] ко мне посланец и с полным любви желанием приглашал меня во дворец кесаря, но я не пожелал, так как думал,

¹ Ухтанес. История отделения грузин от армян. Армянский текст с грузинским переводом и исследованием издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1975, сс. 92-93 (на груз. языке).

² Ibidem, с. 39; Ухтанес. История отделения грузин от армян. Армянский текст с грузинским переводом и исследованием издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1975, с. 39 (на груз. языке).

³ Ibidem, сс. 208-209.

что мог появиться некто, кто своими глазами увидел бы меня и мое прибытие туда [объяснил бы] моим **халкидонитством** (im i qaukedonitsn) и счел бы меня переманенным»¹. Тут же историк замечает: «В его (Авраама) время Картли отступила от единства с армянами и предпочла стать **сподвижницей халкидонитского лукавого исповедания** (k%ord /ar auandoyn qaukedonakana%) и изменить пределы святых отцов, забыв божественный завет»². Мовсес Калакатуаци также часто поминает армяно-грузинский церковный раскол и принятие грузинами халкидонитского исповедания: «[Для восполнения] девяти чинов старшие главы Церкви по своей воле, согласно горделивому армянскому нраву, патриархом поставили Авраама, архиепископом алванца, а митрополитом – грузина. Разобиделся грузин, которого звали Кирионом, и искал причины для раскола. А святой архипастырь Авраам заявил, что алванцы сделались верующими раньше грузин и потому там должно учредить архиепископство. В этих спорах и поисках православной веры грузины отделились (обратились) и стали **халкидонитами** (qaukedonitq)»³. Для обозначения халкидонского исповедания Маттэос Урхайеци, кроме «hawat anʒr&n qaukedoni» («**нечестивая халкидонитская вера**»), употребляет также выражение «hawat azgis Но'омо%» («**вера ромейского племени**»).

Картина разграничения этнических и религиозно-конфессиональных терминов наглядно прослеживается и в сочинениях историков последующей эпохи. Например, Киракос Гандзакечи

¹ Иоанэ Драсханакертци, История Армении (786-925 гг.). Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и указателями издала Е. Цагарейшвили, Тбилиси, 1965, с. 213 (на груз. языке).

² Иоанэ Драсханакертци (Ованес Драсханакертци), Хронология армянских католикосов. См. Иоанэ Драсханакертци. Перевод с примечаниями и указателем Ильи Абуладзе, Тбилиси, 1937, с. 73-74 (на груз. языке).

³ Мовсес Каланкатуаци, История Албанской страны, Тифлис, 1912, с. 311-312 (на арм. языке).

сообщает: «Они по происхождению были из Хачени, **из знатного рода** (yereweli azg&), **верой христиане** (hawatov qristoneayq), **православные** (owuuafa'q), **племенем (родом) армяне** (azgaw Hay)»¹. В другом случае Киракос Гандзакеци из христианской веры выделяет «армянскую веру», «армянское вероисповедание» (hawat Hayo%). Историк пишет о Захарии Мхаргрдзели и его единомышленниках: «Возрадовались великий полководец Захария и все армяне, которые были в его войске. Они еще более утвердились в правой армянской вере (yowuii hawatn Hayo%)»². Излагая один из эпизодов военной деятельности Иванэ Мхаргрдзели, Киракос Гандзакеци упоминает и халкидонитство и называет его «грузинской верой» (krjñq vra%): «[Джелал-эд-Дин] собрал бесчисленное войско из персов, таджиков и турок и вторгся в армянскую страну. Узнав это, Иванэ сообщил об этом грузинскому царю и собрал большое войско для сражения с султаном. Сильно возгордившись, они дали слово: в случае победы, всех подданных армян обратить **в грузинскую веру** (i krjñs vra%), а оказавших сопротивление уничтожить мечом»³. Киракос Гандзакеци четко разделяет «православное исповедание (owuuafa' dawanow]iwn) и «халкидонитское исповедание» (qaukedoni dawanow]iwn), последователей которого иногда называет двуприродниками (erkabnak): «После Юстина [царским] венцом завладел другой Юстиниан, сын его сестры. Его женой была Феодора, **православная** (owuuafa'), и она просила своего мужа утвердить **православие** (zowuuafa'ow]iwn). А он (Юстиниан), хоть и желал этого, но не решался из страха перед **двуприродниками** (erkabnaka%»),

¹ Киракос Гандзакеци, История Армении, Изд. К. А. Мелик-Оганджян, Ереван, 1961, с. 206 (на арм. языке).

² Киракос Гандзакеци, ... с. 215.

³ Ibidem, с. 224.

которые угрожали ему смертью»¹. Григорий Аканеци именует ромеев-халкидонитов лже-христианами (sowt qriston&ayq) и сообщает о них следующее: «Через три года его (Леона) царствования [они] замыслили зло против царя, желая искоренить царство армян и воцариться им самим, гнусным и отступническим ромеем, **лже-христианам** (sowt qriston&ayq) и **истинным халкидонитам** (stoyg qaukedonitqn)»². В сообщении, содержащемся в «Истории дома Сисаканского», Степанос Орбелян отделяет друг от друга несторианцев и халкидонитов. Он пишет: «Во времена Сюникского епископа владыки Вртанеса, пришли некие **несториане** (nestoriakanq) и **халкидониты** (qaukedonitqn), и коварством утвердились в Сюникской и Алванской стране»³. В другом сообщении историк называет их еретиками: «Гнусных **несториан** (nestorianoss) и **халкидонитов** (zqaukedonits) и других **еретиков** (her>owac-ous) мы с проклятьем изгнали из нашей церкви»⁴.

В повествовании летописца XIII века, некоего анонима Себастици, вместо халкидонитства, в том же значении упоминается «грузинская вера». В данном сообщении излагается факт поражения Иванэ Мхаргрдзели у Гарни и говорится следующее: «Это случилось по причине злодейств Иванэ, который вознамерился, как только одолеет их (врагов), обратить армян **в грузинскую веру** (i kr շն vra% dar>%ow%an&)»⁵.

Таким образом, на основе анализа разнообразных данных армянских письменных источников, как раннего, так и позднего

¹ Ibidem, с. 38.

² Григол Аканеци. История племени стрелочников. Армянский текст с грузинским переводом и комментариями издал Н. Шошиашвили, Тбилиси, 1961, с. 71 (на груз. языке).

³ Степанос Орбелян ..., с. 97-98 (на арм. языке).

⁴ Ibidem, сс. 93-94.

⁵ Анонимный летописец Себастици. Летопись, См. «Письменные хроники» XIII-XVIII вв. т. II составитель В. Хакобян, Ереван, 1956, с. 138

периода, становится ясно, что армянские историки определенными терминами обозначают последователей различных религиозно-конфессиональных течений (будь то христианин, православный, халкидонит, адепт армянского, грузинского или греческого исповедания). Ясно и то, что при наличии такого множества религиозно-конфессиональных терминов, теми же источниками не подтверждается необходимость употребления этнических терминов в вероисповедном значении (например, **hay azgaw (родом армянин)** всегда обозначает армянина по происхождению, а не последователя армянского исповедания, также **hoyn azgaw (родом грек)** – грека, а не исповедующего греческую веру, или **vra%i azgaw (племенем грузин)** подразумевает грузина по происхождению, а не армянина халкидонита (армянина – последователя грузинского исповедания).

Для более тщательного освещения интересующего нас вопроса, посмотрим, как именуются в армянских источниках в конкретных случаях определенные лица армянского происхождения, но халкидонитского вероисповедания. По сообщению Ухтанеса, «на стороне греков посадили противника Моисеева престола, некоего **Иоана двуприродника (zohan omn erkabnak)**, который не входит в число армянских архипастырей»¹. Тут же следует заметить, что современником Иоана был картлийский католикос Кирион, который в источниках, как известно, назывался «**vra%i azgaw**» (**по происхождению грузином**) и по вере халкидонитом, а Иоанн Коговитеци, согласно тем же источникам, был армянского происхождения (из Коговита), также халкидонит, именуемый двуприродником. Его халкидонитство отмечено термином «**erkabnak**» (двуприродник), Мовсес Каланкатуаци и Степанос Орбелян

(на арм. языке).

¹ Ухтанес. История отделения грузин от армян. Армянский текст с грузинским переводом и исследованием издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1975, сс. 106-107 (на груз. языке).

также называют двуприродником исторического деятеля VII-VIII вв., Гардманского епископа Бакура (впоследствии названного католикосом Нерсэсом)¹.

В сочинении Маттэоса Урхайеци об одном армянском князе читаем следующее: «В это время был убит армянский князь Эпихт, муж доблестный и воинственный, из Ширакского дома, которого из-за его храбрости стал притеснять греческий царь, **крестил в ромейскую веру** (knqea% zna i Ho'om), но он тайно служил своей **родной вере святого Григория** (i sacowk zhayreni hawatn iwr pa}t&r zsrboys Grigoris)»². И в этом сообщении передаются сведения о крещении в халкидонитство армянского князя Эпихта (ho'om hawat), который тайно сохранял свою веру (армянскую веру, монофизитство (hayreni hawat)). Именно поэтому историк не подвергает его памяти поношению, но совсем по-иному выглядит другое место в том же сочинении Урхайеци, где историк выражает особую враждебность в отношении последователя греческого исповедания (диофизита) армянского князя Филарета. Урхайеци подвергает его поношению за приверженность к греческой вере и образу жизни и пишет: «В это время могуществовал нечестивый и злейший князь Филарет, который был первенцем сатаны... Он начал борьбу с верными Христу, ибо сам был неверующим во Христа. Ни армяне, ни ромеи не считали его своим. **Образ [жизни] и веру он имел ромейскую** (varqnn ew kr}nqn zho'omo%n own&r), **а по отцу и матери он был армянин** (hayrene}qn ew mayrene}qn hay &r)»³. Приведенное выше сообщение Маттэоса Урхайеци в качестве источника использовал Смбат Спарапет (либо, возможно, оба использовали какой-то третий источник). Смбат Спарапет пишет о Филарете: «**Родом**

¹ Мовсес Каланкатуаци, история Албанской страны, Тифлис, 1912, с. 280, 554-555 (на арм. языке).

² Маттэос Урхаеци... с. 214 (на арм. языке).

³ Ibidem, сс. 206.

(племенем, происхождением) он был из армян (azgaw i hayo% &r)», а на его халкидонитство указывает следующим образом: «Истинную веру не соблюдал (o/ &r hastateal i hawats #}marits)».

Как видим, ни один из них (ни Маттэос Урхайеци, ни Смбат Спарапет) для указания на халкидонитство Филарета не употребляет термин «ho'om», или «vra%i», «ho'om azgaw», или «vra%i azgaw» («ромей» или «грузин», «родом ромей» или «родом грузин»). Если верить армянскому ученому В. Арутюновой, что начиная с XI века армянские халкидониты именовались «vra%i azgaw», тогда историк XII века Маттэос Урхайеци и историк XIII века Смбат Спарапет должны были быть осведомлены об этом и обозначать халкидонитство Филарета через «ho'om azgaw» или «vra%i azgaw» («родом ромей» или «родом грузин»). Но в результате изучения приведенных выше данных, положение В. Арутюновой о том, что якобы «для средневековых армянских историков... армяне халкидониты либо «ромей», либо «иверы» («vra%i»)» и в этом случае не подтверждается.

Согласно Маттэосу Урхайеци, Филарет Варажнуни даже принял ислам, но потом вновь вернулся к христианской вере¹. Как видим, на неоднократное перемещение этого армянского диофизита из монофизитства в халкидонитство, затем в мусульманство, и наконец возвращение в христианскую веру в письменных источниках указано религиозно-конфессиональными терминами и из армянских источников не видно необходимости и нужды в обозначении последовательно признаваемых им исповеданий этническими терминами (ho'om azgaw, vra%i azgaw, mahmetakan azgaw).

Именно поэтому для нас совершенно непонятно, из чего возникла необходимость, чтобы, к слову, начиная с XI века

¹ Маттэос Урхаеци..., с. 233-234 (на арм. языке).

армянские историки для обозначения халкидонитского исповедания некоторых лиц стали бы использовать этнический термин «*vra%i azgaw*», как то повторяют армянские исследователи. В армянской научной литературе последнего времени, как Филарет, так и Григол Бакурианис-дзе объявлены армянами по происхождению, и халкидонитами по вероисповеданию историческими лицами.

Однако, по данным основного армянского источника, отображающего их жизнь и деятельность, «Летописания» Маттэоса Урхайеци и других источников, вырисовывается иная картина: как Григол Бакурианис-дзе, так и Филарет Варажнуни (Васпураканец) являются византийскими вассалами, военно-политическими деятелями второй половины XI века. Филарет – правитель фемы Антиохии (1048-1084 гг.), а Григол Бакурианис-дзе – правитель фемы Иверии (1071-1074 гг.), оба халкидониты, Филарет по происхождению армянин (*hayreneշոն ew mayreneշոն hay &Դ*), а Григол – родом, племенем грузин (*vra%i azgaw*).

Этот этнический термин («*vra%i azgaw*» – «племенем грузин») армянские исследователи объявляют термином, указывающим именно на конфессиональную принадлежность Григола Бакурианис-дзе, и причисляют его к армянам халкидонитам. Надо полагать, это обстоятельство является недоразумением, иначе откуда могла возникнуть необходимость обозначить этническим термином «*vra%i azgaw*» халкидонитство именно и только Григола Бакурианис-дзе, в то время, как халкидонитство деятеля того же времени, армянина по происхождению Филарета, как мы видели выше, совершенно ясно указано конфессиональным термином «*kr շոն ho'omօ%*» («ромейская вера»).

Если бы действительно возникла необходимость обозначения конфессии этническим термином, Маттэос Урхайеци обозначил бы халкидонитство Филарета не через «*kr շոն ho'omօ%*» («верой ромей»), но «*ho'om azgaw*» («родом ромей»). Но на самом деле такой необходимости в армянских письменных

источниках не существует, поскольку здесь ясно разграничены энические и религиозно-конфессиональные термины.

Как известно, в X-XI вв. в Армянской монофизитской церкви создалось особенно тяжелое положение, усилилась существующая вражда между армянами-монофизитами и халкидонитами, значительная часть армянского населения перешла в халкидонитство. В сочинении Степаноса Таронечи сохранилось примечательное сообщение о переходе в халкидонитство самого армянского католикоса Вагана I (967-969): «Ваганик, сын князя Джуаншера, из рода Багаца, был возведен в католикосы. Он пожелал письменно установить с халкидонитами (=nd qaukedonakans) любовь и благоволение»¹. Далее историк рассказывает об осуждении со стороны представителей Армянской церкви поведения Вагана и о возведении в католикосы Степаноса III (969-972)². В приведенном сообщении не указывается определенно, с какими именно халкидонитами (грузинами или греками) установил связи армянский католикос Ваган; тот же факт у Самвела Анеци изложен более конкретно, следующим образом: «После смерти владыки Анании, занял престол владыка Ваган из Багаца (967-969). Он скрепил союз с грузинами единоплеменным исповеданием (ind virs miaban dawanow]eamb)... Узнав о его (Вагана Сюнеци) погибельных еретических намерениях (zher>owacs korstakan mta%) (ибо он приказал принести иконы для восстановления халкидонитской ереси (секты) (vasn norogman auandoy qaukedoni), строгие монахи отвергли его и изгнали»³. В вышеприведенной справке также хорошо видно непримиримое отношение представителей монофизитской Армянской церкви к халкидонскому исповеданию и его последователям. И здесь, как

¹ Степанос Таронечи..., с. 181 (на арм. языке).

² Ibidem, сс. 181-182.

³ Самвел Анеци, История. Издатель Аршак Тер-Микелян, Вагаршапат, 1899, с. 100 (на арм. языке).

видим, связанный «с грузинами единодушным исповеданием» католикос Ваган не именуется «vra%i azgaw» («племенем грузин»). Также примечательным представляются нам сведения Степаноса Таронечи, относящиеся к концу X века об отречении правителя Гага и его окрестностей марзпана Деметрэ и его сына Таширского мампала от своей армянской веры (т. е. монофизитства) и принятия им халкидонитского исповедания, или грузинской веры: «В то время марзпан Деметрэ, который был главой в Гагской крепости, которая находится в тех пределах, попал под подозрение у него (Гагика), отверг **родную армянскую веру** (Jouow zhawats hayreni hayow]ean), признал грузин соратниками, омылся в их воде (крестился) и погиб вдвойне [телом и душой] (i no%in krkname' lowanal jowrn). А своего сына поставил мампалом в Ташире, в Гюневанке. А красивый и молодой царь Давид ловко изгнал его из Гагской крепости, отобрал у него все его крепости и все наследственные вотчины. [Деметрэ] скитаясь, умер страшной смертью от бездомной [жизни], и с этого времени искоренился и род его. Деметрэ [ранее] убедился, что те, кто отдаляются от Господа, гибнут и исчезают без следа»¹. В данном сообщении упоминание сына марзпана Деметрэ с грузинским титулом («мампали» – из «мама-упали» – «отец-владыка») указывает на наличие в армянском Ташир-Дзоракетском царстве грузинского государственного влияния. Так же, как и в других регионах, и здесь нередки были случаи отречения армянских светских или церковных деятелей от армянского исповедания и перехода в халкидонитство, т. е. в грузинскую веру.

В «Истории дома Сисаканского» Степаноса Орбеляна Захария и Иванэ Мхаргрдзели и их предки упоминаются армянами по происхождению, и православными (т. е. монофизитами) по вероисповеданию. В этом случае речь идет о начальном периоде деятельности Мхаргрдзели, когда оба брата исповедовали моно-

¹ Степанос Таронечи, Всемирная история..., с. 257 (на арм. языке).

физитство. В частности в памятнике сказано: «А после кончины царя Георгия, Тамар возвеличила Захарию и Иванэ – сыновей Саргиса, сына князя Захарии, который был **родом (племенем) армянин (hay azgaw)** и [последователь] **православного исповедания (owuuafa' hawatov)** и возвысила их в славе и почести»¹.

Из армянских источников позднейшего времени привлекает внимание следующее сообщение одного анонимного летописца XVI века: «В (1551) год армянского летосчисления [воцарился] неверный царь Степанэ, который был **родом (племенем, происхождением) влах (azgaw ˘lah)**, **исповеданием ромей (dawanow]eamb ho'om)**. Он обратил **в свою веру (i dawanow]iwn iwr)** 1000 домов **из племени армян (i hayo% azg&n)** и всех, кто были его подданными, **перевел в ромейское исповедание (arar =nd dawanow]eamb ho'omin)**. Тех же, кто не обратился, истребил мечом»².

Здесь речь идет о князе Валахии Стефане Рареше VII, который правил страной в 1551-1552 гг. А теперь посмотрим, каким образом определяются происхождение и вероисповедание армянина в армянских источниках более позднего времени. В этой связи мы обратили внимание на сообщение армянского историка XVII века Акоба Карнеци, в которой речь идет о населении одного из районов Тао: «И были в ущелье большие грузинские монастыри в селениях Хахули, Ошки и Ишхани и соответственных и подобных им не существует. Если только в [храме] Святой Софии в Константинополе. Жителями этой страны были частью армяне, а частью племенем и верой грузины (k&sn hayq ew k&sn azgaw ew kr;niwq vra%i), но говорили они на армянском языке (bay% hayi lezowaw x;js&in)... Во время

¹ Степанос Орбелян..., с. 391 (на арм. языке).

² Анонимный летописец XVI в. «Письменные хроники (XIII-XVIII вв.), т. II, составитель В. Хакобян, Ереван, 1956, с. 136 (на арм. языке).

многолетнего агарянского владычества, в 1643 г., стамбульский великий султан приказал одному мулле, весьма знаменитому, главе города Арзрума и предводителя пашей, именем Джафар, чрезвычайно несправедливому и злому... переписать все прилегающие к Арзруму территории. [Джафар] отправился... достиг Тортома, здесь **грузины** (vra%iq), напуганные страхом из-за дани, обратились **в магометанскую веру** (yǰrens Mahmeti), **армянское же племя** осталось в своей вере милостью Христовой и молитвою святого Просветителя»¹.

Из приведенного выше сообщения в данном случае нам особо интересен следующий отрывок: «Жители этой страны были **частью армяне** (k&sn hayq), а частью племенем (родом) и верой грузины (k&sn azgaw ew krǰniwq vra%i). Но говорили на армянском языке (bay% hay lezowaw xǰs&in)». Дело в том, что смысл этого отрывка непонятен. Если мы поймем так, что «часть жителей были племенем и верой грузины», тогда имеются в виду грузины по происхождению и вероисповеданию, но в этом же сообщении грузин по происхождению автор прямо называет грузинами (vra%iq).

В этом случае имеется неточность в самой рукописи. На самом деле, Акоб Карнеци говорит об армянах-халкидонитах, т. е. родом армянах, которые признавали халкидонское исповедание (krǰnq vra%i), но говорили на армянском языке. В пользу подобного понимания указанного отрывка говорит другая редакция сочинения Акоба Карнеци, где более ясно указано:

«Ew &in bnaki/q erkriš k&sn hay azgaw ew k&sn krǰniwq vra%i, bay% hay lezowaw xǰs&in » – «часть жителей этой страны были **родом (племенем) армяне** (hay azgaw), часть же **верой грузины** (krǰniwq vra%i), но говорили на армянском языке». По нашему мнению, правильный, понятный смысл

¹ Яков Карнеци, «Письменные хроники XIII-XVIII вв., т. II, составитель В. Хакобян, Ереван, 1956, с. 554 (на арм. языке).

приведенного сведения наличествует именно во втором варианте: из жителей края названы: часть по происхождению армяне (*hay azgaw*), вероисповеданием монофизиты, а другая часть также армяне, но только халкидониты (*krĵniwq vra%i*), разговорным языком которых является армянский. И в этом случае армяне-халкидониты названы «*krĵniwq vra%i*» («верой грузины»), а не этническим термином «*vra%i azgaw*» («родом грузины»).

Таким образом, материал, привлеченный из сочинения Акоба Карнеци, подтверждает то, что и в армянской литературе позднейшего времени сохраняется идущая из средневековья традиция различения и разграничения терминов, обозначающих этническую и религиозно-конфессиональную принадлежность. В своей работе «Ивер» в византийских источниках XI в.» В. Арутюнова приводит второй вариант рассмотренного выше сведения Акоба Карнеци для иллюстрации того, как именовались армяне-халкидониты в армянских источниках – «*krĵniwq vra%i*» («верой грузин»). Указанная работа опубликована в IX номере «*banber matenadaranĭ*» за 1973 г. Но 1-й вариант того же сведения, смысл которого, как мы уже отметили, непонятен, включен В. Арутюновой в опубликованную в 1980 году книгу «Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи».

Использование этой неверной редакции сообщения Акоба Карнеци «*k&sn azgaw ew krĵniwn vra%i*» (часть родом и верой грузины) В. Арутюновой понадобилось для доказательства того, будто термин «*azgaw vra%i*» здесь, как и в работах других средневековых армянских историков, имеет конфессиональное значение и подразумевает то же самое, что и «*krĵniwn vra%i*» («верой грузин»). Если это так, т. е. «*azgaw*» – родом и «*krĵniwn*» – верой в этом случае – синонимичные слова, тогда указанный отрывок следует переводить так: «часть верой и верой грузины». А это полная невнятица. Между прочим, В. Арутюнова

тут же указывает: «Нам пришлось бы долго разъяснять современному читателю, для чего грузинам «по племени и религии» понадобилось говорить на армянском языке, но людям средневековья особого комментария, очевидно, не требовалось, тем не менее существовала и другая редакция «Хроники» Акоба Карнеци, дающая чтение, близкое к разъяснению. По этой редакции: «И были жители этой страны одна половина – армяне, а другая – по религии были грузинами, но говорили на армянском языке»¹.

Обозначение армянских халкидонитов этническим термином <vra%i azgaw> В. Арутюнова считает допустимым, поскольку, по ее мнению, «это восприятие этнической принадлежности сквозь призму вероисповедания, присущее сознанию вообще выражалось у их противников монофиситов в том, что они также определяли армян-халкидонитов как иной, отличный от армян, <azg> (род, племя, народность»². Мы же повторяем, что, как явствует из рассмотрения вышеприведенных разнообразных материалов разного времени и характера, средневековые армянские историки-монофиситы своих отечественных армян-халкидонитов обозначали не терминами происхождения <azg> и его синонимами (%eu, tohm, azn, zarm и др.) в их вероисповедном понимании, а четко называли их халкидонитами (qaukedonik), двуприродниками (erkabnak), грузинами по вере (kr ĵniw vra%i), ромеями (греками) по вере (kr ĵniw ho'om), и по большей части отзываются о них неприязненно из-за отвержения армянской веры и исповедания халкидонитства.

Кроме того, хотим отметить, что в связи с формулировкой этнических и религиозно-конфессиональных терминов, на 174-й странице указанной работы В. Арутюнова, пишет: «В Мелитину Филарет назначил князя Гавриила. Михаил Сириец называет его

¹ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980. сс. 67-68.

² Ibidem, с. 67.

греком, анонимная сирийская хроника – халкидонитом. А Гийом Тирский сообщает, что Гавриил был греком по вероисповеданию, но армянином по языку, письму и обычаям. Это классическая формулировка для определения армянина-халкидонита, часто встречающаяся и в греческих и армянских источниках».

Приведенные выше выдержки свидетельствуют о том, что В. Арутюнова считает приемлемой указанную формулировку определения армянина-халкидонита с разграничением этнической и конфессиональной стороны. Хорошо бы В. Арутюновой и ее единомышленникам во всех необходимых случаях помнить т.н. «классическую формулировку» определения армян-халкидонитов и не придавать этническим терминам конфессионального значения в тех случаях, когда в этом нет никакой нужды. Тут же напомним, что указанному выше правильному определению армян-халкидонитов, последователей греческого исповедания, которое В. Арутюнова именует «классической формулировкой», не уступает по своей точности рассмотренное нами сведение Акоба Карнеци о проживающих в области Тао армянах-монофизитах и халкидонитах, где также четко разграничены этническая и конфессиональная принадлежность армян-халкидонитов <k&sn hay azgaw ew k&sn krĵniwq vra%*i*, bay% hay lezowaw xĵs&in> – «часть по племени (по роду) армяне, часть же по вере грузины, но говорили на армянском языке».

Полагаем, что данное определение также заслуживает должного внимания со стороны ученых, изучающих проблему армянских халкидонитов.

При ознакомлении с работами В. Арутюновой привлекает внимание следующее обстоятельство: лица, названные здесь армянами-халкидонитами, нигде в указанных самой же В. Арутюновой источниках не именуются ни «vra%*i* azgaw», ни «ho'om azgaw» для обозначения их халкидонитского вероисповедания (Дамиан Даласский, его сыновья, Константин Феофилакт и Роман, Левон Торникый, Левон Даватанос, Василий Апокап, Смбат

Вхкаци, Баграт Вхкаци, Катакалон Кекавмен, Хачатур, Торос Эдесский, Гавриил Мелитинский и другие правители основанных Византией фем или военно-административные деятели¹. То же самое можно сказать и об армянах-халкидонитах, занимавшихся литературно-переводческой или культурной деятельностью: Иосиф Константинопольский (X в.)², Григол Хлатеци (XIV в.)³, Ваграм Рабуни (XIII в.)⁴, Григорий Анаварзеци⁵ и др.

Как известно, армяне, исповедующие халкидонитство (особенно, имевшие тесные отношения с греками), часто именовались *hay-ho'om* (армяно-греками, армяно-ромеями), а проживающих в Сирии и пограничных с ней районах армян называли *с→у]-hayq* (цатами), где *с→у]* или *с→ud* = несовершенный, ущербный, еретический⁶.

В данном случае для нас особенно интересны сведения о тех армянах-халкидонитах, которые имели связи с грузинским окружением. В более ранней армянской историографии армяне-

¹ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980. сс. 35, 60-122, 129-186.

² Н. Акинян, Иосиф Константинопольский, «Гандес Амсореа», 1957, сс. 1-12 (на арм. языке); П. Мурадян. Культурная деятельность армян-халкидонитов в XI-XIII веке. Ереван. 1978. сс. 2-4.

³ П. Мурадян. Культурная деятельность армян-халкидонитов в XI-XIII веке. Ереван. 1978. с. 3.

⁴ Ваграм Рабуни. Анализ «Категорий» Аристотеля. Критический текст, перевод с древнеармянского, предисловие и примечания Г. О. Григоряна. Ереван. 1967; Р. Ачарян, Словарь армянских собственных имен, т. V, 1962 26; Письменные хроники (XIII-XVIII вв.) т. II, Составитель Хакобян, Ереван, 1956. 97-98, 111, 112 (на арм. языке).

⁵ Р. Ачарян, Словарь армянских собственных имен, т. I, Ереван, 1942, 586-587 (на арм. языке); П. Мурадян. Культурная деятельность армян-халкидонитов в XI-XIII веке. Ереван. 1978. с. 3

⁶ Н. Марр. Аркаун. Монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах. Санкт-Петербург, 1905, сс. 27-31; Н. Марр. Цаты палеонтологически сб. Марр и вопросы Арменологии, Ереван, 1968, сс. 198-201 (на арм. языке); Н. Адонц. О происхождении армян-цатов, ЖМНП, 1911. сс. 237-250.

халкидониты названы «hay-ho'om» (армяно-ромеями). В опубликованной в 1806 г. работе армянский исследователь Л. Инчилян отмечал: «У нас имеется сборник греческих песнопений, употребляемых ныне «хай-ромеями» «hay-ho'om»¹. Х. Н. Акинян указывал на следующее: «Народы, принадлежащие к Православной Церкви – грузины, славяне, имевшие свой язык и литературу, приобщились к богослужебным книгам Греческой Церкви посредством переводов. К их числу принадлежали также и те армяне, которые волей или неволей подчинялись Православной Церкви в Грузии или Византии. Они назывались хай-ромеями «hay-ho'om» и составляли отдельные общины в этих странах»².

Вышеуказанный термин «hay-ho'om» соединяет в себе этнический и конфессиональный момент, т. е. определенное лицо является по происхождению армянином («hay»), а по вероисповеданию ромеем («ho'om», грек), а точнее – халкидонитом. По нашему мнению, если близкие к греческому миру армяне-халкидониты в ранней армянской научной литературе называются «hay-ho'om»-ами, а живущие в Сирии «hay-say】», было бы правомерно, чтобы подвизавшихся в различных регионах Грузии армян-халкидонитов армянские исследователи называли «hay vra%i» (т. е. по происхождению армянами, а конфессионально грузинами). В современной армянской историографии (с 60-х гг. XX века) укоренилась традиция понимания «vra%i azgaw» (родом грузин) и «virq» (грузин) в конфессиональном смысле (армянин-халкидонит). Например, говоря об армянах-халкидонитах, В. Арутюнова указывает:

¹ Г. Инчилян, География Армении, ч. I, Венеция, 1806, с. 305 (на арм. языке).

² Нерсес Акинян, Симеон Пгндзаганеци и его грузинские переводы, «Гандес амсореа», Январь-март, 1950, I. См. его же Католикос Грузии Кирион, Вена, 1910. сс. 69-70 (на арм. языке).

«Апокапы исповедовали халкидонитство грузинской ориентации, были «ивирами», что вполне закономерно для уроженцев Тайка»¹. Здесь же мы вновь должны повторить, что для проживающих в Тао армян-халкидонитов закономерно не приведенное определение В. Арутюновой, а нами уже указанное определение Акоба Карнеци: «krĵniwq vra%i, bay% hay lezowaw xĵsein» («По вере они были грузинами, но говорили на армянском языке»).

В связи с интересующим нас вопросом считаем нужным вспомнить об армянине-халкидоните Симеоне Пгндзаганеци, который занимался переводческой деятельностью в восстановленном и обновленном Иванэ Мхаргрдзели халкидонитском монастыре Пгндзаганк, в грузинском окружении. Посмотрим, какие сведения сохранились в письменных памятниках об этом армянине-халкидоните. Его вскользь упоминает в 1584 г. переписчик монах Иованнес, который в монастыре Атма (Аканский гавар, в нынешней Турции) переписал рукопись №30 венецианского книгохранилища мхитаристов – сборник армяно-греческих песнопений.

Согласно его свидетельству, сборник переведен на грузинский язык монахами Минасом (Миной) и Симеоном. В первой половине XIII века монах Минас пребывал в Трапезунде, а Симеон в Пгндзаганском монастыре. По предположению Н. Акиняна, поскольку монастырь Пгндзаганк восстановил и обновил Иванэ Мхаргрдзели, следовательно, скорее всего он же и заказал указанным лицам перевод сборника песнопений². По его же указанию, Симеон выполнил перевод с грузинского текста, а Минас сверил этот перевод с первоначальным греческим оригиналом. Как указывает Н. Акинян, армянский перевод выполнен в первой поло-

¹ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980. с. 135.

² Нерсес Акинян, Симеон Пгндзаганеци и его грузинские переводы..., 1950, Январь-март, с. 2 (на арм. языке).

вине XIII века с более древнего грузинского перевода и представляет ценность с точки зрения восстановления греческого оригинала в первоначальном виде¹.

Кроме перевода произведения гимнографического характера, с именем Симеона Пгндзаганеци связаны также переводы философско-теологических трудов с грузинского на армянский. Как известно, в 1248 г. Симеон Пгндзаганеци перевел с грузинского на армянский произведение неоплатоника Прокла Диадоха «Первоосновы теологии», снабженное комментариями Иоанэ Петрици. Он же выполнил армянский перевод «Источника знания» («Диалектики» и «Изложения») Иоанна Дамаскина с грузинского перевода Арсения Вачес-дзе.

Сведения о Симеоне Пгндзаганеци сохранились только в приписках (колофонах) переведенных им же памятников. Например, в конце двадцатой главы переведенной с грузинского на армянский «Клемакса» Иоанна Синаита указано: «Переведено до сих пор искренним подвижником Минасом столпником в городе Трапезунте, а далее – Симеоном монахом»². Больше всего сведений о Симеоне Пгндзаганеци содержит памятный колофон «Первооснов теологии» Прокла Диадоха (XIII в.), снабженного комментариями Иоанна Петрици: «Книга сия, суть основа и исток богословия, написанная платоновским философом Проклом Диадохом, переведена с грузинского языка на армянский в 675 г. от сотворения мира мною – негодным иеромонахом Симеоном в армянской стране (yerkirn hayo%) в грузинской обители (i vans vga%), именуемой Пгндзаганк. Молю вас, братья, с непомерным трудом переводил: во-первых, был недостоин столь высокого служения, оскверненный грехами, во-вторых – был стар и немощен зрением, разумом и здравием, 60-ти лет отроду. Не было переведено на наш язык то, что является матерью богословия. И я

¹ Ibidem, с. 21.

² И. Абуладзе. Памятники древнеармянской письменности эпохи Руставели (Предварительный очерк). См. Труды И. Абуладзе. т. IV, Тбилиси, 1985, с. 34 (на груз. языке).

для того перевел, чтобы наш род не был бы лишен ее мудрости. Ныне молю вас, кто распорядится или перепишет, помяните меня в молитве и мое ничтожное слово припишите и уж не исключайте из него»¹.

Из приведенной выше памятной записи выясняется, что Симеон был по происхождению армянином (из армянской страны), по вероисповеданию халкидонит, который занимался переводческой деятельностью в Пгндзаганском «грузинском» монастыре (i vans vra%). В данном случае под «грузинским» монастырем (i vans vra%) подразумевается халкидонитский монастырь. Таким образом, он нигде не указывает, что он из «грузинского рода», или «по происхождению грузин» (yazg& vra%, vra%i azgaw), как это подчеркивает, например, грузинский деятель Григол Бакурианис-дзе: «я из блистательного иверского рода». По моему мнению, если допустить, что для средневековых армянских историков было традиционным обозначение посредством «vra%i azgaw» подвизавшихся в грузинском окружении армянских халкидонитов, то в таком случае и Симеон Пгндзаганец был бы назван «vra%i azgaw» как в собственной памятной записи, так и в разных других источниках того времени. XII-XIII вв. существовало два Пгндзаганка, один в Биджниси, а другой в Лорэ. Оба они в означенное время находились во владениях Мхаргдзели. По мнению Ильи Абуладзе, «который бы из них ни был тем самым, ясно одно: там был монастырь «грузин», с насельниками из грузинской братии, или из армян, «грузинского» исповедания, что одно и то же. Думаем, скорее всего, из представителей обоих народов, тех, кто были диофизитами... Среди мероприятий по приобщению армян в то время было строительство грузинских и «грузинского» исповедания церквей монастырей во владениях

¹ И. Абуладзе. Памятники древнеармянской письменности эпохи Руставели (Предварительный очерк). См. Труды И. Абуладзе. т. IV, Тбилиси, 1985, с. 36 (на груз. языке).

Мхаргдзели. Через эти очаги происходило проникновение грузинских диофизитских идей в армянские круги. В них находились благожелатели, хотя бы в лице того же иеромонаха Симеона, который не чурался даже перевода диофизитских трудов... Наверное, таких, как Симеон имеет в виду Мхитар (Гош), когда говорит: «Ныне ясно, кто из армян становится греком или грузином (i hayo%, i Yoyns, i virs da'nan), то поступает так ради мирской славы или убажания собственной плоти».

Таким образом, Симеон относится к числу тех армянских духовных лиц, которые несмотря на подобные оценки стали учениками грузинской церкви, изучили тогдашнюю грузинскую письменность и переняли от нее значительные памятники, в основном, философско-морального содержания»¹.

Традиционное разделение значения терминов, указывающих на происхождение и вероисповедание, столь ясно отобразившееся в армянских письменных памятниках, четко отразилось в агиографических или исторических памятниках, переведенных как с грузинского на армянский, так и с армянского на грузинский.

Как выясняется из рассмотренных материалов, содержащихся в армянских агиографических сочинениях терминам *azg*, *tohm* и их синонимам в грузинских переводах всегда соответствует «род, племя», а что касается терминов, обозначающих вероисповедание, которые во множестве, в качестве синонимов содержатся в армянских агиографических памятниках (*hawat*, *den*, *kr̥nq*, *dawanow]iwn*, *xostowanow]iwn*), то в грузинских переводах они в основном истолковываются, как «вероисповедание» или «вера».

Как известно, эпиграфические памятники являются одним из заслуживающих внимания и достоверных источников, ввиду

¹ И. Абуладзе. Памятники древнеармянской письменности эпохи Руставели (Предварительный очерк). См. Труды И. Абуладзе. т. IV, Тбилиси, 1985, с. 38-39 (на груз. языке).

их современности историческим фактам и событиям, близости к устной речи того или иного народа и точности хронологических границ. Не меньшей ценностью обладают материалы, взятые из данных армянских эпиграфических памятников для выявления значения терминов, выражающих этническое происхождение и религиозно-вероисповедную принадлежность.

Армянские эпиграфические памятники во множестве наличествуют как в самой Армении, как и на современной и исторической территории Грузии. По-возможности мы ознакомились и с данными армянских надписей и убедились, что и в эпиграфических памятниках термины, обозначающие происхождение и религиозно-конфессиональную принадлежность, разграничены между собою и здесь также не подтверждается употребление «azg» (племя, род) и его синонимов в вероисповедном значении.

Для выяснения как политико-экономического или социально-культурного положения страны, так и интересующих нас ныне терминов этнического и религиозно-конфессионального значения, наряду с другими письменными памятниками, интересные сведения предоставляют поминальные записи армянских рукописей, т. н. «хишатакараны».

Подобного рода колофоны армянских рукописей содержат множество сведений для выяснения значения интересующих нас терминов. И в этом случае для обозначения происхождения употребляются те же конкретные термины, а для религиозно-конфессиональной принадлежности – иные. Та же картина употребления этнических и религиозно-конфессиональных терминов вырисовывается при изучении грузинских памятников письменности, где «родом, племенем, происхождением грузин» всегда указывает на грузинское происхождение, а не на «халкидонитство». Однако, следует помнить об одном: «virq» (грузин), но не «vra%i azgaw» (родом грузин), в армянских письменных источниках иногда встречается и в конфессиональном значении, но не во все времена, а только начиная с того периода, когда «грузинство» и «халкидонитство» по значению перекрывали друг

друга. Когда по замечанию З. Алексидзе, «дело, начатое Картлийским католикосом Кирионом, завершилось успехом, и «Картли» (Грузией) называлась большая страна, в которой литургия совершалась на грузинском языке»¹. Опираясь на это обстоятельство, Заза Алексидзе совершенно правомерно считает невозможным даже с религиозной точки зрения, чтобы в начале VII века Моисея (Мосэ) назвали грузинским епископом, поскольку по его же указанию, «тогда еще не перекрывали друг друга грузинство и халкидонитство, но позже, когда это стало обычным, выражение «грузинский православный епископ» было бы весьма неудобным для монофизита. Все эти моменты... наводят на мысль, что мы имеем дело с позднейшей вставкой, и она ошибочно приписывается Моисею, епископу Цуртавскому»².

Крещеного по-халкидонитски человека называли «огрузинившимся». Случаи употребления «virq» (грузин) в значении «халкидонита» мы встречаем, например, в произведении Киракоса Гандзакеци: «А когда он [Мхитар Гош] узнал о том, что произошло на соборе, он обвинил полководца, который был не вправе решать подобное единолично. Участникам собора он отправил следующее послание: «Вы заботитесь о вашем народе, чтобы такими обычаями они не смешались с грузинами («=nd virs»), а я забочусь о полководце, чтобы он подобно своему брату не стал грузином («vra%i»), чего так ждут грузины («virq»)». В приведенном выше отрывке опасения, высказанные Мхитаром Гошем по поводу того, чтобы, подобно Иванэ Мхаргрдзели, и его брат Захария не заделался бы грузином («vra%i») (т. е. последователем халкидонитского исповедания) истекает из следующего обстоятельства: согласно данным, как грузинских, так и армянских исторических памятников (историки Тамар,

¹ «Книга посланий». Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями издал Заза Алексидзе, Тбилиси, 1968, с. 138 (на груз. языке).

² Ibidem, с. 139; «Книга посланий». с. 139 (на груз. языке).

Жамтаагмцереги – анонимный автор «Столетней летописи», Вардан Великий, Киракос Гандзакечи, Григол Аканеци), Иванэ Мхаргрдзели первым среди представителей ветви Мхаргрдзели отверг свое исповедание (монофизитство), принял халкидонитство, а в последствии активно включился в борьбу, направленную против влияния антихалкидонитской церкви. Как выясняется, Иванэ Мхаргрдзели, вместе с членами своей семьи, до конца остался последователем грузинского исповедания. По сообщению Вардана Великого, супруга Иванэ Мхаргрдзели Хошак перевела в халкидонитскую веру малолетнего наследника Захарии Мхаргрдзели Шаханшаха, что тот же историк, наряду с другими подобными прегрешениями рода Мхаргрдзели, считает причиной поражения Иванэ атабага в Гарнисской битве.

В соответствии с религиозной принадлежностью исторические источники и потомков Иванэ Мхаргрдзели именуют «грузинами» (т. е. халкидонитами). Восточные источники называют «госпожой гурджи» (грузинка) дочь Иванэ Мхаргрдзели Тамту, которая пользовалась большим влиянием в мусульманском мире (как известно, Тамта была женой сперва Хлатского владетеля Аухада, а затем его брата Ашрафа). По сообщению Киракоса Гандзакечи, после брака Тамты с султаном «был облегчен размер податей, а часть населения вообще была освобождена от них... [Султаны] с особенным уважением относились к грузинам, которые не платили податей [мусульманам] ни в одном городе, даже в Иерусалиме... Таким образом воцарилось согласие и мир между грузинами и султанским управлением»¹.

Примечательно то, что и иностранные авторы объявляют Иванэ Мхаргрдзели и членов его семьи грузинами. Из них особенно интересны сведения мусульманского историка начала XIII в. Ан-Насави, автора «Описания жизни Джелал-эд-Дина». Представители рода Мхаргрдзели в его сочинении названы «аль-

¹ Киракос Гандзакечи, История Армении..., сс. 165-166 (на арм. языке).

гурджи» (грузинами)¹.

Что касается религиозной принадлежности Захарии Мхаргрдзели и его потомков, как из грузинских, так и из армянских источников известно следующее: Захария был единственный в роде Мхаргрдзели, кто не сменил вероисповедание и до конца остался «в армянской вере» (монофизитстве). Как указывают Вардан Великий и Киракос Гандзакечи, Захария Мхаргрдзели, хоть и не сменил вероисповедания, но попытался провести целый ряд мероприятий для сближения Армянской Церкви с Грузинской. Его попытки не дали результата: Захария Мхаргрдзели не смог осуществить свои планы на Двинском и Анисском соборах и сам не «огрузинился». Приведенные нами выше сведения из сочинения Киракоса Гандзакечи касаются вопроса возможного «огрузинивания» Захарии, чего с таким опасением ожидал его наставник Мхитар Гош. Относительно религиозной принадлежности Мхаргрдзели (вернее, об употреблении «virq» в конфессиональном значении) интересный материал находим также у летописца XIII в., в «Летописании» некоего Себасти: «В царствование Левона пришли на Восток два знатных князя Захария и Иванэ... Они пользовались почестями у грузинской (vra%i) царицы Тамар, которая была дочерью мужественного Георгия... Иванэ был очарован царицей Тамар и стал грузином (vra%i), Захария же твердо держался своей веры. В 1212 г. Захария преставился в православной вере (owuuafa' hawatov) и был погребен в Санаине. У него остался сын семи лет, по имени Шаханшах, которого жена Иванэ Хошак обратила в халкидонитскую веру (i hawatn qaukedoni)»². Имеющиеся сведения грузинских и армянских источников дают возможность определения и верной оценки личности и деятельности Захарии Мхаргрдзели. По

¹ З.М. Бунятов. Сведения Ан-Насава о Грузии; См. Грузинское источниковедение, III. 1971, с. 165.

² Анонимный Себасти, Летопись (XIII в.), см. Письменные хроники (XIII-XVIII вв.), т. II, сс. 136-137 (на арм. языке).

справедливому указанию акад. Н. Бердзенишвили, «кончину Захарии Мхаргрдзели оплакали «Тамар и всякий человек, пребывающий в Грузии» и в этой Грузии подразумевался и сам Захария, который «был по вере армянин, но имел все добродетели божественные и человеческие»... Наш автор находится в затруднении: Захария по его деятельности является грузинским князем, грузинским вельможей. Он амирспасалар (главнокомандующий) грузинского войска, но по вере армянин. Видимо, два понятия – культурно-политическое (грузин) и религиозно-конфессиональное (армянин) оказались в противоречии друг с другом при определении личности Захарии Мхаргрдзели»¹.

Вопросы деятельности Иванэ и Захарии Мхаргрдзели, их конфессиональной принадлежности и религиозной политики рассмотрены в работе проф. Ш. Месхиа «Роль Мхаргрдзели в политической жизни Грузии XII в.». На этот раз мы не будем их затрагивать. Только укажем, что пример употребления термина «virq» (грузин) также в конфессиональном значении встречается опять же у Киракоса Гандзакеци, и опять-таки в связи с одним из эпизодов деятельности Мхаргрдзели, а именно, Иванэ. Историк сообщает: «Преставился и Иванэ, брат Захарии, и был погребен в Пгндзаганке, у врат церкви, которую сам же построил. [Эту церковь Иванэ] отнял у армян и превратил в грузинский монастырь («vra%i vanq hastatea%»)².

В указанной справке речь идет о том, что Иванэ Мхаргрдзели превратил некогда армянский монофизитский Пгндзаганкский монастырь в грузинский, т. е. халкидонитский монастырь.

Примечательный случай употребления этнического термина «картели» (грузин) в значении халкидонита встречаем, например, в исторической Квемо (Нижней) Картли, в ущелье Бануш-

¹ Н. Бердзенишвили, Вопросы истории Грузии, т. VIII, Тбилиси, 1975, с. 389 (на груз. языке).

² Киракос Гандзакеци, История Армении..., с. 222 (на арм. языке).

чай, в Хандзорекской надписи 1213 г., которую Давид Мухелишвили читает следующим образом:

1. В лето 1213. Именем Божиим дети сии Картвели («ordiqs qar]welin») Григол и Саргис

2. посовещались со святым собором святого Саргиса в спа-рапетство

3. над армянами Шаханшаха, сына Захарии, в настоятель-ство Саркавага

4. наставника построили церковь сию ...

В приведенной выше надписи слово «картвели» (грузин) написано не в форме «vra%i», но «картвели» армянскими буква-ми. Это имя отца Григола и Саргиса, которое в то же время озна-чает носителя халкидонитского исповедания¹.

Из данных грузино-армянских источников выясняется, что иногда исповедающий грузинское православие, хотя и не грузин, назывался грузином, так же как и не-армянин, но последователь армяно-григорианского исповедания – армянином. Именно такая ситуация описана в следующем сообщении Захарии Агулечи: «(1116+551=1667 г.) Проживающие в Измире два грузина (b binadar vra%i), которые были родом армяне (azgaw hay) один из города Тбилиси, именем Шахверди, а другой – Гаспар, товарищи друг другу, объявили себя банкротами»². В приведенном отрывке, в данном конкретном случае, этнический термин «vra%i» обозначает не грузина по происхождению, но несет в себе конфессионально-культурное содержание. Здесь указано и происхождение этих двух лиц – родом армяне (azgaw hay). Как известно, с XII-XIII вв. заметно усилились тенденции обращения в халкидонитство («грузинскую веру»),

¹ Д. Мухелишвили. Результаты историко-географических полевых ра-бот (1956-1958) в Квемо (Нижней) Картли. См.: Сборник историчес-кой географии Грузии. 1. Тбилиси, 1960, сс. 58-59 (на груз. языке).

² Захария Агулечи, Дневник, Редактор С. тер-Аветисян, Ереван, 1938, с. 72 (на арм. языке).

«огрузинивание» проживавших на территории Грузии армяно-монофизитов. Именно обратившихся в халкидонитство армян их соотечественники и называли «грузинами». Подобное религиозное обращение армян, или «огрузинивание» Н. Бердзенишвили объясняет распространением грузинской феодальной культуры и заключает: «Особенно показательным становится столь массовое обращение в халкидонитство таосских азнауров в X-XI вв. По-видимому, феодальная культура Картли сильно воздействовала на таосских «армян»; в противном случае, непонятно, с какой стати халкидонитство могло быть связано по вероисповедным соображениям с грузинством, а не эллинством. Что за дело было таойцу до грузинства, когда эллинство могло быть для него более перспективным».

Как известно, с течением времени, в определенной ситуации целый ряд политико-культурных или этнических терминов и понятий меняли свое первоначальное содержание и получали более обобщающее значение. Как уже отмечалось, данные грузинских и армянских источников показывают, что «*virq*» (грузин) означает в основном грузина по происхождению, но иногда, в конкретных случаях, исповедающего грузинскую веру, человека грузинского культурного круга. Но это, конечно, нельзя сказать обо всех этнических терминах. Например, этнический термин «*vra%ı azgaw*» (родом, племенем грузин) обозначал исключительно грузина по происхождению и в армянских источниках не просматривается потребность его использования для обозначения религиозно-конфессиональной принадлежности. В связи с этим хочется заострить внимание на следующем обстоятельстве: В. Арутюнова хочет доказать, что средневековые армянские авторы армян-халкидонитов «в большинстве случаев и не называют армянами. Для Аристахэса Ластивертци, Матфея Эдесского и, в особенности, для Степаноса Таронского (Асохика), ученого вардапета и ярого противника халкидонитов,

эти армяне – либо «ромей», либо «ивирь», «враци» – «vra%i»¹.

Что касается армянских историков – Аристакэса Ластивертци, Маттэоса Урхайеци и Степаноса Таронеци, в их сочинениях этнические термины «Ho'om» и «vra%i» ни в одном случае не подразумевают «армянина» в профессиональном значении. У перечисленных авторов указанные термины встречаются в такой форме: «Ho'om metrapçilit» – ромей митрополит, «zçrawar ho'omo%» – полководец ромеев, «azg ho'omo%» – ромейский род, племя, фамилия, «krçnq ho'omo%» – ромейская вера, «ho'omo% nengow]iwn» – коварство ромеев, «]agawor ho'omo%» – царь ромеев, «ho'omo%]agaworow]iwn» – ромейское царство, «banak ho'omo%» – ромейское войско, «ho'omo% episkoposq» – епископы ромеев, «hre}takq ho'omo%» – посланники ромеев, «krçnawor ho'omo%» – ромейский монах (старец), «kaysrn ho'omo%» – кесарь ромеев (хоромов), «zorq ho'omo%» – войско ромеев, «inqnakal ho'omo%» – самодержец (монарх) ромеев, «t&r ho'omo%» – владыка ромеев, «i}xanq ho'omo%» – князья ромеев, «hecelazçrq ho'omo%» – ромейское конное войско, «ho'om hawat» – ромейская вера, «a}xarh ho'omo%» – страна ромеев, «gava' ho'omo%» – ромейский гавар, «koumn ho'omo%» – край ромеев, «vardapetq ho'omo%» – наставники ромеев, «kanayq ho'omo%» – ромейские женщины, «sahmanq ho'omo%» – границы ромеев, «Yowna% arqay» – греческий царь, «howna%]owakan» – греческое летосчисление.

Думается, приведенный выше материал не дает никакого

¹ Арутюнова-Фиданян В. А. «Ивер» в византийских источниках XI в. См. Вестник Матенадарана, № 11, 1973, с. 56.

основания утверждать, что, как указывает В. Арутюнова: «Для Аристакэса Ластивертци, Матфея Эдесского и, в особенности, для Степаноса Таронского ... эти армяне – либо «ромеи», либо «ивирьы», «враци» – «vra%i».

Было бы лучше, если В. Арутюнова привела хотя бы несколько примеров из сочинений указанных историков для подтверждения своего столь голословного утверждения.

Что касается этнических терминов <ho'om> и <vra%i>, они также часто встречаются в сочинениях и других армянских историков, а столь подчеркнутое упоминание Аристакэса Ластивертци, Маттэоса Урхайеци и Степаноса Таронеци В. Арутюновой понадобилось, вероятно, для того, чтобы оправдать необходимость употребления <vra%i azgaw> для обозначения армян халкидонитов: у Степаноса Таронеци в качестве <vra%i azgaw> упоминается Торникэ Эристави (Иоанэ Торникий), у Аристакэса Ластивертци Захария Валашкертеци, а у Маттэоса Урхайеци – Григол Бакурианис-дзе. В настоящее время мы не будем обсуждать высказанные в армянской историографии мнения об упомянутых исторических лицах и других, обозначенных термином <vra%i azgaw>. Заметим только: для того, чтобы составить полное представление о личности Иоанэ Торникия (особенно, о его грузинском происхождении), если оставим в стороне все другие письменные источники и поминальные записи, вполне достаточно принять во внимание такое значительное и достоверное сочинение, как «Житие Иоанна и Евфимия» Георгия Святогорца. К сожалению, этот достопримечательный памятник письменности или полностью игнорируется в армянской историографии, или имеющийся там материал неверно интерпретируется при исследовании целого ряда проблем.

Что касается грузинского происхождения Григола Бакурианис-дзе, оно явствует из сведений, содержащихся в составленном им же «Петрицонском уставе», разумеется, с учетом данных дру-

гих источников. Неужели недостаточно и неубедительно свидетельство самого Григола: «Я по происхождению – из восточных краев, из блистательного иверского рода», или «мы, проживающие в этом монастыре... грузины родом мужественные и воинственно воспитанные». Разве допустимо выражение «мы грузины родом мужественные» понять так: «мы грузины верой мужественные»? или, чтобы выражение «из блистательного иверского рода» означало «из блистательной иверской веры», как то пытаются доказать армянские исследователи.

Грузинское происхождение других лиц, упомянутых как <vra%i azgaw> (Захарии Валашкертского, Липарита, Рати и Звиада), также не вызывает сомнения, если принимать во внимание данные армянских, грузинских и византийских источников. Они также выступают в качестве активных участников политической и культурной деятельности в интересах грузинского государства.

«Мравалтави», т. XVI, Тб., 1991

Перевод: Л. Дуларидзе, Л. Микиашвили

Елена Цагарейшвили

**К вопросу о значении терминов «Вериа» и «вериаци»
в армянских письменных источниках**

Для обозначения «грузина» в древних армянских письменных источниках засвидетельствовано несколько терминов: «virq», «vra%i», в редких случаях – «vra%i azgaw» и «veria%i // ve``ia%i». В тех же памятниках «Страна грузин» упоминается как «a}xarh vra%», «erkir vra%», «ÊagaworowÊiwn vra%», «teuiq vraï», «koumn vraï», «terowÊiwn vraï», «gawa`` vraï», «virq», «sahmanq vraï», «vraï town», «Vrastan». Также редко встречаются «veria // ve``ia», «verialwoï a}xarh», и «verastown».

Из перечисленных выше терминов в данном случае привлекают внимание «veria%i // ve``ia%i» и «veria // ve``ia», употребляющиеся, как правило, для обозначения «грузина» и «страны грузин» (т. е. Грузии).

Несмотря на относительную тенденциозность, в общей

сложности характерную для всех средневековых источников, как известно, древнеармянские письменные памятники дают возможность установления и изучения целого ряда фактов и событий не только из истории Армении, но также и других стран, в том числе и Грузии. Аналогичная ситуация складывается при выяснении значения «*veria*» и «*ve`ia%i*»: по данным армянских письменных источников можно с точностью определить реальное содержание упомянутых терминов. «*veria*» означает Иберию (Картли), место обитания грузин, а позднее – всю Грузию, в редких случаях – Испанскую Иберию; «*verialwoi a}xarh*», – страну грузин, а «*verialii*» – ибера, грузина. В данном случае речь идет об армянских источниках как ранней, так и поздней эпохи. В настоящее время, когда почти все армянские источники общедоступны для широких научных кругов и богатый исторический, эпиграфический, литературный или языковой материал, отображающий грузино-армянские культурно-политические отношения, вступил в научный оборот, необходимо уточнить и представить в надлежащем свете ряд вопросов.

Вследствие упомянутых выше обстоятельств, считаем нужным уточнить значение терминов «*veria*» и «*verialii*» на основе сличения данных армянских письменных источников, с привлечением соответствующего иллюстративного материала.

В «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, – в первом армянском письменном памятнике, упоминающем «*veria*» и «*verialii*», – имеется следующее сообщение: «А правителем северной, противоположной стороны горы Кавказ [Валаршак] определил великое и могучее племя, нахапеты которого именовались питиахшами гугарков. Они были потомками Мирдата – Дарехского нахарара, которого Александр поставил владетельным князем иверийского народа («*verialwoi azgai*»), в свое время плененного Навуходоносором. Об этом повествует Абиден: «Непобедимый Навуходоносор, который был могущественнее самого Геракла, с многочисленным войском напал на страны ливийцев и иверийцев («*verialwoi*»), разорил и поработил

их. А затем, захватив в плен часть населения, поселил их на правом берегу Понтийского моря»¹. В данной справке под покоренной Навуходносором «страной иверийцев» («i veriaïwoï a}xarhn») подразумевается Испания. По мнению А. Абдаладзе, издавшего на грузинском языке «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци, «данную справку Хоренаци позаимствовал у Евсевия Кесарийского, точнее – она из армянского перевода его «Хроники» (см. Георгика, т. 1, с. 30). А Евсевий Кесарийский, в свою очередь, сохранил в своем сочинении сообщение Мегасфена. По-видимому, в античном мире было широко распространено мнение о том, что Восточные (Кавказские) иберы вышли из Западной (Испанской) Иберии»².

Та же «Испанская Иберия» подразумевается и в другом сообщении Мовсеса Хоренаци: «[Арташес] выдал свою дочь Арташаму за некоего Мирдата – великого грузинского питахша. Он был потомком Дарехского нахарара Мирдата, которого, как уже говорилось, Александр назначил правителем плененного из страны Иверийцев («veriaïwoï») народа»³.

Первое сообщение Мовсеса Хоренаци почти дословно повторяет армянский историк X в. Степанос Таронский (Асохик), который, согласно исследованию Степаноса Малхасянца (издателя армянского текста «Истории мира»), при описании этих событий пользовался не основным источником, т.е. сочинением Евсевия Кесарийского, – а сведениями Мовсеса Хоренаци, лишь с незначительными изменениями в конце⁴.

Сообщение Мовсеса Хоренаци о покорении Иберии Навуходносором повторяется также и в сочинении армянского историка X

¹ Movs&si xorenaiwoy Patmow]iwn hayoi, i venetik. yami 1865, &j 78.

² Мовсес Хоренаци. История Армении. Перевод А. Абдаладзе, Тб., 1984 (на груз. языке), стр. 264.

³ Movs&si xorenaiwoy Patmow]iwn hayoi...&j 84.

⁴ Stefanosi Tar*neiwoy Asoukan Patmow]iwn tiezerakan. S. Malxaseanii xmbagrow]eamb. Peterbowrg. 1885]. &j 326-327.

в. Ухтанеса; однако, вследствие внесенного им корректива, оно отличается от сведений основного источника – сочинения Евсевия Кесарийского: «Как об этом сообщает повествующий истину Мовсес, питахшем в Цуртави был Мирдат, потомок Дарехского нахарара, которого Александр Македонский назначил владетельным правителем иверийских племен («*veriaïwoïn azgaï*»), покоренных и плененных Навуходоносором силой ливийских войск. Впоследствии он забрал часть этих племен и поселил их на правом побережье Понтийского моря; а та Верия («*veria*») находится на краю Западной страны. Обосновавшись на берегу Понта, жители упомянутого племени, возродившись и расплодившись, расселились по обе стороны моря и, охватив весь этот край, достигли армянских и албанских границ. Итак, образовался многочисленный народ, а их страна стала называться Абхазией. Несметны названия гаваров, расположенных вокруг нее, а также – вокруг города Тбилиси: Цанарети, Джавахети, Триалети. Расплодившись, эти люди образовали могучее племя, которое в своей первоначальной стране звалось «Верия» («*veria*»), а здесь они стали называться грузинами («*vraïiq*»). И укрепились они по племени, языку и письменности, в родоначальстве и царстве своем»⁵.

Из вышеприведенных сообщений Мовсеса Хоренаци и Ухтанеса явствует, что «*veriaïiq*» назывались испанские иберы. Здесь же Ухтанес подчеркивает, что «Верия» («*veria*») – это край Западной страны. По его же сообщению, жители обосновавшегося на Понтийском берегу племени достигли границ Армении и Албании и отныне стали называться грузинами («*vraïiq*»). Примечательно, что в приведенной выше справке Ухтанеса четко размежеваны названия «Испанских иберов» и «грузин» (Иберов).

Интересующиеся нас термины сохранились также и в сочинении Гевонда – армянского историка VIII в.: «Когда слухи о злодеяниях сыновей Хмайека (Артавазда Мамиконяна и его соро-

⁵ Ухтанес. История отделения грузин от армян. Перевод З. Алексидзе, Тб., 1975 (на груз. языке), стр. 66-67, 347.

дичей) достигли города Двина, Мухаммед незамедлительно собрал огромное войско и в сопровождении армянского спарапета (военачальника – Е. Ц.) Смба́та – сына Ашота, и других нахараров, пустился в погоню за ними. Достигнув границ страны Грузин («*yaĖxarhin vraï*»), в частности – гавара Самцхе, – [Мухаммед] занял проходные дороги и вернул часть похищенной добычи, а [восставших] изгнал из страны армян. Те отправились в Эгриси и там обрели убежище. Артавазд же получил власть над эграми и Верией («*i veria*»), которая и есть Картли («*virq*»)⁶. В данной справке историк поясняет термин «*veria*», который идентифицируется с «Картли».

В этой связи также привлекает внимание колофон одного армянского евангелия XVв. (1441 г.), упоминающий страну Грузин в форме «*verastown*», которая увязывается с «*veria*» // «*ve`ia*» и означает дом Иберов (грузин): «В том году (1441 г.) Тавризский хан Джаханша Имирза, сын Туркмена Юсуфа и внук Карамахмада, отправился в Грузию («*i verastown*» с бесчисленным войском мусульман, и напал на грузин («*i veray vraï*»), т. к. грузинский народ («*azgn vraï*») не желал покориться Тавризскому хану»⁷.

При описании грузино-византийских сражений 1021-1022 гг., армянский историк XI в. Аристокэс Ластивертци упоминает «грузин» в форме «*verialiq*»: заголовок III главы его сочинения гласит – «Второе нашествие императора [Василия] на Тайк и поражение грузинских («*verialwoï*») войск».

В своей рецензии по поводу изданного нами грузинского перевода «Истории» Аристокэса Ластивертци, армянский ученый П. Мурадян пишет с упреком: «Е. В. Цагарейшвили, как было от-

⁶ Patmow]iwn U!ondeay meci vardapeti hayoi S. Peterbowrg. 1887]. &j 138-139.

⁷ Awetaran. 1441]. ledari hayeren >e`agreri hi}atakaranner. L. Á kazmeï L. Ha§ikyan. Erevan, 1955]. &j 514.

мечено, не в первый раз переводит древнеармянский памятник, поэтому в искусстве перевода нельзя ей отказать. Лишь в отдельных случаях она несколько отходит от оригинала. Для иллюстрации возьмем известную третью главу, где речь идет «О втором нашествии императора [Василия] на Тайк» (арм. Текст, с 32-35, груз. Перевод, с. 48-50). В самом заглавии отрывка Ластивертци применяет термин (вериацик) – «*verialwoi*», основой которого является «*ve`ia*» (страна «Верия»). Как и предшествующие переводчики (К. Юзбашян, В. Геворкян, М. Канар – А. Берберян), Е. Цагарейшвили вериацвоц перевела как ქართველთა, т. е. грузинские, между тем, для обозначения этнического понятия грузин наш автор последовательно употребляет термин «*vraii*», – враци, термины вериаци и враци реально неидентичны... события происходили на той территории, которая после смерти Давида Куропалата составляла новую административную единицу – фему Иверия. Так, у Ластивертци рассказывается о поражении войск, собранных во главе с «абхазом» (т. е. Георгием) на территории этой фемы, следовательно речь идет о населении фемы Иверия – Иверийцах в новом понимании термина, а не о картвелах, как понимали исследователи-переводчики. Кроме грузин фему населяли и армяне и греки... «Верия» – это фема Иверия»⁸.

Прежде чем приступим к непосредственному рассмотрению вышеуказанного сообщения Ластивертци, хотелось бы заметить: сам П. Мурадян не отрицает, что в данном конкретном случае и другие переводчики упомянутого сочинения воспринимали «*verialiq*», именно, как термин, обозначающий этнических грузин, а не как обобщающее понятие о жителях т. н. «фемы Иверия» (будь это грузины, армяне или греки). В свою очередь, К. Юзбашян, – издатель критически установленного армянского текста «Истории» Ластивертци, – также считает, что «*virq*» и «*verialii*»

⁸ П. Мурадян. Грузинский перевод «Повествования» Аристахэса Ластивертци. Вестник общественных наук. №2. Ереван, 1975, с. 109.

реально идентичные этнические термины; следовательно, в указателях географических и этнических имен ученый пишет: «virq, vraï, vraï gawa, a}xarh см. [ve`iaïiq] и ve`iaïiq, veriaïwoï см. «virq»⁹. Аналогичное, идентифицированное толкование упомянутых терминов К. Юзбашян повторяет и в указателях изданного им же русского перевода сочинения: «Грузия см. Иверия»¹⁰.

В издании «Истории» Ластивертци на ново-армянском языке этнический термин «ve`iaïi» переведен как «грузин» («vraï z*rqer=» грузинские войска), а в комментариях указывается следующее: «В армянской письменности «Грузия» названа не только «virq», но также и «ve`ia», «iveria», а грузины – «iveraïiq», «veriaïiq». Ластивертци пишет «virq, vraï», а здесь в данном случае применяется «ve`iaïwoï»¹¹.

В упомянутом выше издании «virq» и «veriaïi» признаны идентичными этническими терминами. Тут же напомним, что в армянских письменных источниках (нередко – в одном и том же памятнике), как водится, наряду с грузинами, и к другим народам применяются несколько синонимичных терминов; к примеру, для обозначения «армян» засвидетельствованы следующие названия: «Asqanazean groh», «haykay zawak, haykay tohm», «hay azgs», для греков – «ho`om azg», «azgav Yoyn» и т. д. Таким образом, применение синонимичных терминов по отношению к «грузинам» и к «Грузии» в сочинении Ластивертци кажется вполне

⁹ Patmow]iwn Aristakesi Lastivertïwoy. A}xatasirwo]yamb K. N. Yowzba}yani. Erevan, 1963. &j 158.

¹⁰ Повествование Вардапета Аристакаэса Ластивертци. Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна. М., 1958, с. 187.

¹¹ Aristakes Lastivertïi. Patmwo]yown,]argmanow]yown= V.A. Georgyani. Erevan, 1971. &j 10-118.

естественным; «ve`iaġi» в «Истории» Ластивертци в данном конкретном случае обозначает именно «грузин»-а а не «жителя фемы Иверия». Для полной ясности обратимся к письменным источникам.

Аристахэс Ластивертци пространно повествует об отношениях византийского императора Василия и грузинского царя Георгия I в самом начале военных действий, о том, как император расположился лагерем в долине близ Карина и к нему явился грузинский епископ Захария Валашкертеци. Далее историк описывает прибытие в долину Басиани императора Василия II и Георгия I и то, как последний напал на город Ухтик (Олтиси) и спалил его, чем вызвал страшный гнев императора. Согласно «Истории» Ластивертци, грузины одержали победу и ромей обратились в бегство: «Как речные потоки разбиваются о скалы, так и ромейские отряды сшибались с вражескими... На этом месте пал храбрый ишхан Рат. Его конь попал в болото и не сумел выбраться, и славного мужа сразили мечом. Это свергло Тайскую страну в великую скорбь. Георги со своими войсками засел в укрепленных местах Абхазии, император же распространил свои набеги во все четыре стороны света, грозно приказав... не щадить никого... Подобными деяниями он обезлюдил цветущий край и еще до наступления зимы разорил и опустошил его... Император же вернулся на зимовку в долину Понта, он спустился в гавар Халтик и остановился на отдых»¹². Далее Аристахэс Ластивертци описывает зимовку императора в долине Понда, восстания Ксифия и Фоки, заключительный этап войны, когда Василий II прибыл в Басиани, где состоялось последнее сражение. Со слов Ластивертци: «После этого император покинул лагерь в Салкорай и направился в расположенной впереди местности под названием Шлпай. Об этом узнал Абхаз и, пока ромей только располагались лагерем и не успели еще укрепить его стенами, прибег вот к какой хитрости: виднейшего из своих епископов отправил к им-

¹² Аристахэс Ластивертци, История. Перевод Е Цагареишвили, Тб., 1974 (на груз. языке), стр. 46-47.

ператору послом, а сам с войсками последовал за ним, чтобы неожиданно напасть на противника и, устранив его, обратиться в бегство... Они [грузины] дерзостно напали на врага на конях, обессиленных тяжелыми [всадниками], железным вооружением и долгими переходами. А бодрые ромейские отряды тотчас окружили их и перебили бесчисленное множество, остальные вместе со своим царем обратились в бегство и добрались до абхазских укреплений. [Ромейские] войска преследовали и избивали их до самого захода солнца. А император отдал приказ собрать в одно место головы убитых и за каждую выдать принесшему по даһекану (драхману – Е. Ц.). Ромеи кинулись повсюду искать убитых и складывать головы перед императором. Василий же приказал уложить их в кучи по дорогам – на страх и удивление зрителям. После всего этого Георги впал в отчаяние и умолял императора о мире. Узнав об этом, Василий смилостивился и отправил такую грамоту: «Не думай, что победив тебя, я потребую большего, чем прежде. Верни вотчину, отказанную мне Куропалатом, и выдай своего сына в качестве заложника, и тогда между нами воцарится мир!» Георги вынужден был согласиться, после чего император назначил в гаваре ишханов, которые поделили между собой дом за домом, деревню за деревней и агарак за агарак, как было прежде. Император Василий взял заложников и обещал вернуть их через три года. Затем он выступил с войсками, обогнул Армению, спустился в просторную долину Эра и встал там лагерем...»¹³.

Помимо Аристакэса Ластивертци военные действия между императором Василием II и Георгием I описывают также и другие армянские авторы, в том числе – Маттеос Урхайеци (XII в.), Самуэл Анеци (XII в.), Смбат Спарпет (XIII в.) и Вардан Арелвечи (XIII в.). В сочинениях перечисленных авторов одной из воюющих сторон также указаны грузины, а факты и события изложены вкратце, но в основном в той же последовательности.

¹³ Аристакес Ластивертци, История, стр. 51-52.

Маттеос Урхайеци пишет: «В НН (470+551=1021) армянского летосчисления император Василий с бесчисленным войском прибыл на Восток и потребовал от армянского царя уступить ему Ани и Карс. Иоаннэс, сын Гагика, ввиду своего бессилия, согласился. А Василий, вернувшись на родину, обратился к грузинскому царю Георгию с письмом, в котором призвал его к себе, дабы доказать свою покорность. Однако, Георгию не хватило смелости для подобного поступка. Тогда Василий двинулся против него с войском. В свою очередь грузинское войско («z*rq vraï») также выступило против императора. Рат и Звиад – отважные братья Липарита, – храбро сражались против ромеев и Рат был убит, так как его конь увяз в болото и он не сумел выбраться и был убит там же. Грузинские войска («z*rqn vraïeal») отступили, а ромеи пустились за ними в погоню и истребили их»¹⁴.

По сообщению Самуэла Анеци «император Василий отправился против грузин («i virs») и разорил обитель [дом, жилище] грузин («zvraïtown»). 24 гавара опустошил он огнем, мечом и голодом. Военачальниками грузин («z*ravarq vraï») выступали Рат и Звиад. И Рат увяз в болото в Ширакской долине. А император Василий отправился обратно и зимовал у себя – в стране ромеев. А [затем] вновь выступил против грузин («i virs»). Рат и Звиад, родные братья Липарита, проявили неслыханное мужество в борьбе против императора Василия. Но затем Рат угодил в болото и был убит, а Звиада захватили в плен»¹⁵.

Что касается Смбата Спарапета, то он почти дословно повторяет сообщение Маттеоса Урхайеци о грузино-византийских

¹⁴ Ma]os Ow`hayei. lamanakagrow]iwn. Vauar}apat 1898. &j 49-50.

¹⁵ Samow&li qahanayi Aneiwoy hawaqmownq i groi patmagrai yaoajabanov, hamematow]eamb yawelowacnerov ew cano]ow]iwnerov Ar}ak T&r-Miqeleani. Vauar}apat. 1899. &j 105.

сражениях: «В NH году армянского летосчисления (470+551=1021) император Василий с бесчисленным войском прибыл на Восток и потребовал уступить Ани и Карс. Иованнэс, сын Гагика, был вынужден уступить... а Василий вернулся на родину и написал грузинскому («vraï») царю Георгию, чтобы тот явился к нему в знак своей покорности. Но Георгию не хватило мужества. Тогда император Василий выступил против него с войском. А против Василия двинулись грузинские («Z*rqñ vraï») войска. Храбрые мужи – Рат и Звиад, братья Липарита, нанесли мощный удар по вражеским войскам. А затем Рат погиб, так как его конь угодил в болото и он был убит там же. Грузинские войска («zorqñ vraïeain») отступили, а войска Василия пустились за ними в погоню и истребили их»¹⁶.

Интересующие нас факты несколько в сокращенном виде описываются также и в сочинении Вардана Аревелци «Всеобщая история»: «[Василий] призвал к себе грузинского («vraï») царя Георгия, однако тот уклонился от встречи и [Василий] рассвирепев, двинулся на него и разорил 12 его гаваров, [а затем] ушел и стал на зимовку в стране Халдейской»¹⁷. К числу армянских источников, описывающих грузино-византийские сражения 1021-1022 гг., относится также и один из колофонов («Хишатакаран»), в котором сохранилось следующее сообщение: «В году „nh“ армянского летосчисления (1021г. 16/ III- 1022 г. 15/ III) ромейский император Василий двинулся с бесчисленной ратью варварских племен и потребовал от Иованнэса, наследника царя Гагика, уступить город Ани и весь Ширак. Ввиду своей телесной слабости, Иованнэс обещал [Василию] отдать ему Ани посмертно (после своей кончины). Вслед за этим император отправил посланника к царю [Георгию] и призвал его к себе. Однако Георгий уклонился от встречи, т. к. в прошлом истребил многих ромейских вельмож. И тогда император Василий вступил в войну с грузинами. [Про-

¹⁶ Smbatay sparapeti Taregirq. I venetik-S. Uazar 1856. &j 24-25.

¹⁷ Mecin vardanay bar>rberdeïwoy Patmow]iwn tiezerakan. I loys

тивники] встретились в Ширакской долине и сразились. Грузинские военачальники Рат и Звиад с рвением сокрушали войско ромеев. В это время был убит Рат. Ибо его конь угодил в болото и не смог выбраться и там был убит отважный [Рат]. И ромеи одержали победу, а грузинские войска отступив, обратились в бегство и подверглись жестокому истреблению. Император Василий задержался в стране на 6 месяцев, покорил себе грузин и вернулся на зимовку в Трапезунд»¹⁸. Участие грузин в упомянутых выше сражениях засвидетельствовано также и в сочинениях арабского историка Яхьи Антиохийского¹⁹ и греческого историка Георгия Кедрена²⁰. Войска Георгия I в сочинении Яхьи упомянуты как «абхазская рать», а в сочинении Кедрена – как «войска абазгов».

Из грузинских источников по интересующему нас вопросу сохранили сведения «Летопись Картли» («Матиане Картлиса») и «Хроника» Сумбата Давитис-дзе. По сообщению «Летописи Картли» «на седьмом году своего правления двинулся на него царь Греции Василий со всей ратью греческой и бесчисленными иноплеменниками. Однако Георгий выступил супротив него с многочисленным воинством. И много дней оба стояли лагерем на земле Басианской, не вступая друг с другом в сражение. Уклонился царь Георгий (от схватки), вступил в город Олтиси и сжег его; оттуда выступил в Колу и царь Греции Василий стал преследовать его по пятам, оказавшись у него в тылу... и произошла большая битва в деревне, именуемой Ширимни. Было перебито множество

=ncayeāi Mkrti/ ^min. Moskva 1861, &j 126.

¹⁸ Абдаладзе А. Памятные записи армянских рукописей, как источник для истории Грузии X-XIII веков. Кандидатская диссертация (хранится в библиотеке Института истории) Тб., 1973, стр. 76-77 (на груз. языке).

¹⁹ Цкитишвили О. Материалы для истории внешней политики Грузии в период царствования Георгия I-го. Вестник АН Грузии, №4, 1968, стр. 128 (на груз. языке).

²⁰ Георгий Кедрен. Хронография. Сведения византийских писателей о Грузии, т. V, Издал С. Каухчитшвили, Тб., 1963, стр. 48 (на груз. языке).

с обеих сторон, были убиты вельможные эриставы Рати – сын Липарита, и Хурси. Но поздно дошел слух до царя Георгия о том, что идет бой против замыкающих (его рать) воинов. Тут же по повелению его все войско спешно привело (оружие) в боевую готовность. Рванулся вперед сам царь Георгий во главе воинов своих, ибо был он отважен и совершенно бесстрашный, словно бес-телесный, и вместе с ним множество воинства его. Подоспел и Василий со всем своим войском. Расположились друг против друга и произошла битва мощная. Сокрушили множество греков, ... и затянулась меж ними битва настолько, что царь Василий стал готовиться к бегству. Но смалодушничают грузины, повернули и двинулись вспять. Настигли их греки и зарубили множество (грузин)... Удалился царь Василий из Триалети, прошел через Джавахети и Артаани. И вновь с большим, чем прежде, рвением и мстительностью разорил эти земли; ушел и стал на зимовку в стране Халдийской, неподалеку от города Трапезунта... Вновь вернулся Василий, вступил в Басиани, стал помогать земель и крепостей, обещал мира и согласия. ... началось сражение, и обратились в бегство часть войска его (Василия)... из-за затянувшегося сражения были обращены вспять воины грузинские, и множество бегущих было посечено (вражьими) мечами, другие же схвачены в полон. Забрали (греки) добычу обильную и тут же имевшуюся царскую казну...»²¹ и т. д. В аналогичном порядке излагает эти события и Сумбат Давитис-дзе²².

Приведенные выше материалы из грузинских, а также – разных других источников, наглядно свидетельствуют о том, что в 1021-1022 гг. против византийского императора Василия II сражался грузинский царь Георгий I со своим войском, упомянутым в грузинских источниках как «სპანო ქართველთა», а в армянских же – как «z*rg veriaivoi» или «zorg vraï».

И напоследок, хотим подчеркнуть, что в грузинской ис-

²¹ Картлис Цховреба (история Грузии). Грузинский текст, т. 1, Тб., 1955, стр. 284-288 (на груз. языке).

ториографии основательно изучены вопросы внешней политики Грузии в первой четверти XI века и в целом – история Грузии времен Георгия I (Ив. Джавахишвили, С. Джанашиа, Н. Бердзенишвили, Ш. Месхиа, В. Габашвили, М. Лордкипанидзе, В. Копалиани, Ш. Бадридзе, О. Цкитишвили и др.). Опираясь на сведения грузино-армянских и греко-арабских источников, ученые вполне обоснованно аргументировали участие грузинских войск («სპიბო ქართველთა-ბო») под предводительством Георгия I в сражениях в 1021-1022 гг.

В армянских источниках, повествующих о событиях первой половины XI века, четко размежевываются, к примеру, «армянские войска» («z*rq hayoi»), «грузинские войска» («z*rq vraï»), или же упомянуты вместе «армянское и грузинское войско» («zorq hayoi, ! vraï»), «войско греков (ромеев), армян и грузин» («zorq yownai, hayoi ! vraï»).

Таким образом, упомянутый Аристакэсом Ластивертци «veriaïï» имеет вполне конкретное значение и является этническим термином, а «veriaïwoï z*rq» не что иное, как «z*rq vraï» в других армянских источниках, «абхазское войско» – в арабском источнике, «войско абазгов» – в греческом и «грузинские войска» – в грузинском источниках, т. е. – войска Георгия I.

«Проблемы истории Закавказья», Тб., 1991

Перевод: Л. Дуларидзе, Л. Микиашвили

²² Картлис Цховреба, т. 1, стр. 389, 384.

Александр Ониани
Зураб Сарджвеладзе

Против извращения вопросов грузинской топонимики

Вопросами топонимики издавна занимается ряд наук: лингвистика, история, филология. Особенно интенсивно вопросы топонимики стали изучаться в последнее время; и не без основания – научный анализ имен (топонимов), обозначающих населенные и ненаселенные географические пункты, дает значительную информацию об языке и истории создавших их народов.

Общеизвестно, что обычно местность тем или иным именем нарекается проживающим на ней народом по нормам своего языка.

Поэтому, если на территории распространения одного языка обнаружена **система** (а не отдельные имена) иноязычных топонимов – это является серьезным свидетельством исконного распространения на данной территории другого народа с иным языком.

Отсюда явствует насколько сложна и ответственна задача научно-исторического изучения топонимики, какого деликатного и тонкого подхода она требует.

В Вестнике общественных наук АН Армянской ССР в апрельском номере 1971 года опубликована статья П. М. Мурадяна «Винительные формы в именительном по данным топонимики Армении», которая ставит целью анализ этих сложных историко-лингвистических проблем.

В распоряжении современной лингвистики имеются ясно и четко сформулированные правила изучения топонимики.

От исследователя топонимики, как минимум, требуются

две вещи: а) достаточное знание научно-исследовательской (в данном случае – лингвистической) методологии, б) абсолютная объективность, непредвзятость и беспристрастность суждений, что иначе называется научной добросовестностью.

Статья П. М. Мурадяна, к сожалению, является прискорбным образцом незнания (или игнорирования) лингвистических методов и грубого насилия над очевидными языковыми фактами, поэтому можно было эту статью, как выходящую за рамки науки, оставить без внимания, но прибегнуть к перу нас заставило следующее обстоятельство: во-первых, статья опубликована в органе весьма авторитетного научного учреждения, с чем нельзя не считаться; во-вторых, у подлинных представителей науки, каких немало в братской Армении, по-видимому, не нашлось времени и возможности проследить за этой статьей и, в-третьих, раз уж статья опубликована, не исключена возможность, что она введет в заблуждение некоторых неискушенных читателей.

Давно известно, что на территории Грузии распространена **целая система** топонимов, образованных посредством суффикса – *-is-i* (Тбилиси, Болниси, Крцаниси, Кутаиси...) ¹.

До сих пор никому не приходило в голову отрицать, что суффикс *-is* является показателем родительного падежа, входящего по сей день в парадигму склонения грузинских имен. Ср. ჯჷც-ო ჳაც-ი („мужчина“), ჯჷც-ობ ჳაც-ის („мужчины“), დედა deda („мать“), დედა-ობ ded-ის („матери“) и т. д.

Грузинские топонимы на **-is-i** созданы грузинским народом по нормам грузинского языка. Тут все на своем месте как с лингвистической, так и с исторической точки зрения.

П. М. Мурадян собрал все весьма малочисленные топонимы на **-is** и **-s**, встречающиеся на территории Армении. Например: Агулис, Аканис, Алберис, Алванис, Арнис, Горис, Гутемнис, Аксигомс... ².

¹ Конечный *-i* является показателем именительного падежа.

² См. П. М. Мурадян, Винительные формы в именительном по данным топонимики Армении, Вестник общественных наук АН Армянской

Эти два типа П. М. Мурадян искусственно объединил в один класс и безо всякой сколько-нибудь убедительной научной аргументации а priori объявил их армянскими по происхождению.

Его тезис гласит: армянские топонимы не нуждаются в особом исследовании, а priori известно, что они возникли на армянской почве, зато требует выяснения вопрос о происхождении грузинских топонимов на **-is-i**.

Этот тезис лег в основу утверждения П. М. Мурадяна, якобы весьма внушительная часть грузинских топонимов на **-is** армянского происхождения. Например, армянскими топонимами являются: Тбилиси, Болниси, Крцаниси, Манглиси, Дманиси и т. д. Другая часть – восходит к греческому: Кутаиси, Фазиси и только третья, весьма незначительная часть – грузинского происхождения: это – отглагольные топонимы (напр. Хертвиси) и отыменные топонимы: Руиси, Датвиси, Сацхениси (всего шесть).

Возникает вопрос: если автора волнуют только лингвистические проблемы топонимики, то чем объяснить столь различный подход к армянским и грузинским топонимам? Если происхождение армянских топонимов не нуждается в научной аргументации³, то почему возникают сомнения относительно признанных всеми грузинских топонимов и почему следует специально обосновывать грузинское начало грузинских имен? И наоборот, если возможны утверждения об иноязычном происхождении грузинских топонимов, то почему не встает аналогичный вопрос и в отношении армянских имен? С точки зрения научной логики такой подход был бы вполне естественным.

Действительно, разве существуют какие-либо особые признаки, по которым можно было бы тот или иной топоним а priori отнести к армянскому языку? И какие черты грузинских топонимов кричат об их иноязычном происхождении?

Для лингвиста существуют только топонимы, содержащие

ССР, Ереван, 1971, 4 (340), стр. 22-29.

³ Причем ни один топоним, приведенный П. М. Мурадяном, не имеет прозрачной этимологии, восходящей к армянским словам.

элемент **-is**, бытующие как в Грузии, так и в Армении, а вопрос об их взаимоотношении можно решить только применяя строгую научную методику исследования.

Поскольку П. М. Мурадян не ставит (или не может поставить) проблем, соответствующих теории и практике современного научного исследования, придется это сделать нам самим и ответить, по-возможности, хотя бы на некоторые из них.

Так как засвидетельствованное в армянских топонимах окончание **-is** внешне идентично с окончанием род. падежа **-is** в грузинских топонимах, то естественно может быть поставлен вопрос об их историческом взаимоотношении.

Возможными решениями этого вопроса могли быть: 1) Внешнее совпадение окончания **-is** в армянских и грузинских топонимах случайно: суффикс **-is** в грузинских топонимах грузинского происхождения, а окончание **-is** в армянских топонимах – армянского, генетически они не увязываются; 2) **-is** в грузинских топонимах – армянского происхождения, 3) **-is** в армянских топонимах – грузинского происхождения; 4) **-is** разложимо на $i + s$ на армянской или грузинской почве; 5) **-is** относится к какому-либо третьему языку.

Чтобы научно обосновать одну из этих гипотез, следует лингвистически проанализировать топонимический материал в каждом языке и установить, созданы ли топонимы по общим нормам армянского или грузинского языка, соответствует ли их образование общей системе словообразования этих языков, является ли модель продуктивной. Для максимальной научной точности нужно очертить те хронологические рамки, в которых эта модель действовала в грузинском и армянском. Далее следует рассмотреть ареал распространения этих топонимов и установить входят ли они естественно в общую систему топонимов, или являются исключениями в системе грузинской или армянской топонимики.

Только после тщательного и трудоемкого синхронического и диахронического (исторического) анализа возможно объективно

судить о взаимоотношении грузинских и армянских топонимов.

Таковы общепринятые правила этимологического исследования топонимов, им следует любой добросовестный исследователь.

Из вышесказанного следует, что если у армянских топонимов окажется армянская этимология и они естественно войдут в систему армянской топонимики, а у грузинских соответственно – грузинская этимология, то можно будет сделать вывод, что это самостоятельные системы, генетически между собой не связанные.

Но, если окажется, что этимологически топонимы раскрываются на материале только одного из языков (грузинского или армянского), то можно будет поставить вопрос: не являются ли все эти топонимы плодом творчества народа, на базе языка которого наиболее правдоподобно и однозначно этимологизируются топонимические имена?

Хронологическая квалификация также способствует достоверности и объективности выводов: хронологически более ранние топонимы не могут быть результатом заимствования из языка, в котором сходные топонимы являются по происхождению более поздними.

Выводы, не основанные на решении этих задач, научно не доказаны.

Из рассуждений П. М. Мурадяна следует, что оба окончания **-is** и **-s** в армянском восходят к винительному падежу. Эта мысль требует основательной аргументации, тогда как в рассматриваемой статье этот вопрос почти не обсуждается. Требуется доказательство, например, 1) Так как в специальной литературе по арменистике неизвестен суффикс винительного падежа **-is**, то его следует разложить на $i+s$. Но в таком случае, с этой точки зрения надо проанализировать **все** армянские и грузинские топонимы, содержащие в основе **-is** (напр. *agulis*, *garnis*, *guțemnis*, *aķuris-i*, *nunis-i...*) и в каждом отдельном случае квалифицировать это **-i**: относится ли оно к основе, входит в состав какого-либо аффикса

и т. д. Мимолетное упоминание автором, что «типологически эти названия можно делить на две группы: с окончанием *ni-s // li-s // ri-s* и только **s**» (стр. 29), недостаточно. Непонятно, что значат эти *ni ni, li // ri ri*. Если это аффиксы, то как же с точки зрения фонотактики армянских корней будут выглядеть оставшиеся морфемы топонимов: напр. *a-ni-s, go-ri-s, ble-ni-s* и т. д. Если же это не аффиксы, то что же это? И как тогда квалифицировать якобы армянское имя *М-англ-ис-и*. В данном примере неразложимым оказался суффикс *-is* в «армянском» топониме! Вопрос требует тщательного рассмотрения, автор же не утруждает себя даже минимальными доказательствами. 2) В различных языках топонимы, как правило, образуются из форм именительного и родительного. Такие же падежи, как, например, эргативный или винительный (специальный падеж субъекта и специальный падеж прямого объекта), насколько нам известно, топонимов не образуют. Утверждение, что *в и н и т е л ь н ы й* является основой образования топонимов, требует специального доказательства. Автор его, конечно, не приводит. Если в данном случае подразумевается нейтрализация функций именительного и винительного, характерная для новоармянского, то какое это явление может иметь отношение к топонимам, восходящим с точки зрения автора, напр., к урартскому? Как известно, А. Айтынян и Р. Ачарян гипотетически относят начало процесса замены винительным именительного к V в. нашей эры.

Как можно было убедиться, вопрос о происхождении армянских топонимов на *-is* и *-s* далек от решения. Если уважаемый П. М. Мурадян стремился решать научные проблемы топонимики Армении, первым долгом ему следовало заняться лингвистическим анализом именно армянских имен. Пока этого не сделано, вряд ли можно считать целесообразными претензии автора объяснить посредством армянского грузинскую топонимику. Одним неизвестным не объяснишь другого неизвестного! Тем более, что это «неизвестное» довольно хорошо известно и помимо армянской топонимики.

Как обстоит дело с этой точки зрения в грузинском?

Среди других топонимов в грузинском издавна существуют многочисленные топонимы, образованные посредством окончания род. падежа **-is**.

Поскольку в картвелологии это давно известно и П. М. Мурадян этого полностью не отрицает (см. его последний класс грузинских топонимов), мы не станем доказывать эту очевидную истину. Но тогда, отсюда следует вывод, что все грузинские топонимы на **-is** объединяются в один класс и для того, чтобы утверждать противное хотя бы об одном из них, нужна строгая и во всех отношениях обстоятельная аргументация, чего наш уважаемый автор не удосужился сделать (но что, например, проделал проф. А. Г. Шанидзе в отношении топонима ზღვრისი «Хертвиси»).

Суждения его на этот счет совершенно произвольны. Трудно вести научную дискуссию с предвзято ненаучной точкой зрения. С какими доводами соглашаться, какие отрицать, когда желаемое принимается не только за возможное, но и за сущее.

Внутренняя часть грузинских топонимов образована посредством родительного падежа. Форма же род. падежа восходит к общекартвельскому единству.

Грузинскому суффиксу **-is** в мегрело-чанском закономерно соответствует **-iš**, в сванском **-iš** (**-eš**, **-aš**). Известно, что груз. *s*, мегр. – чан. *š* и сван. *š* восходят к общекартвельскому **Si*⁴.

Главное же заключается в том, что **образование топонимов посредством форм род. падежа является общекартвельской моделью**. Топонимы, образованные по этой модели, щедро рассыпаны как по территории Мегрелии, так и (в особенности часто) на территории Сванетии и близлежащих районов. Напр., мегр. თუბთიში *tuntiši* Тунтиши, ცაიში *caiši* Цаиши, ჯიხაიში *žixaiši* Джихаиши, კარიში *qariši* Кариши, ბაში *baši* Баши, გო-

⁴ См. Г. И. Мачавариани, Общекартвельская консонантная система, Тбилиси, 1965, стр. 28-39.

ბონჯელიში gobonželiši Гобонджелиши, თხირიში txiriši Тхириши, ინჯირიში inčiriši Инчириши...⁵; სვან. ჰადიში hadiṣ-i Адиши, მაცხვარიში Macxvāriši Мацхвариши, ლაშხრაში lašxraši Лашхраши, ბოგრეში bogreši Богреши, წანაში canaāši Цанаши, სასაში sasāši Сасаши, მახაში Maxāši Махаши, ჩიხრეში čixreši Чихреши, ტვიში ṭviši Твиши, ზოგიში zogiši Зогиши, ღვირიში gviriši Гვირიши ლაილაში lailaši Лаилаши, ოყურეში oqureši Окурეши...⁶.

С точки зрения образования точным соответствием этих топонимов являются грузинские имена: თბილისი tbilisi Тбилиси, ქუთაისი kutaisi Кутаиси, მანგლისი Manglisi Манглиси, მოხისი Moxisi Мохиси, შინდისი Sindiši Шиндиси, დათვისი datvisi Датвиси, რუისი ruisi Руиси, ურბნისი urbnisi Урбნиси, გორისა gorisa Горисა, დმანისი dmanisi Дманиси, კრწანისი kṛčanisi Крцаниси, ბოლნისი bolnisi Болниси и многие другие.

Такая полная идентичность образования топонимов из форм род. падежа во всех картвельских языках при их системном характере бесспорно свидетельствует о том, что эта словообразовательная модель использовалась в топонимике еще в пракартвельскую эпоху.

Мы надеемся, что П. М. Мурадян и иже с ним, по крайней мере, мегрельские и сванские топонимы не смогут вывести из армянского или греческого. Во всяком случае, с такой попыткой мы еще не сталкивались.

Для большей ясности, можно задать и более конкретный вопрос: Существуют ли конкретные имена-топонимы, восходящие к эпохе единства всех картвельских диалектов?

На этот вопрос решающий ответ дает топоним Кутаиси.

Единственное название города Кутаиси в сванском звучит

⁵ А. А. Глonti, Топонимические разыскания, I, Тбилиси, 1971.

⁶ М. М. Калдани, К вопросу о суффиксе -ოშ იშ (/-/შ -š) в лечхумской географической номенклатуре, Вопросы структуры картвельских языков, т. III, 1963, стр. 67-77.

как ქუთაშ kutāš. В паре груз. ქუთაისი kutaisi-сван. ქუთაშ (<*ქუთაშ-იშ ku-tā-iš) абсолютно соблюден принцип звукосоответствий между родственными языками: груз. ქ k: сван. ქ k // ჩ ც (ср. груз. ქათამი katami: сван. ქათალ katal „курица“)⁷; груз. უ u: сван. უ u (ხუთი xuti: ვოხუშდ vohušd „пять“)⁸; груз. თ t: сван. თ t // შდ šd (груз. თრევა treva: сван. ლითრიბე litrine „тащить“)⁹; груз. ა a: сван. ა a (груз. ასი asi: сван. აშირ ašir „сто“)¹⁰; груз. ი i: сван. ი ი (груз. შვიდი švidi: сван. იშგუიდ išgwid „семь“)¹¹; груз. ს s: сван. შ š (груз. ასი: сван. აშირ)¹².

Но исходной формой для груз. ქუთაისი kutaisi является ქუთათისი kutatisi и тогда в сванском так же должно было быть ქუთათაშ kutatāš. В сванском в форме род. падежа обязательна синкопа гласного, если слово состоит из трех слогов. Например, им. გეზალ gezal „чадо“-род. გეზალაშ gezal-aš „чада“¹³, т. е. *ქუთათაშ>ქუთაშ, но в пределах одной морфемы в сванском (так же как и в грузинском) невозможно наличие двух одинаковых согласных, один из них приравнивается к нулю. Таким путем и получена форма ქუთაშ kutāš. Закономерным соответствием названных форм (груз. ქუთაისი kutaisi и сван. ქუთაშ kutāš) в мегрельском является ქუთეში kuteši.

Следовательно, общекартвельским архетипом топонима ქუთაისი kutaisi является *ქუთათ-ისი-ი* *kutat-is₁-i.

Из всего вышеизложенного следуют два бесспорных вывода:

⁷ Г. И. Мачавариани, назв. тр., стр. 61-62.

⁸ Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани, Система сонантов и аблаут в картвельских языках, Тбилиси, 1965, стр. 25-64.

⁹ Г. И. Мачавариани, назв. тр., стр. 19-20.

¹⁰ Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани, назв. тр., стр. 145-157;

¹¹ Там же, стр. 67-72.

¹² Г. И. Мачавариани, назв. тр., стр. 28-29.

¹³ В. Т. Топуриа, К вопросу о редукции гласных в картвельских языках. Иберийско-кавказское языкознание, I, 1946, стр. 67-70.

1) Топоним ქუთაისი kutaisi образован в эпоху единства картвельских диалектов; 2) уже в эту эпоху существовала модель образования топонимов из формы родительного падежа имен.

П. М. Мурадян же из всех сил старается доказать, что ქუთაისი происходит из греческого.

Думается – все ясно. Модель образования топонимов из форм род. падежа – общекартвельского происхождения.

Вопрос об иноязычном происхождении этой модели исключается.

Поэтому сомнения относительно отдельных топонимических имен должны быть должным образом доказаны как лингвистически, так и исторически.

По «Административно-территориальному делению Грузинской ССР» (1961 г.) на территории Грузии встречаются более 120 топонимов названной модели (на -is-i): წკადისი *çkadisi*, წნისი *çnisi*, ყულალისი *qulalisi*, სხვილისი *sxvilisi*, ზემო სხვილისი *zemo sxvilisi*, დუისი *duisi*, ბოლნისი *bolnisi*, სამწევრისი *sam-çevrisi*, ქოშაკილისი *košakilisi*, ტაძრისი *taçrisi*, ყვიბისი *qvibisi*, ზინდისი *zindisi*, ახრისი *axrisi*, ბიისი *biisi*, გულხანდისი *gul-xandisi*, ტირძნისი *tirçnisi*, მეღვრიკისი *megvrikisi*, თერგვისი *tergvisi*, ქვემო სობისი *kvemo sobisi*, ზემო სობისი *zemo sobisi*, შინდისი *šindisi*, ფხვენისი *pxvenisi*, ქიწნისი *kiçnisi*, ბნავისი *bnavisi*, წედისი *çedisi*, დმანისი *dmanisi*, დიდი დმანისი, *didi dmanisi*, პატარა დმანისი, *patara dmanisi*, ავენისი *avenisi*, დათვისი *datvisi*, ებნისი *ebnisi*, ეთვალისი *etvalisi*, ჯუღისი *žugisi*, ამსაისი *amsaisi*, ხოპისი *xopisi*, ერტისი *ertisi*, მენქალისი *menkalisi*, კლდეისი *kldeisi*, მანგლისი *manglisi*, ტბისი *tbisi*, ფარცხისი *parcxisi*, მოხისი *moxisi*, ზენდარისი *zendarisi*, სამთავრისი *samtavrisi*, პატარისი *pařarisi*, საკურთხისი *saçurtxisi*, თამარისი *tamarisi*, ნიხბისი (ქვემო, ახალი, ზემო) *niçbisi* (*kvemo*, *axali*, *zemo*); ძაღლისი *çalisi*, ქსოვრისი *ksovrisi*, ხირხონისი *xirxonisi*, სამთისი *samtisi*, წედისი *çedisi*, ჯინჭვისი *žinçvisi*,

უბისი ubisi, სერბაისი serbaisi, მარელისი marelisi, დეისი deisi, ნუნისი nunisi, გოლისი (დიდი, პატარა) golisi (didi, paṭara), საცხენისი sacxenisi, იცქისი ickisi, ვაკისა vakisa, გორისა gorisa, ძმუისი ჯმუისი, ჯვარისი ჯვარისი, ჭვრინისი ოვრინისი, აბისი abisi, ცერონისი ceronisi, ყინწვისი qinṭvisi, სამწერისი samṭerisi, აფნისი apnisi, ძებნისი ოებნისი, ურბნისი urbnisi, რუისი ruisi, განისი ganisi, კეჭრისი keṭrisi, ხურთისი xurtisi, თეჯისი teḟisi, ედიქილისი edikilisi, თიქილისა tikilisa, ჯინისი ოინისი, ჩითქილისა čitkilsa, დღნორისა dḡnorisa, ბიჯნისი biḟnisi, (ზემო და ქემო) აძვისი aḟvisi, ოძისი oḟisi, ითხვისი itxvisi, ბერეთისა beretisa, პერევისი perevisi, ვაკევისა vaḳevisa, ლენინისი leninisi, ძველი ვეძისი ველი veḟisi, წავკისი ოავკისი, შინდისი šindisi, მილისი milisi, მერისი merisi, ვარჯანისი varḟanisi, წონიარისი ოონიარისი, ცხმორისი cxmori, ცხემლისი cxemlisi, დიოქნისი diokḡnisi, ანგისა angisa, წნელისი ოnelisi, მუღრისი muḡrisi, სუნისი sunisi, წორბისი ოorbisi, ყორნისი qornisi, ლარგვისი largvisi, ველისა velisa, არდისი ardisi, ახალისა axalisa, მახისი maxisi, გუდისი gudisi, ანძისი anḟisi, ფრისი prisi, ქსუისი ksuisi, დმენისი dmenisi, ითრაფისი itrapisi, წოისი ოoisi, კვაისი ოvaisi, ბორგნისი borgnisi, ყარაქლისი qaraklisi.

В этой книге названы только большие населенные пункты (и то с пробелами, напр., нет კრწანისი kṛṭanisi, დელისი delisi, ხცისი xcisi, ჭობარისი ოobarisi, დგვრისი dḡvrisi, ბებნისი bebni-si...). Если этот список дополнить топонимами ненаселенных пунктов и всеми микротопонимами, то их число значительно возрастет.

Числовое соответствие говорит само за себя: П. М. Мурадян наскреб в Армении всего 32 топонима на -is. В Грузии же (исключая мегр. и сванские топонимы) их число несоизмеримо больше.

Но раз уж П. М. Мурадян упорно стоит на своем, посмотрим удастся ли ему утаить шило в мешке? Вряд ли: у многих

грузинских топонимов слишком уж прозрачная этимология: напр. *დათვიბო datvisi* „медвежье“ – выделяется общекартвельский корень *დათვი- datv-* (ср. мегр. *თუბთ- tunt-*, сван. *დაშდვი- dāšdv-* „медведь“), *ტბიბი t̃bisi* „сзерная“ также с общекартвельским корнем – *ტბ t̃b*, *ტბა t̃ba* „озеро“ (ср. мегр. *ტობა t̃oba*; сван. *ტუბჷბო t̃ubāj*).

Никаких сложностей не представляет этимология древнейших грузинских топонимов: *ტაძრიბო t̃aʒr̃isi* («Дворцовая»), *შობდობი š̃indisi* («кизиловая»), *კლდეიბო k̃ldeisi* («скальная»), *ფარცხიბო parcx̃isi* («граблевая»), *თამარიბო tamarisi* («тамарово»), *უბიბი ubisi* («пазушная»), *ჯვარიბო ʒvarisi* («крестовая»), *სამთავიბო samtavisi* («трехглавая»), *ვაკისა // ვაკევისა vaq̃isa // vaq̃evisa* («долинная»), *გორისა gorisa* («гористая»), *სამწვევრიბო samc̃evr̃isi* («трехчленная»), *ბიბიბი nič̃bisi* («лопатовая»), *რუიბი ruisi* („ручейковая“) и многие, многие другие.

Иногда в результате фонетических изменений этимологизация отдельных топонимов, равно как и многих иных слов, затрудняется. Задача языкознания в таких случаях состоит в том, чтобы на основе строгого лингвистического анализа восстановить исходную форму и значение слов. Прекрасным примером такого анализа могут служить этимологии акад. А. Г. Шанидзе топонимов *ერთაწმინდა ertač̃minda* (<*ესტატეწმინდა eš̃tač̃eč̃mida* «святой Естате») или *მეჯვრისხევი meʒvris̃x̃evi* (<*მეჯუდისხევი meʒudis̃x̃evi* „ущелье Меджуди“). Безусловно, бесполезно требовать анализ такого рода от П. М. Мурадяна, но мы вправе требовать от него хотя бы наличия желания такого анализа. Отсутствие такого анализа особенно сказывается именно в тех случаях, когда вопрос касается этимологии грузинских топонимов (П. М. Мурадяна не смущает то, что он не дает более или менее убедительной этимологии ни одного армянского топонима. И здесь проявляется логика П. М. Мурадяна – объяснения требуют лишь грузинские топонимы, армянских же такое требование не касается). Типичным примером этимологий, в которых ясно проявляется стиль

П. М. Мурадяна, является этимология топонима მანგლისი manglisi. Если верить П. М. Мурадян, оказывается, ученые установили, что в грузинский топоним მანგლისი manglisi составной частью входит засвидетельствованное в армянских топонимах слово (?) *angl angl*¹⁴.

П. М. Мурадян ссылается на труды Г. Капанцяна и С. Еремяна. Но возникает вопрос: почему ни П. М. Мурадян, ни авторы, на которых он ссылается, не объясняют, что в таком случае значит მ-ის *m-is*? Такого конфикса ведь нет ни в грузинском, ни в армянском! Существует иная, убедительная этимология топонима მანგლისი manglisi. Он получен из формы родит. падежа слова მანგალი mangali (древнегрузинская форма современного ნამგალი namgali – «серп»). С таким анализом формы был согласен и проф. Л. Меликсед-бек, видный исследователь армяно-грузинских исторических взаимоотношений¹⁵. П. М. Мурадян и не заикается о существовании этой этимологии.

Совершенно очевидно, что топоним მანგლისი содержит форму родит. падежа одного из орудий труда, так же как и ნიჭისი ničbisi (от ნიჭიბი ničabi „лопата“), ფარცისი paqxisi (от ფარციბი paqxi „грабли“) и т. д.

Отметим здесь же, что П. М. Мурадян вообще не заботится о научной этике и примеров к тому в его труде специально искать не приходится. Чего стоит хотя бы его реплика в адрес академика Г. В. Церетели, что в грузинских топонимах с суффиксом *-is-i* выделяются разные группы. Может создаться впечатление, что академик Г. В. Церетели не знает того, что, напр., топоним ხეობისი глагольного происхождения¹⁶.

Рассмотрим группы, выделяемые П. М. Мурадяном в грузинской топонимике. В первую группу, по П. М. Мурадян, объе-

¹⁴ П. М. Мурадян, указ. статья, стр. 34.

¹⁵ Л. Меликсед-бек, Манглисский район с историко-археологической точки зрения, «К новой школе», № 2-3, 1924, стр. 79 (на груз. яз.).

¹⁶ П. М. Мурадян, указ. статья, стр. 30-31.

диняются топонимы греческого происхождения – *ქუთაისი* *kutaisi* (Кутаиси), *ფაზისი* *fazisi* (Фазиси-Поти), *ტელეპისი* *telepisi* (Телеписи), *სარაპანისი* *sarapanisi* (Сарапаниси) и др. Причем П. М. Мурадян особенно заинтересован в доказательстве греческого происхождения названий *ქუთაისი* и *ფაზისი* (Кутаиси и Потти). Причина ясна – это названия особо важных и значительных пунктов.

О названии *ქუთაისი* (Кутаиси) речь шла и выше, поэтому здесь мы отметим лишь следующее: по мнению П. М. Мурадяна, пониманию *ქუთაისი* как топонима грузинского происхождения мешает то, что в греческом названии этого города выявляется суффикс *-is*¹⁷. В подтверждение этого соображения П. М. Мурадян ссылается (не цитируя!) на труд А. В. Урушадзе, где сказано: «Суффиксы принадлежности *-s* (*s*) и (*tt*), также как суффикс *nth*, распространенные в древней топонимике Эгейского района и Малой Азии, считаются по происхождению неиндоевропейскими (здесь А. В. Урушадзе ссылается на соответствующие труды – А. О., 3. С.). Его считают пелазгским суффиксом и указывают на его связь с суффиксом-образователем названия места в иберийско-кавказских языках – груз. *ობ is*; занск. *ობ is*; груз. *ქუთაისი*, *კუმბისი*, *კუმისი*, занск. *ჯობსობო ჯიჩაიში* и т. п. (Сравни греческие названия пунктов *Ἄαρισ(σ)α*, *Κηφισός*, *Ἰλισ(σ)ός*, *Τέλμησ(σ)ος*, *Ἀλιχαρνασ(σ)ός* *Ἄργισσα*).

Этот же суффикс сохранен в греческой передаче названия Кутаиси **Κυταιίς**¹⁸.

Что это – только ошибка?! В труде А. В. Урушадзе проводится мнение прямо противоположное утверждению П. М. Мурадяна, а не подтверждающее его: в названии города Кутаиси, как в грузинском, так и в греческом, выделяется окончание *-is*, которое восходит к грузинскому суффиксу *ობ-ო is-i*.

¹⁷ П. М. Мурадян, указ. статья, стр. 32.

¹⁸ А. В. Урушадзе, Древняя Колхида в сказаниях об Аргонавтах (на грузинском языке). Тбилиси, 1964, стр. 138.

Этимология топонима ჟაჭობო (Поти) в соответствии с требованиями современной диахронической лингвистики дана акад. Г. А. Меликишвили: в качестве закономерно соответствующей формы мегрельской ჟოთო potí (Поти) в сванском восстанавливается *ჟაჭო რაშდ. К этой последней форме восходит греческ. **Φάσις** rasis. Согласный *š* в греческом должен был дать *s*, а для преодоления запрещенной в греческом последовательности *sd* развивается гласный *i*¹⁹. Вместо того, чтобы снять эту аргументацию и представить более обоснованное объяснение формы, П. М. Мурадян лишь голословно отрицает вышеуказанную этимологию. Можно сказать, что наши знания об этимологии названия ჟაჭობო razisi остаются на той же ступени, на которой были до публикации статьи П. М. Мурадяна.

Совершенно непонятными операциями старается М. П. Мурадян затемнить ясную грузинскую этимологию топонима ეგრობო egrisi.

Это название содержит форму род. падежа гидронима ეგრე egur. Греческое !Ecritichv является результатом вполне закономерной передачи в греческом грузинского ეგრობო egrisi.

В качестве второй группы П. М. Мурадян выдвигает одно единственное название ზერთვობო xertvisi (в грузинском происхождении которого он не усомнился).

В третью группу П. М. Мурадян объединяет собственно грузинские географические имена: რუიბო ruisi, ურბნობო urbnisi, აკურისი akurisi, არანისი aranisi, დათვობო datvisi, საცხენისი sacxenisi. Обратите внимание на число приводимых топонимов – их всего шесть! Впрочем, справедливость требует отметить, что П. М. Мурадян пишет: „Основная часть приводимых нами названий носит именно показатель род. падежа -ობ is“²⁰. И все же

¹⁹ Г. А. Меликишвили, К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока (на грузинском языке), Тбилиси, 1965, стр. 50-68.

²⁰ П. М. Мурадян, указ. статья, стр. 33.

автор не счел нужным привести больше шести примеров.

Четвертую группу грузинских топонимов, согласно П. М. Мурадян составляют топонимы армянского происхождения. По его мнению, оказывается, армянского происхождения такие грузинские топонимы, как თბილისი (Тбилиси), მანგლისი (Манглиги), დმანბოსი (Дманиси), თუხარისი (Тухариси), ოლთისი (Олтиси), კრწანისი (Крцаниси), ბოლნისი (Болнис)²¹

Такое заключение было бы правомерно лишь в том случае, если бы вышеуказанные топонимы этимологизировались на основе армянского языка, т. е. если основы этих топонимов достаточно близки с основами каких-либо армянских слов, или же если суффиксы-образователи оказались бы специфическими армянскими, не характерными для грузинского языка.

Но это не так и поэтому П. М. Мурадян, отбросив требования научного мышления, старается сотворить несотворимое.

Посмотрим, как доказывает П. М. Мурадян армянское происхождение вышеуказанных грузинских топонимов. Оказывается, они как армянские топонимы и другие слова, оканчивающиеся на *is is* в винительном, в родительном падеже получают суффикс *ea% eac*.

Дело в том, что в каждом языке иноязычные слова, в том числе топонимы, претерпевают адаптацию, подчиняются нормам данного языка. В лингвистике этот процесс называется освоением заимствованных форм. В армянском языке существовала модель склонения имен, оканчивающихся на *is is* (в винительном падеже), которая, естественно оказала влияние на склонение грузинских топонимов, вошедших в армянский. Аналогичные случаи известны во всех языках. В частности, в грузинском языке конечный гласный *o i* имен, как правило, является показателем именительного падежа и не входит в основу. Поэтому и конечный гласный *o i* таких заимствованных топонимов как დელი *deli* (Дели), չիլի *čili* (Чили) был воспринят показателем именительного па-

²¹ Там же. ст. 33-31.

дежа и не сохранялся в формах других падежей. Даже в прессе встречались, такие формы, как დელში delši (вместо დელოში de-liši – в Дели) ჩილში čilši (вместо ჩილოში čiliši – в Чили). Потребовались специальные мероприятия Комиссии по установлению литературного грузинского языка, чтобы узаконить литературные формы დელოში, ჩილოში и т. п.

Факты освоения иноязычных слов хорошо известны и без их учета невозможно делать попытки этимологии топонимов. К сожалению, приходится здесь специально объяснять П. М. Мурадяну и читателям, которых он может ввести в заблуждение, что такое освоение топонимов и чем оно отличается от их присвоения.

Особо заинтересован П. М. Мурадян в доказательстве армянского происхождения названия თბილისი Тбилиси. Здесь его тенденциозность действительно не имеет границ. Топоним თბილისი (Тбилиси) имеет прозрачную и убедительную грузинскую этимологию, которая разделяется видными специалистами (об этом подробнее – ниже). Но П. М. Мурадяна она, естественно, не устраивает и поэтому он низводит ее в ранг «народной этимологии». Какую же этимологию предлагает он взамен? Собственно говоря – никакую.

Тбилиси – топоним армянского происхождения только потому, что он оканчивается на -i-s, а как «доказано» П. М. Мурадяном «-i-s» – окончание вин. падежа, заменившее ранее бытовавшее окончание именительного падежа i-k. Насчет доказательной силы этого аргумента говорилось выше. В отношении топонима Тбилиси автору следовало бы найти дополнительные, более убедительные аргументы.

Чем доказывается, что первоначальной формой Тбилиси была *Tfuiq (tplik)? Ведь такой формы нет ни в письменных памятниках, ни в устной речи, она придумана П. М. Мурадяном. Послушаем дальше: «Впрочем, нет ничего странного в том, что против арм. *Tfuis (tplis) в грузинском имеем თბილისი. Между

буквами * (t) и f (p) в армянском налицо выступающее при произношении = (ə) (T(=)firs) (təplis), которое, как уже отметили (**Bzni** ბოჯბობო), в грузинском выражается преимущественно буквой o i, значит, должны были иметь *ტოფლისო (ср. русск. Тифлис и греч. Tifilis), но вследствие перестановки (метатеза) ფო получили существующую в древнегрузинской литературе форму ტოფლიბო²². Все поставлено на голову! Ничего не доказывается. Например, почему должна была иметь место метатеза ფო p i > ფ i p? Ведь фонологическая последовательность звуков ტოფლ t i p l вполне соответствует законам фонотактики грузинских слов. И потом, надо хотя бы быть логичным до конца: Если уж название столицы Грузии следует восстанавливать по тем формам, которые наличествуют в армянском, русском и греческом, то почему автор не предлагает форму ტოფოფლიბო t i p i l i s i! Почему он изменил логике своего же собственного рассуждения?! Легко понять: тогда Тбилиси получалось греческого, а не армянского происхождения, а это нашего автора не устраивает.

В арабских письменных памятниках наличествуют формы t i p l i s // t a p l i s. Может быть, следовало бы П. М. Мурадян восстановить как исходную форму *t a p l i s?!

В чем же дело? Кто знаком с азбучными истинами лингвистики, тому ясно, что в греческом, арабском, армянском... произошла адаптация грузинского топонима «Тбилиси» соответственно нормам каждого из этих языков. Для этих языков неприемлемо скопление согласных в начале слова, и поэтому между согласными вклинилась гласная: i – в греческом, ə – в армянском, i/a- в арабском. Причем, все эти формы легко объясняются, если исходить из грузинского «Тбилиси», но обратный ход, от этих разнообразных форм к грузинской, требует таких искусственных и абсолютно нелогичных с точки зрения лингвистических приемов манипуляций, к каким вынужден был прибегнуть П. М. Мурадян.

²² П. М. Мурадян, ук. ст., стр. 36.

Лишним доказательством того, что грузинские топонимы на *-is-i* действительно возникли из формы родительного падежа, является тот факт, что в древнегрузинском и в ряде современных грузинских диалектов корневые морфемы этих топонимов в состав имен, обозначающих принадлежность через аффикс *-ელ -el*, входят без суффикса *-ის -is*. Напр., *თბილისი tbilisi* «Тбилиси», но *თბილ-ელ-ი tbil-el-i* (вместо *tbil-is-el-i*) «тбилисец», *მანგლისი manglisi* «Манглиси», но *მანგლ-ელ-ი mangl-el-i* (вместо *mangl-is-el-i*) «манглисец», *ქუთათისი kutatisi*, но *ქუთათ-ელ-ი kutat-el-i* (Кутаиси – кутаисец), *წავკისი çavkisi*, но *წავკ-ელ-ი çavk-el-i* (Цавкиси – цавкисец), *შინდისი şindisi*, но *შინდ-ელ-ი şind-el-i* (Шиндиси – шиндисец), *ურბნისი urbnisi*, но *ურბნ-ელ-ი urbn-el-i* (Урбниси – урбнисец)²³. Ср. также грузинские фамилии: *თუხარელი tuxareli*, от топонима *თუხარისი* (вместо *tuxar-is-el-i*), *თბილელი tbileli* от *თბილისი tbilisi*.

Типологически в данном случае наблюдается полный параллелизм с функционально однотипными топонимами, образованными посредством суффикса *-ეთ -et*. напр., *კახეთი қах-et-i* «Кахети», но *კახ-ელ-ი қах-el-i* (вместо *қах-et-el-i*), *იმერეთი imer-et-i* «Имерети», но *იმერ-ელ-ი imer-el-i* (вместо *imer-et-el-i*) «имеретинец», *არადეთი arad-et-i*, но *არად-ელ-ი arad-el-i* (Арадети – арадетинец), *დუშეთი duş-et-i*, но *დუშ-ელ-ი duş-el-i* (Душети – душетинец) и т. д. Отсюда следует вывод, что *-is* (в Тбилиси, Болниси, Крцаниси...) такой же грузинский суффикс, как и *-ეთ -et*.

Как видим, картвельское происхождение грузинских топонимов с суффиксом *-is-i* не вызывает сомнения. С другой стороны, армянские топонимы с таким же окончанием до сих пор не имеют удовлетворительной этимологии – происхождение таких топонимов из формы аккузатива, как уже отмечалось, весьма сомнительно. Если не удастся найти более убедительную эти-

²³ А. Г. Шанидзе, Основы грузинской грамматики, 1953, стр. 129, 114-115.

мологию указанных топонимов, естественно возникает вопрос: не объясняется ли их происхождение данными грузинского и других картвельских языков? Это предположение подкрепляется наличием таких параллельных топонимов на территории Грузии и Армении, как: груз. biḡnisi – арм. biḡnis, груз. gorisa – арм. goris, груз. nunisi – арм. nunis и т. д.

Полагаем, что это может служить рабочей гипотезой. Окончательное решение вопроса требует его тщательного изучения специалистами.

В связи с вышеизложенным уместен вопрос: чем питается априоризм П. М. Мурадяна? Чем обусловлено его стремление внести путаницу в ясные вопросы и затемнить их? Для ответа вернемся к некоторым вопросам, рассмотренным выше.

Среди шести топонимов, в грузинском происхождении которых не сомневается и сам П. М. Мурадян, названы აკურისი aḡurisi и არანისი aranisi. Но именно эти топонимы этимологизируются гораздо труднее чем tbilisi (Тбилиси), обладающий ясной и прозрачной этимологией. Корень этого топонима ṭp (>tb) грузинского происхождения, грузинским является и суффикс -ილ -il (ср. მსხვილ-ი msxv-il-i – толстый, წვივრილ-ი cvr-il-i – тонкий, გრილ-ი gr-il-i – прохладный, თბილ-ი tb-il-i – теплый), грузинским же является и показатель род. падежа -ის -is. К тому же абсолютно ясно, почему для названия города Тбилиси могла быть использована форма родит. падежа თბილი tbili „теплый" (Тбилиси, как известно, богат теплыми источниками).

Редко можно найти топоним с такой ясной этимологией. К тому же этимология этого топонима (Тбилиси) со свойственной ему четкостью и ясностью изложения была дана акад. А. Г. Шанидзе, труд которого опубликован как на грузинском, так и на русском языках²⁴. Эту этимологию разделяют Г. Фогт, Т. В. Гам-

²⁴ А. Г. Шанидзе, К этимологии названия столицы Грузии, II объединенная научная сессия Азербайджанского, Ереванского и Тбилисского университетов, 10-14 октября 1958 (Тезисы), стр. 103 (на русском яз.);

крелидзе, Г. И. Мачавариани и др. Так в чем же дело? Почему же П. М. Мурадян не оспаривает грузинского происхождения топонимов Акуриси и Араниси, но, не щадя сил, всеми правдами и неправдами старается доказать армянское происхождение названия столицы Грузии? Уж не потому ли, что Акуриси и Араниси названия незначительных пунктов, тогда как значимость для истории народа г. Тбилиси (и кстати, близлежащих Болниси, Крцаниси, Дманиси, названия которых П. М. Мурадян также считает армянскими) сама собой ясна. Но как же быть с древнейшими культурными центрами Западной Грузии – Кутаиси, Поты, Шоропани...? Неужели они носили грузинские названия? Объявлять их тоже армянскими постеснялся даже П. М. Мурадян, но нашелся другой выход – они объявлены греческими! Трудно обвинять научного работника в такой непростительной предвзятости но, к сожалению, труднее указать на иное объяснение действий П. М. Мурадяна.

Тому, кто знаком с трудами П. М. Мурадяна по проблематике армянской и грузинской филологии и истории, трудно отделаться от впечатления, что автор главной своей целью ставит доказать армянское происхождение как известных исторических деятелей Грузии (напр., Григория Бакурианидзе – «Григория сына Бакуриани»), так и известных памятников архитектуры и материальной культуры этой страны (вспомним печально известную историю в связи с монастырем Джвари). Теперь к этому прибавилась попытка объявить негрузинскими названия почти всех древнейших грузинских городов. Отсутствие научной аргументации автора не смущает.

Вызывает сожаление, что труд П. М. Мурадяна опубликован в таком авторитетном органе, как Вестник общественных наук АН Армянской ССР.

А. Г. Шанидзе, К названию столицы Грузии, в сборнике «Тбилиси – 1500», Тбилиси, 1958, стр. 19-22 (на груз. яз.).

Георгий Чейшвили

**«Армянское нагорье» и некоторые вопросы
грузино-армянских отношений в публикации
Роберта Хьюсона «Армения: исторический атлас»**

Развитие кавказоведения и, в частности – арменистики на Западе поставило под сомнение незыблемость многих положений, признанных до этого неоспоримыми в советской и пост-советской армянской историографии. Западная ревизия затронула вопросы, касающиеся как интерпретации фактов, так и приемов и способов самой интерпретации. Подход зарубежных коллег к исследованию различных проблем исторической географии, равно как и их рекомендации, можно сформулировать следующим образом: выводы должны быть основаны только на неподдельных фактах и, непременно, – свободны от любых проявлений пристрастности националистического характера и клише марксистского толка.

Из историко-географических исследований, изданных за последнее время, следует особо отметить публикацию известного специалиста по исторической географии Армении Роберта Хьюсона «Армения: исторический атлас»¹. Упомянутое издание изначально было признано этапным событием в развитии арменистики и, в общей сложности, кавказоведения².

Основой «Атласа», содержащего 287 отдельных карт, послужили обширная источниковедческая база и богатая научная ли-

¹ Robert H. Newsen, Armenia: A Historical Atlas, The University of Chicago Press, Chicago and London, 2001.

² С. Toumanoff, Forward, in: Robert H. Newsen, Armenia: A Historical

тература, посвященная исторической географии Армении и сопредельных ей стран. Результатом проделанной работы, по словам самого автора, является наиболее серьезное исследование исторической географии Армении³.

Помимо научного значения, «Исторический атлас» имеет и морально-политическую нагрузку: согласно концепции Р. Хьюсона, он должен быть в равной степени понятным и полезным изданием не только для армянской диаспоры, но, в первую очередь, для всего армянского народа, ступившего на путь возрождения независимой государственности⁴. Рассматривая историю Армении в региональном контексте, демонстрируя взаимосвязь прошлого с настоящим, с неоднократным привлечением параллелей из истории и современности, автор как-бы содействует армянскому народу заново осмыслить прошлое и с учетом исторического опыта определить свое место в современном мире, сделать правильный выбор в наступившем столетии⁵.

«Свободная, независимая и единая Армения – пишет Р. Хьюсон, – не в состоянии решить ни одну из проблем современного мира, с которыми в будущем, по всей вероятности, она столкнется; не говоря уже о таких локальных проблемах, как азербайджанская угроза, пограничный спор с Грузией или отношения с турками и курдами...»⁶. Наглядным уроком избавления от националистического подхода к различным проблемам можно считать карту эпохи Тиграна Великого [Map №20: The Empire of Tigranes the Great, 95-66 BC]. В противовес армянским историографическим и картографическим традициям, Р. Хьюсон намеренно посвящает упомянутой выше эпохе всего лишь небольшую карту, объяснив это следующим образом: «Не следует превозносить армянского завоевателя, который обращался с покоренным народом точно так же, ... как в после-

Atlas, p. xi.

³ R. Newsen, Armenia ... p. 1.

⁴ Там же, с. 1, 13.

⁵ Там же, с. 8, 289.

⁶ Там же, с. 289.

дующие времена обращались с армянским народом другие завоеватели, и которых так строго за это критикуют армянские ученые»⁷.

Одним из достоинств «Атласа», безусловно, является попытка автора, установить историческую истину путем сопоставления противоположных взглядов, господствующих в армянской, грузинской, азербайджанской и турецкой историографии. При этом американский ученый подчеркивает, что зарубежным историкам чуждо намеренное искажение фактов и реконструируют историко-географическую обстановку, опираясь только на первоисточники. Именно поэтому Р. Хьюсон считает нужным отметить, что «Армения: исторический атлас» представляет собой американский атлас, где каждый отдельно взятый вывод опирается на традиции и законы западной науки⁸.

Несмотря на подобные заявления, в некоторых случаях позиция Р. Хьюсона не лишена тенденциозности, не подкреплена указанием достоверных источников и т.д. Причиной его непоследовательных и противоречивых заключений, по нашему мнению, является дефиниция термина «Армянское нагорье».

Этот технический термин был введен в научный оборот в середине XIX века немецким геологом и путешественником фон Абигом. В естествоведческой литературе бытует весьма широкое определение Армянского нагорья: «На севере Армянского нагорья простираются дугообразные системы восточных Понтидов, на юге – Армянского Тавра, на северо-востоке – Малого Кавказа. Западной границей Армянского нагорья является ... та область, где отдельные члены Понтийской и Таврской системы сближаются, образуя узкую перетяжку... Юго-восточная граница Армянского нагорья может быть проведена по водораздельным возвышенностям Курдистанских гор...»⁹. Данная дефиниция, на наш взгляд, навеяна историческими реминисценциями. Еще в конце

⁷ Там же, с. 2.

⁸ Там же, с. 6.

⁹ С. П. Бальян, Структурная геоморфология Армянского нагорья и окаймляющих областей, Ер., 1969, с. 14.

XIX столетия. специалисты ставили ее правомерность под сомнение: к примеру, П. Хелмицкий считал ошибочным включение Месхети (бассейн р. Чорохи и верховье р. Куры) в границы Армянского нагорья, т. к. они относятся к совершенно разным географическим системам¹⁰. Критические замечания раздавались и среди историков. «Схоластика зачастую видит Армению там, где географические термины не оправдывались более бывшим этническим содержанием» – писал Н.Г. Адонц¹¹.

В виду того, что термин «Армянское нагорье» иногда имеет политическую подоплеку, специалисты предпочтение отдают терминам «Восточная Анатолия», «Переднеазиатское нагорье», «Иранское нагорье». «Армянское нагорье» нашло широкое применение среди арменоведов. К. Туманов, патриарх американской школы арменистики, весьма осторожно оперировал данным термином. Согласно его концепции, Армянское нагорье и депрессия Кавказского перешейка являются двумя частями кавказского мира. Главными реками Армянского нагорья он называет Аракс, Тигр, и Евфрат, а реками Кавказского перешейка – Риони, Чорохи и Куру¹². Для американского ученого неоспоримо мнение, что западная и центральная части депрессии действительно являются «грузинскими территориями», «с обитающим здесь грузинским населением»¹³. Верхнюю Иберию/Картли или Месхети и Нижнюю Иберию/Картли он также относит к «грузинским территориям», однако тут же уточняет: так как Антикавказ является северным разветвлением Армянского нагорья, где берут начало рр. Кура и Чорохи, то Верхняя Картли, т. е. – наибольшая часть Чорохского ущелья, а также бассейн верхнего и среднего течения

¹⁰ П. Хелмицкий, Карсская Область, 1, Тф., 1892.

¹¹ Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, Ереван, 1971.

¹² С. Toumanoff, Studies in Christian Caucasian History, Georgetown University Press, 1963.

¹³ Там же, с. 437.

р. Куры и в географическом, и в историческом плане являлись грузино-армянскими пограничными территориями¹⁴.

Некоторые американские арменологи Южную Грузию безапелляционно относят к исторической Армении. Наглядным примером могут послужить отрывки из «Истории армянского народа», под редакцией Р. Ованессьяна. На странице 101 данной книги мы узнаем, что с 451 г. персидский шах проводил более гибкую политику по отношению к Армении: он освободил всех узников, в том числе и питахша Аршуша. «В 455 г. бдешх Иберии вернулся в Армению, с ним были племянники Вардана Мамиконяна – пишет Н. Гарсоян¹⁵. Из «Истории» Лазаря Парпеци мы знаем, что Аршуша был «из страны Картли» (II.26), по его просьбе шах освободил малолетних Мамиконидов (III.59), и отправил на воспитание «в страну Картли, при дворе картлийского бдешха Ашуша» (III. 62). Как видим, Н. Гарсоян, вопреки показаниям очевидца, одним росчерком пера «Картли» превратила в «Армению».

Весьма примечательны и рассуждения Р. Ованессьяна по поводу грузино-армянских конфликтов в 1918-1921 гг: «Армяно-грузинские территориальные споры фокусировались на южные провинции Тифлисской губерний. Армяне настойчиво предъявляли исторические, этнографические и географические претензии к Лоре и Ахалкалаки. Эти районы ... были частями Армянского нагорья, преимущественно, с армянским населением... То обстоятельство, что армяне представляли большинство в некоторых районах (т.е. Олтиси, Ардаган, Лоре и Ахалкалаки – Г.Ч.), грузины объясняли гостеприимством грузинского народа, который в течении десятилетия предоставлял кров бежавшим из Османской империи армянам»¹⁶. Грузинское гостеприимство – не легенда, выдуманная

¹⁴ Там же, с. 33, 437-440.

¹⁵ R. Novannisian (ed.), Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. 1. The Dynastic Periods: from Antiquity to the Fourteenth Century, p. 101.

¹⁶ Novannisian (ed.), Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. 2. Foreign Dominion to Statehood: The Fifteenth Century to the Twentieth Century, p. 316-317.

грузинскими деятелями, а реальность, засвидетельствованная армянскими источниками. Об этом речь у нас пойдет ниже. В данный момент нам интересен сам факт обоснования армянских претензий путем причисления южногрузинских провинции к Армянскому нагорью. Можно сказать, что в «Истории армянского народа» Армянское нагорье выступает синонимом «исторической Армении». Этой мысли придерживается и Р. Хьюсон, автор историко-географического очерка «Истории»¹⁷. Более пространно концепция Р. Хьюсона представлена в его фундаментальном труде «Армения: исторический атлас».

Армянское нагорье является довольно важным концептом в «Атласе» и, фактически, оно нередко применяется в качестве синонима Армении в целом. Согласно мнению Р. Хьюсона, Армянское нагорье сыграло объединяющую роль в истории армянского народа и определило контуры армянского государства¹⁸; при этом, его местоположение и окружающая обстановка предопределили судьбу армянского народа¹⁹. В рассматриваемом нами «Атласе» Армянское нагорье трактуется в широком смысле. Р. Хьюсон относит к территории Армянского нагорья и определенную часть исторической и современной Грузии, в том числе бассейн р. Чорохи и верховье р. Куры²⁰. Касательно Нижней Картли автор сообщает следующее: «С севера Армения орошается впадающими в Куру малыми реками: Ахгет или Соленая река (груз. Алгети), Кциа или Храм (груз. Храми), Цоба (груз. Шулавери), Дзорагет (груз. Дебеда), Кохба (русс. Инджа), Ахстев (русс. Агстафа), Тавуш (русс. Тауз-чай), Дзегам/Закам (русс. Дзегам-чай)...»²¹. В предлагаемой выдержке Р. Хьюсон повторяет неоднократно применяемую этимологию р. Алгети, противоречащую

¹⁷ Novannisian (ed.), *Armenian People ...* Vol. 1, pp. 1-17, and map 1: Armenia in its historical setting.

¹⁸ R. H. Newsen, *Armenia...*, p. 7.

¹⁹ Там же, с. 15.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 17.

закономерности армянского языка²². Более того, в числе главных рек Армении упомянуты рр. Кура и Чорохи, с указанием соответствующих названий на греческом, латинском и турецком языках²³, при этом, по непонятной причине автор «забыл» указать грузинские формы перечисленных им гидронимов. Тем более это кажется странным, что гидроним «Чорохи» почти неизвестен армянским авторам: в большинстве случаев они употребляют названия «Йох», «Акамсис», или «Какамар», сообщая при этом, что эти названия позаимствованы у мегрел-чанов²⁴. Подобная «забывчивость», наряду с объявлением турецких форм гидронимов – Тауз-чай, Дзегам-чай и т. д. русскими, наглядный показатель не только научного, но и политического кредо Р. Хьюсона.

Несмотря на то, что дефиниция Армении в широком смысле простирается уже в самом начале «Атласа», до определенного этапа Р. Хьюсоном факты излагаются беспристрастно, т. к. он предпочитает снискать славу в роли нейтрального арбитра: неоднократно указывает, что Тао – грузино-армянское княжество, Джавахети – грузинская земля, царство Квирикидов образовалось на отторженных от Иберии территориях, а Ишхани, Бана, Ошки, Хахули, Петрицони, Атенский Сион – памятники грузинской культуры и т. п.²⁵ И только приступая к событиям XIX века, американский ученый подчеркнуто заявляет, что южные границы Грузии охватывали армянскую территорию.

По утверждению Р. Хьюсона, российская экспансия в Армении берет свое начало с момента аннексии Восточной Грузии (Картли-Кахетинского царства), т. к. крайние южные провинции

²² Д. Мухелишвили, Б. Арвеладзе. «Истина вечна...», Литературная Грузия, 10, 1988, с. 143, 151.

²³ R. H. Newsen, Armenia..., p. 17.

²⁴ R. Newsen (ed.), The Geography of Ananias Sirak (Asxarhac'oyc'), The Long and Short Recensions, Wiesbaden, 1992, p. 65.

²⁵ Подробней об этом см. Г. Г. Чейшвили, Новые карты и старые разногласия. Рецензия на книгу Роберта Хьюсона «Армения: исторический атлас»// Шота Месхиа – 90. Юбилейный сборник, Тб., 2006, сс. 482-503 (на груз. яз.).

упомянутого грузинского царства охватывали и часть Армянского нагорья²⁶. В данном случае, возможно, речь идет о Шурагельском крае, который на одной из карт «Атласа» действительно отмечен в пределах Картли-Кахетинского царства [Map # 152: The Russian Expansion into Caucasia, 1774-1878]. В связи с этим Р. Хьюсон пишет: «С завоеванием Шурагель и Карабаха Россия вступила на территорию Армянского нагорья»²⁷.

Упомянутая армянская провинция была присоединена к Грузии Ираклием II (1744-1798) в 80-ых гг. XVIII в.²⁸ Ежегодно шурагельцы выплачивали в казну 100-200 туманов²⁹. После аннексии Картли-Кахетинского царство Шурагель, подобно другим восточно-грузинским провинциям, российскими властями был обложен *сурсати* – государственным хлебным налогом: «Татары и армяне, проживающие в Шурагель, обязаны поставлять 1500 коди (2 пуда с четвертью – Г. Ч.)» – говорится в документе от 3 октября 1802 года³⁰.

Концепция Р. Хьюсона, на первый взгляд, как бы полностью согласована с грузинскими источниками, если б не одна деталь: завоевание Шурагел Россией автор датирует 1805 г.³¹ Мы могли бы поспорить относительно достоверности подобной датировки, но на этот раз нас заинтересовало другое: согласно «Атласу», к 1801 г. Шурагель не входит в состав Картли-Кахетинского царства и, следовательно, под армянской территорией, аннексию которой Р. Хьюсон увязывает с завоеванием Восточной Грузии, подразумевается нечто другое.

²⁶ R. Newsen, Armenia..., p. 213.

²⁷ Там же, с. 169.

²⁸ Оман Херхеулидзе, Царствование Ираклия Второго. Подготовка текста, исследование, словарь и указатели Л.В. Микиашвили, Тб., 1989, сс. 70, 94 (на груз. яз.).

²⁹ Ш.А. Хантадзе, Государственная хлебная подать (сурсати) в Картли-Кахети в начале XIX в., МИГК, 32, 1955, с. 155 (на груз. яз.).

³⁰ Там же, с. 164.

³¹ R. Newsen. Armenia..., p. 169.

Примечательно, что подтверждаемая историческими источниками реальность значительным образом отличается от утверждений Р. Хьюсона. На первых порах сами российские власти не оспаривали, что Лорийские земли были частью присоединенного ими в 1801 г. «царства Грузинского» (или «Грузии») и что это был такой же грузинский округ, как Тбилиси, Душети, Телави, Гори, Сигнахи; именно поэтому наряду с российскими чиновниками в Лоре правили и грузины – судебные заседатели, есаулы (судебные приставы), казначеи и полицмейстеры³². Российские власти были прекрасно осведомлены о том, что в Грузии, помимо коренных жителей («Грузинский народ»), проживали и «иноплеменные народы, в Грузии обитающие», в частности – «обитающие в Грузии татары Казахские, Борчалинские и Памбакские», а также «вновь вышедшие из Карабага армяне»³³. Заслуживает внимания сообщение, что армянские жители были выходцами из Карабаха и к моменту российской аннексии история их оседлости на грузинской земле насчитывала всего несколько лет. Действительно, после разрушительного нашествия персидского шаха Ага-Магомет-Хана Ираклий II удовлетворил просьбу армянских меликов Меджлума и Абова и разрешил карабахским армянам поселиться в Нижней Картли, в том числе и в Лоре³⁴.

Для решения демографических проблем в XVI-XVIII вв. центральные власти Грузии сами способствовали переселению не только армян, но и северокавказских племен, кочевых народов или греческих беженцев³⁵. Более того, в XVIII в. в Грузии разрабатывались проекты для урегулирования иммиграционных процессов³⁶. Лоре-Ташири была грузинской провинцией несмотря

³² Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией, Том 1. Тифлис, 1866, № 64. Постановление внутреннего в Грузии управления, Высочайше утвержденное в 12-й день сентября 1801 года, в Москве.

³³ Там же.

³⁴ Там же, с. 113, 134; И. А. Джавахишвили, Границы Грузии, в кн. Исторические раритеты, Тб., 1989, сс. 38-39 (на груз. яз.).

³⁵ Н. Бердзенишвили, Вопросы истории Грузии, I, Тб., 1964, 238 (на груз. яз.).

³⁶ Г.Я. Майсурадзе, Вопросы истории армянского населения Грузии (IV-

на то, что большую часть ее населения составляли тюркские кочевые племена (т. н. эли – Г. Ч.) и недавно переселившиеся армяне: политически она числилась в составе Картли-Кахетинского царства, на ее территории распространялась грузинская административная и правовая власть и грузинское землевладение; местное население исправно выплачивало государственные налоги, жители несли службу в царских войсках и исполняли другие повинности. Немаловажно и то, что армянская Церковь в Квемо Картли (Ахпатское епископство) подчинялась грузинскому праву и крепостническому порядку³⁷.

Относительно этнического состава населения Лоре-Таширской провинции, а также – проходившегося здесь процесса интеграции грузинского и негрузинского населения, интересные данные сохранились в «Атласе» Царевича Вахушти и «Описании Картли и Кахети» Царевича Иоанна³⁸. Наряду с топонимами чисто-грузинского типа – «Цкароссопели», «Насоплари», «Чалиссопели», «Мцхнети» и т. д. – привлекают внимание названия с татарскими или армянскими корнями, к которым прилагается грузинское окончание «сопели» (село, деревня – Г. Ч.): «Дерзиоглыссопели», «Саакассопели», «Суллейманиссопели», «Акопассопели» и т. д. Подобного рода топонимы наглядно свидетельствуют о попытках включения негрузинского элемента в грузинское этнокультурное и правовое пространство.

Акультурация армянского населения имела довольно глубокие корни – для гражданского общения Лорийские мелики пользовались грузинским языком³⁹; на грузинском языке вели

XVIII вв.), Тб., 1999, с. 111 (на груз. яз.).

³⁷ Вахушти Багратиони, География Грузии, Тб., 1997, с. 37 (на груз. яз.); Судебник Царевича Давида. Издание текста и исследование Д.Л. Пурцеладзе, Тб., 1964, с. 170 (на груз. яз.).

³⁸ Вахушти Багратиони, Атлас Грузии, Тб., 1997, сс. 34-41 (на груз. яз.); Иоанн Багратиони, Описание Картли и Кахети. Подготовка текста, исследование и указатели Т. Енукидзе и Г. Бедошвили, Тб., 1986, сс. 54-55, 58-59 (на груз. яз.).

³⁹ Яков Рейнегс, Путешествие по Грузии. Перевод с немецкого, предисловие и указатели Г. Гелашвили, Тб., 2002, с. 284 (на груз. яз.).

переговоры и заключали сделки лорийские купцы – выходцы из армян⁴⁰; при царском дворе или во время приема почетных гостей знанием грузинского языка похвалялись армянские вардапеты⁴¹. Да и фамилии Лорийские армяне оформляли на грузинский лад: Аргуташвили, Тернакашвили, Саркисашвили, Автандилашвили, Маркарашвили и т.п.

Сами армяне прекрасно осознавали, что они проживали на грузинской земле. В одном персидском фирмане от 7 июля - 9 августа 1709 г. говорится, что по утверждению членов общины Аркутлу, которое объединяло десять Лорийских сел и проживающих там пятьдесят семь армянских дымов, они с давних пор проживали в «Картлийской Грузии»⁴². Из «Истории» Товма Мецопеци известно, что в 30-ые годы XV века царь Грузии Александр I вручил своему подданному, Бешкелу Орбеляну, князю Сюникскому, крепость Лоре, благодаря чему многие армяне нашли убежище в Квемо Картли⁴³. Некоторые из них горько сетовали, что из-за магометянского ига жить им приходится вдали от родины, «на чужбине, в Грузии, ... в области Лоре»⁴⁴.

Весьма примечательно, что армянские деятели – современники Ираклия II – также считали Бамбаки и Лоре-Ташири грузин-

⁴⁰ Документы по социальной истории Грузии, I. Крепостнические отношения XV-XVIII вв. Под редакцией Н. Бердзенишвили, Тб., 1940 (на груз. яз.).

⁴¹ Иоанэ Батонишвили, Поучение в шутках (Калмасоба), т. I. Под редакцией А. Барамидзе, Тб., 1990, с. 490 (на груз. яз.).

⁴² Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии, I/3. Издал В.С. Путуридзе, Тб., 1965, сс. 41-42 (на груз. яз.).

⁴³ Товма Мецопеци, История Тимур-Ланга и его преемников. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии К.К. Куция. Тб., 1987, с. 75 (на груз. яз.).

⁴⁴ Сведения памятных записей (иштараканов) армянских рукописей XIV-XV вв. о Грузии. Перевод с древнеармянского, предисловие, комментарии и примечания А.П. Абдаладзе. Тб., 1978, сс. 53-54 (на груз. яз.).

скими провинциями. К примеру, Артем Айраратский, путешествуя в этих краях к концу 90-ых гг. XVIII века, сообщает что Бамбакадзор – провинция Грузии, где проживают грузины⁴⁵. Довольно хорошо осведомленный в делах Кавказа Симеон Ереванци также считает, что Бамбаки и Ташири грузинские провинции не только в силу современной ему политической обстановки⁴⁶, но и с исторической точки зрения. Повествуя историю образования Лоре-Таширского царства, армянский католикос пишет: «Этот шахиншах Смбат, прозванный также и Завоевателем, в 335 (886) году поставил царем *Грузии* своего брата Георгия. С этого времени и начинается *царство грузинское* (курсив наш – Г. Ч.)»⁴⁷. Сведения Симеона Ереванци вторят данным средневековой армянской историографии, в частности, сообщению Мхитара Айриванца, что Квирикиды царствовали над грузинами в грузинском государстве⁴⁸. Данные других армянских авторов (Мовсес Хоренаци, Ованнес Драсханакертци, Ухтанес, Асохик) также подтверждают, что даже в условиях владычества армян и армянской этнокультурной экспансии, армянская общественность воспринимала Нижнюю Картли (Гогарена-Гугарк древнегреческих и древнеармянских источников) как грузинскую провинцию⁴⁹, и только

⁴⁵ Жизнь Артемия Араратского. Издание подготовил К. Н. Григорян при участии Р.Р. Орбели, Л., 1980, с. 88.

⁴⁶ Л.В. Гигаури, Грузия в «Памятной книге» Симеона Ереванци, Тб., 1997, сс. 140, 150, 152 (на груз. яз.); Симеон Ереванци. Джамбр. Памятная книга, зеркало и сборник всех обстоятельств Святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей. Изд. Восточной литературы. М. 1958, с. 118-119.

⁴⁷ Симеон Ереванци. Джамбр..., с. 82.

⁴⁸ Мхитар Айриванеци, Хронографическая история. Перевод с древнеармянского, предисловие, примечания и указатели Л.С. Давлианидзе-Татишвили, Тб., 1990, с. 74 (на груз. яз.).

⁴⁹ Иоанн Драсханакертский, История Армении. Армянский текст с грузинским переводом, исследованием и указателями издала Е.В. Цагарейшвили, Тб., 1965, с. 38, 64, 81, 109; Всеобщая История Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу, переведена с армянского и объяснена Н. Эминым, М., 1864, с. 107, 109; И. А. Джавахишвили, Границы..., сс. 25-27; Д.К. Бердзенишвили, Очерки из исторической геог-

в XIX веке, когда по решению российских властей этнические армяне из Ирана и Турции были переселены в Грузию, армянское население в Лоре-Ташири обрело преимущество над местными, оказавшись в большинстве⁵⁰. Очевидно, вследствие резкого изменения демографической обстановки в Грузии (которая к тому времени была уже окончательно завоевана Россией), в данной провинции возникло определенное отчуждение, однако экономические связи Лоре-Ташири с остальной территорией Грузии, обусловленные географическим фактором, были настолько крепкими, что старания некоторых российских и армянских кругов по ее отторжению от Грузии (от Тбилисской губернии) потерпели полное поражение⁵¹. Только в 20-ых гг. XX века, оценив «заслуги армянских трудящихся» в деле советизации, а фактически – оккупации Грузии, советское правительство передало Армянской ССР Лорийскую провинцию⁵². К сожалению, эти события полностью проигнорированы со стороны американского ученого.

Отрицательно оценивая территориально-административные реформы, проводимые на Кавказе в 40-ых гг. XIX века, Р. Хьюсон считает, что они служили уничтожению национальной территории Армении⁵³; однако, административные мероприятия российских властей были направлены не только против национальных интересов армян, но в равной, если не большей, мере они были задействованы также и против грузин и азербайджанцев. Поэтому, на наш взгляд, Р. Хьюсон совершенно справедливо прослеживает корни современных конфликтов в произвольном

рафии Грузии, Квемо Кармли, I, Тб., 1979, с. 72 (на груз. яз.).

⁵⁰ И. А. Джавахишвили, Границы..., сс. 39-40; Его же, Докладная записка Правительству ГССР от 2 июля 1925 г., «Литературная Грузия», 23.IX.1988 (на груз. яз.).

⁵¹ И. А. Джавахишвили, Границы..., сс. 42-43.

⁵² См. Л. Тойдзе, Интервенция, оккупация, насильственная советизация и фактическая аннексия, Тб., 1991 (на груз. яз.).

⁵³ R. Newsen, Armenia..., p. 173.

перекраивании карты Кавказа⁵⁴. Однако, в его суждениях акценты расставлены неверно: в качестве наглядного примера он рассматривает отторжение Лорийского уезда от Ереванской губернии в 1862 г. и его присоединение к Тбилисской губернии⁵⁵, но умалчивает о том, что в 1849 г. Лоре и Бамбаки были отторжены от Восточной Грузии и включены в состав Ереванской губернии.

Более чем категоричны претензии Р. Хьюсона относительно Джавахети: с нескрываемым недовольством он сообщает, что в 1849 г. Карабах и Ахалкалаки остались за пределами Ереванской губернии⁵⁶. С учетом нынешней, довольно сложной конфликтной ситуации, упоминание в одном контексте Джавахети и Карабаха больше походит на предъявление территориальных претензий.

Резкое изменение демографической картины в Самцхе-Джавахети в XIX веке послужило для Р. Хьюсона веским основанием, для объявления Южной Грузии армянской территорией, хотя ему хорошо известно, что в результате русско-турецких войн произошло массовое переселение турецких армян в разные провинции Грузии (Лоре, Артвини, Ахалцихе, Ахалкалаки)⁵⁷. Вследствие этого, как пишет Р. Хьюсон, Джавахети превратилась в спорную территорию между грузинами и армянами, и этот спор длится по сей день⁵⁸.

К сожалению, в «Атласе» нет ни слова о том, что независимо от внушительных этнических перемен, Джавахети и в географическом, и в экономическом плане оставалась частью Грузии. Наглядным примером тому служат статистические данные 10-ых гг. XX в., исчисляющие вывоз пшеницы и других зерновых культур из Ахалцихского и Ахалкалакского уездов в разные регионы Грузии и Закавказья. Выясняется, что в 1910-1914

⁵⁴ Там же

⁵⁵ Там же

⁵⁶ Там же

⁵⁷ Там же, pp. 214-215.

⁵⁸ Там же

гг. основными потребителями урожая (92%-99%) были жители Тифлисской и Кутаисской губернии, и лишь незначительная часть вывозилось в Ереван, Карс, Баку и другие области Закавказского края⁵⁹.

Это не единственный случай, когда разные части Месхети объявляются армянскими территориями, находившимися под управлением армянской администрации. К примеру, в одном случае Р. Хьюсон сообщает, что по решению Батумской конференции в 1918 г. Закавказье в пользу Турции лишилось 19% своих территорий, $\frac{3}{4}$ часть которых была захвачена от армянских провинций – Карсской и Ереванской⁶⁰. Как известно, в результате турецкой оккупации Грузия потеряла почти всю провинцию Месхети; следовательно, утверждать, что территориальные потери Армении трижды превышали этот показатель (по земельной площади) – явное преувеличение. Представление подобных пропорций допустимо только в том случае, если к армянским провинциям будут причислены округа – Ардаганский и Олтисский. Однако, принимая к сведению официальные российские статистические данные, для этого нет никаких оснований.

Если внимательно присмотреться к официальным данным переписи 1862 года⁶¹, увидим, что армянское население, как правило, сконцентрировано в административных центрах (особенно – в Олтиси и Артвини), а количество армян, проживающих в округах, крайне незначительно:

Административный центр/край	грузины	армяне	турки	другие
Артвини	0.19%	76.4%	23.41%	0.004%
Артвинский округ	38.7%	6.2%	54.11%	0.98%
Артаани	–	18%	52%	30%

⁵⁹ И. А. Джавахишвили, Границы..., сс. 51-54.

⁶⁰ R. Hewsen, Armenia..., p. 230.

⁶¹ Свод статистических данных о населении Закавказского Края, извлеченных из посемейных списков 1886 г., Тф., 1893.

Артаанский округ	–	0.28%	46.54%	53.18%
Олтиси	–	68%	29%	3%
Олтисский округ	–	6.85%	60.83%	32.32%

Судя по приведенным данным, количество грузинских жителей в указанных провинциях более чем незначительно, т. к. в ходе переписи российские чиновники всех грузин-мусульман регистрировали как турков. Записи Е. Такайшвили свидетельствуют, что в начале прошлого века в провинции Олтиси в подавляющем большинстве проживали грузины-мусульмане⁶², «и хотя они в основном успели позабыть грузинский язык, но в некоторых селениях ... престарелые люди иногда понимали родную речь; однако, почти все осознавали, что по происхождению они грузины»⁶³.

После завершения русско-турецкой войны 1877-1878 гг., около 37 000 грузин-мусульман из Олтиси, Артвини и Поцхови переселились в Турцию, а их место заняли греки и армяне, покинувшие Османскую империю⁶⁴. Подобного рода политические и демографические изменения разрушительным образом повлияли и на памятники грузинской культуры: «Греки и армяне обращались с древними грузинскими церквями крайне небрежно: некоторые из них они перестроили на свой лад, а некоторые – полностью разрушили и на том же месте, из тех же камней, построили новые церкви. Представители мусульманского населения также разрушали церкви, а оставшиеся камни употребляли для строительства своих домов и джаме» – писал Е. Такайшвили, побывавший в этих местах в 1907 г.⁶⁵

Безосновательность заключений Р. Хьюсона подтверждается заявлением известного армянского деятеля А. Шахатуняна

⁶² Е. Такайшвили, Археологическая экспедиция 1907-го года в Кола-Олтиси и село Чангли. Тб., 1991, с. 313 (на груз. яз.).

⁶³ Там же, с. 314.

⁶⁴ Там же, с. 305.

⁶⁵ Там же.

по поводу того, что к 1918 году Олтисский край не входил в интересы армян, т. к. армянское население в этих местах оставалось в незначительном меньшинстве⁶⁶.

Географическая среда влияла не только на судьбу армянского народа. Она сыграла огромную роль и в истории Грузии, определив ее быт, культуру и экономику. Четко были выделены и границы Грузии: на севере – Главный Кавказский хребет, на юге – водораздельные хребты между Курой и Араксом, Чорохи и Араксом, Чорохи и Евфратом, на западе – Черное море, а на востоке – рр. Иори и Алазани. Охватывая бассейны рек Куры, Иори и Чорохи, Грузия представляла единое целое, где разнородные географические и экономические зоны были тесно взаимосвязаны друг с другом. Пути сообщения лежали, в основном, вдоль рек. Главные магистрали функционировали круглогодично, обеспечивая непрерывные связи между центром и периферией. Примечательно, что зимой и весной пограничные области Грузии, в частности, Лоре-Ташири и Джавахети, были отрезаны от Армении, а летом торговые связи были минимальными. Поэтому, вплоть до начала XX века, экономическая и политическая экспансия армян была обречена.⁶⁷

Один армянский советский партийный работник как-то сказал: «При нападении любого врага армянин ищет убежище в Тбилиси»⁶⁸. Действительно, на протяжении веков Грузия не раз оказывала помощь притесненному армянскому народу, освобождая от мусульманского ига и предоставляя им и дом и кров⁶⁹.

⁶⁶ А. Шахатунян, Административный передел Закавказского края, Тф., 1918. Цитируется по указ. соч. И. Джавахишвили.

⁶⁷ См. И. Джавахишвили, Границы...; Его же, Экономическая история Грузии, т. I-II, Тб., 1930-1944 (на груз. яз.); Н.А. Бердзенишвили, Дороги Грузии эпохи Руставели, Тб., 1966 (на груз. яз.); Д.Л. Мухелишвили, Основные вопросы исторической географии Грузии, т. I-II, Тб., 1977-1980 (на груз. языке).

⁶⁸ Г. Читая, Моя жизнь, Тб., 1991, с. 74.

⁶⁹ Л. Давлианидзе, Сведения Мате Урхайеци о Давиде Строителе, в кн.: Грузия в эпоху Руставели, сс. 247-248 (на груз. яз.); Древнегрузинские

Ишатаракан 1437 года гласит: «Нахожусь в полном отчаянии из-за жестокости суровых времен и многократного разорения и опустошения родины армян... Разрушили и сравнили с землей ангельский наследственный престол апостола нашего св. Евстафия, спалили наши дома, захватили наше имущество. Члены нашей братии сбежали и рассеялись по всей земле грузинской и... обосновались в этом св. Монастыре Санаин»⁷⁰. Подобные возгласы облегчения сохранились на страницах многих армянских письменных источников. В Грузии обретали надежное убежище не только христиане, но и мусульмане. По свидетельству Артема Айратского, во время нашествия Ага-Магомет-Хана в сторону Восточной Грузии двинулись «жители областей Карабагской, Ериванской, Нахичеванской и других мест, христиане и магометяне, ... избегая разорений, сопряженных с насилиями разного рода... уклонились со всем имуществом и скотом в пределы Грузии, надеясь иметь там пристанище...»⁷¹.

Армяне, впрочем, как и грузины, с удивительной стойкостью терпели историческое злосчастье. В этой связи Уильям Сароян писал: «Хотелось бы знать силу, которая могла бы уничтожить эту нацию, это малое племя незначительного народа... Попробуйте, и убедитесь в обратном. Можно забросить армян в пустыню, без хлеба и воды, предать огню их дома и церкви, но они и впредь будут смеяться, распевать песни и молиться Богу. Стоит двум армянам встретиться друг с другом в любой точке земного шара, и там непременно возникнет Новая Армения». Этими же словами завершется рассматриваемая нами исследование Р. Хьюсона⁷². Американский писатель воспекает творческий гений и духовную стойкость армянского народа, американский

переводы «Истории Орбелянов» Стефаноса Орбеляна. Грузино-армянские тексты подготовила к изданию, предисловием и указателем снабдила Е.В. Цагарейшвили, Тб., 1978, с. 127.

⁷⁰ Сведения памятных записей (ишатараканов) ..., с. 51.

⁷¹ Жизнь Артемия Араратского, с. 89.

⁷² R. Newsen. Armenia..., p. 289.

же историк как-бы вознамерился объявить собственностью армянского государства все территории, где когда-либо ступала нога армянина.

У каждой нации имеется собственная историческая истина, главное же заключается в том, чтобы ученые воздерживались от соблазна, стремиться к этой истине путем фальсификаций. Публикация подобных атласов и конструктивная научная критика, безусловно, только способствует сближению различных позиций и дальнейшему развитию исследования исторической географии Кавказа.

Перевод: Л. Микиашвили

Нодар Ломоури

История нас учит и предостерегает

На днях грузинские СМИ оповестили нашу общественность, что президент Армении Серже Саргсян обратился к правительству Грузии с предложением осуществления ряда мероприятий, которые, по его мнению, будут содействовать упрочению дружбы и обоюдного доверия наших народов. Не может быть никакого сомнения в абсолютной правильности этой цели, её благородстве и достоинстве. Вряд ли можно найти среди здравомыслящей части и грузинского и армянского народов людей, не поддерживающих стремление господина президента Армении.

Предложения господина С.Саргсяна весьма приемлемы и лично для меня, поскольку моя бабушка по отцовской линии (супруга грузинского писателя Нико Ломоури) была армянкой, по фамилии Худадова. Представители этой фамилии известны в Тбилиси, где есть улица имени брата моей бабушки – Николая Худадова, основанная им фтизиатрическая клиника, окруженная т.н. «Худадовским лесом». С потомками этого Худадова я по сей день поддерживаю родственные отношения. Так что я полностью поддерживаю стремление господина президента не только как «здравомыслящий грузин».

Каковы же конкретные предложения, с которыми господин С.Саргсян обращается к грузинскому правительству? По его мнению, это: 1. Предоставление армянскому языку регионального

статуса; 2.Регистрация Патриархии Армянской апостольской Церкви; 3.Защита армянских памятников в Грузии.

И вот тут возникают определенные затруднения, всплывают проблемы, решение которых не так-то просто, а в некоторых случаях даже невозможно.

Что касается регистрации Патриархии Армянской Церкви, я считаю, что это предложение вполне закономерно. Конечно, проживающие в Грузии армяне, так же как и представители других национальностей, имеют полное право свободного вероисповедания, неприкосновенности их Церкви, уважения к ней и её собственного управления. Я просто не в курсе, как надо осуществить регистрацию Патриархии Армянской апостольской Церкви. Думаю, что в это дело необходимо включить и Грузинскую Патриархию и найти и соответствующие правовые и церковные законы осуществления этого предложения.

Другое предложение господина президента, относительно защиты армянских памятников в Грузии, так же совершенно приемлемо и, вроде бы, не вызывает сомнений. Более того, я несколько удивлен тем, что это предложение вообще фигурирует в обращении господина С.Саргсяна. О каких армянских памятниках, нуждающихся в защите, идет речь? Не представляю себе, чтобы эта проблема вообще имела в Грузии. Если реально существует необходимость защиты какого-либо армянского памятника, этот вопрос, конечно же, следует незамедлительно решить. Я знаю единственный случай, когда в 30-х годах прошлого века было упразднено Ходжеванское кладбище и соименная армянская церковь в Тбилиси при реконструкции города, но ответственность за тогдашние деяния сегодня вряд ли можно на кого-либо возлагать. Но!... Вот здесь мы сталкиваемся с весьма сложным и малоприятным вопросом: что подразумевается под «армянскими памятниками»? Кто решает, данный конкретный памятник армянский или грузинский. Так, например, мне хотелось бы спросить у уважаемого С.Саргсяна, кому принадлежат Крестовый монастырь у Мцхета («Джвари»), или церковь Сиони в се-

ле Атени? Ведь довольно известные армянские ученые (не хочу сегодня называть их фамилии) совершенно необоснованно объявили их армянскими архитектурными памятниками! Или Кафедральный собор в с. Кумурдо, расположенный в 12 км юго-западнее Ахалкалаки... Чьим памятником он является? Много лет тому назад, когда я участвовал в туристической поездке в Джавахети и в Кумурдо, у нас произошла довольно неприятная стычка с местным армянским населением, представители которого утверждали, что это – армянская церковь, и сохранившиеся на ней надписи – армянские! А когда мы прочли эти древнегрузинские надписи по-грузински, от агрессивности этих армянских друзей нас пришлось спасать милиции. Я привел эти конкретные примеры, а то ведь стремление армянских ученых и поддерживающих их некоторых лжеспециалистов (таких, как например, Н. Токарский) объявить подавляющее большинство несомненно грузинских памятников Южной Грузии (бывшее Тао-Кларджети), таких, как Ошки, Хахули, Тбети и другие армянскими, общеизвестно!

Таким образом, призывая к дружбе и укреплению доверия между нашими народами, уважаемый господин президент, предварительно прошу направить на путь истинный ваших ученых и запретить им посягательства на наши исторические области, такие как Тао-Кларджети и Джавахети, на расположенные здесь памятники, на объявление армянским царского рода Багратионов, фамилии Бакурианидзе или даже Шота Руставели.

И вот мы подошли к самой сложной и острой теме – о предоставлении армянскому языку регионального статуса. Тут уж, конечно же, ни я, ни любой здравомыслящий грузин не может согласиться с господином С.Саргсяном. Мы понимаем, что речь идет о такой области Грузии, каким является Ахалцихе – Ахалкалакский регион (древняя Джавахети), где большинство населения сегодня армянское. Но, помилуй Бог, на каком основании нужно, вопреки конституции Грузии, вводить в этой исконной грузинской области региональный армянский язык. В свое время,

когда 180 лет тому назад, когда русский генерал Паскевич переселил сюда около 30 тысяч армян из Турции, где они подвергались гонениям и погромам, они не сочли нужным освоить язык, религию, обычаи страны, их приютившей. А теперь, воспользовавшись тем, что Россия осуществила агрессию против нашего государства и оккупировала наши исконные земли, вы хотите способствовать утверждению сепаратизма еще в одной нашей области?!

Я хочу напомнить вам, господин президент, что за последние столетия Грузия никогда не проявляла агрессии по отношению Армении, а вот Армения не гнушалась подобными действиями. Вспомним 1918 г., когда независимой Грузинской Республике пришлось отстаивать свои границы от посягательств не только в Джавахети, но даже в Тбилиси и Гори! Есть, к сожалению, много чего неприятного вспомнить и от некоторых проживающих на нашей территории армян. Взять хотя бы, к примеру, действия батальона Баграмяна» в Абхазии в 1992-1993 годах.

Я хочу, чтобы меня правильно поняли: напоминая о прошлых действиях – и армянских ученых, и общественности и правительства – я отнюдь не призываю к мести или адекватным действиям с нашей стороны, но история учит и предостерегает. А подобное предостережение для нас весьма актуально, поскольку мы имеем подобный пример в лице осетин на нашей земле. В свое время, осетины, «гонимые малоземельем и нищетой» (эти слова известного осетинского ученого А. Абаева), переселившись из высокогорных районов Северного Кавказа в верховья грузинских рек, сегодня объявляют себя хозяевами этой древнегрузинской земли – Шида Картли. Мы, конечно, глубоко благодарны руководству Армении и лично господину президенту за их принципиальную поддержку единства нашего государства, но теперь появилась опасность, что взамен может возникнуть требование автономии Джавахети. А мы никак не можем согласиться с тем, что если не сегодня, так завтра, или послезавтра и наша Джава-

хети вдруг будет объявлена независимой. Та же история нас предостерегает, что такое может случиться!

Свободная Грузия, 2009 г.,
№68-69,

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	3
СИМОН ДЖАНАШИА Об одном примере искажения исторической правды (по поводу книги Н. Токарского «Архитектура древней Армении»).....	9
ИЛЬЯ АБУЛАДЗЕ Замечания по поводу статьи П. М. Мурадяна: «Армянская надпись храма Джвари».....	62
МАРИАМ ЛОРДКИПАНИДЗЕ К вопросу о надписях Храма Джвари в Мцхета.....	92
ДАВИД МУСХЕЛИШВИЛИ, БОНДО АРВЕЛАДЗЕ История требует объективности.....	107
ДАВИД МУСХЕЛИШВИЛИ Из политических взаимоотношений средневековой Армении и Грузии.....	124
РОИН МЕТРЕВЕЛИ, НОДАР ШОШИАШВИЛИ	

Очередное наступление на историю Грузии или – по поводу исторической принадлежности Джавахетского Ахалкалаки.....	140
ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ «Ахалкалаки Джавахетский».....	152
ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ «Постижимые пути» истории.....	190
ГУРАМ МАЙСУРАДЗЕ Новые попытки искажения исторической правды.....	207
ГУРАМ МАЙСУРАДЗЕ О статусе Армении в составе Грузинской средневековой централизованной монархии (XII-XIV вв.).....	240
НОДАР ЛОМОУРИ К истории грузинского Петрицонского монастыря (Бачковский монастырь в Болгарии).....	284
ЕЛЕНА ЦАГАРЕЙШВИЛИ Термины обозначающие халкидонитское вероисповедание и халкидонитов в армянских письменных источниках.....	367
ЕЛЕНА ЦАГАРЕЙШВИЛИ Культурно-конфессиональное значение термина «враци» («грузин») в армянских письменных источниках.....	382
ЕЛЕНА ЦАГАРЕЙШВИЛИ К вопросу о значении термина «враци азгав»	

в армянских письменных памятниках.....389

ЕЛЕНА ЦАГАРЕЙШВИЛИ

**К вопросу о значении терминов «Вериа» и «вериаци»
в армянских письменных источниках..... 431**

АЛЕКСАНДР ОНИАНИ, ЗУРАБ САРДЖВЕЛАДЗЕ

**Против извращения вопросов
грузинской топонимики..... 444**

ГЕОРГИЙ ЧЕЙШВИЛИ

**«Армянское нагорье» и некоторые вопросы грузино-
армянских отношений в публикации Роберта Хьюсона
«Армения: исторический атлас»..... 465**

НОДАР ЛОМОУРИ

История нас учит и предостерегает.....484